Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

На правах рукописи

Леонтьева Татьяна Валерьевна

МОДЕЛИ И СФЕРЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОЦИАЛЬНО-РЕГУЛЯТИВНОЙ СЕМАНТИКИ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ

Специальность 10.02.01 – русский язык

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант:
доктор филологических наук,
профессор Е. Л. Березович

Екатеринбург – 2015

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ…… 4

ГЛАВА 1. Полевый аспект исследования лексики социальной регуляции…….. 37

1.1. Понятие социальной регуляции: экстралингвистические основания тематического ограничения исследуемого лексического материала……. 37

1.2. К вопросу о составе русской диалектной лексики со значением социальной регуляции: …….. 45

Выводы по главе 1...…… 69

ГЛАВА 2. ОБЫЧАЙ как семантический мотиватор поля социальной регуляции в русской языковой традиции: слово и понятие……. 71

2.1. Слово *обычай* в русском языке: семантический анализ…….. 77

2.2. Вербальные репрезентации обычая в русском языке: семантико-мотивационный анализ……. 107

2.2.1. Слова со значением ‘обычай’ в русском языке…….. 107

2.2.2. Мотивационный анализ обозначений обычая в русском языке 121

Нормативно-регулятивные мотивы …… 122

Бытийные мотивы ……. 135

Ментально-психологические мотивы ……. 145

Субъективно-оценочные мотивы……. 153

Выводы по главе 2 …….. 159

ГЛАВА 3. Лексика гощения как репрезентант идеи социальной регуляции в русской народной языковой традиции …… 166

3.1. Семантическая организация лексического поля «Гощение» …….. 168

3.2. Номинации лексико-семантического поля «Гощение» в мотивационном аспекте…… 200

3.2. 1. «Левая» мотивация слов лексико-семантического поля «Гощение» …… 200

Пространственно-временной код …….. 200

Кулинарно-гастрономический код …… 212

Социально-коммуникативный код …….. 218

Речевой код …… 224

Обиходно-бытовой код …… 226

Мифологический код …… 228

Визуальный код ……. 228

Метеорологический код ……... 229

3.2.2. «Правая» мотивация слов лексико-семантического поля «Гощение»……... 230

Выводы по главе 3……. 234

ГЛАВА 4. Лексика трудовых отношений как репрезентант идеи социальной регуляции в русской народной языковой традиции ……. 241
4.1. Нормативно-регулятивная семантика в лексическом поле «Труд»… 241
4.2. Мотивационные модели в сфере лексики коллективной взаимопомощи 253
Выводы по главе 4 …… 263

ГЛАВА 5. Лексика обучения как репрезентант идеи социальной регуляции в русской народной языковой традиции …… 264
5.1. Семантическое своеобразие слов, принадлежащих полю «Воспитание и обучение» в русских народных говорах …… 268
5.1.1. Характеристика идеографической структуры лексико-семантического поля «Воспитание и обучение» …… 268
5.1.2. Социально обусловленный компонент семантики изучаемых слов…….. 274
5.2. Лексика обучения в мотивационном аспекте …… 280
5.2.1. Мотив социального ориентира …… 280
5.2.2. Мотив изготовления или трансформации объекта …… 286
5.2.3. Мотив ограничения свободы …… 298
5.2.4. Мотив содействия в социальном становлении человека …….. 309
Выводы по главе 5 ……. 312

ЗАКЛЮЧЕНИЕ …… 315
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ……. 328
ЛИТЕРАТУРА …….. 332
СОКРАЩЕННЫЕ НАЗВАНИЯ СЛОВАРЕЙ И ИСТОЧНИКОВ ……. 414

Введение

Этнолингвистический ракурс семантико-мотивационного исследования лексики, репрезентирующей представления носителей русского языка о той или иной стороне действительности, в частности представления носителей русских народных говоров о сложившихся в естественной коммуникации (без вмешательства государственных институтов) способах регуляции жизни крестьянского сообщества и человека в нем (о народном воспитании , об обычаях коллективной работы, взаимных посещений и о других обычаях), обусловлен вниманием к взаимосвязи языка и культуры. Этническое самосознание коллектива и его язык находятся в сложной взаимозависимости, определяя друг друга. С одной стороны, язык, осваиваемый людьми одного сообщества, предопределяет способ мышления, мировоззрение каждого из них (человек «смотрит» на мир через призму названий всего того, что составляет этот мир). С другой стороны, мышление влияет на язык в том смысле, что выбор языковых единиц подчинен задаче выражения мысли, поэтому всякий национальный язык «устроен» сообразно способу мышления и культуре представителей нации. Над установлением и истолкованием отношений между феноменами языка и культуры трудились В. Гумбольдт, Ф. Боас, Э. Сепир, Б. Уорф, И. Вайсгербер, А. А. Потебня, Ф. И. Буслаев, А. Н. Афанасьев и др. Ими обоснована непреложность связи между словом и мыслью: «Языковые различия всегда были важными символами различий в культуре» [Сепир, 1993, с. 245], «Без тщательного изучения провинциальных особенностей языка многое в истории народных верований и обычаев останется темным и неразгаданным» [Афанасьев, 1994, т. 1, с. 21]. Позднее Т. А. Агапкина, Н. П. Антропов, Е. Бартминский, О. В. Белова, С. М. Белякова, Е. Л. Березович, Т. Н. Бунчук, Т. В. Володина, А. В. Гура, Л. П. Дронова, А. Ф. Журавлев, Н. И. Коновалова, Д. Младенова, В. М. Мокиенко, С. Е. Никитина, И. А. Подюков, З. И. Резанова, И. И. Русинова, М. Э. Рут, И. А. Седакова, Н. И. Толстой и С. М. Толстая, В. Н. Топоров, А. Т. Хроленко, О. А. Черепанова, А. В. Штейнгольд, Е. И. Якушкина и ряд

других ученых придали бóльшую определенность истолкованию связи между языком и культурой, определились векторы в интерпретации содержания этого научного направления.

Н. И. Толстой и С. М. Толстая, основатели Московской этнолингвистической школы, сформулировали базовые исследовательские принципы этнолингвистики как области изучения взаимодействия языка и народной культуры: в ее задачи входит «рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разных видов их корреспонденции» [Толстой, 1995б, с. 27]. Оформилась идея различения «широкого» понимания термина *этнолингвистика*, которым обозначаются исследования, имеющие своим объектом все виды, жанры и формы народной культуры – вербальные (лексика и фразеология, паремиология, фольклорные тексты), акциональные (обряды), ментальные (верования), и «узкого» понимания, согласно которому язык рассматривается как источник изучения культуры [Толстая, 2010, с. 8]. При изучении этнокультурной информации через призму вербального кода в качестве источников этнокультурной информации, под которой понимается «смысловая (содержательная) составляющая этнокультурного феномена (слова, верования, обряда), которая отражает определенный способ видения окружающего мира носителем традиции» [Якушкина, 2003, с. 5], рассматриваются «внутренняя форма слова; деривационные связи; концептуальное ядро значения; коннотация, а также типовая (узуальная сочетаемость; парадигматические связи (синонимия, антонимия и проч.)» [Березович, 2000, с. 34].

Принадлежность настоящего диссертационного исследования к работам этнолингвистического направления в том его понимании, которое предполагает основной акцент на языковом материале, обусловлена концентрацией наших исследовательских усилий на выявлении семантико-мотивационного своеобразия русской диалектной лексики социальной регуляции, то есть номинаций, зафиксировавших представления носителей

языка об организации жизни сообщества людей, в частности крестьянской общины (подробнее см. далее).

Весьма непросто ответить на вопрос о том, существует ли в сознании носителя языка целостное представление о социальной регуляции. Восприятие социальной регуляции имеет рефлексивную природу в том смысле, что носитель языка трактует отдельные элементы предметно-событийной действительности как имеющие отношение к способам организации жизни человеческого сообщества. Характеризуя специфику традиционной русской культуры деревенского речевого общения, В. Е. Гольдин говорит о том, что она находит выражение «в составе зон актуального внимания сельских жителей, в фокусе их культуры, направленном преимущественно на семью и соседей, на дом, домашнее хозяйство, сельские промыслы, природу» [Гольдин, 2002, с. 60]. Очевидно, что социальную регуляцию нельзя отнести к «зоне актуального внимания сельских жителей», однако вне целенаправленного осмысления действительности в этом ключе все же несомненно знание носителей русских народных говоров о нормах организации жизни человека в «своем» социуме, понимание того, что поведение человека подчинено установившимся в естественной коммуникации законам общежития, осознание давления общественного мнения и исходящих от окружения ожиданий того, что человек должен участвовать в устройстве быта и отношений. Отчасти забегая вперед, скажем, что, например, русские диалектные обозначения обычая (*обряд, обряда, обрядок, обрядность, порядня, череда* и др.) оказываются мотивированными словами *ряд* и *череда*, которые свидетельствуют о том, что номинатор осознавал организующую силу обычая, который определяет порядок действий при совершении ритуала или в повседневной хозяйственной деятельности, а поговорка *Что город, то норов* выдает осмысление говорящим социального членения пространства через различия в обычаях и понимание того, что жизнь людей в каждой местности организована по определенным правилам, подчиняется обычаям. Это означает, что представления о социальной регуляции психологически реальны и

что существуют их лексические воплощения, которые можно исследовать как множество языковых фактов посредством применения лингвистических методов.

Вопросам комплексного анализа лексических множеств, составленных языковыми единицами русских народных говоров, в семантико-мотивационном аспекте уделяется большое внимание коллективом екатеринбургских этнолингвистов, к которым принадлежит и автор данного исследования [Атрошенко, 2012; Березович, 2007; Верхотурова, 2009; Воронцова, 2002; Галинова, 2000; Едалина, 2010; Еремина, 2003; Казакова, 2010; Кривощапова, 2007; Кучко, 2015; Леонтьева, 2008; Пьянкова, 2008а; Рут, 1992; Синица, 2013; Сурикова, 2012; 2014; Тихомирова, 2013; Феоктистова, 2003; Шабалина, 2011 и др.].

Наша работа продолжает традицию изучения представлений носителей народной культуры о «своем» обществе, сообразно чему выбран материал исследования – русские диалектные слова и фразеологизмы. Ср. концепцию Н. И. Толстого, который, доказывая изоморфность языковых идиомов и культурных стратов, говорит о соответствии между «народной культурой в целом» и «диалектным континуумом всего языка» [Толстой, 1995б, с. 19]. В фокус нашего внимания попадает несколько лексико-семантических полей. Рассмотрение номинаций выбранной семантической области невозможно без обращения к культурному контексту, образованному той частью этнокультурной информации, которая заключена в иные (нежели языковая) формы. Результаты анализа лексических данных, с одной стороны, и результаты исследований других символических «языков культуры», с другой стороны, суммарно составляют «описание <…> фрагмента традиционной картины мира по данным разных культурных кодов» и дают почву для «выявления специфики отражения духовной культуры в языке (на фоне других культурных кодов)» [Березович, 2000, с. 7]. Исследование посвящено проблеме отражения в языке миросозерцания, свойственного представителям одной этнокультурной общности: в центре внимания оказывается классический феномен традиционной крестьянской жизни.

Выявляемые этнокультурные смыслы, сохраняемые в лексической семантике, в значительной своей части имеют отношение к народной аксиологии. Взаимодействие людей, составляющих крестьянскую общину, включает, среди прочего, сферу наблюдений и взаимных оценок, стандартов поведения, запретов, этических императивов. Разделение «своего» социума и чужого, отношение к своим и незнакомым обычаям, особенностям быта, привычные особенности организации совместной работы и общинных праздников, правила поведения, мораль и многие другие явления социальной коммуникации имеют ценностную основу. Аксиологически столь важная область действительности – жизнь и поведение человека в обществе, способы организации общественного быта, средства регулирования отношений, взаимодействий людей – отражается средствами вербального кода, в том числе лексическими.

Состояние разработки вопроса о репрезентации в русской лексике социально-регулятивного аспекта взаимодействия людей в крестьянской общине. Лексические и фразеологические единицы, репрезентирующие принципы организации жизни крестьянской общины и представления о них, уже подвергались разноаспектному анализу в лингвистических работах. Освещались вопросы происхождения слов, в том числе этимология диалектных лексем. С позиций лексикологии рассматривались значения слов, их семный состав и системные отношения между номинациями, входящими в одну семантическую область. Затрагивались особенности функционирования этих единиц в речи, их прагматические компоненты значения, выявляемые в ходе анализа дискурса и т. д. Остановимся на тех из них, которые наиболее интересны нам в связи с затронутой в данном исследовании проблематикой – выявлением особенностей отражения в лексической семантике и мотивации социально-регулятивного аспекта взаимодействий людей в традиционном обществе.

Ученые обращаются к реконструкции представлений об основных единицах социума по данным лексики или текстов. Так, «человек социальный» – это образ-функция, то есть представление о человеке как единице социума, актанте социальных взаимодействий. Например, образ *homo socialis*,

противопоставленного другим ипостасям человека (человеку телесному, смертному, разумному, верующему, нравственному, трудящемуся), реконструируется С. Е. Никитиной на материале народных конфессиональных текстов – духоборческих псалмов, духовных стиховх и молоканских песен [Никитина, 2009]. Обозначения единиц социума, то есть человеческих сообществ – *люди, народ, мир, артель, племя, род* – неоднократно попадали в фокус лингвистических исследований [Бенвенист, 1995, с. 213; Березович, 2007, с. 82–111; Варбот, 1981, с. 327–328; Дегтярев, 1981; Колесов, 1986, с. 139–146; Никитина, 2009, с. 106–146; Степанов, 1997, с. 481, 558; Трубачев, 1959, с. 168–170 и мн. др.]. Например, Ж. Ж. Варбот, затрагивая вопрос о происхождении слав. **mirъ*, отмечает, что в ряде языковых фактов сохранились древние индоевропейские представления «о социальной организации как следствии договора, о состоянии дружбы, которое должно объединять людей коллектива, так что значения ‘договор’, ‘соглашение’ являются древнейшими элементами в семантике слав. **mirъ*» [Варбот, 1981, с. 327–328]. Существительное *люди* и другие лексемы этого словообразовательного гнезда в границах диалектной подсистемы русского языка стали объектом внимания Е. Л. Березович при выяснении «семантико-прагматической программы» слова *люди*, которое, в частности, рассматривается как связанное с идеей нормы (*людски, по-людски* ‘правильно, как следует’) [Березович, 2007, с. 82–111].

Социальные качества человека реализуются в межличностных отношениях, и человек даже в индивидуальном, личном пространстве ориентирован на ценности, устои «своего» социума. Е. Л. Березович подчеркивает, что «традиционное сознание имеет более высокую степень “социализации”, чем сознание современного носителя книжной культуры» [Березович, 2007, с. 27].

К социальной лексике принадлежат обозначения социальных регуляторов, к которым в работах общественно-гуманитарных направлений относят обычай и общественное мнение («Важнейшими социальными регуляторами жизни этноса выступали социальные нормы, выраженные в общественном мнении, традициях» [Соколов, 2008а, с. 113]). Изучаются номинации соответствующих лексико-

семантических множеств – «Обычай» [Грицкевич и др., 2011а; Калиткина, 2014; Колесов, 1986, с. 124–130; Кравченко, 2009; Мустайоки и др., 2006; Попова И. В., 2007; Степанов, 2004, с. 591–620; Федяева, 2010; Чурсина, 2008; Шацкая М. Ф., 2006 и др.], «Общественное мнение (слава)» [Агапкина, 2015; Бастриков, 2008; Краснянская, 2008; Нагибина, 2002; Татаринова, 2009; Шмелев, 2002а и др.].

Социально-регулятивный потенциал обычая выявляется на примере анализа значений, контекстной семантики слов *закон, мода*. В семантике существительного *закон* социально-регулятивные смыслы наиболее явны: «Представление о законе как норме поведения позволяет провести параллель с иными формами социокультурного регулирования (табу – ритуал – миф – обычай – религиозные нормы – этические и утилитарные нормы) с различным уровнем жесткости императивных и запретительных установок» [Палашевская, 2005, с. 95]. Спектр значений слова *мода*, которое давно занимает исследователей, тоже оценивается с точки зрения наличия в них семы нормы, образца, шаблона, служащего средством регулятивного воздействия (притом массового) на поведение людей. Среди публикаций, посвященных слову *мода* [Белица и др., 2009; Бочарникова, 2012; Мустайоки и др., 2006, с. 45–46; Попова И. В., 2007; Хунагова, 2013а; Чурсина, 2008 и др.], нужно отметить работу Ю. Н. Грицкевич и В. Г. Новикова, которые уделяют внимание народным представлениям, анализируют особенности функционирования слова *мода* в значении ‘обычай’ в диалектном дискурсе – в псковских говорах [Грицкевич и др., 2011а]. Подчеркивается различие между актуальной для городского жителя трактовкой моды как отступления от нормы и релевантным для крестьянской культуры толкованием моды как нормы [Там же, с. 78, 79]. Г. В. Калиткина, анализируя среднеобские обозначения традиции (в числе которых *мода, вера, закон, заведенье* и др.), также подчеркивает реализуемые в них семы нормативности [Калиткина, 2014, с. 30, 38, 40, 48]. Показательно, что слово *обычай* включают в ряд обозначений нормы [Веснина, 2012, с. 87; Ефанова, 2008, с. 41; Федяева, 2009; Федяева, 2010, с. 14]: *норма, мера, мерило, размер, обычай, обыкновение, порядок, правило, образец, установление, установка, положение, закон, привычка,*

степень. Это подтверждает трактовку обычая как нормы, социального регулятива.

О том, что обычай – это социальный феномен, который в естественной коммуникации оказывает давление на человека, свидетельствует анализ слов со значением привыкания к новому месту жительства. На это обращает внимание Е. Л. Березович при описании дериватов корня *рус*-: «Русские – традиционный социум, поэтому в деривационной семантике *рус*- выразительно проявлен мотив приобщения к традиции, т. е. (*об*)*русения*. Это длительное проживание в одном месте (костр. *обрусе́ть* ‘долго жить в каком-либо месте’: “Старожилы тут живут, они уж обрусели – старожилы”), привыкание к обществу и его законам <…> Ср. сходные в мотивационном плане слова, производные от *народ*-, *челдон*-: костр. *обнаро́диться* ‘приучиться жить в местных условиях’: “Приехали ветчана <жители Вятки> к нам недавно, какие обнародились, какие нет”» [Березович, 2011, с. 19]. Приведенные лексические факты подтверждают нормативно-регулятивный характер обычая.

Нормативность присутствует в тех сферах жизни, которые предполагают активные контакты, взаимодействия людей: игры, праздники, гощение, коллективная работа и т. д. Это есть собственно сферы действия обычаев, которые находят отражение в лексике, паремиологии, текстах. Так, И. А. Морозовым и И. С. Слепцовой осуществляется разностороннее комплексное описание традиционного севернорусского празднично-игрового комплекса (по материалам Вологодского края) с точки зрения реализации в игровых формах идеи социорегуляции, ср. авторскую формулировку цели исследования – «продемонстрировать значение и роль игры в процессе социализации и взросления индивида в традиционном обществе, проанализировать социорегулятивные функции игры, ее соотношение с ритуально-обрядовыми формами» [Морозов и др., 2004, с. 16]. Характеризуя взаимодействия личности и общества, авторы книги различают «два круга игровых явлений»: «внешний», или макросоциальный, составленный календарными и общественными праздниками, обычаями, обрядами, и «внутренний», или микросоциальный, совершающийся в

кругу семьи. В книге затрагиваются вопросы соотношения индивидуального и социального, анализируются игровые способы взаимодействия между социальными группами и между общинами, нацеленные на обеспечение процессов консолидации и взаимообмена. Выявляются два механизма консолидации: добровольное сплочение через участие в общих трудовых процессах с их соревновательностью и в играх добрачного периода, во-вторых, принуждение через посредство «давления группы на индивида с целью формирования у него социально приемлемых норм и стратегий поведения» [Морозов и др., 2004, с. 17, 70–73, 473–499, 750–764 и др]. Игровые формы взаимодействия имеют существеннейшее значение в организации отношений между людьми в традиционном социуме, являются инструментом социального воздействия.

Анализируя фольклорно-этнографические материалы, собранные в Тверской области, А. А. Дубинина делает вывод о том, что ряжение во время святочных обходов является средством установления или закрепления социально значимых оценок между людьми, составляющими деревенскую общину: «Учитывая общую символическую связь масок ряжения с “предками”, можно утверждать, что речь идет о контакте с предками и их контроле над миром живых. С их помощью становилась возможной коррекция индивидуального и группового поведения, формирования общественного мнения (разрядка наша. – *Т. Л.*), поддержание почитания представителей старшего поколения и семейных ценностей» [Дубинина, 2010, с. 33] (к сожалению, автор не дает пояснений относительно механизма регуляции общественного мнения).

В ряде работ на основании анализа лексических фактов и текстов проводится реконструкция норм поведения человека во время трапезы [Добровольская В. Е., 2011; Кабакова, 2008; Пьянкова 2005 и др.], при исполнении ритуалов, связанных с соблюдением народного календаря, похоронно-поминальных, свадебных и иных обрядов [Березович 2007, с. 243–278; Гура 2003; Добровольская В. Е., 2008; 2009] и т. д.

Предметом внимания лингвистов неоднократно становились обрядовые и «соседские» гощения, репрезентированные в лексике и фразеологии русского языка [Байбурин и др., 1990, с. 110–115; Болхоева, 1999а, 1999б, 2000, 2001; Березович, 2004, с. 16–19; Березович, 2007, с. 43–47; Ватолина, 2014; Гарипова, 2010; Кабакова, 2008; Кабакова, 2015; Невская, 1997; Уссейну Талл, 2011; ЭССЯ, т. 7, с. 68 и др.].

В качестве нормы трудовой жизни русской деревни утверждается обычай коллективной помощи одному из жителей деревни [Афанасьева-Медведева, 2010; Букринская и др., 2005; Варбот, 1997; Громыко, 1991, с. 41–50; Янышкова, 2008 и др.]. В обозначениях «помочи» подчеркиваются такие компоненты семантики, как этическая и прагматическая составляющая: «Будучи необходимым элементом сферы хозяйственной деятельности, являясь средством передачи производственного опыта, помочи в то же время представляли собой яркую форму реализации этической традиции взаимопомощи, проявлявшейся в разного рода межкрестьянских отношениях» [Афанасьева-Медведева, 2010, с. 298]. Как способ организации трудовых взаимодействий, помочи, несомненно, выполняют регулирующую функцию.

В ряде работ утверждается присутствие в лексико-семантическом поле «Труд» ценностно-нормативных смыслов [Борщева, 2012; Брысина, 2001; Еремина, 2003; Кругликова, 1990; Кругликова, 1992; Литвинова, 2011; Попова, 2007 и др.]. Например, М. А. Еремина на основе мотивационного анализа слов изучаемой семантической области, внутренняя форма которых фиксирует социальные характеристики бездельника, делает вывод о нормативных смыслах, реализованных в мотивационных моделях этого типа: «Оценка лентяя отталкивается от представлений о социальных нормах. Содержание этих норм в рамках данной модели предписывает строгое воспитание, осуждение притворства, обмана, плутовства, сеяния смуты, беспорядка и раздора» [Еремина, 2003, с. 191].

На основе языковых данных констатируется нормативная функция «ценностей традиционного социума». Т. Ю. Игнатович, анализируя диалектную

лексику Забайкалья, называет в качестве «общенародных доминант русской системы ценностей» общинность (соборность, коллективизм); отзывчивость, доброту, щедрость; гостеприимство; смирение, покорность, трудолюбие; аккуратность, чистоплотность; сообразительность, ум; степенность, несуетливость, рассудительность; законопослушность; совестливость, честность, открытость; скромность; благодарность; ценность прожитой жизни и считает, что это ценности «обусловливают нормы поведения русских людей» [Игнатович, 2009, 76–79]. В соционормативном ключе интересны выводы о восприятии ребенка и детства в народной культуре, сделанные М. М. Угрюмовой на основе анализа диалектной лексики [Угрюмова, 2012]. Выявляя базовые, значимые для народного мировоззрения черты ребенка, исследовательница приводит следующий ряд особенностей: ребенок выступает как залог благополучия семейных отношений; эталоном является наличие в семье обоих родителей и их совместных детей; «красивый» ребенок – это прежде всего «здоровый» ребенок; одобряется развитость, сообразительность ребенка; «идеальная» модель ребенка предполагает его неизбалованность [Угрюмова, 2012, с. 537–541]. Дело в том, что поступки человека и то, как он «организует» свою жизнь (создает семью, заводит детей, растит их и т. д.), зависят от его знания о ценностях сообщества, о том, что одобряется и порицается. Ценности задают нормы поведения человека, то есть опосредованно играют роль регуляторов.

Средством трансляции норм является воспитание. Особенностям «материализации категории воспитания и образования в границах народного языка» посвящена статья Н. И. Никулиной, которая отмечает, например, взаимодействие смыслов ‘обучать’ и ‘наказывать’ в русских диалектных словах лексико-семантического поля «Воспитание, образование» [Никулина, 2008, с. 254]. А. Д. Васильев говорит о том, что в обозначениях «участников процесса трансляции знаний» (учителя и ученика) реализуются известные русскому сознанию метафоры еды (*воспитатель, воспитанник*), света (*просветитель*), пути (*предшественник, последователь*) и др. [Васильев А. Д., 1995, с. 20]. Народное воспитание обеспечивает социальное воспроизводство: последующие

поколения перенимают те модели поведения и нормы организации жизни, которые на практике проверены предшествующими поколениями.

Выразителем семантики нарушения норм является слово *грех* [Толстая, 2008; Якушкина, 2004 и др.]. С. М. Толстая, констатируя различие между христианской концепцией греха и дохристианским понятием греха, говорит о разном объеме этих понятий. Семантические границы славянского слова *грех* в его литературном и диалектном употреблении значительно шире, чем в христианской традиции. Если в христианском толковании грех – «отступление делом, словом и даже помышлением от заповедей Божиих и нарушение закона Божия», то в «народной концепции греха» речь идет о «нарушении всякого закона, нормы, правила, будь то закон Божий, закон природы или установленные людьми нормы поведения» [Толстая, 2011, с. 10–11]. Представления о грехе реконструируются через призму «социальных норм обычного права и общественных мер», т. е. в связи с категорией наказания, поскольку при «расширенном» понимании греха как нарушения любого правила во многих случаях «карающей силой является социум (часто в лице его авторитетных представителей, старейшин рода)» [Толстая, 2008, с. 423–440].

Итак, представления о влиянии социума на человека, о регулятивном потенциале обычая, общественного мнения, ценностных установок, норм организации быта, этических норм, народного воспитания, воплощенные в лексической семантике и мотивации, попадают в фокус лингвистических исследований.

Краткий обзор работ близкой нашему исследованию проблематики показывает, что изучение лексики социальных отношений в крестьянской общине велось с такого ракурса, который позволяет смотреть на объекты номинации через призму идеи социальной нормативности – существенного компонента регулятивной семантики. В научных трудах содержатся отдельные наблюдения над лексическими репрезентациями, манифестирующими социально-регулятивный аспект взаимодействий людей в традиционном обществе. Номинации, репрезентирующие социальные феномены жизни русской деревни,

имманентно имеющие регулятивную природу, анализировались ранее, но вне актуализации той связи между языковыми фактами, которая позволяет считать их организованной лексической системой, не изучались принципы организации этой системы. До настоящего времени учеными не предпринималось комплексного этнолингвистического исследования русской диалектной лексики, запечатлевшей многокомпонентный феномен социальной регуляции, осуществляемой вне институтов власти.

Смысл ‘социальная регуляция’ воплощается в глаголах *регулировать, управлять, организовывать, воздействовать* и под., и в этом случае он присутствует в ядре семантики лексем. Однако данные глаголы и их дериваты, разумеется, не представлены в дифференциальной лексической системе русских народных говоров. Этот смысл может выражаться другими номинативными средствами – обозначениями тех явлений и процессов, которые выполняют функции, названные перечисленными глаголами (функции регуляции жизни человека и общества). Так, ответ на вопрос о том, кто или что регулирует жизнь крестьянской общины, будет включать упоминания, например, об обычае (традиции), общественном мнении, ценностях, поэтому лексику, для которой денотатами являются эти феномены и их составляющие, можно отнести к лексике социальной регуляции.

При формировании лексико-семантических полей обычно за основу берется денотация слов, однако перед нами стояла нетривиальная задача определения статуса, состава и границ лексико-семантического множества «Социальная регуляция», поскольку социально-регулятивный компонент семантики часто обнаруживается в прагматической части значения слова, сохраняющей знания об отношении говорящего к денотату, об эмоциональных, эстетических, логических, утилитарных и иных смыслах, связываемых в языковом сознании с денотатом. Сходным образом характеризует социальную семантику Л. П. Крысин, говоря о том, что социальное в слове может присутствовать не только в ассертивной, но и в пресуппозиционной части его лексического значения [Крысин, 2004, с. 438–439]. В исследованиях, посвященных вопросам социальной дифференциации

языка, в частности стилистически окрашенной лексике литературного языка, отмечается наличие сведений о социальных семантических ограничителях в структуре значения слов: «Употребление слова очень часто зависит от того, какую социальную и политическую оценку мы даем обозначаемому явлению» [Норман, 2004, с. 170]; «Лексикографы совершенно правы в том, что сведения, касающиеся социальных взаимоотношений людей, должны включаться в словарную статью <…> Социально значимая лексикографическая информация дается разными способами. Включается, например, в само толкование <…> Информация о социальных ограничениях может быть также представлена в иллюстрациях» [Михайлова, 2006, с. 76–77]. Социальные ограничения в семантике слова – одна из разновидностей информации о восприятии носителем языка отношений людей в обществе.

В связи с изучением лексики, выражающей семантику социальной регуляции, обратимся также к понятию интерпретативов, введенному Ю. Д. Апресяном [Апресян, 2009, с. 176–190]. По его мнению, интерпретационные глаголы и глагольные выражения (*вредить, грешить, злоупотреблять, карать, обелять, поддерживать, покровительствовать, противодействовать, портить, поступать неправильно* и др.) таковы, что они «сами по себе не обозначают никакого конкретного действия или состояния, а служат лишь для какой-то интерпретации (квалификации) другого, вполне конкретного действия или состояния» [Апресян, 2009, с. 177]. Выделяя подклассы интерпретативов, Ю. Д. Апресян вводит различение типов интерпретации: этическая (*помогать, выгораживать, выручать, подводить, предавать, терять лицо, обижать, оскорблять, наказывать*), юридическая и религиозная (*нарушать правила, превышать полномочия, грешить, искушать, соблазнять*), логическая (*ошибаться, заблуждаться, обманываться, недооценивать*), утилитарная (*выигрывать, проигрывать, погорячиться, оплошать, опростоволоситься*), комбинированная (*очернять, приукрашивать, обманывать, клеветать*) [Там же, с. 182].

Собственно слово *регуляция* – также отглагольное образование, и исходный глагол содержит квалификативный смысл в ассертивной части значения (понятие «регулировать» выражает логическую оценку объекта с точки зрения его функции), то есть является интерпретативом, а лексико-семантическое множество, соотносительное с понятием социальной регуляции, может быть сформировано по принципу выявления этого «интерпретативного смыслового компонента» в сигнификате языкового знака либо в зоне прагматических смыслов, иначе – в ассертивной либо пресуппозиционной части лексического значения слов. Иначе говоря, номинации, обозначающие объекты действительности, их признаки, действия, образуют поле на основании интерпретации объектов номинации как имеющих отношение к социальной регуляции. Можно сказать, что интерпретация осуществляется в языковом сознании носителя языка – и на основе этого эксплицируется исследователем. Например, обычай р е г у л и р у е т жизнь традиционного крестьянского общества; гощение – область взаимодействий людей, р е г у л и р у е м а я обычаем; коллективные помочи – один из обычаев, р е г у л и р у ю щ и х трудовые отношения в русской деревне; воспитание – р е г у л и р у ю щ е е воздействие на поведение человека, преимущественно ребенка, обеспечивающее социальное воспроизводство через трансляцию культурных моделей поведения и т. д. Таким образом, в данной работе изучаются обозначения таких объектов социальной действительности, которые имплицитно квалифицируются как имеющие отношение к социальной регуляции неинституционального типа, то есть осуществляемой вне институтов власти (государственных органов, судебной ситемы и проч.). При этом социально-регулятивные смыслы находят выражение не только в семантике, но и в мотивации слов.

Лишь часть лексики обычая, гощения, коллективного труда, воспитания, общественного мнения и других подобных групп, номинирующей социальные феномены, имеющие нормативно-регулятивную природу, может рассматриваться как интерпретирующая (так, например, слова со значением ‘обычай’ можно отнести к интерпретативам, поскольку номинатор применяет такое слово по

отношению к разным объектам действительности, которые он осознает как местный обычай, соблюдаемый людьми и потому выступающий средством организации жизни микросоциума). Однако большая часть рассматриваемых номинаций не принадлежит к числу интерпретативов, поскольку интерпретативный компонент содержится не в ассертивной, а в пресуппозиционной части их значения, то есть не в сигнификате, а в прагматической части семантической структуры. Так, лексема или фразеологизм со значением ‘засидевшийся гость’ имеет обычно коннотацию неодобрения, которая свидетельствует о том, что поведение гостя регламентируется, в частности, есть определенные ожидания в отношении длительности пребывания в чужом доме. Различная «локализация» смыслового компонента ‘регулировать’ позволяет рассматривать обширные лексические множества как выражающие социально-регулятивные смыслы, обнаруживаемые на разных «уровнях» семной структуры лексических единиц.

В данной работе лексическое множество «Социальная регуляция» рассматривается как *мотивационно-семантическое поле* – объединение лексических и фразеологических единиц на основе общего смыслового компонента (в нашем случае – ‘регулировать отношения в социуме’), который не имеет репрезентативного номинативного выражения в изучаемом языковом идиоме (т. е., по сути, в данном случае в изучаемой лексической системе нет слова, которое можно было бы считать именем поля), но присутствует в структуре значений слов в ассерции либо пресуппозиции и выполняет функцию своеобразной мотивирующей архисемы (служа, тем самым, основанием семантической мотивации в данном лексическом массиве). Такое поле имеет дискретную структуру, то есть включает в себя ряд лексико-семантических подмножеств (группировок разного типа: лексико-семантические поля или их отдельные зоны, синонимические ряды и т. д.), поскольку смысловой компонент имеет приоритетные сферы лексической репрезентации, которые могут не быть связанными между собой.

Интерес для нас представляют семантические и мотивационные связи внутри избранных для анализа лексических подмножеств (сфер лексической репрезентации) и в изучаемом поле в целом с учетом того, что и продуктивность моделей номинации, и разнообразие значений слов, и номинативная плотность разных участков поля, и линии семантической деривации во многом предопределены актуальной для данной семантической области идеей социальной саморегуляции. Установление семантических сходств, различий, связей между словами, обозначающими один и тот же объект или разные объекты одной сферы действительности, и поиск закономерностей в выборе человеком принципов номинации позволяют делать выводы о том, какими предстают эти объекты в сознании человека, принадлежащего к определенному социокультурному пространству.

То, что существенно, оказывается названным, или многократно названным, или названным «дробно», с учетом предельного внимания к деталям хорошо знакомого и имеющего высокую значимость объекта. Ср.: «Известно, что картина мира находит отражение уже в самом факте именования того или иного объекта действительности отдельным языковым знаком независимо от способа номинации, от мотивированности знака» [Толстая, 2002, с. 118]. Постулат о связи между важным и поименованным служит базой для исследовательской логики лингвиста: изучение слов открывает доступ к выявлению того, что обладает аксиологической нагрузкой в сознании человека. Анализ семантической организации поля традиционно состоит в описании его идеографической структуры, сегментации, оценке номинативной плотности участков поля, выявлении центрального сектора, называемого ядром поля, в описании околоядерной зоны, ближней и дальней периферии, а также особенностей взаимодействия данного поля с другими полями. Движение от построения модели поля к анализу представлений об объекте или явлении действительности (здесь – о социальной саморегуляции в традиционном обществе) заставляет сосредоточиться в большей степени на тех аспектах семантического анализа, которые касаются действующих в лексическом поле притяжений между словами,

закономерностей семантического развития отдельных групп слов, а также анализа слов, обладающих культурной семантикой. Именно в «построении “грамматики смыслов”» и разработке «лексико-семантической типологии» состоит широко намеченная С. М. Толстой «программа» этнолингвистических исследований в области современной лексической семантики, «ориентированной на актуальные системные связи в языке», «сочетающей принцип индивидуального “портретирования” слова с выявлением регулярных семантических отношений в лексике» [Толстая, 2008, с. 11–15].

Другой алгоритм систематизации языкового материала, нацеленный на лингвистическую реконструкцию представлений человека о мире, лежит в области мотивационного анализа. Посредством его выявляются релевантные для носителя языка связи между понятиями: «Мотивационные связи, существующие в языке, характеризуют структуру ментального мира, то, как человек (язык) категоризует мир» [Толстая, 2002, с. 119]; «Выбор производящих основ, с одной стороны, определяется ономасиологическими предпочтениями, отражающими в моделях мотивации связь этих понятий в картине мира этноса, а с другой стороны − ограничивается существующим в языке набором производящих корней / основ» [Варбот, 2007, с. 45] и др.

Идеей системности семантических связей объясняется использование термина *модель* при анализе мотивированности слов: «Регулярность мотивационных отношений проявляет себя в существовании мотивационных моделей, охватывающих не единичные пары слов, а целые классы слов – семантические поля. Мощность этих моделей, т. е. объем покрываемой ими лексической “массы”, может быть различной» [Толстая, 2002, с. 114]. Разнообразием, архаичностью, продуктивностью, конкуренцией и взаимодействием мотивационных моделей определяется этнокультурная значимость объекта номинации. В настоящей работе обращение к мотивационному анализу лексики обусловлено тем, что слова, отобранные по семантическим критериям, оказываются сходными по реализованным в них принципам номинации. В разделах, посвященных мотивационному анализу

лексики, рассматриваются слова с наличествующим во внутренней форме слова или поддающимся реконструкции мотивационным признаком.

Модели могут объединяться по тематическому основанию, т. е. в зависимости от того, какие понятийные области, выделяемые согласно сферам действительности, поставляют лексико-семантический инвентарь для создания слов интересующих нас лексико-семантических полей. Для учета и анализа операций мыслительного ассоциирования нами используется термин *предметно-тематический код*. В соответствии с определением слова *код,* которым обозначается ‘система условных знаков для передачи (по каналу связи), обработки и хранения (запоминания) различной информации’ [СлРЯ, т. 2, с. 67], предметно-тематический код – это совокупность языковых знаков, служащих обозначениями понятий, дискретных представлений носителя языка об одной сфере действительности, через посредство которых носитель языка осмысляет действительность иного рода. Например, носители русских народных говоров обращаются для «опредмечивания» и истолкования своих представлений о гощении к пространственно-временному, кулинарно-гастрономическому, социально-коммуникативному, речевому, обиходно-бытовому, мифологическому и визуальному кодам. Термин *код* в указанном значении (например, рассматриваются цветовой, пищевой, числовой, вкусовой, технический, растительный и другие коды) имеет на сегодняшний день сложившуюся традицию использования в лингвистических (в том числе этнолингвистических) работах [Агапкина, 2002; Банкова, 2006; Березович, 2007; Гудков, Ковшова, 2007; Капелюшник, 2009; Леонтьева, 2008; Новиков, 2011; Пьянкова, 2008а; Седакова И. А., 2007; Толстая, 2007; Хохлина, 2011 и мн. др.]. Отметим, что далеко не все слова, репрезентирующие код, имеют метафорическую природу. Например, фразеологизм *быть на разгово́рах* ‘быть в гостях’ содержит слово *разговор*, по которому мы представим данное выражение при описании речевого кода, однако образный компонент здесь отсутствует.

Еще одна логическая подсистема, дающая основу для интерпретации лексического материала, – разветвленная и многоуровневая система мотивов,

связывающая разные номинативные модели и нивелирующая различия между моделями, принадлежащими разным предметно-тематическим кодам. В ходе анализа внутренней формы слова выявляется мотивировочный признак: «Информация о мире, извлекаемая из внутренней формы, по своему содержанию ограничена ответом на вопрос, какой мотивационный признак положен в основу номинации (тем самым — какие два объекта сближены в акте номинации). По-видимому, гораздо больше информации о мире (ментальном и реальном) может быть извлечено при обращении к собственно мотивам номинации, т. е. к вопросу о том, почему тот или иной признак выбран в качестве основы номинации» [Толстая, 2002, с. 119]; «Естественный язык в актах номинации, метафоризации, в установлении разного рода семантических корреляций слов актуализирует каждый раз одну из характеристик объекта (ср. понятие мотивирующего признака), оставляя в тени остальные» [Толстая, 2010, с. 47]. Мотивировка прямо или косвенно указывает на мотив.

Под мотивом понимается семантическое основание сближения двух понятий, образов. Экспликация мотивов проводится на разных ступенях анализа с разной степенью абстрагирования от образного основания фразеологизма или от внутренней формы слова – посредством выявления мотивировочного признака, представленного в одном слове или нескольких языковых фактах, либо сквозного мотива, репрезентированного несколькими номинативными моделями, либо мотивационной доминанты, объединяющей значительное множество моделей и максимально удаленной от «вещных» метафор (подробнее об этом см. [Березович, Леонтьева, 2004]).

Так, в основе диалектных обозначений любящего ходить по гостям человека *подворяга, походливый как корова* лежат разные мотивировочные признаки, зафиксированные во внутренней форме этих слов и выражений, однако по отвлечении от внутренней формы выявляется сквозной мотив ненаправленного хаотичного передвижения в пространстве, который, как выясняется, реализован средствами разных кодов. При такой степени обобщения мотив выполняет роль связки («мостика») между сопоставляемыми образами, и добиться

«универсальной формулировки» мотива не всегда удается, что является свидетельством в пользу значительной дистанции между ассоциируемыми друг с другом понятиями. При выявлении мотивационной доминанты достигается тот уровень абстракции, на котором мотивация смыкается с семантикой: мотив высокой степени обобщения может рассматриваться как существенная сема – своего рода архисема, присущая структуре поля. Так, в обозначениях гостя выявляется мотивационная доминанта передвижения в пространстве (как конституирующий признак этой социальной роли), которая объединяет сквозные мотивы направленного движения (*приходить в гости*), ненаправленного движения (*перегуливаться, бегать по гостям*), интенсивного движения (*вихорная баба*), отклонения от основного пути (*привернýть* ‘заехать, зайти попутно, мимоходом’), каждый из которых воплощен во множестве мотивировочных признаков.

Каждый мотив занимает свое место в иерархии мотивов. В конечном итоге они «стягиваются» к мотивационным доминантам и оказываются привязанными через разное количество промежуточных ступеней к семе, которая составляет существенную часть номинируемого понятия. Рассмотрение мотивации в двух ракурсах (исходя от кодов и от мотивов) позволяет обозреть разные грани одного целого, поскольку мотив и образ предстают в номинациях как неразрывное единство. Набор мотивов и набор кодов «сцепляют» языковой материал, «цементируют» поле каждый со своей стороны. Таким образом, применение ономасиологического подхода к анализу лексического материала обусловило использование в данной работе терминов *предметно-тематический код, мотив, мотивационная доминанта*.

Объектом исследования – мотивационно-семантическое поле «Социальная регуляция», выявляемое на материале лексики русских народных говоров.

Предмет исследования составляют особенности репрезентации социально-регулятивного компонента в структуре семемы и в мотивационных моделях, реализуемых в лексике русских народных говоров.

Материал исследования и его источники. В качестве материала исследования были привлечены лексико-фразеологические единицы и контексты, вербализующие представления носителей русских народных говоров о социально-регулятивном аспекте отношений в крестьянском обществе. Обращаясь к анализу слов, принадлежащих разным говорам русского языка, мы исходим из двух положений: из постулирования «общей когнитивной (смысловой в широком понимании) основы диалектов одного языка» [Толстая, 2002, с. 115] и из утверждения соотносительности диалектного лексического фонда и народной культуры в целом. Лексика, составляющая материал исследования, извлечена из различных (преимущественно диалектных) словарей русского языка и неопубликованных лексических картотек. Всего проанализировано свыше трех тысяч лексических и фразеологических единиц.

Самую представительную группу источников составляют диалектные словари (преимущественно дифференциальные) по разным группам русских говоров: «Словарь русских народных говоров», «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, «Словарь говоров Русского Севера», «Архангельский областной словарь», «Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» А. И. Подвысоцкого, «Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении» П. А. Дилакторского, «Словарь вологодских говоров», «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей», «Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении» Г. И. Куликовского, «Новгородский областной словарь», «Псковский областной словарь с историческими данными», «Словарь региональной лексики крайнего северо-востока России» Г. В. Зотова, «Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении» И. М. Дурова, «Поморьска говоря: краткий словарь поморского языка» И. И. Мосеева, «Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры», «Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа», «Словарь смоленских говоров», «Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)», «Словарь

орловских говоров», «Словарь брянских говоров», «Словарь народных говоров Западной Брянщины», «Опыт областного великорусского словаря (и дополнение к нему)», «Словарь пермских говоров», «Акчимский словарь», «Словарь русских говоров Южного Прикамья», «Словарь русских говоров Среднего Урала (и дополнения)», «Словарь говоров уральских (яицких) казаков» Н. М. Малечи, «Словарь говора казаков-некрасовцев» О. К. Сердюковой, «Большой толковый словарь донского казачества», «Словарь донских говоров Волгоградской области», «Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия», «Словарь русских говоров Сибири», «Словарь русских говоров Алтая», «Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в.», «Словарь тамбовских говоров (духовная и материальная культура)» и др. (всего 57 лексикографических источников, в том числе многотомных). Языковые единицы отбирались путем фронтального просмотра словарей.

В работу включены неопубликованные или частично опубликованные материалы картотеки Словаря говоров Русского Севера (КСГРС), лексической картотеки топонимической экспедиции (ЛК ТЭ), которые собраны в результате многолетней полевой работы сотрудниками кафедры русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (ранее – Уральского государственного университета им. А. М. Горького), и картотеки Словаря русских народных говоров, хранящейся в Институте лингвистических исследований Российской академии наук (ИЛИ РАН). Кроме того, использовались электронные источники, интернет-ресурсы: словники, составленные П. В. Коркиным («По-вятски»: словарь диалектизмов: слова, употреблявшиеся в речи жителей деревни Редькино и малой её округи) и Г. А. Котельниковым («Диалекты вятского народа: конец XIX и первая половина XX в.»); Каргопольский архив этнолингвистической экспедиции РГГУ.

На этапе установления состава и границ исследуемого мотивационно-семантического поля использовались материалы идеографических словарей: «Толковый словарь русских глаголов» (под ред. Л. Г. Бабенко), «Русский семантический словарь : толковый словарь, систематизированный по классам

слов и значений» (под общ. ред. Н. Ю. Шведовой), «Этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области» (О. В. Востриков, В. В. Липина).

Обращение к словарям русского литературного языка («Большой толковый словарь русского языка», под ред. С. А. Кузнецов; «Толково-комбинаторный словарь современного русского языка» А. К. Жолковского и И. А. Мельчука; «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка»; «Словарь русского языка» (под ред. А. П. Евгеньевой); «Словарь современного русского литературного языка» (в 17 томах); «Словарь синонимов русского языка» З. Е. Александровой; «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов») обусловлено задачей интерпретации слов из фонда общенародной лексики (*обычай, гостить, воспитывать* и др.), также соотносимых с явлением социальной регуляции в крестьянской общине.

Для анализа представлений о госте привлекались ассоциативные словари: «Словарь ассоциативных норм русского языка» (1977), «Русский ассоциативный словарь» (2002), «Славянский ассоциативный словарь» (2004).

Примеры употреблений отдельных анализируемых слов в современной разговорной речи, в фольклорных текстах были извлечены из баз данных, размещенных на Интернет-ресурсах: «Национальный корпус русского языка» (НКРЯ), «Фундаментальная электронная библиотека: литература и фольклор» (ФЭБ). Так, с учетом ресурсов ФЭБ факты употребления слова *обычай* в фольклорных текстах были собраны по следующим источникам: «Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках: сборник русских пословиц и поговорок» И. И. Иллюстрова, «Русские народные пословицы и притчи» И. М. Снегирева, «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева, «Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI—XVIII века)» (1971), «Старая погудка на новый лад: русская сказка в изданиях конца XVIII века» (2003), «Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков» (1960), «Былины» (1988), «Беломорские старины и духовные стихи: собрание А. В. Маркова» (2002), «Великорусские народные песни, изданные профессором А. И. Соболевским» (1895–1907), «Песни, собранные П. В. Киреевским» (1911—1929) и др.

При комментировании происхождения слов и истории развития их значений в качестве источников использовались «Этимологический словарь славянских языков»; «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера; «Историко-этимологический словарь современного русского языка» П. Я. Черных; «Словарь Академии Российской»; «Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)»; «Материалы для словаря древнерусского языка по памятникам XI–XIV вв.» И. И. Срезневского; «Словарь русского языка XI–XVII вв.»; «Словарь русского языка XVIII в.»; «Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук»; «Церковнославяно-русские паронимы: материалы к словарю» О. А. Седаковой и др.

В поддержку выводов, полученных в ходе исследования лексики социальной регуляции, приводятся выдержки из этнолингвистического словаря «Славянские древности», в котором обобщены данные исследований, выполненных в русле этнолингвистики в ее «широком» толковании.

Цель работы – выявление семантико-мотивационного своеобразия русской диалектной и общенародной лексики, характеризующей явление социальной регуляции неинституционального типа в народной крестьянской культуре.

Сообразно поставленной цели предполагается решение следующих **задач:**

1) обоснование присутствия социально-регулятивного смыслового компонента в семантической структуре слов, принадлежащих народной языковой традиции, и определение принципов формирования множества языковых единиц, соотносительных с явлением социальной регуляции неинституционального типа;

2) выявление корпуса общенародных и диалектных слов русского языка, репрезентирующих феномен социальной регуляции неинституционального типа в традиционном обществе;

3) конкретизация объекта исследования в виде мотивационно-семантического поля «Социальная регуляция», включающего в себя лексические группировки «Обычай», «Гощение», «Коллективная помощь», «Обучение»;

4) системная семантическая интерпретация каждого лексического подмножества, соотносительного с понятием социальной регуляции

неинституционального типа, выявление идеограмм, характеристика полевых структур;

5) систематизация мотивов, выявленных в результате анализа внутренней формы лексем и фразеологизмов каждой семантической области;

6) группировка образов, выявленных в результате анализа лексем и фразеологизмов каждой семантической области, по сферам отождествления (предметно-тематическим кодам);

7) выделение социально-регулятивного компонента семантики языковых единиц, принадлежащих избранным для анализа лексико-семантическим подмножествам, сформированным на материале русских народных говоров;

8) этнолингвистическая интерпретация лексики семантических полей «Обычай», «Гощение», «Коллективная работа», «Обучение», в ходе которой выявляются представления о социальной регуляции в традиционном крестьянском обществе;

9) этимологизация «темных» лексем на основе данных мотивологического анализа лексики;

10) разработка и внедрение рекомендаций для полевого сбора социальной лексики в условиях экспедиции.

Методы. Выборка слов осуществлялась путем фронтального просмотра словарей, картотек и электронных баз данных. Анализ лексического материала проводился с помощью методов семантико-мотивационной реконструкции, приемов идеографического, компонентного, этимологического анализа, лингвостатистики, текстового эксперимента, интерпретации контекстной семантики, анализа дефиниций. Применялись методы сопоставительного (контрастивного) анализа слов, систематизации, типологизации, обобщения сведений об особенностях лексической репрезентации представлений о социальной регуляции. Разрабатывались приемы структурирования избранного для анализа фрагмента мотивационно-семантического поля «Социальная регуляция».

Актуальность исследования определяется прежде всего тем, что комплексное этнолингвистическое исследование лексики социальной регуляции по данным русских народных говоров ранее не предпринималось. Выявление семантико-мотивационного своеобразия данного лексического поля позволит целостно охарактеризовать важный фрагмент русской языковой картины мира, связанный с представлениями носителей русского языка о социальной регуляции неинституционального типа в крестьянской общине. Диссертационная работа в числе других исследований способствует решению глобальной задачи накопления опыта этнолингвистической интерпретации языковых данных. Затронутая проблематика актуальна с позиций развития идей лингвистической аксиологии. Анализ собранной лексики дает возможность осмыслить ряд социальных феноменов – обычай, хождение в гости, коллективный труд, воспитание – через призму представлений носителей русских народных говоров о саморегуляции – феномене, вскрывающем элементы базовой системы ценностей традиционного социума. Язык выступает важнейшим источником информации о ментальности социальных групп определенного типа, поэтому результаты интерпретации языковых данных ценны для осмысления социальной жизни человеческих сообществ.

Новизна работы обусловлена тем, что в ней впервые выявляется семантико-мотивационное своеобразие русской лексики социальной регуляции. В ходе исследования диалектных слов, которые репрезентируют социальную регуляцию неинституционального типа, определяются принципы отбора и изучения лексики, семантическую категоризацию которой можно считать неочевидной, поскольку поле в этом случае не обладает выраженной таксономией, иерархической структурой, в нем слабо представлены родо-видовые связи. Анализируется несколько лексико-семантических подмножеств: «Обычай», «Гощение», «Коллективная помощь», «Обучение». Сделанные выводы имеют ценность для изучения этнокультурного своеобразия лексики русского языка. Новизна работы обусловлена также введением в научный оборот и интерпретацией лексики, ранее не включенной в лексикографические источники и не выступавшей объектом

семантического и мотивационного исследования. Проведена этимологизация «темных» лексем на основе данных мотивологического анализа лексики. Разработаны рекомендации для полевого сбора социальной лексики в условиях экспедиции.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что в ней продемонстрированы возможности анализа нетривиальных лексико-семантических множеств, элементы которых содержат определенный смысловой компонент (в нашем случае ‘социальная регуляция’) либо в ассертивной, либо в пресуппозиционной части значения языковых знаков; показаны пути изучения мотивационно-семантических полей, объединяющих слова по интерпретативному компоненту семантики, локализованному преимущественно в прагматическом слое значения слова. Разработанные принципы структурирования и семантико-мотивационной интерпретации таких множеств и методика их изучения могут быть применены к различным объединениям слов со сходными свойствами. Предпринятое исследование вносит вклад в развитие лингвистической аксиологии. Результаты анализа лексики, характеризующей социальную регуляцию, могут быть полезны для верификации выводов, которые предлагаются в трудах исторического, логико-философского, этнологического и других научных направлений при осмыслении механизмов общественной регуляции.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов в области прикладной лексикографии: по итогам исследования может быть разработана или усовершенствована методика полевых диалектологических и этнолингвистических исследований, поскольку социальная лексика русских народных говоров на сегодняшний день собрана и описана недостаточно полно. Прикладной аспект исследования состоит в возможности использования результатов в учебной практике, а именно в преподавании дисциплин гуманитарного цикла: этнолингвистика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика, диалектология, лексикология, лексикография, ономасиология, этимология, культурология, социология, философия, история и др.

Наиболее существенные результаты исследования сформулированы в следующих **основных положениях, выносимых на защиту.**

1. Лексика со значением социальной регуляции неинституционального типа, представленная в общенародном русском языке и говорах, образует мотивационно-семантическое поле, включающее в себя несколько лексических подмножеств, среди которых наиболее репрезентативными в этнолингвистическом плане являются «Обычай», «Гощение», «Коллективная помощь», «Обучение».

2. Лексика, составляющая мотивационно-семантическое поле «Социальная регуляция», объединена социально-регулятивным компонентом семантики, который присутствует либо в ассертивной, либо в пресуппозиционной части значения слова, а также реализуется в отношениях семантической мотивированности.

3. Центральную часть мотивационно-семантического поля «Социальная регуляция», сформированного на основе лексики русских народных говоров, составляет ОБЫЧАЙ как семантический мотиватор, выраженный словом *обычай*, обозначающим социальное установление, сложившееся в естественной коммуникации, а также его синонимами и аналогами. Своеобразие семантического пространства существительного *обычай* заключается в том, что в нем присутствует в качестве стержневого смысл ‘нормативность’, наряду с семами ‘деятельностный характер’, ‘интериоризованность моделей поведения’, ‘принадлежность человеку или сообществу людей’. Социально-регулятивная семантика представлена в ядерной части структуры значения слова *обычай* и других лексем со значением ‘обычай’. Мотивационный анализ таких слов выявляет наличие нормативно-регулятивных мотивов (наряду с бытийными, ментально-психологическими и субъективно-оценочными).

4. В структуре поля «Социальная регуляция» выделяются следующие зоны:

– зона приоритетов – семантическая область, объективированная преимущественно в лексике русских народных говоров (в отличие от литературного языка), поскольку соотносится с традиционной народной

крестьянской культурой, в которой основным социальным регулятором является обычай;

– зона доминант – семантическая область, характеризующая такие виды взаимодействия, как гощение и трудовые отношения, закрепившиеся в данной этнокультурной традиции даже за пределами крестьянской культуры, и объективированная в комплексе диалектных номинаций, частично отличном от такой лексики литературного языка по составу идеограмм, номинативной плотности его участков и мотивационной структуре;

– зона неспецифических констант – семантическая область, репрезентирующая обучение (воспитание, образование, приобщение к культуре) как способ социального воспроизводства в сообществе любого типа, воплощенная в комплексе номинаций, обладающем семантическим и мотивационным единством для всех разновидностей русского языка.

5. Номинации лексико-семантического поля «Гощение» указывают на высокую степень регламентированности поведения человека в гостевой коммуникации. Информация об этом содержится преимущественно в пресуппозиционной части значений лексем, значительно реже – в ассертивной. Социально-регулятивные смыслы сконцентрированы в семантике лексем данной сферы. В эксплицируемых на основе анализа внутренней формы слов мотивах акцент на идее регуляции выражен здесь в меньшей степени.

6. Среди лексем, репрезентирующих представления о трудовых отношениях в крестьянской общине, присутствуют номинации, свидетельствующие о концептуализации труда как социального феномена, выполняющего организующую роль. Семантический и мотивационный анализ диалектных единиц показывает, что важными оказываются социальные связи «по горизонтали»: консолидация усилий членов общины, взаимопомощь, способность или неспособность человека работать в коллективе.

7. Лексика обучения в русском языке фиксирует представления о разнообразии ситуаций познания человеком социальной и иной действительности: воспитание детей, морально-этическое воздействие на

человека, освоение в новой социальной среде, обучение в образовательных учреждениях, освоение практических умений и навыков, приобретение жизненного опыта и др. Рельефнее прочего в лексике русских народных говоров репрезентированы представления о воспитании детей родителями и об адаптации к новой социальной среде. На уровне мотивации лексем выявляются мотивы ориентира, трансформации объекта, ограничения свободы и содействия человеку в социальном становлении.

8. Данные, полученные в ходе мотивологического анализа номинативного комплекса, позволяют провести интерпретацию непрозрачных в этимологическом отношении лексем (*постен* ‘обычай’ и др.), оценить правомерность имеющихся трактовок и предложить новые версии появления у слова «социальных» значений.

Апробация работы

Основные положения были изложены автором в докладах на конференциях и конгрессах: XXIV и XXV Всероссийское диалектологическое совещание (Санкт-Петербург, 29–30 января 2008 г.; 3–4 февраля 2009 г.), Всероссийская научно-практическая конференция (Вологда, 13–15 окт. 2008 г.), Международная научная конференция «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г.), международная конференция «Актуальные проблемы русской диалектологии и исследования старообрядчества» (Москва, 19–21 октября 2009 г.), IV Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, 20–23 марта 2010 г.), международная научная конференция «Баранниковские чтения. Устная речь: русская диалектная и разговорно-просторечная культура общения» и межвузовское совещание «Проблемы создания и использования диалектологических корпусов» (Саратов, 15–17 ноября 2010 г.), международная научная конференция «Язык – текст – дискурс: проблемы интерпретации высказывания в разных коммуникативных сферах» (Самара, 12–14 мая 2011 г.), международная научно-практическая конференция «Стратегии исследования языковых единиц» (Тверь, 22 апреля 2011 г.), I Международная научная конференция «Славянская диалектная лексикография» (Санкт-Петербург, 19–23

сентябрь 2011 г.); Всероссийская молодежная конференция «Традиции и инновации в филологии XXI века: взгляд молодых ученых» (Томск, 23–25 августа 2012 г.), II Международная научная конференция «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г.), Третий Всероссийский конгресс фольклористов (3–8 февраля 2014 г.), XIV региональная конференция «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России» (Уфа, 20–22 ноября 2014 г.) и др.

Автор работы участвовал в полевом сборе материала в составе эспедиции. Были разработаны рекомендации по сбору лексики и фразеологии семантических областей «Гощение», «Коллективная взаимопомощь», с учетом которых в 2011–2015 гг. диссертантом и другими участниками экспедиции целенаправленно выявлялись диалектные единицы интересующих нас групп.

По теме исследования опубликовано более 50 работ, из них более 20 – научные статьи в изданиях из перечня ВАК, 1 – в зарубежном журнале, индексируемом Scopus; издано две монографии:

1) *Леонтьева Т. В*. Лексика социальной регуляции в русских народных говорах: монография / Т. В. Леонтьева; науч. ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2013. 219 с.;

2) *Леонтьева Т. В*. Обычай в русском языке : слово и понятие : монография / Т. В. Леонтьева; науч. ред. Е. Л. Березович. Москва: Флинта : Наука, 2014. 205 с.

«Российским гуманитарным научным фондом» поддержаны два гранта по теме диссертации: проект 11-34-00717м «Социум глазами диалектоносителя» (2011 г.) и проект № 14-04-00274а «Вербальные репрезентации обычая в русском языке» (2014 г.). В рамках первого проекта состоялась командировка в Санкт-Петербург, глее была проведена работа по сбору материала в лексической картотеке Института лингвистики Российской академии наук.

Цели и задачи работы предопределили ее **структуру**, которая обусловлена логикой исследования понятия «социорегуляция неинституционального типа в традиционном социуме» в соответствии с особенностями организации этого семантического пространства: от анализа лексических репрезентантов обычая как

основного для крестьянской культуры механизма социальной регуляции к описанию языковых фактов, представляющих значимые сферы действия обычая (гощение, коллективная помощь) и далее к исследованию лексики, фиксирующей представления о «превентивных механизмах» социального воспроизводства (воспитание).

ГЛАВА 1

ПОЛЕВЫЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИКИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ

1.1. Понятие социальной регуляции: экстралингвистические основания тематического ограничения исследуемого лексического материала

Общество в целом и человеческие объединения, коллективы, в частности, определенным образом организованы. Это результат управляющего воздействия либо постепенно складывающихся договоренностей между людьми. Собственно управление социальными процессами и организация жизни человека в обществе подразумеваются при использовании термина *социальная регуляция*. Слово *регуляция* определяется как ‘упорядочение, нормализация; регулирование’ [ССРЛЯ, т. 12, с. 1115], глагол *регулировать* имеет значение ‘вносить известный порядок, систему; упорядочивать’ и ‘приводить в необходимое для работы состояние, добиваясь правильного взаимодействия, слаженности отдельных частей’ [Там же, с. 1111]. Среди производных с этим корнем есть также обозначение средства выполнения соответствующей деятельности: *регулятор* ‘приспособление для регулирования действия чего-либо (машины, механизма и т. п.)’, ‘о том, что служит для регулирования, упорядочивания чего-либо’ [ССРЛЯ, т. 12, с. 1114–1115].

В качестве аналога можно использовать термин *социальная регламентация*, поскольку слово *регламентация* и глагол *регламентировать* имеют близкие значения: *регламент* ‘(устар.) инструкция, служебный устав, свод правил’, ‘установленный, принятый распорядок заседания, собрания, съезда и т. п.’ [ССРЛЯ, т. 12, с. 1108], *регламентация* ‘действие по значению глагола *регламентировать*’, ‘совокупность правил, регулирующих чью-либо деятельность, ограничивающих что-либо’ [Там же], *регламентировать*

‘подчинять системе точно установленных правил, ограничений’ [Там же, с. 1109]. Однако эти номинации служат обозначениями документально утвержденного порядка, то есть соотнесены с областью официальной деловой коммуникации, с управленческими действиями и процессами, сферой деятельности специальных учреждений и должностных лиц, поэтому в данной работе предпочтение отдается термину *социальная регуляция*.

Квалификация какого-либо феномена как имеющего отношение к социальной регуляции представляет собой прежде всего интерпретационную процедуру, которую можно проводить в отношении очень разных объектов и явлений действительности. От такой интерпретации зависит выбор лексического материала, соотносимого с социально-регулятивной сферой, поэтому в данном параграфе будет уделено внимание понятию «социальная регуляция» и выявлению соответствующих ему объектов действительности.

Определить круг объектов, соотносимых с социальной регуляцией, можно, опираясь на знания, полученные в области общественных и гуманитарных наук, поскольку наблюдения над жизнью социума дают материал и доказательную базу для истолкования явлений действительности как имеющих отношение к процессам регулирования общественной жизни.

Понятие социальной регуляции рассматривается в социолого-философских работах как способ организации жизни общества: «Социальная регуляция выступает фактором социальной стабильности, ограждая общество от хаоса, дезорганизации, дисфункциональности, аномии и способствуя порядку, функциональному взаимодействию, социальной определенности и интеграции индивидов» [Бандурин, 2004, с. 21].

Традиционно различают *институциональные* и *неинституциональные регуляторы* (или *механизмы регуляции*) поведения людей [Дробницкий, 2002, с. 237].

К первым относят право, а также нормы, которые создаются деятельностью организаций, учреждений, инстанций, имеющих соответствующее назначение.

Институциональные нормативы связаны с организационно-структурной дифференциацией общества, с наличием органов управления.

Ко вторым относят «обычно-традиционные и нравственные нормы» [Там же, с. 238], которые формируются в самом процессе совместной жизнедеятельности людей (обычай, общественное мнение, одобрение или неодобрение обществом действий человека, трансляция социально-нормативного опыта от поколения к поколению и др.) и характеризуются нераздельностью субъекта и объекта регулирования: «Общность, вырабатывающая и санкционирующая норму, обычно является и той общностью, которая эту норму исполняет» [Там же].

Ср. различение А. П. Бандуриным культурно-нормативной саморегуляции и внешней регуляции институционально-государственного характера [Бандурин, 2005, с. 11], а также мнение П. А. Сорокина, считающего, что нормы, регулирующие взаимодействие между индивидами, являются либо правовыми, либо моральными стандартами [Сорокин, 1992, с. 219].

Мы будем исходить из принятого в общественных науках постулата о том, что формы организации жизни, общественные явления, характерные для человеческого сообщества, определяют тип культуры и в известной мере определяются ею. При этом в зависимости от типа культуры отдается предпочтение способам внешней либо внутренней регуляции.

Так, например, обычай, принадлежащий к средствам внутренней регуляции, соотносится с народной (крестьянской) культурой – «обществом традиции». Специалисты разных научных областей и направлений – антропологи, философы, историки, этнологи, социологи, этнографы, культурологи, политики – согласны друг с другом в том, что традиция определяет существование общества такого типа, является его системообразующим элементом, фундаментом, без которого рушится культурная общность.

Традиции, или обычаю, приписывается регулятивная функция: «Обычай можно рассматривать как простейшую форму всякой вообще нормативной регуляции» [Дробницкий, 2002, с. 244]; «Традиции – это не

регламентируемые юридическими установлениями, поддерживаемые силой общественного мнения формы передачи новым поколениям способов реализации сложившихся в жизни данного общества идеологических отношений, политических, нравственных, религиозных, эстетических» [Суханов, 1996, с. 61]. Г. А. Дабаева видит в традиции «форму нравственной регуляции общества»: «На традиции строится самоидентификация человека и общностей, в ней аккумулируется их культурная энергия <…>. Только через постижение строения традиции, функций ее отдельных составляющих мы можем подойти к раскрытию феномена регулятивного характера традиции (разрядка наша. – *Т. Л.*)» [Дабаева, 2010, с. 84]. Исследователи пришли к заключению, что обычай приобретает силу и значение в условиях малой группы: «Поскольку обычай вырабатывается внутри самой группы и никогда не навязывается в качестве социального регулятора извне, он представляет механизм саморегулирования группы, которая является автономной, относительно замкнутой и немногочисленной (во всяком случае, не массовой) и действует как самоуправляющаяся, то есть самодеятельная, самоорганизующаяся и саморегулирующаяся структура» [Смирнова, 2007, с. 42].

Опыт осмысления обычая как общественного явления всегда был востребован, прежде всего, в связи с междисциплинарностью понятия, не имеющего строгого определения ни в одном из научных направлений. Без преувеличения можно сказать, что изучение обычаев, их сущности, значения имеет богатую традицию в трудах отечественных и зарубежных ученых. Каждая научная дисциплина смотрит на обычай со своего ракурса, под собственным углом зрения, имеет определенные задачи и решает их на характерном для нее материале. Специалисты в области юриспруденции не могут не брать в расчет присутствие обычая среди источников права, обращаются к вопросам установления объема понятия «правовой обычай» и истории

правоприменительной практики, связанной с ним[1]. Историко-этнографические, этнологические, культурологические исследования[2] нацелены на описание обычаев, анализ их семантики и символики, сохранение культуры этносов или отдельных регионов. Обычай рассматривается в них как основа традиционного социума. В свою очередь, работы логико-философского, социологического, антропологического направлений, в которых основное внимание уделяется структуре и содержанию общественно значимых понятий, содержат квинтэссенцию опыта поколений по осмыслению функций обычая как «социального регулятора». Предметом внимания становятся компоненты логической структуры понятия «норма», одной из реализаций которого выступает обычай. В общественных науках не утрачивают актуальности дискуссии вокруг вопроса о соотношении понятий «обычай» и «традиция», которые одними авторами разграничиваются как узкое и широкое понятие соответственно, другими – отождествляются с указанием на некоторые различия в степени охвата социальных слоев либо явлений. В ряде работ социально-философского направления[3] делаются выводы о несовпадении близких понятий, о различиях

---

[1] См. работы: [Александров, 1984; Анисимов, 2009; Бабич, 1999; Белкин, 1998; Бутакова, 2011; Бутенко, 1980; Валеев, 1974; Головкин, 2008; Грязнов, 2001; Дашин, 2006; Лаптева, 1997; Лисицын, 2010; Карцов, 2008; Коновалова, 2005; Кочетыгова, 2007; Краснов, 2003; Малова, 2006; Мальцев, 1999; Миронова, 2009; Мокшина, 2005; Наумкина, 2010; Некрасов, 2010; Осипян, 2006; Першиц, 1979; Печников, 2011; Плеханов, 2006; Плоцкая, 2013; Родина, 2006; Сафронова, 2007; Синицына, 1978; Скуратова, 2007; Титарчук, 1995; Тиунов, 2009; Царегородская, 2004; Чибисов, 2008 и мн. др.]

[2] См. работы: [Алимова, 1989; Асташова, 2008; Безгин, 2011; Винтина, 2010; Гимбатова, 2007; Грузнова, 2005; Гура, 2012; Егорова, 2009; Зорин, 2001; Иванова, 2004; Ивлева, 1994; Измаилов, 2011; Календарные…, 1971; Ларина и др., 2010; Леонтьева и др., 2007; Макина, 2007; Маслова, 1984; Материалы…, 1991; Матлин, 2013; Морозов, 2002; Морозов и др., 2004; Садиков, 2011; СД, т. 1–5; Соколова, 1979; Сподина, 2011; Суфиев, 1991; Токарев, 1978; Толкачева, 2011; Фатыхова, 1994; Шитова, 2006; Черных, 2007 и мн. др.].

[3] Вопросам разграничения понятий «обычай» и «традиция» посвящены следующие работы: [Апухтина и др., 2012; Арутюнов, 1981; Байбурин, 1993; Барсегян, 1981; Бобнева, 1978;

между ними. При этом, заметим, исследователи не приходят к какому-либо приемлемому для всех соглашению. Можно привести множество примеров разночтений в понимании учеными сущности, значения, функций и соотношения понятий «обычай», «традиция», «ритуал», «обряд» и некоторых других. Иногда в научных работах слова *обряд, ритуал, традиция, обычай*, несмотря на попытки строго разграничить обозначаемые ими понятия, используются достаточно вольно и оказываются либо рядоположенными, либо взаимозаменяемыми. При этом ученые согласны друг с другом в том, что обычай, традицию, ритуал следует считать способом / способами трансляции социокультурного опыта, формой / формами организации социального поведения, формой / формами регламентации и / или регуляции общественного поведения человека.

Более широкий список регуляторов поведения человека, включающий не только обычай, представлен, например, в работе О. Г. Дробницкого, считающего межличностные и массовые взаимоотношения, в которых закреплены нормы поведения, способными выполнять функцию социального контроля: «Сюда относятся: сила коллективного и личного примера и естественно возникающее в общении людей стремление следовать общепринятому; взаимные экспектации, одобрения и осуждения, выражаемые окружающими, и заинтересованность индивида в этих реакциях со стороны других; трансляция от поколения к поколению и от общности к индивиду социально-нормативного опыта, осуществляемая как в самом процессе массового действия, в виде наглядных парадигм и образцов поведения, так и в духовной форме, в виде вербальных формул, максим и иных “ценностей”, “знаков”, “символов”, содержащих в себе знание того, как следует поступать» [Дробницкий, 2002, с. 240].

Мы также принимаем во внимание, что формы организации жизни и быта человеческого сообщества, как правило, основываются на значимых социальных

Бондырева, 2004; Евзлин, 1993; Ледовская, 2006; Лисина, 2008; Лобанова, 2008; Малиновский, 2000; Малкандуев, 2004; Нечипуренко, 2002; Плахов, 1982; Сарингулян, 1984; Суханов, 1976; Триль, 2009; Хапчаев, 2012; Яговдик, 2005 и др.]

императивах. Например, крестьянские *помочи* (коллективная, то есть «всем миром», помощь одной семье или одному жителю деревни в выполнении сложной работы – строительстве дома, уборке урожая, заготовке дров и проч.), как и коллективные деревенские гулянья, а также традиции взаимного гощения реализуют установку на общежительность (устар. *общежительность* ‘свойство общежительного’, устар. *общежительный* ‘относящийся к общественной жизни, общежитию; соответствующий общественному укладу’ и ‘обладающий потребностью жить в обществе, обществом; общественный; легко входящий в общение с людьми; общительный, незамкнутый’ [ССРЛЯ, т. 8, с. 519–520]), на участие в жизни общины, необходимое человеку для выстраивания брачных, трудовых и иных связей в своем социуме.

Еще один базовый тезис в общественных науках состоит в том, что поведение человека зависит от форм организации жизни в социуме, к которому он принадлежит, и от основных императивов этого сообщества, ср., например, об обычае: «Обычай вводит поведение молодого поколения в русло, проложенное старшими поколениями, через детальную регламентацию действий в конкретных ситуациях» [Суханов, 1976, с. 9]. Разного рода нормативные установления выступают для человека ориентирами в социальном пространстве. Он сверяется с ними, оценивает окружающую действительность – чужие и свои поступки. Социорегулятивную функцию выполняет набор правил поведения, которым человек должен соответствовать. Каждый член группы имеет представление о том, какое поведение осуждается и какое – приветствуется. Знание системы ценностей не является залогом правильного поведения, однако выполняет функцию «внутреннего» регулятора – скрытого в самом человеке механизма приспособления к социуму. Через способность человека узнавать, усваивать нормы, правила осуществляется воздействие общества на поведение человека. Система норм, правил, представлений о должном и обычном не закреплена в правовых актах (документах), однако имеет силу и значение в традиционном социуме (см., например: [Яковлева, 2007]). Понимание норм, которых придерживаются другие члены сообщества, заставляет человека соизмерять свои

поступки с моральными и прочими нормами. К числу сопряженных с этическими категориями нормативных систем, регулирующих жизнь человеческого сообщества в традиционных культурах, относят систему «бытовых» запретов и предписаний, христианскую мораль (корпус религиозных регламентаций жизни) и обычное право [Толстая, 2010, с. 311]. В качестве «внутренних», коренящихся собственно в личности человека механизмов следования социальным нормам традиционно называют страх, стыд, вину, совесть [Лотман, 1970 и др.].

Кроме того, в психологических, этнологических, социофилософских работах признается зависимость личностных характеристик, ценностных ориентаций человека от общества, с которым он себя идентифицирует. Свойственные человеческому сообществу формы взаимодействий становятся привычными для носителей данной культуры, происходит «интериоризация» социальных императивов; внешнее преобразовывается во внутреннее.

Таким образом, в аспекте выполнения или приложения функции социальной регуляции можно рассматривать весьма широкий круг объектов и явлений социальной действительности (государство, власть, право, религия, община, семья, традиция, человеческие коллективы, человек как социальная единица и др.), этические категории (грех, совесть, стыд, вина и др.) и поведенческие, личностные характеристики человека, оказывающиеся под воздействием общественных институтов, процессов, форм организации жизни (ценности, убеждения, мировоззрение, коммуникативное поведение, привычки, пороки и др.). Под *социальной регуляцией* мы будем понимать принципы, формы и способы организации жизни и быта человеческого сообщества или его части, оказывающие прямое или опосредованное влияние на поведение человека в коммуникации. Феномен социальной регуляции (или саморегуляции, если говорить только о неинституциональных регуляторах) может стать объектом не только философских, социологических, но и лингвистических исследований, поскольку не может не отразиться в системе лексических средств языка. Номинации этой сферы будут предметом исследования в данной работе.

1.2. К вопросу о составе русской диалектной лексики со значением социальной регуляции

Исследование слов, в значениях которых присутствуют социально-регулятивные смысловые компоненты, имело своим началом не только определение круга явлений, которые составляют понятие «социальная регуляция» (см. об этом предшествующий параграф I.1), но и поиск лингвометодических принципов отбора языкового материала.

К осмыслению лексических репрезентантов семантики социальной регуляции мы подошли с позиций центрального для антропологической лингвистики постулата об обязательном присутствии в языке «следов» тех объектов духовной и материальной жизни общества, которые образуют значимый для этноса культурный слой.

За основу было взято утверждение, что тип общества, тип культуры и язык (либо языковой идиом) находятся во взаимной проекции (рис. 1).

Рис. 1. Общество – культура – язык: взаимное соответствие

Так, лексическими средствами современного русского литературного языка запечатлены представления об актуальных сегодня явлениях социальной жизни, общественных структурах, объектах, процессах, общественном поведении человека, а лексика русских народных говоров хранит сведения и представления об организации взаимодействий людей в крестьянском социуме. Поскольку

каждый языковой идиом имеет свою специфику в идеографическом членении, обратимся к данным идеографических словарей, в которых осуществляется систематизация лексического состава языка по семантическим основаниям, и к научным публикациям, в которых предпринимались попытки классификации лексики с социальной семантикой.

В современном русском литературном языке функционируют обозначения государственных органов и других властных структур, гражданских и иных объединений, социальных институтов, процессов и тенденций, охватывающих общество в той или иной его части, политических течений, оценок состояния общества, форм совместной деятельности людей, явлений массовой культуры, характеристик человека по его статусу в обществе, социальной роли, принадлежности к социальному классу и т. д. При этом слова имеют разные грамматические характеристики.

Например, имена существительные семантической области «Социум» представлены в «Русском семантическом словаре» под редакцией Н. Ю. Шведовой. В раздел «Названия лиц» включены обозначения лиц «по социальному свойству, средоточию в лице характерных социальных черт своего времени, по характерному социальному состоянию, действию, функции, по личным и общественным отношениям, связям» [РСС, т. 1, с. 65], в том числе по вхождению в партии и другие объединения, по сословному положению, титулованию, экономическому, правовому состоянию, социальной значимости, авторитету, гражданству, отношению к административно-правовым нормам, к закону, суду и т. д. Во втором томе словаря в разделе «Слова, именующие всё создаваемое руками и умом человека» есть подраздел «Организации, учреждения, предприятия, партии, общества, армия». В третьем томе этого же словаря в разделе «Имена существительные с абстрактным значением: бытие, духовный мир, общество» имеется подраздел «Общество, его жизнь, устои; социальное устройство; социальные состояния, отношения» [РСС, т. 1–3].

Выявление ассортимента «социальных характеристик человека» и их вербальных репрезентаций остается исследовательской задачей, решению

которой посвящен ряд публикаций [Кусова, 2000; Лапшина, 2008; Шерина, 2012 и др.]. Например, Е. А. Шерина относит к микрополю «Социальные характеристики человека», включающему 76 образных единиц русского языка, лексику следующих микрогрупп: «Отношение к труду» (деловые и социальные качества, нежелание / желание работать, бесполезная работа, профессиональное занятие), «Отношения в обществе» (отношения подчиненности, мужчина и женщина, хозяин и гость, бескультурие), «Материальное положение» (бедность, жадность, богатство, щедрость), «Социальные проблемы» (слова *крючкотворство, волокита, загвоздка*). Предлагаемый в тех или иных работах состав социальных характеристик человека вариативен, так как следует принять во внимание различия в принадлежности материала какому-либо языковому идиому и в интерпретациях категорий «социальное» и «межличностное».

При анализе номинаций лексического множества «Социальные взаимодействия» большое внимание уделяется глагольной семантике, поскольку людей связывают определенные акции, процессы, отношения [Гайсина, 1981; Плотникова, 2006; Ковенева, 2008 и др.]. В словаре под редакцией Л. Г. Бабенко (Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание) за основу взято различение глаголов действия и состояния. В число глаголов социальной деятельности включены глаголы деятельности по достижению цели; общественно-политической деятельности; издательской деятельности и распространения информации; использования; воспроизведения; осуществления; противодействия; профессионально-трудовой деятельности; поступка и поведения [ТСРГ, с. 380–434]; в свою очередь, среди глаголов социальных отношений различаются подгруппы глаголов победы и поражения; принуждения; влияния; подчинения; защиты; помощи; обеспечения; разрешения и запрещения; управления [ТСРГ, с. 607–637].

Глаголы социальных действий и отношений становятся объектом рассмотрения в монографии А. М. Плотниковой, определяющей социальные глаголы как «концептуализирующие тот фрагмент процессуально-событийной картины мира, который связан с жизнью человека в социуме, социальными

действиями и социальными отношениями между людьми» [Плотникова, 2006, с. 203]. Автор приходит к выводу о том, что социальные глаголы характеризуются антропоцентричностью, полифункциональностью, а также диффузностью и полипропозитивным характером значений, прагматической направленностью, и выделяет когнитивные модели семантической деривации таких глаголов – когнитивные стратегии «активации и фильтрации информации», «просачивания актантов», «профилирования», «образных схем» [Там же, с. 203–205]. В другой работе этого автора уделяется внимание глаголам-репрезентантам этических концептов (*прелюбодействовать, беззаконничать, пижонить, хвастаться, дебоширить* и т. п.) и на основе зафиксированных этими номинациями типов нарушения норм морали (нарушения принципов искреннего, естественного, умеренно скромного, серьезного поведения и т. п.) формулируются аксиомы поведения, обеспечивающие гармоничное существование человека в социальной среде: *необходимо быть честным, держаться естественно, быть скромным, быть серьезным, контролировать свои эмоции, быть нравственным, проявлять смирение, быть трудолюбивым*. Этический идеал выявляется «от антиидеала», запечатленного в глаголах поведения [Плотникова, 2010, с. 28].

Л. В. Балашова определяет семантическую область «Социальные связи и отношения» как занимающую особое место в реализации ключевых социоморфных концептуальных моделей метафоризации, «формируемых на базеоппозиций “свой – чужой” и “властвующий – подвластный”» [Балашова, 2014, с. 89, 193]. Она отмечает две особенности: «Во-первых, при формировании переносных значений, как правило, не происходит решительной смены сферы приложения метафоры: социальная метафора преимущественно функционирует внутри той же макросистемы» [Балашова, 2014, с. 87]. Об этом же пишут Е. В. Ваулина, Г. Н. Скляревская [Скляревская, 1993, с. 93; Ваулина и др., 1995, с. 210]. Вторая особенность состоит в том, что характеристика типа отношений в общине сопровождается «квалификационной оценкой» этой характеристики [Балашова, 2014, с. 88].

Определяя спектр подтем, образующих тематическую область «Социальные отношения», исследователи прибегают к экспериментальным методикам. Например, Е. В. Ерофеева, Е. А. Пепеляева путем опроса студенческой аудитории выделили в семантическом поле «Человек» несколько актуальных для современного сознания лексико-семантических групп, среди которых представлена группа «Социальные характеристики человека», составленная из подгрупп «профессия и другие занятия», «семья», «национальность», «статус», «межличностные отношения», «социальная роль», «религия», «убеждения», «асоциальные элементы», «группы и групповые отношения» [Ерофеева, Пепеляева, 2011].

Еще небольшая деталь в дополнение к сказанному: в учебном пособии В. А. Масловой «Когнитивная лингвистика» раздел «Социальные понятия и отношения» представлен параграфами, посвященными словам-концептам «Свобода», «Воля», «Дружба», «Война» [Маслова, 2001, с. 179].

Обозначения объектов, процессов, явлений из сферы общественной жизни чрезвычайно сложно в семантическом отношении непротиворечиво упорядочить. В «Идеографическом словаре русского языка» выделены семантические группы, названия которых свидетельствуют о разнообразии объектов социальной сферы, о вынужденной множественности критериев, используемых при их классификации, о соотнесении понятий из сферы представлений о социальных явлениях с разными абстрактными категориями, о частичном наложении идеограмм друг на друга: «общество», «жизнь общества», «общественные отношения», «организация», «руководство», «государство», «армия», «взаимоотношения», «содействие», «регламент общественной жизни», «соблюдение норм», «наказание», «культура» и т. д. [Баранов, 2006] (здесь приведены те разделы словарной идеографической классификации, в которых так или иначе затрагиваются социальные категории вообще и явление социальной регуляции, в частности). Грамматическое и семантическое многообразие социальной лексики обусловливает трудность ее дифференциации и описания.

По результатам просмотра материалов «Русского семантического словаря» под общей редакцией Н. Ю. Шведовой отметим преобладание книжных лексем – обозначений административных органов, руководящих должностей, документов и мн. др. Это означает, что номинируемые реалии соотносятся прежде всего с государственностью, с общественно-политическим устройством современного государства.

В целом надо признать, что идеографическая «сетка» социальной лексики, а тем более лексики социальной регуляции, в русском литературном языке на сегодняшний день не вполне разработана, только начато ее осмысление. Еще меньше она описана по данным русских народных говоров.

Диалектная лексика наиболее однозначно соотносится с типом культуры, свойственным деревенскому социуму как образцу традиционного крестьянского общества (рис. 2).

Рис. 2. Русская деревня – народная культура – русские говоры

Далее речь пойдет о лексике, по отношению к которой исследователи употребляют термин *социальная*.

Вопросу установления спектра диалектных лексем с «социальной семантикой» уделяется большое внимание в работе М. В. Пелипенко,

подчеркивающей возможность выявления таких смыслов на разных уровнях семантической структуры слова: «Социальная семантика в диалектном слове классифицируется по нескольким типам: исходная, приобретенная в новых коммуникативных ситуациях, приращенная в тексте, пассивная, актуализированная и др.» [Пелипенко, 2009, с. 14].

Опыт систематизации значений слов, принадлежащих одной группе говоров, предпринят в «Этноидеографическом словаре русских говоров Свердловской области» [ЭИС]. В нем со всей полнотой отражена идеография лексики, составляющей область «Социум», хоть она и разнесена по разным выпускам словаря в соответствии с логикой структурирования материала. Так, в третий выпуск «Народная эстетика. Семья и родство. Обряды и обычаи» включены обозначения обычая [ЭИС, вып. III, с. 131], коллективных помочей [Там же, с. 171–175], а в разделе «Досуг (свободное от работы время, посиделки, гулянья, игры)» можно найти номинации, описывающие обычаи гощения (раздел «Ходить в гости, принимать гостей, гостеванье») [Там же, вып. IV, с. 10–25]. Далее мы будем привлекать данные этих разделов. Выделение и классификация идеограмм с учетом социально-регулятивного компонента семантики не входили в задачи словаря.

Поскольку социальная лексика ранее не рассматривалась с точки зрения выявления в ней социально-регулятивных смыслов, перед нами встал вопрос о том, как выявить их в лексике русских народных говоров.

На наш взгляд, следует исходить из того, что, согласно концепции о структурированности лексического значения, о его иерархической организации, в значении лексических единиц можно выделить несколько частей, из которых центральной является ассертивная, в то время как пресуппозиционная часть содержит неосновные, подразумеваемые смысловые компоненты и условия правильного употребления слова. Например, слово *обычай*, его синонимы и аналоги обозначают особенность организации жизни социальной группы, то есть норму, которая регулирует жизнь людей в обществе, следовательно, социально-регулятивный смысл содержится в сигнификативной части значения таких слов,

как и в случае, например, с обозначениями обучающего, социализирующего воздействия – диал. *наставлять, направлять, натыкать, периначивать, полировать* ‘воспитывать, направлять, наставлять, учить’ (паспортизацию лексем см. далее). В свою очередь, в номинациях *очестливый гость, огостить*, реализующих идеограммы ‘скромный гость’ и ‘побывав в гостях, оставить грязь и беспорядок’ посредством сопровождающих основной набор сем коннотаций, выражающих одобрительную или неодобрительную оценку, актуализируется представление о правилах поведения в гостях, иначе говоря, социально-регулятивные смыслы присутствуют в пресуппозиционной – прагматической – части значения. Даже безоценочные наименования *гость, хозяин, гостить* вызывают в сознании носителя языка представления о ролевом регламенте участников гостевой коммуникации.

Социально-регулятивный компонент значения может быть частью сигнификата или представлять собой коннотацию, поэтому при формировании мотивационно-семантического поля «Социальная регуляция» может быть использован принцип объединения не только лексем, в которых семантический элемент, составляющий критерий формирования поля, заключен в ассертивной части значения, но и лексем, в которых этот элемент представлен в пресуппозиционной части значения.

Для лексики социальной регуляции как части лексического массива, описывающего социальные объекты и отношения в целом, такой принцип объединения языковых фактов кажется целесообразным, поскольку вообще смыслы социальной сферы часто реализуются в области коннотаций. Л. П. Крысин даже признает приоритет этой области лексического значения в выражении социальной семантики: «Априори очевидно, что социальное в слове может быть главным образом в пресуппозиционной части его лексического значения» [Крысин, 2004, с. 438]. Между тем социальные смысловые компоненты, несомненно, могут быть зафиксированы в сигнификативной части значения: «Социальное может находиться и в ассертивной части значения – у тех слов, которые называют какой-либо вид общественных отношений, результат

деления общества на классы и группы и т. п. (ср., например, многие философские и, в частности, социологические термины типа *класс, базис, надстройка, буржуазия, эксплуатация* и т. п.). Однако это тривиальные случаи прямого отражения в языке социального — в виде номинаций тех или иных общественных явлений; в лингвистическом отношении эти случаи малоинтересны» [Там же, с. 438–439].

Если принять возможность комплексного изучения в пределах одного мотивационно-семантического поля и ассертивной, и пресуппозиционой части значения слов с точки зрения присутствия в них одного семантического компонента, становится возможным отнести, например, к полю социальной регуляции и слово *гощение* как обозначение формы организации социальных взаимодействий, в самом денотате которого присутствует отсылка к организационно-регулятивному потенциалу гостевых взаимодействий, и любое слово соответствующей семантической области – *гость, отгащивать, выгостья* и др., поскольку каждое из них, являясь обозначением элемента из развернутого социального сценария, на уровне актуализируемых речевых смыслов, коннотаций репрезентирует социальную семантику в языке. Например, *гость* – обозначение коммуникативной роли, исполнение которой сопряжено с множеством ограничений, детерминированных социальным окружением, средой; *отгащивать* – диалектное обозначение ответного прихода в гости, социально предписанного, одобряемого и ожидаемого; *выгостья* – снабженное негативными коннотациями диалектное обозначение засидевшейся в гостях женщины, нарушающей сложившиеся в данной социально-культурной группе негласные правила поведения в чужом доме, злоупотребляющей гостеприимством хозяев.

К выражению социально-регулятивной семантики причастны, как правило, целые лексические группировки («Гощение», «Воспитание» и др.), в том числе обширные лексико-семантические поля. Это обусловлено, по-видимому, тем, что абстрактное понятие «социальная регуляция» воплощается в виде цельной идеограммы только в книжной речи, а в разговорном, диалектном дискурсе и просторечии социально-регулятивные смыслы обнаруживаются преимущественно

в прагматической части значения слов, в зоне пресуппозицонных смыслов, иначе говоря, они «рассыпаны» в лексике и фразеологии языка и могут быть выявлены и описаны только при комплексном подходе к изучению лексических группировок.

Ассортимент лексико-семантических подмножеств, выражающих семантику социальной регуляции, был определен методом фронтального просмотра словарей русских народных говоров, в ходе которого была собрана лексика, описывающая социальные феномены, взаимодействия и отношения между членами деревенской общины, поскольку все эти социальные объекты, явления, связи представляют собой разные стороны управления людьми или способы самоорганизации быта, то есть на логико-понятийном уровне связаны с понятием регулирования жизни социума. Кроме того, учитывались результаты имеющихся на сегодняшний день этнолингвистических исследований, посвященных лексике, фиксирующей особенности организации жизни крестьянской общины (подробнее см. Введение).

Затем выделенные лексические множества, объединяющие номинации необрядовых (бытовых) взаимодействий между людьми и социальных явлений, которые влияют на такие отношения, были разделены на группы. Их названия представляют собой метатолкования, включающие семы ‘регулировать’ и ‘регулироваться (быть регулируемым)’. Группы будут представлены с разной степенью развернутости в зависимости от того, насколько подробно они будут освещаться в дальнейшей части диссертационной работы. Так, группы, которые станут предметом рассмотрения в следующих главах, лишь схематично очерчены, а группы номинаций, исключенные из рассмотрения в данной работе, но близкие проблематике исследования, снабжены более развернутым комментарием.

1. Официальный орган, социальный институт либо его представитель, осуществляющий управление, регулирование. Как показывает анализ выборки слов, в говорах, безусловно, есть обозначения местных властей, административных органов, руководителей: перм. *тузьё* ‘высокопоставленные, важные люди’ (*После войны тузьё-то в деревню редко приезжало*) [СПГ, т. 2, с. 453], печор. *большóй пёрст* ‘человек, занимающий высокую должность’ (*Я вот*

с Николаем Савельичем дружу, он большой пёрст был, директор школы) [ФСРГНП, т. 1, с. 55], печор. *больша́я голова́* ‘человек при высокой должности, обладающий большими связями и возможностями’ (*– Где он работает? – Ну, он большая голова, в сельсовете работает*) [ФСРГНП, т. 1, с. 53] и др. Ср., например, опыт анализа наполнения номинативного поля «Государство», выполненного на материале говора Печорского района Псковской области [Грицкевич, 2011б] и выявившего его специфичность, обусловленную граничным положением региона: лексика включает обозначения государств *Советы, Эстония*, оппозиции *мы, наш – они, их*, обозначения социальных ролей *начальник* и др. Однако объектом нашего исследования было выбрано отражение в лексике другого типа организации жизни крестьянского сообщества – социальной регуляции неинституционального типа.

2. Неинституциональный субъект регулирования жизни общины. В сущности речь должна идти об общественной саморегуляции. В качестве субъекта организации жизни и быта общины выступает сама община, сообщество составляющих ее людей. В русских говорах бытует ряд обозначений собрания жителей деревни, в функции которого входило регулирование жизни, принятие общих решений, управление: твер., пск., калин., новг. *суём, суйм, су́йма* ‘собрание, сходка, совещание о делах; мирской сход’ [СРНГ, т. 42, с. 180, 191], волог. *суёма* ‘собрание жителей деревни’ (*Вчерась на суёме решили вот что: будем загороды стеречь по очерёдке*) [СВГ, т. 10, с. 153], том. *схо́дня* ‘сходка; собрание членов сельской общины’ [СРГС, т. 4, с. 494], свердл. *сбо́рень* ‘деревенская сходка, собрание’ [СРНГ, т. 36, с. 181], брян. *грама́да* ‘мирская сходка’ и ‘толпа, много народу, множество’ [СНГЗБ, с. 82], арх. *шуми́ха* ‘мирской сход’ [Подвысоцкий, с. 194], курск. *себро́вщина* ‘собрание членов сельской общины, мирская сходка’ (*Вся себровщина присудила мне владеть этою землею*) [СРНГ, т. 37, с. 95] и др. Именно община в целом могла вершить суд над поступками человека, ср. контекст к арх. *мирову́хой* ‘все вместе, сообща’ (*Его сегодня мировухой лупили*) [СРГК, т. 3, с. 241]. Это объясняет уникальные языковые факты вроде рус. (бурят.) *сведе́нь* ‘насильно выселенный в другую

деревню человек’ (*Сведенем его прозвали потому, что его три раза всем обществом переселяли из одной деревни в другую. А сведенем он стал потому, не мог долго ужиться с мужиками в деревне*) [СРГС, т. 4, с. 245].

3. СОЦИАЛЬНЫЕ РЕГУЛЯТОРЫ, СЛОЖИВШИЕСЯ В ЕСТЕСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ. Результаты исследований, которые проводились в контексте проблематики общественно-гуманитарных наук, позволяют заключить, что к числу наиважнейших социальных регуляторов относят обычай, общественное мнение и признанные в социально-культурной группе ценности. Из них обычай и ценности вносят стабильность в процесс общественного воспроизводства и усваиваются человеком неосознанно («интериоризуются»), а общественное мнение необходимо для мобильной внешней коррекции.

В полном соответствии со сказанным находится значительное количество русских диалектных обозначений обычая: астрах. *запра́в* ‘обычай, обряд, обыкновение’ [СРНГ, т. 10, с. 351], орл. *обы́чья* ‘обычай, обыкновение, традиция’ (*Абычья такая была: жыниха с нивестъй у гости звать*) [СОГ, т. 8, с. 67], юж.-урал. *стопа́* ‘обычай’ (*У нас вить у казаков все по-особенному, так и счас придерживамся етих стопов*) [Малеча, т. 4, с. 186] и мн. др. Отражению этого социального регулятора в русском языковом сознании будет посвящена отдельная глава.

Помимо обычая, в традиционном обществе норму диктует мнение членов общины не как собрания (органа управления), но как множества, составляющего окружение человека, ту среду, в которой он живет. Лексико-семантическое поле «Общественное мнение» объединяет слова разных частей речи со значениями ‘уважать’, ‘стать уважаемым’, ‘осудить’, ‘опозорить’, ‘имеющий плохую репутацию’, ‘неавторитетный, неуважаемый’, ‘неуважаемые люди, сброд’, ‘общественное мнение, репутация’, ‘распространение дурной славы’ и др. В общенародном языке мысль о том, что мнение о человеке является общим для

всех или многих членов социума, воплощена, например, в лексеме *слава*[1], обозначающей мнение о ком-либо и молву, толки.

Семантическая область «Порицание», объединяющая лексику, непосредственно соотносимую с регулятивным воздействием, также достаточно хорошо разработана в русских диалектах. В числе объектов номинации оказываются:

- порицающие действия, как правило, речевые, поскольку без использования вербальных средств невозможно ни распространение сплетен, ни внушение, ни обсуждение, ни осмеяние: рус. (карел.) *офофóнить* ‘опозорить, пристыдить’ (*Ой, как я его офофонила при всем-то народе, вот постыдку-то было; Поди скажи Темухе-то, что я пойду в Великую затра, дак офофоню его обязательно*) [СРГК, т. 4, с. 342], брян. *разгýдить* ‘расславить, разбранить, осудить’ [СНГЗБ, с. 225], мурман. *заплевáть* ‘строго осудить’ (*Пойдет мужчина с девушкой, заплюют, не принято было*) [СРГК, т. 2, с. 176], ленингр. *клеймúть* ‘ругать, осуждать’ (*И как меня соседи клеймят*) [СРГК, т. 2, с. 363], рус. (карел.) *зажупéть* ‘начать говорить о ком-н. неодобрительно, с осуждением’ (*Зажупят все в поселке об них, и остановить нельзя было*) [СРГК, т. 2, с. 123], яросл., перм., урал., влад., вост.-закам., сарат., смол., волог. *честúть* ‘бранить’ (*Ну и начели честить ево; Увидала я его, мошенника, и уж честила, честила – всё выбаила, чего знала; Как стал его честить при всем народе*) [КСРНГ], пск., твер. *чéствовать* ‘честить, ругать, бранить, выговаривать’ [КСРНГ], печор. *всяко выставлять (вы́ставить)* ‘сильно ругать кого-либо, порочить, позорить’ (*Баба Люба вчерасе на танцы бегала, дэк сёдни в магазине всяко молодёжь выставляла; Петровна её с Митькой видела, дак всяко бедну девку выставила*) [ФСРГНП, т. 1, с. 154] и др.;

---

[1] Это слово является многозначным и имеет в современном литературном языке следующие значения: *слава* ‘почетная известность как свидетельство признания заслуг, таланта, доблести и др.’, ‘то или иное мнение о ком-, чем-либо; репутация’, ‘(разг.) слово, молва, толки’, ‘возглас, выражающий хвалу, признание’, ‘название русской хвалебной величальной песни’ [ССРЛЯ, т. 13, с. 1123].

- порицающий субъект, особенно часто это фигура сплетника, насмешника, острого на язык: иркут. *простусме́шник* ‘тот, кто часто подшучивает над другими; шутник, пересмешник’ (*Михаил-то Пятроич простусмешник такой, он ево и поднял на смех*) [СРГС, т. 4, с. 48], калуж., курск. *худосла́вник* ‘сплетник’ [КСРНГ], ветлуж., урал. *худосла́вница* ‘сплетница’ [КСРНГ];
- объект порицания, который имплицитно присутствует в глагольной семантике и номинативно воплощен в негативных характеристиках человека; среди всего разнообразия таких характеристик отметим слова со значением ‘тот, кто оказался последним в каком-либо общем деле – работе, игре и др.’: юж.-урал. *чуча-мазя* [удар.?] ‘так дразнят дети того, кто позже всех выходит из воды при групповом купанье’ (*Чуча-мазя – дохла коза!*) [Малеча, т. 4, с. 468], смол. *телёпа* ‘о последнем вознице с навозом, над которым шутят, подсмеиваются’ [СРНГ, т. 43, с. 349];
- предметы, вручаемые объекту в знак посрамления, что обычно сопровождается произнесением речевой формулы: калуж. *петровская ки́ла* ‘лошадиная голова, которую привязывают к крыльцу не принимавшего участия во встрече Петрова дня’ (*Петровская кила по зорям ходила, всех побудила*) [СРНГ, т. 13, с. 206].

Порицание представляет собой наказание – воздействие, имеющее целью коррекцию (прямое регулирование) неодобряемого поведения человека, и воплощается в словесном поношении и ритуальных акциях. При этом важны публичность и способ демонстрации (наличие формы выражения неодобрения).

Наконец, этические оценки тоже представлены в лексике русского языка; в частности, для народного сознания релевантны категории греха, совести и другие понятия этики и морали, что находит выражение в диалектном дискурсе. Ценностные ориентации играют роль скрытых регуляторов: интериоризация (усвоение) признанных в обществе ценностей имеет следствием определенное поведение человека.

4. Необрядовое социальное взаимодействие, регулируемое обычаем. Взаимодействие людей представлено в диалектной лексике ярче, чем воздействие

одного человека на другого члена социума. К значимым для традиционной крестьянской культуры сферам взаимодействия людей относятся, например, народные гулянья, гощение, коллективная работа.

В ходе фронтального просмотра диалектных словарей выявляются разнообразные идеограммы семантической области «Хождение в гости»: перм. *подáть вóду со льдом* ‘принять кого-либо холодно, негостеприимно’ [СПГ, т. 2, с. 117], рус. (карел.) *быть на своéй свáдьбе* ‘не стесняться, не смущаться в гостях, за столом у кого-либо’ (*Да достану хлеб: на своей свадьбе-то была, руки-то длинны*) [СРНГ, т. 36, с. 315], юж.-урал. *гостевáться* ‘взаимно ходить в гости’ (*Раньше ведь праздники были, все друг дружку знали и гостевались*) [Малеча, т. 1, с. 363], арх. *захребéтник* ‘неприглашенный гость, которого не сажали за стол, но обносили пивом и угощением’ (*Приходи, хоть и захребетником. Незваные гости за спиной должны сидеть. Захребетников кормили – то-то подавали, остатки со столов. И пивом поили. Не сидели за основным, за гостевым столом. Но угощали тоже*) [СГРС, т. 4, с. 233], арх. *бесéда* ‘сидение в гостях без приглашения’ [СРНГ, т. 2, с. 262], арх., онеж. *бéззова, бéззва, беззвá, беззвý, бéззыва, беззы́ва* ‘размолвка между родственниками; прекращение взаимных приглашений в гости из-за размолвки, ссоры’ [СРНГ, т. 2, с. 191] и др. Даже поверхностный взгляд на лексику гощения дает понимание того, что этот вид бытовых межличностных взаимодействий в высокой степени «социализован», то есть регламентирован укрепившимися в данном социуме обычаями.

Другой сферой взаимодействия крестьян, которая запечатлена диалектной лексикой, является совместная работа артели либо коллективная помощь одному из членов общины в выполнении тяжелых хозяйственных или срочных сезонных работ: кемер. *рабóтать на складцáх* ‘оказывать коллективную помощь’ [СРГС, т. 4, с. 82], арх. *артéльно брать* ‘делать что-либо сообща’ (*Собираются соседи, помогают друг другу – вот и артельно брать*) [СГРС, т. 1, с. 23], волог. *семéево* ‘группа родственников, созываемая для помощи в какой-либо большой работе’ (*Семеево созовешь и избу строишь, и друго что делаешь*) [СРНГ, т. 37, с. 145], волог. *пострáдки* ‘добровольная коллективная работа в помощь кому-л. (в период

косьбы, уборки урожая)’ (*Людно нас было на пострадках-то*) [СВГ, т. 12, с. 12], костр. *коси́ть в раско́с* ‘косить всем вместе, сообща, получая деньги от лица, отделившегося, не пожелавшего участвовать в совместной косьбе’ [СРНГ, т. 34, с. 133], сиб., верхнелен. *назьмы́* ‘коллективный вывоз навоза в порядке очередности (хозяин, у которого возят навоз, устраивает угощение, по́мочь)’ [СРНГ, т. 19, с. 281] и мн. др. Регулятивный аспект трудовых отношений состоит, с одной стороны, в их упорядочении обычаем поочередной коллективной помощи членам общины (этот обычай имел утилитарное назначение, обеспечивал выживание), с другой стороны, в необходимости согласовывать действия вместе работающих людей и возможности наблюдать за работой других, их качествами, умениями, что провоцирует возникновение в процессе совместного труда взаимных личных и социальных оценок, основанных, в частности, на соревновательности.

К числу сфер бытового взаимодействия следует отнести и праздничные гулянья, игры молодежи, которые, заметим, в большой степени ритуализованы. Особую область составляют отношения в семье, которые, конечно, тоже находят отражение в лексической семантике.

5. Превентивное регулирующее воздействие как способ социального воспроизводства. Регулирование жизни и быта любого человеческого сообщества осуществляется опосредованно через систему воспитания в естественной коммуникации – в семье, при освоении ремесла, при вхождении в новую среду и т. д. Идея превентивного воздействия общества на человека воплощена и в лексике, описывающей воспитание и обучение ребенка, реже – взрослого человека. Смысл ‘регулировать’ можно видеть здесь и непосредственно в актах воздействия на человека с целью повлиять на его поведение: арх., вят. *уйм* ‘средства, меры воздействия на кого-л., обуздание чьего-л. произвола, беззакония и т. п.’(*Аль на тебя уйму нет?*) [КСРНГ], вят. *щув* ‘унимание, увещание, остановка’ (*Никакова-то щуву на них нет*) [КСРНГ], пск. *напра́вить* ‘указать правильное направление в жизни, наставить’ [ПОС, т. 20, с. 162], брян., смол. *припути́ть* ‘приучить к делу, воспитать, вывести в люди’ [СРНГ, т. 31, с. 361],

пск. *в дыбу (в дыбы) ввести кого* ‘образумить кого-л., преодолеть чьё-л. сопротивление, упрямство’ [СПП, с. 39] и др. Лексика воспитания включает глаголы, способные обозначать прямое воздействие одного человека (например, родителя) на другого (например, ребенка).

6. Объект социальной регуляции. Объектом регулирующего воздействия является поведение человека с его качествами личности и социальными ролями как единицы общественной организации.

Одной из важнейших в смысле характеристики отношений между человеком и социумом является социальность, или общительность, человека, в русских народных говорах она же – *народность, людскость*. Иллюстративные контексты к таким словам (записи диалектной речи) показывают, что окружение постоянно оценивает человека по поведению в коммуникации, по его вписанности в связи и отношения внутри общины. В контексте консолидирующих мотивов, присутствующих в обозначениях общины, мирского схода, примечательны лексемы, называющие человека, который живет обособленно, отделяет себя от остальных: забайкал. *само́шник* ‘человек, противопоставляющий себя другим людям, коллективу; эгоист, себялюб’ [СРНГ, т. 36, с. 113], урал. *самоду́м* ‘человек, живущий самостоятельно, без посторонней помощи и советов’ (*Захотел жить самодумом и живи, на нас не надейся*) [Там же, с. 85], ленингр. *отвлечённый* ‘обособившийся, противопоставивший себя всем остальным’ (*А они отвлечённые с нашей деревни. Таки завидные, только бы взять что, таки самолюбы, колодец выкопали, да чтоб никто не взял воды [о приезжих]*) [СРГК, т. 4, с. 279] и др. О смысловых вариациях, которые появлялись у слова *самолюбие* в различные периоды и в разных социальных стратах, см. работу Е. Л. Березович, которая подчеркивает, что в народной языковой традиции за самолюбием стоит своеволие и неумение жить в обществе [Березович, 2013, с. 100]. В зону «общественного контроля» (то есть наблюдения, оценки, что находит выражение в одобрительных или неодобрительных номинациях) попадают и другие характеристики человека: социальный и нелюдимый, работящий и ленивый,

хозяйственный и бесхозяйственный, скандальный и тихий, сплетник, высокомерный; тот, кто не держит слово, и др.

Выше уже упоминались обозначения уважаемых и неуважаемых людей. Например, в народной речи бытуют обозначения людей низкого социального статуса: новг. *ша́вань*, новг., твер., курск. *ша́вель*, тул. *ша́верень* ‘шваль, сброд, сволочь, ничтожный, дрянной люд’ [Даль, т. 4, с. 637], иркут., новосиб. *шара́бора* ‘компания непорядочных, неприличных людей; сброд’ [СРГС, т. 5, с. 324], курск., новг., твер. *ша́вель* ‘ничтожные люди, дрянь’ (*Всякая шавель обо мне говорит; Собрались, да все шавель*) [КСРНГ], краснодар. *шу́валь* ‘шваль, плохие люди’ [КСРНГ], *шу́шера, шу́шерь, шу́шель* (собир.) ‘сброд, сволочь люда, шушваль, дрянной люд’ (*Такая шушера сошлась, что не знаешь, куда отвернуться*) [Даль, т. 4, с. 670], тобол. *ши́хоботь*, олон. *ши́хворость* ‘сброд, шваль, шушваль, шижголь, сволочь’ [Даль, т. 4, с. 656], *шваль* (собир.) ‘шушваль, шушера, сволочь или сброд, дрянной людишка’ [Даль, т. 4, с. 644], вост., перм. *ши́шара*, *ши́ша*, калуж. *ши́жголь* ‘народ, сброд, сволочь, шихоботь, шваль, шушваль; голь перекатная, бедняк, или шатун, лентяй’ [Даль, т. 4, с. 656], перм. *галёрка* ‘о людях, не имеющих веса, авторитета в обществе’ [СПГ, т. 1, с. 155]. Среди слов с изучаемым значением большую группу образуют фразеосочетания вида «кто(что)-л. да кто(что)-л.», имеющие семантику собирательности: костр. *шо́ша да бараб́оша* ‘сброд, никчемные люди’ (*Ни на что негодных людей называла мама так, скажет: собралися шоша да барабоша*) [ЛК ТЭ], олон., костр., горьк. *кол да перетыка* и костр. *шваль да подбира́ло* ‘(пренебр.) непорядочные люди; всякий сброд’ (*У нас ведь родня-то шваль да подбирало, оторви да брось, кол да перетыка*) [СРНГ, т. 26, с. 249] и др. Любопытно, что обозначения уважаемых и неуважаемых людей различаются по реализации в них количественной семы: «единичность» vs. «множественность». Неуважаемые люди представлены в наивно-языковом сознании как составляющие асоциальную группу, держащиеся ватагой и похожие друг на друга неблаговидностью поступков или образа жизни: *Вся ошошь идет* [ЛК ТЭ], моск. *шурда́-бурда́* ‘всякий народ, все больше мало годные люди’ (*Шурды́-бурды́ собрались*) [КСРНГ], дон. (неодобр.) *сук (да, и)*

крюк (да, и) дрюк, ва́ленок-бирю́к (лапоть) ‘отрицательная характеристика группы людей’ (*Два чилавека, адин аднаво стоить, сук и крюк, сучки збивають; Сук, дрюк и лапать сабрались там, бягун ли, бягличка, бедныи, пьяницы*) [БТСДК, с. 518] и др.

Обозначения же уважаемых людей, имеющих «вес» в обществе, как правило, не имеют категории собирательности; нет среди этих номинаций и случаев лексической редупликации: оренб., ворон., урал., сибир. *стари́к* ‘уважаемый член общества, имеющий право голоса на сходе, пользующийся авторитетом и доверием односельчан’ [СРНГ, т. 41, с. 70], перм. *почётный* ‘уважаемый, пользующийся вниманием’ (*Они все жё почётные люди, справные, в чести живут; Не буду хулить себя и сестру, были мы почётными и по родным и сами по себе, трудливыё мы были, вот и уважали нас*) [СПГ, т. 2, с. 194] и др.

Нормативно-оценочный компонент семантики в именованиях людей по социальному статусу «уважаемый / неуважаемый» очевиден. Иллюстративные контексты к этим словам, в свою очередь, фиксируют социально-регулятивные смыслы: рус. (бурят.), кемер. *славу́тный* ‘знатный, пользующийся всеобщим уважением, славой, зажиточный’ (*У гости ходили. К худым-то людям не ходили, усё старались к славутным людям*) [СРГС, т. 4, с. 337], печор. *в (при) чести́ и (да) в (при) ми́лости (почёте); в (на) уваже́нии; на почёте; на сла́ве* ‘пользуясь уважением и любовью людей (жить)’ (*Она как придёт, все её обнимают, все в гости зовут, у всех она в чести; В уважении у людей Иван Никифорович*) [ФСРГНП, т. 1, с. 116]. В приведенных высказываниях объективирована система взаимных выборов, предваряющих гощение: представитель микросоциума, опираясь на личные оценки, предопределенные либо подтвержденные общественной оценкой, имеет суждение относительно того, в какой дом он может отправиться в качестве гостя и кого он желал бы видеть у себя в качестве гостя.

Среди обозначений социальных ролей надо назвать идеограмму ‘ходатай’. Из исторических источников известно, что в крестьянских общинах были собственные ходатаи – челобитчики, заступники, посылаемые от общины в качестве просителей, в одиночку или в составе депутации, народные

представители перед внешним миром (столичным или губернским городом), перед людьми, занимающими руководящие должности: перм., ворон. *стара́тель* ‘доверенное лицо, избранное для посредничества, ходатайства’ [СРНГ, т. 41, с. 66], рус. (бурят.) *хода́тель* ‘ходатай, проситель за других’ (*Сам себе выбрал ходателя, так надейся на него*) [СРГС, т. 5, с. 219], перм. *хода́ка* ‘выборное лицо, посланное куда-л. с поручением, ходатайством; ходок’ (*Отец-от Ирины – ходака, к Ленину ходил*) [СПГ, т. 2, с. 503], рус. (бурят.) *хода́чество* ‘хождение по разным инстанциям с жалобами и просьбами по поручению схода или группы людей’ (*У меня прадед и дед ходачеством занимался, он до самого царя доходил; Кто в ходачество ходил, тот с жалобами от семьи ходил, от всего общества, от десятидворки*) [СРГС, т. 5, с. 219] и др. Регулятивный аспект семантики состоит здесь в актуализации семы наделения полномочиями (это выборное лицо). Кроме того, ходатай по своему статусу[1] был лицом авторитетным.

---

[1] Если образ ходатая «встроен» в представления о традиционном народном социуме, то находящиеся в оппозиции друг другу образы работающего человека и иждивенца (это также характеристики, определяющие социальный статус человека) имеют место в картине мира не только крестьянина, но и, например, жителя современного города, поэтому соответствующие номинации присутствуют и в русских народных говорах, и в литературном языке. Следовательно, типы социальных ролей, статусов человека в разных культурных стратах могут совпадать, однако индикатором культурного своеобразия в таких случаях может служить различная номинативная плотность соответствующих групп лексики в разных языковых идиомах; особенно показательно, когда несколько наименований одной социальной роли функционируют в одной группе говоров. Например, семема «иждивенец» реализуется в десятках диалектных лексем: новг. *хлебое́жь* ‘неработники в семье’ (Герасимов, 1853) [КСРНГ], пск., твер. *хлебое́жа* ‘кто живет на чьем-л. иждивении’ (*Хлебоежей-то много, а работников-то мало*) [Там же], тул. *чужегорбо́вник* ‘человек, сидящий на шее у кого-л., на иждивении и не желающий трудиться’ [Там же], ср.-обск., влад., волог., ряз. *чужеспи́нник* ‘иждивенец; тот, кто живет за счет чужого труда’ [Там же], курск. *чужехле́б* ‘не работник в семье’ (Резанова, 1915) [Там же], новг. *наше́йник* ‘человек, живущий за счет других; нахлебник’ (*Три нашейника были у меня, и не заболели ни я, ни он*) [СРГК, т. 3, с. 400] и др. Подобные наименования следует считать выразителями собственно нормативной семантики, поскольку работа с целью прокормить себя и семью – это, безусловно, утилитарная норма.

Итак, анализируя данные словарей и лексических картотек, мы составили представление о ***диапазоне социально-регулятивной семантики***, нашедшей выражение в лексике русских народных говоров. Она конкретизируется в следующих понятиях:

– официальный орган либо его представитель, осуществляющий управление, регулирование (*сельсовет, председатель*).

– неинституциональный субъект регулирования жизни общины (*община, сходка, мир*);

– социальные регуляторы, сложившиеся в естественной коммуникации (*обычай, общественное мнение, этические ценности*);

– необрядовое социальное взаимодействие, регулируемое обычаем (*гощение, коллективная помощь члену общины, совместная работа, праздничные гулянья, игры, отношения в семье*);

– превентивное регулирующее воздействие как способ социального воспроизводства (*воспитание*);

– объект социальной регуляции (*человек, его поведение, качества, социальные роли* и др.).

Номинации последней группы могут рассматриваться в рамках других групп как их часть.

В рамках данного исследования к материалу были применены ограничения. Из числа объектов анализа были исключены лексические множества, соотносительные с неспецифичными для традиционной народной культуры способами и формами регуляции – социальными институтами (право, административно-правовое, уголовное наказание, семья), функционированием социально-экономических структур (сельсовет, колхоз), имущественным делением (кулак), распределением социальных ролей (ходатай), сферой поведенческих характеристик человека (нелюдим), с такими видами взаимодействий, социальное значение которых объективируется в контексте обряда, ритуала (погребение, сватовство, праздник, инициация, ритуализованное порицание, игра и др.).

Далее внимание будет уделено лексическим репрезентантам представлений о главном для обществ традиционного типа социальном регуляторе (обычае), о сферах действия обычая, а именно о необрядовых социальных взаимодействиях, регулируемых обычаем (гощение, коллективная помощь члену общины), а также о прямом регулирующем воздействии на человека (воспитание). И бытовой обычай, и воспитание служат социальному воспроизводству, но первое оказывает скрытое, не осознаваемое человеком влияние, в то время как воспитание подразумевает, как правило, что один человек непосредственно и открыто воздействует на другого.

Номинации, которые анализируются в данной работе, описывают сложившиеся и действующие в естественной коммуникации способы социального воспроизводства и образуют существенную часть мотивационно-семантического поля «Социальная регуляция неинституционального типа». Иначе говоря, выбранное для изучения множество слов не исчерпывает всего объема номинаций, выражающих социально-регулятивную семантику, однако включает наиболее характерные для народной языковой традиции группировки лексики социальной регуляции, вместе с тем представляющие собой разные смысловые пласты.

На сегодняшний день в языкознании накоплено значительное количество трудов, содержащих теоретические основы и практические опыты анализа лексических множеств [Уфимцева, 1961; Уфимцева, 1968; Городецкий, 1969; Гулыга, Шендельс, 1969; Васильев, 1971; Караулов, 1972; Пелевина, 1972; Шмелев, 1973; Долгих, 1973; Щур, 1974; Караулов, 1976; Денисов, 1980; Залевская, 1977; Быстрова, Капатрук, Левицкий, 1980; Стернин, 1985; Зализняк, 1992; Гак 1993; Гак, 1995; Павлов, 1996; Покровская, 1996; Феоктистова, 1996; Верещагин, Костомаров, 1998; Гак, 1998; Барышев, 1999; Земскова, 1999; Рябцева 1999; Шенделева, 1999; Кобозева, 2000; Гольдберг, 2000; Воевудская, 2001; Падучева, 2001; Артемова, 2002; Гольдберг, 2002; Ивашенко, 2002; Панкина, 2002; Толстая, 2002; Абрамов, 2003; Якушкина, 2003; Березович, 2004; Чигашева, 2004; Лысякова, 2005; Носенко, 2005; Урбанович, 2005; Куренкова, 2006; Варбот,

2007; Забродкина, 2007; Петрова, 2007; Новикова, 2008; Рубцов, 2008; Верхотурова, 2009; Штукарева, 2009; Толстая, 2010; Шеина, 2010; Абрамова, 2011; Дормидонтова, 2010 и мн. др.]. Определены категориальные свойства семантических полей: наличие семантических отношений (корреляций) между словами, системный характер таких отношений, взаимозависимость и взаимоопределяемость лексических единиц, относительная автономность поля, непрерывность обозначения смыслового пространства, взаимосвязь семантических полей в пределах всей лексической системы (всего словаря) [Кобозева, 2000, с. 99].

Лексика, в которой воплощены представления о социально-регулятивном аспекте отношений людей в русской деревне, образует семантическое поле, в целом обладающее теми же категориальными свойствами. При этом оно имеет специфику, обусловленную выбранным подходом к его формированию с учетом локализации эксплицируемого семантического компонента в ассертивной или пресуппозиционной части значения лексем. Явление социальной регуляции репрезентируется комплексом лексических подмножеств разного типа, то есть объединяет разные по статусу лексические группировки – поля или отдельные микрогруппы. Например, в данной работе к анализу привлечены одно цельное лексико-семантическое поле («Гощение»), одно лексико-семантическое поле частично («Обучение») и два синонимических ряда – с учетом междиалектной синонимии[1] («Обычай» и «Коллективная помощь»).

Каждое из лексических подмножеств может быть проинтерпретировано с разных позиций. Ключевое имя поля или входящие в его состав слова могут быть истолкованы как представляющие различные семантические категории

---

[1] В данной работе будут рассматриваться лексемы, служащие обозначениями понятия «обычай», а именно собственно слово *обычай*, его синонимы и аналоги («аналогами называются такие слова, значение которых существенно пересекается с общим значением данного ряда синонимов, хотя и не достигает той степени близости к нему, которая конституирует собственно синонимию» [Апресян, 2003, с. XX]).

(соотносимые с логико-понятийными). Например, лексику гощения можно интерпретировать как комплекс номинаций, соотносимый:

– со сферой «Бытие» или «Передвижение в пространстве» (так, глагол *гостить* ‘жить, пребывать, проживать некоторое время у кого-либо, прибыв с целью навестить, посетить, проведать кого-либо’ отнесен в «Толковом словаре русских глаголов» к разделу «2.1. Глаголы бытия» подразделу «2.1.2.3. Глаголы бытия-существования в определенном времени и пространстве» [ТСРГ, с. 469]);

– со сферой «Межличностное взаимодействие», поскольку это номинации, описывающие бытовые посещения, прием гостей;

– со сферой «Социальная регуляция», поскольку в народной культуре хождение в гости служит средством включения в общественные отношения и одновременно предполагает вторжение в домашнее пространство, а потому является в значительной степени регламентированной сферой, неслучайно в русских народных говорах выявляется весьма разветвленная сеть идеограмм данной семантической области, в отличие от литературного языка.

Например, в «Идеографическом словаре русского языка» О. С. Баранова вовсе не представлена сфера «Гощение» как самостоятельная, а идеограмма «гость» включена в разделы «208 – Пребывание человека» (подразделы «прибытие», «присутствие», «посещение», «отбытие» включают идеограммы, которые описывают перемещения человека во времени и пространстве) и «241 – Публичность» (подраздел «Встреча людей»).

Различия в семантических классификациях, вызванные несовпадением логико-понятийных трактовок обозначаемого словом понятия или целой денотативной области, позволяют включать лексическую группировку в разные более крупные лексические множества с целью описать направления языковой концептуализации того или иного абстрактного понятия (например, концептуализации представлений о социальной регуляции).

Интерпретируя обычай и воспитание как способы социальной регуляции неинституционального типа и подразумевая общность языковых знаков на основе присутствия социально-регулятивного смыслового компонента в ассертивной

либо пресуппозиционной части их лексического значения, мы могли бы говорить о поле с неочевидной категоризацией в том смысле, что оно не обладает выраженной таксономией, иерархической структурой, в нем слабо представлены родо-видовые связи, а кроме того, возможен взгляд на эти же лексические группировки с позиции других оценок, других квалификаций.

Контуры и конфигурация мотивационно-семантического поля «Социальная регуляция» должны уточняться по мере осмысления разных социальных объектов и явлений через призму представлений об организации жизни человеческого сообщества.

Структурирование мотивационно-семантического поля требует осмысления. Думается, например, что в нем трудно выделить «ядро» (центр) в обычном дл характеристики полевых структур понимании: понятие «социальная регуляция» не имеет в русских народных говорах самостоятельного, свободного от пресуппозиции, от представлений о конкретизирующей его реалии, однословного лексического воплощения.

Выводы по главе 1

Подытоживая сказанное, отметим, что в лексике русских народных говоров репрезентированы представления об отдельных социальных феноменах как обусловливающих саморегуляцию в крестьянской общине, то есть представления о социальной регуляции неинституционального типа. Под *социальной регуляцией* мы будем понимать принципы, формы и способы организации жизни и быта человеческого сообщества или его части, оказывающие прямое или опосредованное влияние на поведение человека в коммуникации.

Социальная лексика ранее не рассматривалась с точки зрения выявления в ней социально-регулятивных смыслов. Чтобы выявить их, мы обратились к концепции структурированности лексического значения слова, в котором можно

выделить несколько частей – ассертивную и пресуппозиционную. Социально-регулятивный компонент значения может быть частью сигнификата или представлять собой коннотацию, что позволяет объединить в мотивационно-семантическое поле «Социальная регуляция» номинации, различающиеся по типу включения социально-регулятивных смыслов в их значение. Для лексики социальной регуляции как части лексического массива, описывающего социальные объекты и отношения в целом, такой принцип объединения языковых фактов кажется целесообразным, поскольку вообще смыслы социальной сферы часто реализуются в области коннотаций.

В работе будет уделено внимание лексическим репрезентантам представлений о главном для обществ традиционного типа социальном регуляторе (обычае), о сферах действия обычая (гощение, коллективная помощь члену общины), а также о прямом регулирующем воздействии на поведение человека (воспитание). К данному массиву языковых единиц, который мы ограничили лексикой русских народных говоров и общенародного языка, применяются методы семантического и мотивационного анализа.

ГЛАВА 2

ОБЫЧАЙ КАК СЕМАНТИЧЕСКИЙ МОТИВАТОР ПОЛЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ: СЛОВО И ПОНЯТИЕ

В данной главе будет уделено внимание разносторонней характеристике слова *обычай*, его синонимов и аналогов в русских народных говорах, а также обзорно – в русском литературном языке. Выход за рамки исследования, определенные границами диалектной лексики, обусловлен тем, что «обычай» – базовое для традиционной народной культуры понятие, воплощенное во множестве диалектных, общенародных номинаций, книжных слов.

Языковые факты, имеющие отношение к обычаю в любой из его ипостасей (обряд, правило поведения, типичная особенность быта и т. д.), неоднократно становились предметом рассмотрения в лингвистических работах, выполненных на разном материале.

Под ***лексикой обычая*** можно понимать большой фонд языковых единиц, которые служат обозначениями обычаев и обрядов, элементов традиционных и мистических практик (общенар. *обычай*; диал. *мирщи́на* ‘коллективная работа’, *перепо́й* и *перепо́и* ‘часть свадебного обряда: гуляние на второй день в доме невесты’, *сле́вки* ‘деревенское гуляние, устраиваемое у одного из жителей деревни в складчину’, *бра́тчина* ‘варение пива сообща, на какой-л. праздник’ и др.), характеристик людей, которые строго придерживаются обычаев или не соблюдают их (диал. *стародýм* ‘любитель обычаев старины’, *беззако́нник* ‘о человеке, не признающем общепринятых обычаев, норм поведения, законов, нарушающем их’, *вогýл* ‘о человеке, который отступает от принятых у русских норм в поведении, речи, одежде и чем-л. напоминает манси’, *судли́вый* ‘придерживающийся строгих правил и осуждающий нарушение их’), исполнителей обрядов (*полазник, колядник, христослав, осыпальница, отпевач*), собственно действий (смол. *пообря́доваться* ‘исполнить обряд, поступить по

обычаю’ [СРНГ, т. 29, с. 284]), а также ритуальных предметов (*кутья* ‘поминальное блюдо’, *жаворонки* ‘обрядовое печенье’, *вильце* ‘свадебное деревце’ и др.) и т. д.

Немаловажную часть исследований лексики этой обширной семантической области составляют работы, посвященные этимологии, семантике и мотивации ***обозначений понятия «обычай»*** – собственно слова *обычай* и некоторых его синонимов *обыкновение, традиция, мода, закон, ритуал, нрав* и др. [Байбурин, 1993; Веснина, 2012; Глебкин, 1998; Грицкевич и др., 2013; Ефанова, 2013; Калиткина, 2014; Колесов, 1986, с. 124–130; Кравченко, 2009; Львов, 1975, с. 40; Мустайоки и др., 2006; Степанов, 2004, с. 591–620; Федяева, 2010; Шацкая, 2006 и др.].

Так, А. С. Львов, исследуя лексику «Повести временных лет», фиксирует и комментирует факт употребления в тексте летописи слова *обычаи* [Львов, 1975, с. 40]. М. Ф. Шацкая кратко излагает сведения о происхождении слов *обычай, обыкновение* в связи с анализом особенностей их функционирования в качестве юридических терминов [Шацкая, 2006].

Исследования слова *обычай* в семантическом ключе проводились в связи с осмыслением вербальных репрезентаций понятия «норма». Как указывает Л. Г. Ефанова, «для обозначения этого понятия употребляются специальные лексические единицы: *норма, стандарт, идеал, обычай, закон, правило, порядок, эталон, должное, лад* и т. д., в то время как несоответствие норме обозначается словами *аномалия, хаос, нонсенс, неурядица, брак, нелепый, странный* и т. п.» [Ефанова, 2008, с. 41]. Н. Д. Федяева, осуществив фронтальный просмотр словаря С. И. Ожегова, составляет ряд лексем, выражающих семантику нормы, куда попадает слово *обычай*: *норма, правило, канон, закон, обычай, граница, предел, норматив, квота, такса, ставка, лимит, график, руководство, требование, стандарт, право, критерий, образец* [Федяева, 2009; Федяева, 2010, с. 14]. Совпадает с ними во мнении и Г. Ю. Веснина: «На современном этапе понятие “норма” выражается следующими лексическими средствами: *норма (нормальный, нормально), мера, мерило, размер, обычай (обычный), обыкновение*

(обыкновенный), порядок, правило (правильный, правильно, правильность), образец, установление (установленный), установка, положение (положенный), на периферии – *закон, привычка, степень*» [Веснина, 2012, с. 87]. Исследования репрезентации нормативных смыслов в лексической семантике позволили обосновать трактовку обычая как нормы, социального регулятива.

Ученые обращаются к вопросам происхождения слова *закон* и дальнейшего развития его семантики [Львов, 1975, с. 189; Рогов и др., 2006, с. 176; Сичинава, 2013; Трубачев, 2005, с. 29].

Внимание уделяется функционированию слов *нрав, норов*, способных обозначать обычай [Колесов, 1986, с. 123–130; Лескинен, 2012; Львов, 1975, с. 40–41].

В историко-семантическом ключе рассматривалось слово *быт*, которое фиксировалось на разных этапах развития языка в значениях ‘обычай’, ‘образ жизни; уклад жизни, свойственный той или иной среде, той или иной социальной группе’, ‘нравы и обычаи повседневной жизни, характерные для того или иного класса, сословия, профессии’ [Рудакова, 2003, с. 46–53].

Предметом рассмотрения становится слово *мода* [Белица и др., 2009; Бочарникова, 2012; Грицкевич и др., 2011; Калиткина, 2014, с. 24–33; Мустайоки и др., 2006, с. 45–46; Попова, 2007; Хунагова, 2013а; Чурсина, 2008 и др.].

В. В. Глебкин предваряет моделирование понятийного конструкта «ритуал» сведениями о времени появления слова *ритуал* в русском языке и выражаемых им смыслах [Глебкин, 1998, с. 3].

А. В. Кравченко с целью осмыслить понятие традиции в науке обращается к рассмотрению семантики соответствующего слова: «В русском языке существительное *традиция* может употребляться в двух основных значениях: (1) ‘то, что передано / перешло / унаследовано от предшествующих поколений’ <…> (2) ‘установившийся порядок в поведении, обычай’ <…> Общее значение слова *традиция* можно определить как ‘устоявшаяся практика’, при этом в первом значении это практика неопределенно широкого круга людей, категоризованного по атемпоральному (не имеющему конкретной временной

отнесенности) признаку как абстрактное множество, например, *народ, этнос, сословие* и т. д. (ср.: *старая народная традиция, традиции коренного населения, хорошая крестьянская традиция* и т. п.); во втором же случае это практика неопределенно узкого круга людей, категоризованного по темпоральному признаку, например, *коллеги, сослуживцы, выпускники школы / вуза* и т. д. (ср.: *традиции нашего коллектива, заводская традиция, школьная традиция* и т. п.)» [Кравченко, 2009, с. 51].

Сообразно предмету исследования нам особенно интересны работы, посвященные диалектному дискурсу и функционированию в нем слов со значением ‘обычай’. Так, Ю. Н. Грицкевич и В. Г. Новиков, уделившие внимание диал. *мода*, попытались на псковском материале выявить «стороны жизни информанта», о которых идет речь в высказываниях со словом *мода* ‘обычай’: сельскохозяйственные работы (*А ра́ньшы марко́фку не́ была мо́ды се́ить, не́ была абы́чая; Ра́ньшы бы́ла ни така́я мода. Ка́жный сваю́ ни́ву абраба́тывал, а тяпе́рь каво́ ш – калхо́с; Тяпе́рь мо́ды нет рука́м каси́ть; Ни пало́ли, не́ была мо́ды*); обрядовые практики, в том числе религиозные (*Мо́да была́ ф каляду́ блины́ пячи́; До тре́х дне́й кристи́ли, а ни крести́цца нильзя́, ни в мо́ди; У нас мо́да я́йцы сабира́ть у па́сху, па сасе́дям хади́ть; Мо́да фсё́ стари́нная, э́та на хряще́ние хрястки́ ста́вили на бажни́цу*); бытовая жизнь диалектоносителей, а именно строительные работы, праздники, приготовление пищи и т. п., а также в целом уклад жизни, порядок (*Ф Пецо́рах вме́сте хо́дят в ба́ню и ба́бы и мужыки́, мо́да така́я; Из дяре́вни в го́рат хади́ть и мо́ды не́ было; Так на ка́мени руби́ли, не при́нята мо́да сра́зу фунда́мен ста́вить; Тапе́рича мо́ды нет до́ма сиде́ть, фси в клуп иду́ть*); официальные установления (*Мо́ды тако́й не́ была, штоп пе́ньсию дава́ли* и др.); индивидуальные привычки человека (*В мяня́ мо́ды нет па чужы́м кашелька́м ла́зить; В мяня́ така́я мо́да гавари́ть, как маладá́я, так хлабысту́ха* и др.) [Грицкевич и др., 2011, с. 78–79]. Авторы публикации делают важные выводы об особенностях семантики диалектного слова *мода* в сравнении с компонентами значения существительного *мода* как единицы литературного языка.

На материале других говоров – среднеобских – Г. В. Калиткина охарактеризовала семантическое своеобразие нескольких лексем интересующего нас ряда: *мода, модель, вера, поверье, обычай, завычина, закон, заведенье* и др. [Калиткина, 2014, с. 15–63]. Члены данной лексической парадигмы рассматриваются автором в определенном ракурсе – с точки зрения репрезентации в них темпоральных смыслов: «Время действия (реализации) традиции фокусируется неодинаково: для *моды* – это настоящее, для *поверья* – прошлое, *закон* оказывается амбивалентным, функционируя и в прошлом, и в настоящем, у *обычая* же, пребывающего вне времени (над временем), темпоральная локализация снята» [Калиткина, 2014, с. 52]. Однако при этом неоднократно в ходе научной интерпретации языковых фактов исследователь отмечает нормативно-регулятивные семы в значениях или коннотациях анализируемых лексем [Калиткина, 2014, с. 30, 38, 40, 48].

Краткий обзор лингвистических работ, посвященных изучению слов со значением ‘обычай’, позволяет заключить, что часть исследований имеет целью осмысление соответствующего понятия в научном дискурсе, обозначаемого терминами *традиция, ритуал, обычай, обыкновение* [Глебкин, 1998; Кравченко, 2009; Шацкая, 2006], в других публикациях внимание авторов обращено к наивно-языковым представлениям об обычае. Так, Г. В. Калиткина говорит о различении научных и обыденных взглядов на традицию: «Можно ли считать, что помимо научного понятия “традиция” существует концепт ТРАДИЦИЯ, то есть некое смысловое образование, пребывающее в обыденном (дотеоретическом) сознании индивидов, которые образуют лингвокультурную общность? Иначе говоря, обусловленное определенной национальной культурой (типом культуры) и объективированное языком? Следует предположить, что да» [Калиткина, 2014, с. 21].

Действительно, с одной стороны, практика употребления слов литературного книжного языка, имеющих своим референтом обычай, порождает терминологические трудности и побуждает и лингвистов, и специалистов других научных направлений к поиску решений вопроса о содержании терминов этой

группы, их разграничении. С другой стороны, отдельную область научных исследований составляют обыденные представления об обычае, или традиции, как социальном установлении, репрезентированные в языке. Диалектным фиксациям со значением ‘обычай’, как это ни парадоксально, уделено чрезвычайно мало внимания, несмотря на то, что именно диалектный лексический фонд представляет интерес, поскольку он соотносим с традиционной культурой русской деревни и русского крестьянства, для которого обычай как сложившееся в жизненной практике социальное установление имеет (или долгое время имел) существенно большее значение, чем для городской среды. Состав этого ряда слов в русских народных говорах требует уточнения: «Какова же лексическая реализация концепта ТРАДИЦИЯ в говорах, которые обслуживают функционирование ТК (традиционной культуры)? Прежде всего, он не имеет имени *традиция*. Парадигма, образующая эту размытую смысловую область “наивного” сознания, охватывает диалектно-просторечные ЛСВ общерусских единиц и собственно диалектные номинации, которые являются абстрактными несобытийными именами» [Калиткина, 2014, с. 22]. Отсутствует на сегодняшний день комплексное разностороннее семантико-мотивационное описание всей системы лексических репрезентаций обычая в русских народных говорах и общенародном языке.

В данной главе представлен опыт семантико-мотивационного анализа слова *обычай*, его синонимов и аналогов, функционирующих в русских народных говорах и общенародном языке. К анализу привлекаются данные исторических словарей русского языка. Основной своей задачей мы видим этнолингвистическую интерпретацию семантики и мотивации обозначенного корпуса лексики. Поиск смысловой доминанты, организующей семантическое пространство слова *обычай* и представленной в мотивационной структуре слов, служащих обозначениями понятия «обычай», интересен для понимания направлений концептуализации обычая в русском языковом сознании.

2.1. Слово *обычай* в русском языке: семантический анализ

Существительное *обычай* выбрано нами для более подробного семантического анализа среди прочих обозначений социальных установлений прежде всего потому, что оно принадлежит общенародному языку и при этом называет в современном языке предмет нашего внимания – преимущественно такие социальные нормы, которые сложились в естественной коммуникации и не закреплены документально, в отличие от слова *закон*, обозначающего сегодня прежде всего институционально установленные нормы. Показательно, например, что Г. В. Калиткина, характеризуя семантическое своеобразие обозначений традиции в среднеобских говорах, замечает: «В определенном смысле *обычай* – это ядерное имя концепта» [Калиткина, 2014, с. 43].

Изучаемое слово представлено многозначным в лексикографических источниках, в том числе в словарях современного русского языка. Данные анализа исторических словарей и корпусов русского языка, диалектных записей, текстов фольклора позволяют охарактеризовать семантическую палитру слова *обычай* в русском языке, интересную нам с точки зрения представленности в ней социально-регулятивных смыслов.

В «Словаре современного русского литературного языка» дается два значения слова *обычай*:

1) ‘общепринятый порядок, издавна укоренившийся в быту того или иного народа, той или иной общественной группы’ (*Эх, Кулигин, больно трудно мне здесь без привычки-то! Все на меня как-то дико смотрят, точно я здесь лишний, точно мешаю им. Обычаев я здешних не знаю* – А. Остр. Гроза; *У черкесов есть очень милый обычай дарить гостю все, что он похвалит, – сказал я любезно* – Купр. Олеся; *У нас, по стародавнему обычаю, ужин сытный, как обед. Кушаем не по нужде, а для удовольствия* – М. Горький. Жизнь Кл. Самгина) [ССРЛЯ, т. 8, с. 582];

2) (только ед.; простореч.) ‘привычный образ действий, поведения; привычка, обыкновение; поведение, манера держать себя’ (*А у меня что дело, что*

не дело, Обычай мой такой: Подписано, так с плеч долой – Гриб. Горе от ума; *У всякого свой обычай; А у нас с отцом Мисаилом одна заботушка: пьем до донушка* – Пушк. Бор. Годунов) [Там же].

Экскурс в историю развития значений слова *обычай*, составленный по данным исторических словарей русского языка (при всей условности отнесения к этому типу имеющихся на сегодняшний день словарей, фиксирующих лексику XI–XIX веков), показывает, что спектр значений слова *обычай* был достаточно широк. В качестве источников материала использовались «Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)», «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского, «Словарь русского языка XI–XVII вв.», «Словарь Академии Российской», «Словарь русского языка XVIII века» и «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля. Заметим, что анализируемый лексический материал неоднороден, он не обладает внутренним единством, поскольку представляет разные дискурсы, разные идиомы русского языка, отражает как книжную, так и разговорную традиции.

Представим далее в виде таблицы обзор значений слова *обычай* по материалам перечисленных лексикографических источников (табл. 1). Данные словарей упорядочены в таблице таким образом, чтобы можно было видеть сходства и различия в составе значений слова, зафиксированных в разных источниках, и корректно соотнести дефиниции. Выработанная нами система метатолкований слова *обычай*, полученных при обобщении и систематизации первичных словарных материалов, помещена в верхнюю графу таблицы. Порядок представления значений слова *обычай*, обнаруженных в разных лексикографических источниках, определен в соответствии с данными «Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.)», поскольку, взяв за отправную точку ранее других зафиксированные значения существительного *обычай*, мы получаем возможность проследить наличие или отсутствие последующих изменений в его семантике. Из оставшихся значений в первую очередь представлено то, которое включено в несколько источников, затем – значение лексемы, имеющей более раннюю дату фиксации в словаре XI–XVII вв. Последовательность столбцов

могла бы быть установлена с учетом логических связей между значениями, однако такое их размещение вступило бы в противоречие с особенностями репрезентации значений слова *обычай* в анализируемых словарях. В данном разделе мы сочли важным сохранить порядок представления значений, имеющий место в источниках, из которых был извлечен материал, из-за чего близкие значения иногда оказываются расположенными далеко друг от друга.

Преследуя цель возможно более точно соотнести друг с другом значения, описанные в разных источниках, мы опирались не только на формулировки (поскольку, например, толкование через лексемы *нрав, нравы* не позволяет читателю словаря однозначно понять значение толкуемого слова), но и на иллюстративные контексты. Здесь и далее пометы «др.-рус.», «ст.-рус.», «ц.-слав.» не приводятся, поскольку читатель может восстановить эту информацию на основе паспортизирующих сведений, которыми снабжена каждая фиксация.

Таблица 1

Обзор значений слова *обычай / обычаи* по материалам исторических словарей русского языка

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
	Значения слова *обычай*								
Сло-вари	‘обыкновение, привычка, индивидуальная особенность образа жизни человека’	‘обиход, образ жизни членов одной общественной группы, ее быт и нравы; порядок действий, привычный всем в данном социуме’	‘обряд, традиция, установление, особенность быта, правило, неписаный закон, признанный и принятый к исполнению в какой-либо социальной, профессиональной группе’	‘поведение, образ жизни человека, совокупность его привычек, жизненных принципов, поступков, а также поведение, повадки животных’	‘способ, прием выполнения деятельности, образ действий’	‘свойство, характерная черта, сущность, природа, натура, естество (о людях, имеющих сходство по социальному или физическому параметру; о природных, астрономических объектах)’	‘характер, нрав человека, его индивидуальные качества, влияющие на отношения с людьми (кротость, грубость и др.)’	‘дело, занятие, то, что выполняется человеком по роду деятельности’	‘закон как распоряжение, положение, узаконенное светскими или духовными властями: царский указ, положение веры’
[СДЯ XI–XIV вв., т. 5, с. 559–561]	(1) ‘привычка, обыкновение’ (1076 г.): *и бэ обычаи старьцю не ясти на*	(2) ‘общепринятый порядок, уклад, существующий в быту того или	(2) ‖‘неписаный закон; установление, правило’ (XII в.): *принесоста и къ ст҃лю б҃жию. яко же обычаи*	(3) ‘поведение’ (1076 г.): *ѡви же t чл҃вкъ зломь нравомь и ѡбычаѥмь сгрэшаю(т);*	(3) ‖‘способ, образ действий’ (XII в.): *…и тэмь лоукавыимь обычаимь надэющемъсѧ.*	(4) ‘свойство, характерная черта’ (XII в.): *ѥще же и къ дэтьмъ играющимъ не ‖ приближашесѧ яко же обычаи ѥсть оунымъ; тэло ст҃го... невреженo*	–	–	–

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
	всѧк дн҃ь; и дающю помощь wтрѧсти намъ лукавыя обычая. и прияти на(с) в добродэтелное введенье	иного народа, общественной группы’ (XII в.): *Аже еще поганьска(г) wбычая держите(с): волхвованию вэруе(т)*	*ѥсть крьстияномъ да имя дэтищю нарекоуть;* ‖‘религиозный обряд’ (XIII–XIV вв.): *образъ же дасть намъ празновати ст҃оую пасхоу, якоже ѡбычаи держимъ*	*wбычѧѥмь оукрашенъ. тихъ. оувэтьливъ*	*очюжденыимъ отъ б҃а и всего чистителѥства*	*пребысть... ни бэаше почьрнэло. яко же обычаи имоуть телесѧ мьртвыхъ*			
[Срезн., т. 2, с. 574–575]	(1) ‘привычка, обыкновение’ (Остр. ев.): *По обычаю бо сему старцю отстоявъшю утренюю, предъ зорями идоша по кѣльямъ*	(3) ‘нравы’ (Пов. врем. лет): *Радимичи, и Вѧтичи, и Сѣверъ wдин обычай имѧху: [живяху в лесе, яко же и всякий зверь, ядуще все*	(2) ‘обычай, неписанный закон, старина’ (Остр. ев.): *Дабы прооучилъсѧ вьсѣмъ обычаѥмъ Словѣньскыимъ и обыклъ я по малоу*	–	(6) ‘прием, образ действия’ (1047 г.): *Отъ сего начьнъ на обычаи хытрости приде*	(5) ‘естество’ (1250 г.): *Выше wбычая матерь*	(4)‘свойство, природа, нрав’ (XI в.): *И его же обычаимь нѣсть въ немь сирѣчь гнѣва, сего оставль на обычаи свои обратить сѧ, сирѣчь*	–	–

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
	своимъ	*нечисто…]*					*на милость*		
[СРЯ XI–XVII вв., вып. 12, с. 216–217]	(1) ‘привычный образ действия, поведения; привычка, обыкновение’ (1076 г.[1]): *Имэя всегда обычей пэшь ходити*	–	(2) ‘обычай, неписаный закон’ (1057 г.) и ‖ ‘обряд’ (XVI в.): *Вере же латыньстэй не прелучаите, ни обычая ихъ держати; Божественыхъ службъ священыя обычея*	(8) ‘образ жизни; поведение, поступки’ (1076 г.): *Съмотри жития его х(о)жжения, сэдания, эдения и всего обычая его пытаи; Сызнова кровозлитие и межусобье въ нашихъ государьства хъ всчинаешъ и отъ прежнего своего обычея отстати не*	(6) ‘способ, образ действия, прием’ (XIII–XIV в.), ‖ ‘порядок’ (XIV в.), ‖ ‘манера, стиль’ (1653 г.): *Составляется то питие двема обычаи; А около новобрачного и тысецкого идут люди в цвэтномъ плат<ь>е, и на дворъ приэдутъ тэм же обычаемъ…;*	(5) ‘естество, природа, свойство’ (XI в.): *И яко же бываеть в дэтьхъ, хотэша играти, яко же обычаи есть дэтьмъ*	(4) ‘то, что внутренне присуще кому-либо; нрав’ (XII в.): *…обычяемь украшенъ, тихъ, увэтьливъ, кротъкъ*	(7) ‘дело, занятие’ (1499 г.): *ратный, воинский обычай, обычай священства*: *И учили их [сыновей князя] обычаем воинским: стреляти и копьи бити, и*	(3) ‘закон’ (1510 г.) и ‖ (мн.)‘основные положения; догматы’ (1666 г.): *Государи не живутъ подъ обычаемъ, а даютъ инымъ обычай; Пишетъ Мелетий патриархъ …повелэваем собору быти епископску не о дохматехъ,*

[1] Здесь и при других представленных в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» значениях этого слова указан год первой фиксации [СРЯ XI–XVII вв., вып. 12, с. 1975–2008].

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
				хочешъ; ‖ ‘манеры’: *Понеже для науки и обычая в-ыные государства детей своихъ не посылаютъ*	*Распятие на крестэ, что стоитъ надъ царскими дверями, письмо съ латинскаго обычая*			*иными оружии*	*сиречь церковныхъ обычаяхъ*
[САР, ч. 1, с. 940]			(1) ‘обыкновение’ (*На всяк же праздник обычай бе Игемону отпущати народу единаго связня*); (2) ‘поверье, обряд, в употребление введенный, поведение, целым народом или государством принятое и постоянно				(3) ‘нрав, навык, неизменное воли расположение к деяниям или к поступкам, к которым с малолетства кто приучен, приважен’ (*Тлят обычаи благи*		

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
			наблюдаемое’				*бесэды злы*)		
[СРЯ XVIII в., вып. 16, с. 145–146]	(3) ‘обыкновение, привычный образ действий, привычка’ (*Возми себѣ выпей <чаю>, и выпивши ... чашек на столѣ не оставляй, по своему обычаю*)	(1) ‘общие правила, традиционный порядок, установившиеся в жизни того или иного народа, то или иной социальной группы’ (*…старался я примѣчать нравы и обычаи народов...*)	(1) ‖‘неписаный (церковный или гражданский) закон’; (1) ‖‘обряд, ритуал, сопровождающий то или иное событие в жизни людей или общества’; а также (2) ‘временное господство тех или иных вкусов (особенно во внешних формах быта, в одежде); мода’ (*Мода, манир, обычай в дѣлании платья ежедневно перемѣняется*)	(6) ‘образ жизни, поведение, поступки’ (*…12 человек их собрания, жития и обычаев подражанию достойных; Обычай у черного дрозда таков: оно особливо пред вечером и сумерьками садится на самую верьхушку большаго дерева…*)	(4) ‘принятый способ, образ действия’ (*Дары Аристодим нам дал, не так велелѣпны, Как-то Цари обычай имѣют дарить величавно*)	(7) ‘естество, природа, природное свойство’ (*По обычаю движениев единой странѣ <луны> присно не к планетѣ, но всегда вперед к тѣм же звѣздам фиксам поворачиватись надлежало*)	(5) ‘то, что внутренне присуще кому-л.; нрав’ (*Наглыи бо есть, кто волчья обычая, а мягки, кто дѣтскаго*; *Только ты <жена> меня взбѣсишь своим обычьем; ты упряма как осел, сердита как медвѣдица и зла как собака*)	–	–
[Даль,	(1) ‘привы	(2) ‘принят	(*Обычаи*	(*Люблю серка*	(4) *дело*	(*Женский обычай,*	(3) ‘нрав,		

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
т. 2, с. 658][1]	чка, принятое, усвоенное дело, обиходное’ (*У худой рожи худой и обычай*)	ой порядок, обряд; общий образ действий’ (*Монастырские обычаи, сиречь обиход, и закон и преданье*)	*свадебные, крестинные, похоронные*)	*за обычай: хоть не везет, да ржет!*)	*таким-то обычаем* ‘родом, образом (*Кланяться малымъ или большимъ обычаемъ*)’	*что слезами (плачем) беде помогать*)	повадка, привычка, усвоенная нраву’ (*С виду тихъ, да обычьемъ лихъ*)		

[1] Заметим, что в толковом словаре В. И. Даля при указанных четырех значениях слова *обычай* приводятся контексты, на основании которых по внимательном их рассмотрении можно реконструировать и другие значения этого слова, помимо четырех приведенных. Например, по сочетаниям *Обычаи свадебные, крестинные, похоронные* явно восстанавливается значение ‘обряд’. Контексты *Люблю серка за обычай: кряхтит, да везет! Люблю серка за обычай: хоть не везет, да ржет!* описывают поведение – животного и, переносно, – человека. Одно из словоупотреблений явно содержит слово *обычай* в значении ‘характерная черта, свойство (женщин)’: *женский обычай, что слезами (плачем) беде помогать*. В таблице мы привели эти контексты в соответствующих ячейках, но без формулировки дефиниций.

Итак, по данным, полученным на основе анализа материалов указанных выше словарей русского языка, существительное *обычай* имело 9 значений:

1) ‘обыкновение, привычка, индивидуальная особенность образа жизни человека’;

2) ‘обиход, образ жизни членов одной общественной группы, ее быт и нравы; порядок действий, привычный всем в данном социуме’;

3) ‘обряд, традиция, особенность быта, правило, неписаный закон, принятый к исполнению в какой-либо социальной, профессиональной группе’;

4) ‘поведение, образ жизни человека, совокупность его привычек, жизненных принципов, поступков, а также поведение, повадки животных’;

5) ‘способ, прием выполнения деятельности, образ действий’;

6) ‘свойство, характерная черта, сущность, природа, натура, естество (о людях, имеющих сходство по социально-физическому параметру, а также об иных физических объектах’;

7) ‘характер, нрав человека, его индивидуальные качества, влияющие на этику поведения (кротость, приветливость, немногословность и др.)’;

8) ‘дело, занятие, то, что выполняется человеком по роду деятельности’;

9) ‘закон как распоряжение, положение, узаконенное светскими или духовными властями: царский указ, положение веры’.

Из них два (‘закон’ и ‘дело, занятие’) зафиксированы только в словаре XI–XVII веков, другие значения существительного представлены почти во всех просмотренных источниках. Составители словарей подходили к анализу семантики слова с разной степенью детализации. Например, значения ‘неписаное правило организации общественной жизни’ и ‘уклад жизни общества’ иногда не разграничиваются. Так, в «Словаре русского языка XI–XVII веков» среди иллюстраций употребления слова в значении ‘обычай, неписаный закон’ приводится контекст *Вере же латыньстей не прелучаите, ни обычая ихъ держати*, в котором интересующее нас существительное служит обозначением не отдельного установления, а религиозного уклада в целом (совокупности религиозных установлений).

Некоторую нестройность вносят в систему значений слова *обычай* и те части словарных статей, которые посвящены значениям ‘свойство, характерная черта, сущность, природа, натура, естество’ и ‘характер, нрав человека, его индивидуальные качества, влияющие на отношения с людьми’, представленным в столбцах 6 и 7 таблицы соответственно. При этом разночтения присутствуют как в формулировках дефиниций, так и в выборе иллюстративного материала. Существительное *обычай* в сочетаниях *женский обычай, детский обычай*, с одной стороны, и *обычаем лих, благи обычаи*, с другой стороны, определяется сходно – через слова *природа, свойство*. Один и тот же контекст (*…ѡбычаѥмь оукрашенъ. тихъ. оуветьливъ*) в разных словарях иллюстрирует разные значения: ‘поведение, образ жизни человека, совокупность его привычек, жизненных принципов, поступков’ (см. в столбце 4) и ‘характер, нрав человека, его индивидуальные качества, влияющие на отношения с людьми’ (см. в столбце 7). В идеале они должны разграничиваться по критерию, выраженному оппозицией «внутреннее – внешнее», так как поведение логично считать производным от «внутренних» свойств личности – нрава, характера человека.

«Притяжение» есть и между значениями ‘обыкновение, привычка, индивидуальная особенность образа жизни человека’ (см. в столбце 1) и ‘поведение, образ жизни человека, совокупность его привычек, жизненных принципов, поступков’ (см. в столбце 4). Причина их неразличения лежит в том, что не учитывается семантическая оппозиция «единичный – совокупный, комплексный» («часть – целое, совокупность»).

Данные словарей свидетельствуют о том, что спектр значений слова *обычай* лишь незначительно менялся на протяжении XI–XIX веков. С одной стороны, причина разветвленности значений слова кроется в неоднородности подвергнутого анализу лексического фонда, поскольку в словарях XI–XIX веков представлены лексические факты, функционировавшие в разных дискурсах: в книжных текстах и в живой разговорной народной речи. С другой стороны, разнообразие семантической палитры слова *обычай* в словарях XI–XIX веков обусловлено высокой степенью детализации понятия по разным основаниям:

«общественное – индивидуальное»; «внешнее – внутреннее»; «одиночное – множественное»; «естественно возникшее – искусственно введенное», «конкретное – обобщенное» и т. д. Слово могло использоваться по отношению к очень разным объектам и их свойствам, то есть называть:

– характерные действия и отдельного человека, и группы людей;

– и качества человека, и обусловленные его характером поступки, и поведения людей одной социовозрастной группы (детей, женщин), и род деятельности («профессию»);

– и одну особенность жизни общественной группы (обряд, правило, обыкновение), и комплекс установлений (уклад жизни, обиход);

– и поведение человека, и повадки животных;

– и естественным образом установившиеся в обществе правила, и издаваемые государем законы;

– и свойства живой материи (людей, животных), и свойства неживой материи (мертвых физических тел, космических тел);

– и вполне конкретные обыкновения, правила разного рода, и обобщенно образ, способ действия.

В сущности те же значения, оттенки значений слова *обычай*, за исключением уже названных (‘закон’ и ‘дело, занятие’), сохраняются в современной речи[1]. Так, значение ‘элемент общественного порядка (особенность, событие, правило) или в целом такой порядок’ реализуется в вариантах: **‘обряд, часть обряда, ритуала, порядок организации обряда’** (*Обычай праздновать масленицу очень древний*; *Нести тело ему не*

[1] Были проанализированы образцы употребления слова *обычай* в речи, извлеченные из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и из словарных статей «Словаря современного русского языка» (более 500 предложений со словом *обычай*). Внимание уделялось только контекстам, в которых смысловое наполнение слова *обычай* было конкретизировано описанием ситуации, к которой применялось это слово. Не учитывались контексты, в которых лишь общо угадывается содержание понятия, называемого *обычаем*: *Обожаю древние обычаи; Мы не будем нарушать обычая; Всё дело в обычаях* [НКРЯ].

разрешили, сославшись на неведомый и нелепый обычай [НКРЯ]; *Вносили как кровать, так и все прочее [приданое], при зрении сбежавшегося народа, по обычаю, на коврах и церемониально* – Болотов. Записки [ССРЛЯ, т. 17, с. 662]; *Оттого не красили дома на Пасху яйца и не пекли кулич, не говорили стыдливо, что это, дескать, народные обычаи*; *Повсеместно существовал обычай «кумиться», то есть дружиться, родниться с деревьями*; *У многих народов существовал обычай ритуального жертвоприношения тимьяна* [НКРЯ]); **‘деталь быта, установившийся в быту или введенный порядок исполнения повседневных дел, обращения с предметами’** (*Во многих домах ещё сохранён обычай наливать в лампы керосин и чистить ваксой обувь*; *Таков уж обычай — ни одна уважающая себя башкирская или татарская бабушка не сядет пить чай без молока*; *По тогдашнему обычаю портной жил в избе заказчика, пока не кончит работу*; *Каждый дом имеет свои обычаи и привычки и имеет на это право — например, у нас было принято мочить бельё только в специальном корыте, у Магазинеров — в общей ванне*, *Без вина — оно ещё не было в обычае, да и дорого* [НКРЯ]; *У нас, по стародавнему обычаю, ужин сытный, как обед* [ССРЛЯ, т. 8, с. 582]); **‘неписаное правило необрядовой коммуникации, форма организации отношений между людьми’** (*Такой обычай, исстари существовавший в русских деревнях, назывался «помощью» («толокой»)* [НКРЯ]; *Это было не в обычае в нашем селе: женатые <…> с призывными парнями не якшались* – Гладк. Лихая година [ССРЛЯ, т. 17, с. 2075]; *Тогда был обычай давать фамилию по названию города, деревни или местечка, откуда ты родом* [НКРЯ]; *Коммунальный брак, имея все меньше соучастников и соучастниц безразличного сожительства, обращался в эндогамию, в обычай, дозволявший мужчине сожительство только с женщинами своего племени* – Черныш. О первонач. формах полов. сожительства [ССРЛЯ, т. 17, с. 1869]); **‘негласное правило деловой среды, условленный порядок, церемониал, выработанные в долговременной практике взаимодействий’** (*Президент Буш с самого начала боевых действий заявил, что его противник не соблюдает законы и обычаи войны и правила морали*; *При этом решения основывались на обычаях и практике*

ведения бизнеса (коммерческом обычном праве); *В посольском обычае XV–XVII веков огромное значение придавали последовательности отправления своих посольств и приёма чужих* [НКРЯ]); **‘мода, популярная в данное время тенденция в искусстве, культуре’** (*На обложке, по модному обычаю, лицо Битова вписано в знаменитый портрет Мусоргского работы Репина*; *Обычай поносить Дж. Буша-младшего ужасными словами, сравнивая его с самыми мрачными фигурами прошлого, прежде свойственный лишь политической маргиналии, теперь стал присущ и политической элите многих великих держав*; *Мне претит обычай фотографировать невесту на белой лошади* [НКРЯ]); **‘быт, обиход, образ жизни членов одной общественной группы либо семьи, ее нравы, порядок’** (*Сидит он второй срок, сын ГУЛАГа, лагерный обычай знает напрожег* [НКРЯ]); **‘принятая в сообществе людей ментальная установка’** (*Понятное дело, не в обычае здешних богатырей числить себя слабаками* [НКРЯ]). Изучаемое слово может использоваться для характеристики поведения людей, которые не составляют социальную группу с внутренними связями, но имеют сходство в поведении, организации жизни в силу принадлежности к одному социальному классу или возрастной общности, мировоззрения, – *обычай* как **‘свойство, характерная черта, сущность, природа, натура, естество (о людях, имеющих сходство по социальному или физическому параметру)’:** *Но по привычке и обычаю людей немолодых сестра хозяина всё равно проснулась довольно рано* [НКРЯ], *Теперь, по обычаю всех трусов, вы заметаете следы* [НКРЯ], *Это есть старинный обычай русской мыслящей интеллигенции* [НКРЯ], *Он заснул на лугу, забыв положить ладошку под голову по детскому обычаю* [НКРЯ], *По обычаю всех честолюбцев понесся он в Петербург, куда, как известно, стремится ото всех сторон России наша пылкая молодежь – служить, блистать, выслуживаться* – Гог. Мертв, души [ССРЛЯ, т. 17, с. 982]. Кроме того, под *обычаем* по-прежнему может подразумеваться **‘индивидуальная привычка человека, его характерная черта’**, то есть категория, не имеющая отношения к социальным императивам: *Он не сразу меня заметил, а когда заметил, отнёсся не по обычаю холодно*; *В тот же день, часа в четыре, я, по*

обычаю, побежал в парк; *И в обычае у нее было делать глубокие замечания под видом легкой шутки*; *Поэтому я имел обычай в Великую Субботу посещать храмы Москвы*; *Сегодня она была не по обычаю молчалива*; *Верный своим обычаям, он сразу заводил на берегу знакомство с женщинами* [НКРЯ]. Наконец, особую нишу в смысле отдаленности от всех других семем занимает редко актуализирующееся в современной речи, но сохранившееся, например, в художественных текстах значение ‘способ, прием выполнения деятельности, образ действий’: *Все порешили таким обычаем: ежели Ахрем не напоит допьяна всю слободу, и толковать много не след: в ратники! Я тебе докладывал, что так и чухают, с кого бы сорвать выпивку* – Н. Усп. [ССРЛЯ, т. 17, с. 1215].

В русских народных говорах семантическая палитра слова *обычай* имеет свою специфику. При исследовании спектра значений этого слова и его вариантов (*обычья, обычье, авычий* и др.) в русских диалектах основное внимание уделяется контекстному анализу. В некоторых случаях значение слова можно установить лишь приблизительно из-за недостаточности, некорректности или отсутствия контекста в лексикографических источниках, ср. дон. *обы́чая* ‘обычай’ (*Эта как вот раньше абычая была*) [БТСДК, с. 332]. Методика анализа состояла в определении особенностей контекстной семантики, в выявлении ближайших текстовых партнеров слова *обычай*.

Частью диалектных примеров подтверждается наличие у слова *обычай* тех значений, которые зафиксированы в исторических словарях русского языка, представлены в современной литературной разновидности языка, но выявляются и другие значения, смысловые оттенки слова. Можно выделить четыре основные семантические линии:

– ‘порядок в целом или отдельная особенность, правило организации жизни человека, семьи или социальной, профессиональной группы’;

– ‘нрав, характер человека или животного’;

– ‘пристрастие, склонность’;

– ‘способ, образ действий’.

1. Идеограмма «ПОРЯДОК В ЦЕЛОМ ИЛИ ОТДЕЛЬНАЯ ОСОБЕННОСТЬ, ПРАВИЛО ОРГАНИЗАЦИИ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА, СЕМЬИ ЛИБО СОЦИАЛЬНОЙ, ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГРУППЫ» реализуется в нескольких вариантах, различия между которыми обусловлены противопоставлением ритуального и бытового характера действия, единичности и множественности субъекта действия (человека, семьи, профессиональной или социальной группы, нации), частного (одного правила) и целого (порядка в целом, образа жизни).

В свете обсуждений учеными того, является ли слово *обычай* обозначением по преимуществу бытовых или обрядовых действий (встреча стада коров, взаимные гощения, традиция дожидаться к столу всех членов семьи, первый выгон скота и другие действия, события могут быть осмысляемы символически, как знаки традиционной культуры, и вне символики), нам кажется важным представить соответствующие словоупотребления отдельно.

Значение **‘обряд, часть обряда – календарного, свадебного и др.’** реализуется в юж.-урал. ‘обряд, религиозное предписание’ (*При погребении обычай такой же; Обычаев никаких не было (обрядов) при постройке дома; Обычай такой у нас здесь, как и у русских, а за линией по-другому; Дай я своем обычаем перхрещусь, и вот перекрестился старец*) [Малеча, т. 3, с. 45], юж.-урал. *обы́чая* ‘обычай, порядок, традиция’ (*У нас обычай такая: приезжают жених с дружкой да свахой, а их не пускают, вороты доржут, надо покупать ворота*) [Малеча, т. 3, с. 45], пск. *обы́чай* (м.), *обы́чая* и *обы́чья* (ж.), *обы́чье* (ср.) ‘общепринятый порядок, традиционные правила поведения’ (*И пе́сни пают, и чу́челам переде́лываются – и да сих пор тако́й обы́чай; Ф то́е вре́мя абы́чае сва́тацца бы́ла; Пато́м э́тава Харитона* [сноп] *вдребезги расстяга́ють весь на палу́ – абы́чай такой*) [ПОС, вып. 22, с. 482–484] и др. (выборка слов сделана по контекстам, содержательно отсылающим к ритуальным действиям). В составе высказываний представлены обозначения календарных обрядов, земледельческих ритуалов (*погребение, строительство дома, свадьба, сватовство, чествование дожинального снопа* и др.). При этом называются либо подразумеваются национальные или социально-культурные группы (*русские*), другими способами

указывается на принадлежность обычая кому-либо (*у нас, свой*), подчеркивается временная локализованность и длительность (*до сих пор, в то время*), пространственная локализованность (*здесь, за линией*), актуализируются онтологические семы (*было / не было*).

Значение **‘особенность быта, установление, неписаный закон, принятый к исполнению в социальной или профессиональной группе’** выявляется в пск. *обы́чай* ‘привычный образ действий, поведения; привычка, обыкновение’ (*В ка́жнай ха́ти малады́е спять ф переду́, пад абраза́ми. Тако́й уш был абы́чай; Ра́ньшы у нас был абы́чай: е́сли па́рень вы́пифшы – де́фка с табо́й гуля́ть ня бу́де; Красу́ но́сять. Абы́чая така́я была́*) [ПОС, вып. 22, с. 482–484] и др. В составе конструкций с предлогами *в* и *за*, имеющих значение ‘привычно’, реализуется очень близкое значение ‘обычное дело, привычная особенность быта’: тобол., якут., том. *за обы́чай* ‘привычно’ (*Такой дальней путь тем мастеровым людем не за обычай*) [СРНРС XVII–XVIII, с. 91], вят. *за обы́чай* ‘по обычаю’ (*За обычай ле пивча испить?*) [ОСВГ, т. 7, с. 48]. Предметом высказываний становятся особенности организации быта, обращение с предметами, межличностные отношения (*место в избе, где обычно кладут спать молодых; отношения парней и девушек; детали одежды; уход на заработки; еда, напитки*). Присутствуют также отсылки ко времени (*раньше*), бытийности (*был*), принадлежности, то есть субъектности, обычая (*у нас*) и др.

Как можно видеть, среди записанных диалектных контекстов слово *обычай* выступает и как обозначение обрядовых практик, то есть традиционных символических действий, и как обозначение бытового обыкновения, элемента повседневного распорядка жизни человека или сообщества людей. При этом не обнаруживается явного перевеса в пользу «бытового» либо «обрядового» значения.

Значение **‘обиход, образ жизни людей, быт, порядок’** отличается от представленного выше «бытового» значения рассматриваемого существительного тем, что обозначает быт в целом, а не его элемент: пск. *обы́чай* ‘привычный образ действий, поведения; привычка, обыкновение’ (*На́да што́бы де́вушка зна́ла весь*

обыча́й роди́тильский) [ПОС, вып. 22, с. 482–484]. В приведенном примере прилагательное *родительский* указывает на образ жизни семьи, притом, что немаловажно, через образы старших в семье. О двух способах (моделях) поведения, различие которых обусловлено своеобразием сложившихся в двух разных семьях традиций, порядков, говорит и контекст к костр. *обонра́вый* ‘относящийся к разным традиционно установленным правилам, привычкам, порядкам’ (*Мудрено да мудренеконько Жить во чужих людях… Надо мне, младехоньке, Два ума, два и разума, Два* ***обычая*** *обонравые*) [СРНГ, т. 22, с. 170]. Кроме того, интересна сочетаемость *знать обычай*, манифестирующая освоение обычая, в сущности практическое его освоение, приобретение умений, навыков (а не представлений).

Если же говорить не об образе жизни в целом, а об отдельном элементе быта, то следует указать на два значения слова *обычай*, ранее не названные. Во-первых, это значение **‘случай, происшествие, факт действительности, событие’:** юж.-урал. ‘случай’ (*У нас сколько такех обычаев было, што убегали самовольно домой (в период революции, о белых*) [Малеча, т. 3, с. 45]. В этом речевом примере на первый план выходит деятельностная основа обычая, поскольку словом *обычай* названа акция (побег). При этом оказываются нивелированными семы устойчивости и длительности существования, хотя, безусловно, сохраняется референция с образом жизни людей определенной социальной группы (*белые*) в некоторый период (*революция*). Зато слово *обычай* приобретает новый событийный смысл: контекст свидетельствует о том, что обозначаемая реалия поддается счету (*сколько такех обычаев*), в то время как изучаемому слову, обозначающему традицию, такая сочетаемость не свойственна (ср. невозможное по отношению к свадебному обычаю или к обычаю носить платок: **много таких обычаев*). Во-вторых, значение **‘хозяйственная утварь, орудия труда’,** воплотившееся в рус. (карел.) *обы́чай* ‘хозяйственная утварь, орудия труда и т. п., обычные, типичные, для кого-, чего-н.’ (*Внизу в музее весь наш деревенский обычай: и бороны, и рогатки для муки*) [СРГК, т. 4, с. 128], отлично от акциональных значений тем, что вместо действий здесь объектами

номинации служат материальные предметы вещного мира, однако такой семантический сдвиг предсказуем: предметы хозяйственной утвари тоже являются частью образа жизни, порядка, быта.

Значение **‘обыкновение, привычка, индивидуальная особенность образа жизни человека’** поддается экспликации при анализе семантики рус. (мордов.) *[не] в обычай быть, прийтись кому* (*Гастей к ним сколькъ наехълъсь! – А Машки-тъ в абыцъй; Ей в абычий в горът ездить*) [СРГМ, ч. 2, с. 699]. Сообщение описывает образ жизни человека, который «часто принимает гостей» или «нередко выезжает из деревни в город». Субъектом действия в этих случаях является вполне конкретное лицо либо семья.

Таким образом, во всех вариациях анализируемого значения подразумевается организационная акциональная составляющая жизни человека либо сообщества людей. Своеобразный сопутствующий регламент (семантические ограничения) представляет собой комплекс временных, пространственных, посессивных, бытийных смыслов.

2. Идеограмма «НРАВ, ХАРАКТЕР» обобщает варианты, различающиеся по субъектной семе: ‘человек’ или ‘животное’.

Значение **‘нрав и образ жизни животных’**, не сохранившееся в современном русском литературном языке, находим в краснояр. *обычай* ‘образ жизни таежного зверя’ (*Обычай лисицы, что соболя. Он живет и в дуплях, и в корнях, и в камнях*) [СРНГ, т. 22, с. 289], дон. *обы́чай* ‘повадка птиц, животных’ (*Куры ня так антиреснаи. У вутак свой абычай, у них свой*) [БТСДК, с. 332], юж.-урал. *обы́чай* ‘характер, нрав’ (*Какой обычай у твоей лошади? – спросил Рыжечка калмычинина*) [Малеча, т. 3, с. 45]. В приведенных речевых отрезках описываются места обитания, повадки животных. Говорящий обращает внимание на контраст между повадками птиц разных видов, а значит, здесь воплощены представления об идентифицирующем потенциале обычая: он способен качественно характеризовать объект, то есть *обычаем* называются отличительные черты поведения животного, птицы. Об этом же свидетельствует и вопросительное слово *какой (обычай)*, поскольку при ответе на вопрос должна

быть названа качественная характеристика поведения, нрава лошади, отличающая ее от других особей этого вида.

Значение **‘нрав, характер человека’** обнаруживается в юж.-урал. *обы́чай <абычьй, авычий (редко), абычяй, абьщьй, -чьйъ>* ‘характер, нрав’ (*Жена привыкла к мужу, хорошо знала его характер или, по словам казаков, обычай, и потому, разумеется, нисколько не боялась угроз его, будучи уверена, что угрозы так и останутся угрозами*) [Малеча, т. 3, с. 45], яросл. *обы́чай* ‘характер’ (*Легкий обычай; У него обычай плохой, да и у нее не лучше*) [ЯОС, т. 7, с. 27], новг., олон., яросл., волог., костр., арх. *обычай* ‘нрав, повадка, привычка’[1] (*У моей ли у Дуняшки обычай-то тяжел*) [СРНГ, т. 22, с. 289], тамб. *обычай* ‘характер’ [Там же]. Характер человека описывается прежде всего со стороны его внешних проявлений. Отличие от приведенного ранее значения ‘обыкновение, привычка человека’ состоит именно в поведенческой трактовке, в то время как под обыкновением подразумевается характеристика организационная, то есть элемент распорядка дня или течения жизни (поездки, прием гостей), не затрагивающий этическую сторону поведения человека. К слову заметим, что семема ‘нрав’, реализуемая лексемой *обычай*, получает еще более яркое выражение и развитие в диалектном деривате *обычайный*, характеризующемся к тому же энантиосемией: пск. *обычайный* ‘норовистый, упрямый своевольный’ (*Валя в нас абычайная, ни уважаит никаво, а Саша уважытильный; И лошъди разные: абычайнъя не рахманъя, в язды́ капры́знъя*) [ПОС, т. 22, с. 484], арх. *обычайной* ‘смирный, покладистый, не прихотливый в пище (говорится и о людях и о домашних животных)’ [Подвысоцкий, с. 106], арх. *необычайной* ‘необходительный, невежливый’ [Там же]. Семантические преобразования приводят к появлению у прилагательного значений ‘норовистый, своенравный’ (<‘имеющий обычай-нрав’) и ‘смирный, покладистый’ (<‘соблюдающий обычаи’).

---

[1] В данной дефиниции объединены слова, называющие весьма разные понятия, поэтому еще раз подчеркнем, что при комментировании лексем, особенно диалектных единиц, уделяется внимание преимущественно иллюстративным контекстам.

Об обычае как личностной характеристике свидетельствует и ряз. *не в обычай* ‘не по себе’ (*Как-то враз ей не в обычай стало, и она заплакала*) [СРНГ, т. 22, с. 289]. В зафиксированном контексте под обычаем подразумевается суть, натура, личность человека, нечто глубоко личное, «внутреннее», сопряженное даже со сферой эмоций.

В фольклорных текстах изучаемое слово в значении ‘нрав’ приобретает дополнительные коннотации, привносящие новые компоненты в структуру лексического значения. Через оптику социума нрав человека, с одной стороны, видится зависящим от среды (от семьи, от «родительского обычая»), а с другой стороны, предопределяющим отношения человека с окружающими, в частности, саму возможность его включения в социальные – прежде всего семейные – связи. Так, народно-песенный дискурс[1] примечателен вниманием к теме заключения брачного союза между людьми, воспитанными в разных семьях, а значит, в разных условиях (вновь речь идет об образе жизни): *Привыкай, душа Агафьюшка, Ко мому́ ли къ уму-разуму, Ко мому̀ ли къ молодецкому Къ* ***обычаю*** *княженецкому!“ — Ужь и мне ли, красной девушке, Привыкать было не хотелося <…> Ко его ли къ уму разуму, Что къ* ***обычаю*** *молодецкому!* [Песни, собранные П. В. Киреевским…, вып. 1, 1911, с. 98]. Важна здесь сочетаемость слова *обычай* с прилагательными *княженецкий* и *молодецкий*. На первый план выдвигается не столько поведение конкретного персонажа, у которого есть имя (*Дмитрий Александрович*), сколько типологически значимый образ князя / молодца с характерным для него как представителя своего возраста и социального слоя поведением, образом жизни.

Социовозрастной стандарт поведения связывается и с образом молодой незамужней девушки – строптивой, своенравной, неуступчивой, балованной матушкой и батюшкой, не желающей расставаться с вольницей и не готовой принимать / перенимать чужие порядки. Приблизительно таков семантический

[1] Обращение к текстовым ресурсам Фундаментальной электронной библиотеки «Русская литература и фольклор» [ФЭБ] позволило выявить 20 лирических русских народных песен, в которых присутствует слово *обычай*.

объем устойчивого сочетания *девичий обычай*: — *«Сестрица родная, за что жъ это бита, Чему учена?» — «Братецъ родимый, за девичій* ***обычай****, За девичью ухватку!»* [Великорусские…, 1896, т. II, с. 474].

Различия между потенциальным женихом и невестой приобретают еще более «социальное звучание», если на месте молодой – вдова: *Ты женися, ты, мой милый, не ошибися, Не бери ты-ж, мой милый друг, удовку: Да удовушкин* ***обычай*** *не девичий: (О)на постелюшку стелит, сама слезно плачит, Возголовьеце вскладает, сама возрыдает, Сваво прежнего дружка вспоминает* [Песни, собранные П. В. Киреевским…, вып. II, ч. 2, 1911, с. 136]. Противопоставление *удовушкина обычая* и *девичьего обычая* актуализирует разницу между жизненными позициями, опытом, поведением персонажей.

Символика неравенства между женихом и невестой, имеющего выраженный социальный оттенок, весьма показательна в следующем песенном фрагменте, где важным контекстным индикатором является соседство слов *обычай* и *ум, разум*: *Не ходи, девка, молода замужъ, Не собравшись съ умомъ да съ разумомъ, Съ дорогимъ, девка,* ***обычаемъ****; <…> Неравно, девка, замужъ пойдешь, Неравенъ суженый достанется!»* [Великорусские…, 1899, т. V, с. 202]. Идея сравнения, «примеривания» друг к другу жениха и невесты выявляется в наибольшем числе песенных текстов. *Тяжелым обычаем* в песне названа неготовность незамужней девушки стать женой (по сути социальная незрелость): *«Ахъ, всемъ ты мне, Дунюшка, по мысли пришла, Однимъ не по нраву —* ***обычай*** *тяжелъ: Когда ни приду, поры-время нетъ, Все голову чешешь и косу плетешь. Еще жъ не по мысли — уборъ твой худой: Что шубка на плечахъ, сама босикомъ»* [Великорусские…, 1899, т. V, с. 84]. Речь идет об образе жизни, поведении девушки, показывающем, что она пока не готова к замужеству и будет плохой женой. По сюжету песни, девушка приводит себя в порядок только при появлении жениха, а значит, по дому обычно ходит неприбранная, неухоженная. Неопрятность, неумение ухаживать за собой расцениваются как признак бесхозяйственности, неготовности к переходу в чужой дом в качестве жены и хозяйки, социальной незрелости. Слово *обычай* имеет здесь «синтетическое» значение ‘комплексная

характеристика нрава человека, его хозяйственных умений, усвоенных этических норм, по которым можно судить о его готовности к исполнению роли в семье, о социальной зрелости’. При этом имеется в виду поведенческий стандарт, характерный для данной социально-возрастной группы. Подразумевается такая приобретенная (а потому обусловленная социумом) характеристика личности, которая касается традиционного поведения в семейной ролевой коммуникации, а именно знания о том, как следует вести себя. Употребление слова *обычай* в этом качестве, кажется, является специфической чертой песенных фольклорных текстов. Можно видеть, что здесь смыкаются «индивидуальное» (нрав, то есть характер и склонности человека) и «социальное» (создание брачного союза как акт социальный ставится в зависимость от соответствия друг другу не собственно характеров потенциальных жениха и невесты, а именно их привычек, склонностей, обусловленных воспитанием, средой, в которой они выросли).

Таким образом, значение ‘нрав, характер’ в разных его вариациях включает семы ‘личный (о характеристике)’ либо ‘общий для животных одного вида или людей одного возраста и жизненного опыта’ (*девушка, молодец, вдова*), ‘поведенческий, внешний, проявляющийся в межличностном общении’ (*убор твой худой, угрозы останутся угрозами*), ‘оцениваемый’ (*какой, тяжелый, легкий*), ‘стандартный для социовозрастной группы’ (*удовушкин обычай, девичий обычай*).

3. Идеограмма «ПРИСТРАСТИЕ, СКЛОННОСТЬ»

Значение **‘пристрастие, склонность, вкус’** у слова *обычай* появилось как продолжение значения ‘привычный образ жизни’, поскольку выбирать «по вкусу» значит выбирать то, что приятно, нравится в силу привычки, образа жизни, сформировавшихся склонностей. Слово *обычай* в этом значении зафиксировано в составе предложно-падежных конструкций (с предлогами *по, в*): ряз. *(не) в обы́чай* (в знач. сказуемого) ‘(не) нравится, приятно’ (*Йа сыру́йу с’ил’о́тку н’а йе́м, ана́ мн’е н’и в абы́ч’ай – жалу́дак н’и пр’ин’има́ит; Он мн’е ч’иво́-та н’и вл’юб’е́, н’и в абы́ч’ай, ч’ив’о́й-та н’и γутарл’и́вай был; Хало́днъйа вада́ мн’е в абы́ч’ай… γар’а́ч’ива н’а хо́ч’у*) [Деул. сл., с. 360], волог., орл., терск., иркут.,

север., пенз., ряз. *обычай* ‘склонность, интерес, любовь к кому-, чему-либо; вкус’ (*Выбирай себе девицю по обыцью, По своему обыцью по мужицью; Княгиня ли тебе не по обычью?; Он мне сразу в обычай пришелся; Сноха-то им не в обычай*) [СРНГ, т. 22, с. 289], рус. (мордов.) *[не] в обычай быть, прийтись кому* ‘[не] по вкусу’ (*Снаха-тъ им хъть в абыцъй, а то нъ ниё вить ни угадиш; Ты жыниха-тъ палюбиш, он тибе и в абычий; Нивестъ в абычий пришлась нашым. И висёлъя, и ръзгаворчивъя; Нынчи грипкоф ис погрибъ дасталъ, с таким удавольствиим паелъ, вить ани мне в абычий; А мой жынилси, фифу привёл, ана мине ох и ни в абычий; Иль ни в абычий картошкъ*?) [СРГМ, ч. 2, с. 699]. В народных песнях гармоничность или негармоничность союза молодых также характеризуется формулами «кто-либо кому-либо в обычай или не в обычай / по обычаю или не по обычаю»: *Не по мысли вы друга выбрали, Не по моему по* ***обычаю!*** [Великорусские…, 1897, т. III, с. 56]; *А илú тебе женитва не по думы, Млáдая княгиня не в* ***обычáй****?*» [Стих Алексия…, 2002, с. 757]. Все иллюстративные контексты, представляющие значение ‘вкус, склонности’, содержат описание либо пищевых пристрастий, либо ситуации выбора жениха, невесты. То, что не нравится, воспринимается как чужое, противное привычному, и наоборот, чужое, непривычное оценивается как «то, что не нравится, не по вкусу». Ср. рус. литер. *быть, приходиться по вкусу* ‘удовлетворять, нравиться’, *(устроить и т. п. что-либо) по вкусу* ‘сообразно привычкам, наклонностям’ [ССРЛЯ, т. 2, с. 424]. Так проявляет себя идея соответствия, ср. выводы Л. Г. Ефановой об одном из видов норм – «норме соответствия» [Ефанова, 2013, с. 87].

4. Идеограмма «СПОСОБ ДЕЙСТВИЯ»

Значение **‘способ действия’**, которое, напомним, отсутствует в словарях современного русского языка, представлено среди диалектных значений слова *обычай*: сиб. *каким обы́чаем* ‘как, каким образом’ (*А каким обычаем он то жалован[ь]е передал, и то писано в магазейском в хлебном сметном списке*), сиб. *никоторыми обы́чаи* ‘никаким способом, никаким образом’ (…*Тою дорогою никаких людей никоторыми обычаи отнюдь не пропущать*), сиб. *тайным*

обы́чаем ‘тайно’ [СРНРС XVII–XVIII, с. 91], пск. *обы́чай* ‘способ изготовления, приготовления чего-либо’ (*По ста́раму ра́ньшыму абы́чаю суп сва́рин; Тагда́ ни таки́ бы́ли абыца́и, руба́шку на так шы́ли, шы́ли паху́жы, рука́м*) [ПОС, вып. 22, с. 482–484]. В рассматриваемом значении слово *обычай* служит номинативным воплощением представлений об обычае как имеющем акциональную природу и о качественной характеристике соответствующего действия (акции) с точки зрения способа (приема, порядка, метода) его осуществления. В ядре лексического значения находятся две семы: ‘действие’ и ‘порядок его выполнения’. В сущности подразумевается организация действия, деятельности. «Организационные» смыслы (сема образа действия) выкристаллизовались, обособились в контекстах, содержащих местоимения *какой, никакой (об обычае)*. Обратим внимание, что лексема с этим значением выступает только во фразеологически связанных конструкциях.

Панорамный взгляд на значения и контекстно актуализированные смысловые оттенки общерусского слова *обычай* позволяет сделать выводы, касающиеся своеобразия семантического пространства этого существительного, в котором выявляются следующие смысловые компоненты: нормативность, деятельностный характер, освоенность (или интериоризованность), принадлежность какому-либо сообществу или человеку.

Сема ‘деятельностный характер’

Обычай имеет преимущественно деятельностную, акциональную природу. Собственно этимология слова отсылает к обучению, то есть освоению моделей поведения или совершения действий (см. об этом далее). В. И. Даль указывает на практическое действие как основу обычая, определяет слова *обычай, обык* через лексемы *умение, навык, дело*: диал. (б/у места) *о́бык, обы́к* ‘навык, уменье’ [Даль, т. II, с. 658], *обы́чай* ‘привычка, принятое, усвоенное дело, обиходное’ [Там же]. В иллюстративных контекстах обычно бывает названо общее для представителей одного социума действие (*праздновать, хоронить, бросать лапти* и мн. др.), которое время от времени воспроизводится всеми или многими: «*В их деревне был* ***обычай*** *справлять праздник Андрея Первозванного: соберутся девки в одну*

избу, напекут пампушек и гуляют целую неделю, а то и больше» (из сказки «Упырь») [Народные русские сказки…, 1985, т. 3, с. 70]; «*Расспросила-разведала и тотчас же приказ отдала похоронить ту девицу, как следует по* ***обычаю****, в мать сырой земле*» (из сказки «Волшебное зеркальце ») [Народные русские сказки…, т. 3, 1985, с. 106]; «*Есть одно дерево, подле которого стоял прежде дом его и на которое проходящие по* ***обычаю*** *бросают свои старые лапти, в память этого лапотника*» (Из сказки «Иван Грозный и лапотник») [Русские сказки…, 1971, с. 41]. Из четырех смысловых векторов, организующих семантическое пространство рассматриваемого слова, в трех актуализирована сема ‘действие’: в социальной трактовке (‘бытовое или обрядовое установление, правило’), поведенческой интерпретации (‘нрав’) и логической трактовке (‘образ действия’): образ жизни складывается из «типичных» действий; поведение есть акт коммуникативных акций; в сущности именно способом действия и является обычай – это логико-семантический каркас слова. Значение же эстетическое (‘вкус, склонности, симпатии’) опосредованно связано с акциональными семами, поскольку имеет своим предшественником значение ‘образ жизни’: восприятие действительности с позиций «нравится / не нравится» детерминировано привычками, образом жизни – человек склонен есть то, что привык есть, и принимать в семью того, кто близок ему по поведению, образу жизни, социальному слою.

Сема ‘интериоризованность, освоенность’

Появление у слова *обычай* значений ‘нрав, характер’ и ‘пристрастие, склонность’ знаменательно с точки зрения «визуализации» ментально-психологической интерпретации обычая. Если этим словом может называться вкус, склонности человека, определяющие его отношение к другому – чужому – человеку (*кто-либо кому-либо в обычай / не в обычай*), и даже пищевые пристрастия (*холодная вода мне в обычай; селедка мне не обычай*), значит, обычай осознается как привычка. Согласно логике развития семантики слова, первоначально обычай трактуется как «то, чему человек научился, что освоил» (здесь на первом плане – приобретенное умение и субъективное восприятие

какой-либо социальной реалии как обладающей признаками распространенности, длительности существования, привычности для данного сообщества людей), а затем становится возможным назвать обычаем привычку и далее индивидуальную категорию – характеристику человека, его вкус. Относительно своего вкуса человек «меряет», оценивает все окружающие элементы действительности, в частности людей (*кто-либо кому-либо в обычай / не в обычай*, то есть «по вкусу / не по вкусу», иначе – «нравится» или «не нравится»). Определенный образ жизни, быт, ближайшее окружение становятся так привычны для человека, усвоены им, «интериоризованы», что преобразуются в категорию внутреннюю, эстетическую. Обычай выполняет свои регулирующие функции через посредство внутренней мотивации, возникающей у человека. Так на уровне лексической семантики подтверждается известный тезис о том, что внешнее окружение формирует натуру, характер, эстетику человека. В том и другом значении (‘нрав’ и ‘вкус, симпатии’) слово *обычай* функционирует сегодня только в русских народных говорах, а значит, именно в народной речи наиболее явно выразилась встроенная в семантику анализируемого слова сема интериоризации наблюдаемых моделей организации жизни, то есть вербализовалось представление о воздействии внешних образцов на мироощущение, мировидение человека.

Сема ‘принадлежность человеку либо сообществу, которые существуют в определенном пространственно-временном континууме’.

Закономерно, что действие предполагает наличие исполнителя-субъекта. Правило организации жизни исполняется в некоторой среде, человеческом сообществе, а нрав и вкус имеют своего обладателя, характеризуют личность (*Человек – и обычай, конь – и норов; У Сидора обычай, у Карпа свой*). Обычай, таким образом, «посессивен», на что указывает сочетаемость со словами *их, свой, чужой*, присутствие в высказываниях слов *у нас, у них, у русских* и под.: *Это у них обычай такой, чтобы каждый приготовил себе корыто, куда его положат после смерти; Это ихна завычка, что на престол суды ездить* [Калиткина, 2014, с. 42].

Иногда паремии констатируют тесную взаимосвязь двух объектов: *Железу при рати обычай бывати; Жуку нора за обычай* [Снегирев, с. 111]. Соседство двух объектов манифестируется как норма.

Можно говорить об идентифицирующем потенциале обычая как бытового установления, поскольку он характеризует определенное место и время. Ср.: «Задача обычая – обеспечивать самоидентификацию человека в отчуждаемом настоящем» [Калиткина, 2014, с. 43].

Характерно присутствие в контекстном окружении слова *обычай* обозначений географического и одновременно социального пространства как сферы распространения бытовой особенности – *страна, край, город, село, деревня* и др. В дополнение к ранее представленным контекстам приведем примеры паремиий: *Какая страна, такой и обычай; Что край, то обычай, что народ, то и вера; Что город, то норов, что ни село, то обычай, что ни старец, то ставец; Что город, то норов, что деревня, то обычай*. Широкое распространение обычая может маркироваться словами *везде, повсеместный, повальный*, при этом говорящий «размечает» действительность относительно себя, и восприятие всеобщности обычая (как бытового установления) имеет скорее психологическую природу: если в окружении субъекта речи все делают так, то это и значит «везде».

Временные маркеры в высказываниях, содержащих слово *обычай*, как уже было сказано, описывают действие обычая в прошлом и / или настоящем. По мнению Г. В. Калиткиной, уделившей внимание изучению на среднеобском диалектном материале темпоральных смыслов, представленных как в семной структуре слова *обычай*, так и в области коннотаций и ассоциаций, обычай обладает, в представлении носителей языка, постоянством, непрерывностью: «Возникнув в не прожитой лично старине, он [обычай] действует и в прошлом, и в настоящем и дает каждому опыт идентичности в потоке времени и самого себя, и мира <…> Обычаи могут не обладать признаком всеобщности, но статичность для них – конституирующая черта» [Калиткина, 2014, с. 41]. Регулярность, устойчивая воспроизводимость, даже трудность изменения обычая утверждается

и в паремиях: *Хоть к обедни не быть, а обычья не переменить; Обычай не клетка: скоро не переставишь*.

Нельзя не обратить внимание и на контекстные маркеры ***знать / не знать / не ведать / узнать обычай***. Показателен контекст: *Я не знаю здешних обычаев*. В нем содержится косвенное указание на конвенциональность обычая, который, как дает понять приведенное высказывание, признан жителями данной местности, то есть служит предметом негласного договора и подлежит исполнению всеми, но неизвестен говорящему и потому не может исполняться им. В народно-песенном фольклоре формулы *не знать / не ведать / узнать обычай* частотны в описаниях узнавания женихом и невестой друг друга – характеров, привычек, навыков хозяйствования, умения уступать, подчиняться, выполнять новые функции в новом социально-ролевом статусе: *Ведь Татьяна — дитя молодое, Ивановна не устарокъ,* ***Обычая*** *твоево* *не знаетъ*, *Ко нраву твоему не привыкла, Разувать, раздевать не умеетъ, Въ уста целовати не достанетъ*» [Песни, собранные П. В. Киреевским…, вып. I, 1911, с. 283]; ***Обычаю****-разуму я* *не ведаю*; *На то есть, татушка, да темная ночь, Есть у насъ, татушка, да темная клеть, А во той клети да ремянна плет: Секану-рубану между белыхъ плечъ, —* ***Обычаю****-разуму я* *доведаюсь*!» [Великорусские…, 1897, т. III, с. 237].

Своеобразная конвенциональность обычая, его пространственно-временная маркированность обусловлены свойством принадлежности обычая (как порядка, как нрава, как вкуса) человеку или социуму.

Сема ‘нормативность’

Ранее было показано, что для значений и смысловых оттенков изучаемого слова трудно подобрать существительное, обозначающее родовое понятие, так как *обычаем* может называться отдельное правило и система правил, индивидуальная привычка и общественный порядок, поведение человека и его пристрастия, но всегда речь идет о какой-либо практической закономерности, обусловленной естественным ходом вещей или введенным правилом, о сложившейся норме, которая регулирует жизнь человека либо общества.

Итак, структура лексического значения слова *обычай* в русском языке включает семы (дифференциальные признаки) ‘нормативность’, ‘деятельностный характер’, ‘интериоризованность моделей поведения’, ‘принадлежность человеку или сообществу людей’. В разных комбинациях они образуют значения и контекстные смыслы слова, множество которых можно упорядочить, выделив четыре семантических линии: социально-нормативную, поведенческую, эстетическую и логизированную. Рассматриваемое существительное во всех его значениях так или иначе выражает семантику нормы, присутствующую либо в денотативной, либо в пресуппозиционной части лексической структуры слова. В целом в проанализированном комплексе словоупотреблений преобладающей является семантика социально детерминированной нормы, даже если речь идет об индивидуальных характеристиках, симпатиях, пищевых пристрастиях человека. Это подтверждает доминирование социально-регулятивных смыслов в ядре семантики слова.

2.2. Вербальные репрезентации обычая в русском языке: семантико-мотивационный анализ

В задачи этого подраздела второй главы входит выявление синонимов и аналогов слова *обычай* ‘элемент социального порядка или сам такой порядок’ в русском языке, а также их семантико-мотивационный анализ. Необходимо установить состав этого лексического списка, определить стилевую характеристику каждой лексемы. Языковые единицы, обозначающие обычай, были собраны по материалам словарей современного русского языка и русских народных говоров. Сбор слов проводился преимущественно по критерию присутствия в дефинициях слова *обычай* как синонима толкуемого слова, иные случаи специально комментируются.

В отношении слов литературной разновидности русского языка нам кажется наиболее интересной собственно ревизия обозначений понятия «обычай», поскольку их количество и смысловая спецификация косвенно свидетельствуют о степени важности данного понятия для русского менталитета, а кроме того, позволяют составить представление о «стилистической палитре» обозначений обычая в русском литературном языке.

Диалектные слова со значением ‘обычай’ существенно расширяют данную группу синонимических слов, что является одним из факторов, обусловливающих целесообразность мотивационного анализа всего корпуса собранных слов и системной интерпретации реализованных в данной семантической области моделей номинации.

2.2.1. Слова со значением ‘обычай’ в русском языке

В словаре синонимов З. Е. Александровой приводится ряд синонимов слова *обычай*, включающий несколько устаревших лексем: *обычаи – нравы – свычаи и обычаи* (устар.), *обычай – традиция – неписаный закон – заведение – свычаи и обычаи* (устар.) [ССРЯ, с. 282]. Словарные пометы к этим лексическим единицам, представленным в «Словаре современного русского литературного языка»,

свидетельствуют о том, что слова имеют разный статус. Приведем их в следующем порядке – от литературных к устаревшим и далее просторечным:

– литер. *обы́чай* (в 1-м значении) ‘общепринятый порядок, издавна укоренившийся в быту того или иного народа, той или иной общественной группы’ (*Эх, Кулигин, больно трудно мне здесь без привычки-то! Все на меня как-то дико смотрят, точно я здесь лишний, точно мешаю им. Обычаев я здешних не знаю* – А. Остр. Гроза; *У черкесов есть очень милый обычай дарить гостю все, что он похвалит, – сказал я любезно* – Купр. Олеся; *У нас, по стародавнему обычаю, ужин сытный, как обед. Кушаем не по нужде, а для удовольствия* – М. Горький. Жизнь Кл. Самгина) [ССРЛЯ, т. 8, с. 582];

– литер. *тради́ция* (оттенок 1-го значения) || ‘установившийся в быту обычай’ (*Все население Алешина холма вышло на вершину встречать стада. Эта встреча была накрепко установившейся традицией Алешина холма* – Николаева. Жатва) [ССРЛЯ, т. 15, с. 793][1];

– литер. *зако́н* (во 2-м значении) ‘правило общежития, общественного поведения, являющееся общепринятым, обязательным в том или ином обществе, обычаи’ (*Своя тут* [на побережье] *жизнь, свои обычаи, законы, свои уставы* – Сераф. На море) [ССРЛЯ, т. 4, с. 544];

– устар. и обл. *свы́чай, свы́чай и обы́чай, свы́чай-обы́чай* ‘привычка, обычай’ (*Домнушка знала свычаи Груздева хорошо, и самовар скоро появился в сарайной* – Мам.-Сиб. Три конца; *По деревенскому свычаю ей почти никто не помог: старая*

---

[1] Помимо этого смыслового оттенка, приведем и основные значения этого слова, несмотря на то, что в этих дефинициях отсутствует слово *обычай*: литер. *тради́ция* (в 1-м значении) ‘исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение опыт, практика в какой-либо области общественной жизни, действительности и т. п.’ (*Национальные традиции. Революционные традиции рабочего класса. Литературная традиция*); (во 2-м значении) ‘обычная, принятая норма, манера чего-либо’ / *Традиция чего* / ([В обществе] *сохранилась привитая нам воспитанием традиция западной вежливости, которая на Западе исчезает* – Герцен. Былое и думы) [ССРЛЯ, т. 15, с. 793]. В этих случаях существительное *традиция* также служит обозначением разного рода правил, установлений.

деревня сурово глядела на свалившееся над ближним несчастье – Сок-Микит. Елень; *Хоть велик человек был Карп Алексеич, хоть велики стали достатки его, но не хватало ему по деревенскому свычаю-обычаю настоящей силы-важности* – Печер. В лесах) [ССРЛЯ, т. 13, с. 452];

– простореч. *нра́в* (во 2-м значении, обычно множ.) ‘обычай, уклад общественной жизни’ (*Это заставило меня размышлять о простоте казачьих нравов* – Пушк. Путеш. в Арзрум; [Они] *Сюда бежали, бросивши Саратов, И вольный Дон, и старой веры нрав* – Саян. Старый Иркутск) [ССРЛЯ, т. 7, с. 1435];

– простореч. *заведе́ние* (в 5-ом значении) ‘обычай, обыкновение’ (*Берут взятки, ну, значит, такое заведение, так исстари пошло, ни у кого об этом и сумления нет* – А. Остр. Пучина) [ССРЛЯ, т. 4, с. 279].

Опираясь на дефиниции этих лексем (тех из них, которые не отсылают непосредственно к слову *обычай*), можно назвать семы, совокупность которых предположительно составляет ядро обозначаемого понятия (табл. 2). Содержание последней графы предлагаемой таблицы – результат обобщения лексикографических данных.

Компонентная структура понятия «обычай», в представлении «Словаря современного русского литературного языка», включает ряд дифференциальных сем (общепризнанность, устойчивость, принадлежность быту или сфере поведения человека, принадлежность определенному сообществу людей – части социума).

Как оказалось, определенную сложность составляет подбор слова, которое называло бы родовую интегрирующую сему. В этом качестве составителями словарей предлагаются понятия «правило» и «порядок».

Таблица 2

Семы, составляющие понятие «обычай»

(выявлены на основе дефиниций слов русского литературного языка)

Лексема	Родовая сема	Дифференциальный признак 1	Дифференциальный признак 2	Дифференциальный признак 3	Дифференциальный признак 4
Обычай	порядок	общепринятый	издавна укоренившийся	в быту	того или иного народа, той или иной общественной группы
Закон	правило	являющееся общепринятым, обязательным	–	общежития, общественного поведения	в том или ином обществе
Традиция	обычай	–	установившийся	в быту	–
Семы (семная структура слова *обычай*)	**?**	**признанность всеми или многими**	**устойчивость, длительное существование**	**принадлежность бытовой или поведенческой сфере**	**социальная отнесенность (обычай осмысляется исключительно в социальном контексте)**

Из трех значений существительного *правило*, представленных в словаре современного русского языка, затруднительно указать такое, которое соответствовало бы понятию «обычай»: литер. *пра́вило* ‘положение, выражающее определенную закономерность, постоянное соотношение каких-либо явлений’ (*Грамматические правила*), ‘принцип, служащий руководством в чем-либо’ (*Нравственные правила; По правилам чести, гостеприимства, приличия и т. п.*), ‘(обычно множ.) собрание, свод каких-либо положений, установок, определяющих порядок чего-либо’ (*Правила уличного движения; Правила игры*) [ССРЛЯ, т. 11, с. 14]. Заметим, ни в одной дефиниции не присутствует слово ‘обычай’.

Второе возможное родовое слово семантически более сложно, поскольку обозначает организованную совокупность объектов действительности и событий (в частности, обычаев), а не один элемент системы: литер. *поря́док* ‘состояние благоустроенности, налаженности, организованности; правильное расположение,

надлежащий вид чего-либо’ (*Порядок в управлении хозяйством; Порядок на столе; Образцовый порядок*), ‘система управления, строй’ (*Крепостные порядки*), ‘образ жизни, уклад; распорядок’ и (оттенок этого значения) || ‘обычай, обыкновение’ (*По старинному порядку выдали ее замуж 15 лет* – Л. Толст. Идиллия) и др. [ССРЛЯ, т. 10, с. 1437]. Соотнесение слова *обычай* с существительным *порядок* в значении ‘образ жизни, уклад’ дает расширительную трактовку слова *обычай*. В истории русского языка сама возможность такого словоупотребления подтверждается, например, фрагментом текста «Повести временных лет»: *И Радимичи, и Вятичи, и Север один* ***обычай*** *имяху: живяху в лесе, яко же и всякий зверь, ядуще все нечисто, и срамословье в них пред отьци и пред снохами, и браци не бываху в них, но игрища межю селы, схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бесовьская песни, и ту умыкаху жены собе, с нею же кто съвещашеся; имяху же по две и по три жены. И аще кто умряше, творяху тризну над ним, и по семь творяху кладу велику, и възложахуть и на кладу, мертвеца сожьжаху, и посемь собравше кости вложаху в судину малу, и поставляху на столпе на путех, еже творять Вятичи и ныне* [Повесть…]. В этом отрывке форма единственного числа выделенного существительного служит обозначением не одного правила или особенности быта, не одного обряда (*обычай захоронения в лодке, брачный обычай* и под.), а именно в целом образа жизни людей, составляющих одну социальную группу, общину, то есть комплекса характеристик быта (предпочтения в еде, брачные установки и т. д.). Пожалуй, этот семантический объем (‘образ жизни, организация бытовой жизни’) с большой вероятностью можно предполагать у современного слова *обычаи* во множественном числе, а также у слов *порядок* и *порядки*, в то время как слово *обычай* называет чаще отдельный элемент быта.

Обратим внимание: видовые дифференциальные признаки, отмеченные в толкованиях лексем *обычай*, *закон*, *традиция*, довлеют над родовой семой, делая ее не особенно нужной. Если, например, использовать в дефиниции слова *обычай* неопределенное местоимение *что-либо*, указывая при этом

дифференциальные признаки, то объем понятия будет вполне ясен: обычай – что-либо общепризнанное, устойчивое в быту представителей социальной группы.

Думается, такое толкование *обычая* не исчерпывает всех его значений, в частности «обрядового» (*обычай похищения невесты, обычай захоронения в кургане* и т. д.). Тезис о том, что языковые факты *обычай – ритуал / обряд* находятся в строгой оппозиции по критерию способности обозначать бытовые действия и действия, имеющие символическое значение, несостоятелен с позиции языка: слово *обычай* без всяких затруднений и ограничений используется в высказываниях, касающихся как быта, так и совершения символических ритуальных действий.

Вернемся к лексическим репрезентантам понятия «обычай» и добавим к приведенным выше языковым фактам лексемы, не упомянутые в ряду синонимов, составленном З. Е. Александровой, однако толкуемые в словаре современного русского литературного языка через слово *обычай* (лексемы будут представлены в порядке, уже определенном выше: сначала номинации, не имеющие ограничивающих стилистических помет, при этом раньше подаются слова, для которых значение ‘обычай’ является единственным или первым, потом – другие значения влоть до смысловых оттенков, и лишь затем – разговорные и далее просторечные единицы):

– литер. *у́зус* ‘то, что принято, что стало обычным; обычай, обыкновение’ (Слов. иностр. слов, 1937) [ССРЛЯ, т. 16, с. 420];

– литер. *старина́* (во 2-м значении) и разг. *стари́нка* (в 1-м значении) ‘то, что было давно; события, обычаи, порядки и т. п. давних времен’ (*Барыни пожилые старались хитро сочетать новый образ одежды с гонимою стариною: ... робронды и мантильи как-то напоминали сарафан и душегрейку* – Пушк. Арап Петра Вел.; – *Спасибо царице Прасковье, в последнее время она мне помогает, – хоть и трудно ей старину ломать, все-таки завела для дочерей новые порядки* – А. Н. Толст. Петр I) [ССРЛЯ, т. 14, с. 747], литер. *по старине́* и *по стари́нке* ‘по обычаям, вкусам старого времени’ (*По старине живем: от поздней обедни все к пирогу да ко щам, а потом, после хлеба-соли, семь часов отдых* – А. Остр.

Бесприданница; – *Мы по старинке живем, у нас девушки по хозяйству заняты* – Саян. Лена) [Там же];

– литер. *поря́док* (в 3-м значении) ‘образ жизни, уклад; распорядок’; || ‘обычай, обыкновение’ (*Мне пришлось более или менее близко видеть… дела и порядки трех деревень, лежащих почти рядом* – Гл. Усп. Из дерев. дневника) [ССРЛЯ, т. 10, с. 1438];

– литер. *обыкнове́ние* (оттенок значения) ||‘обычай, заведение’ (*Во время шестилетнего отсутствия я вовсе позабыл здешние обыкновения* – А. С. Пушк. Арап Петра Вел.; *По тогдашнему обыкновению, его образование представлено было иностранным гувернерам* – Доброл. А. С. Пушкин; *Тятенька вас любит, он простит. Мы к нему сейчас приедем после свадьбы, знаете, по русскому обыкновению, ему в ноги* – А. Остр. Не в свои сани…) [ССРЛЯ, т. 8, с. 576];

– литер. *пра́во* (оттенок значения) || ‘обычаи, существующие в той или иной среде, в том или ином обществе’ (*Право сильного царило в этих стенах в полном объеме* –Мам.-Сиб. Новичок) [ССРЛЯ, т. 11, с. 26];

– литер. *привы́чка* (оттенок значения) || ‘привычный образ действий; обычай, обыкновение’ (*В районе стало привычкой: первый сноп из колхоза Чапаева – это сигнал, после которого торопливо передается телефонограмма: «Начать выборочную жатву…»* – Тендряк. Среди лесов) [ССРЛЯ, т. 11, с. 400];

– литер. *вкус* (оттенок значения) ‘мода, условный обычай’ и простореч. *быть во вкусе* ‘иметься в обычае, быть принятым’ (*А барин-то, я вижу, у вас был строг? – начал я после небольшого молчания. – Тогда это было во вкусе, батюшка, – возразил старик, качнув головой* – Тург. Мал. вода) [ССРЛЯ, т. 2, с. 423];

– литер. *заве́т* (оттенок значения) || ‘обычай, унаследованный от прошлого’ ([Полтев] *вставал и ложился, кушал и в баню ходил … не так, как бы ему вздумалось, не на свой манер, – а по завету и преданию отцов – истово и чинно* – Тург. Отчаянный) [ССРЛЯ, т. 4, с. 291];

– разг. *но́ров* (во 2-м значении) ‘обычай, общераспространенные привычки’ (*Что ни город, то, говорят люди, норов, что ни деревня, то обычай* – Корол. Река играет) [ССРЛЯ, т. 7, с. 1404];

– простореч. *заво́д* (в 5-ом значении) ‘обычай, обыкновение’ (*Вахмистра за усы у нас в полку не положено хватать… Может быть, у гвардейских гусар так водится, а у нас, ахтырцев, этого в заводе нет* – Л. Никул. России верные сыны) [ССРЛЯ, т. 4, с. 309];

– устар. *рути́на* (в 1-м значении) ‘установившийся обычай, порядок’ (*Ты всегда уважал рутину, школьный порядок, уважал людей, следовавших тому и другому* – Бел. Письмо Д. И. Иванову, 7 авг. 1837; *Были и отчасти сохраняются до сих пор такие формы быта, в которых личная мысль человека не развита, в которых он подчиняется существующим обычаям или постановлениям... Рутина – дурная или хорошая – владычествует над их жизнью* – Черныш. «Основания полит. эконом.» Милля) [ССРЛЯ, т. 12, с. 1587].

Наконец, этот перечень слов следовало бы дополнить лексемами *уклад, обряд, ритуал, правило, норма, устои, устав*, которые не содержат в словарных дефинициях слова *обычай*, однако семантически ему близки и потому, во-первых, присутствуют в определениях приведенных выше лексем, во-вторых, толкуются (по крайней мере, некоторые из них) через слово *порядок*, то есть через синоним слова *обычай*, в-третьих, снабжены иллюстративными контекстами, убеждающими в их причастности к выражению смысла ‘обычай как уклад жизни в целом или одна из особенностей ее организации’:

– литер. *укла́д* (в 1-ом значении) ‘установившийся порядок, образ жизни (отдельной семьи, социальной группы и т. п.)’ (*У вас, значит, строго по казачьему укладу: дочерей по порядку замуж выдаете?* – Степан. Порт-Артур; *Жила в последние времена хваловская большая семья жизнью благополучного, со старинным строгим укладом крестьянского дома* – Сок.-Микит. На тепл. земле) [ССРЛЯ, т. 16, с. 448];

– литер. *обря́д* (в 1-ом значении) ‘порядок, чин, по которому совершается что-либо; действия, связанные с выполнением каких-нибудь предписаний

(преимущественно религиозных)’ (*Более прежнего стали соблюдаться посты, поминки, заговенья и тому подобные обряды, соблюдаемые святым мещанством* – Решетн. Свой хлеб; *Все гости совершали обряд приветствования никому неизвестной, никому неинтересной и ненужной тетушки* – Л. Толст. Война и мир; *Она* [бабушка] *говорит языком преданий..., и весь наружный обряд жизни отправляется у ней по затверженным правилам* – Гонч. Обрыв) [ССРЛЯ, т. 8, с. 427];

– литер. *ритуáл* (во 2-м значении) ‘церемониал, выработанный обычаем, торжественно обставленный порядок совершения чего-л.’ (*У них [мужиков] даже выработался особый ритуал приветствий и чествований Иринеевой особы* – Эртель. Зап. степняка; *Я отвесил, как полагалось по ритуалу тогдашних приличий, по поясному поклону на все четыре пустые стены* – Н. Морозов. Пов. моей жизни) [ССРЛЯ, т. 12, с. 1340];

– литер. *прáвило* (во 2-ом значении) ‘принцип, служащий руководством в чем-либо’ (*Нравственные правила; По правилам чести, гостеприимства, приличия и т. п.*) [ССРЛЯ, т. 11, с. 14];

– литер. *нóрма* (в 3-м значении) ‘общепризнанное, узаконенное в определенной социальной среде установление; правило поведения людей в обществе’ (*Очень многие категории поступков, в старой этике стоявшие вне пределов моральной нормы, у нас делаются моральными категориями* – Макарен. О комм. этике; *Ленин выработал твердые нормы партийной жизни, ставшие законом для всей последующей деятельности партии* – Кр. биогр. В. И. Ленина; [В Германии] *этические нормы человеческого поведения были чудовищно извращены* – Казаков. Дом на площади) [ССРЛЯ, т. 7, с. 1399–1402][1];

---

[1] Другие значения слова (первое, второе и четвертое): литер. *норма* ‘установленная мера, размер чего-н.’ (‘установленная мера производительности труда’, ‘то же, что норматив: экономический или технический показатель норм, в соответствии с которыми производится работа’, ‘средняя, обычная величина чего-л.’: *Нормы выдачи кормов скоту; Нормы выработки; Норма выпадения осадков в мае*), ‘обычный, установленный порядок, обычное состояние чего-л.’ ([Обломов] *с громкими вздохами ложился, вставал, даже выходил на улицу, и все*

– литер. перен. *усто́й* (в 3-м значении, обычно множ.) ‘основополагающие начала, нормы, основы чего-либо (жизни, морали и т. п.); то, на чем зиждется что-либо’ (*Все смутно догадывались, что гарденинская жизнь выбита из колеи и что-то трещит, что-то распадается в ее вековечных устоях* – Эртель. Гарденины; *Ни в прошлом, ни в настоящем не оказывалось ни одного нравственного устоя, за который можно бы удержаться* – Салт. Госп. Головлевы) [ССРЛЯ, т. 16, с. 973];

– простореч. *уста́в* (во 2-ом значении – обычно множ.) ‘правила поведения, нормы жизни’ (*Паншин скоро понял тайну светской науки; он умел проникнуться действительным уважением к ее уставам, умел с полунасмешливой важностью заниматься вздором и показать вид, что почитает все важное за вздор; танцевал отлично, одевался по-английски.* – Тург. Дворянское гнездо); (в 3-м значении – устар. и простореч.) ‘положение, принцип, служащие руководством в чем-либо; правило’ (*Судиться по правам – не тот у них был нрав; Да сильные ж в правах бывают часто слепы. У них на это свой устав: Кто одолеет, тот и прав.* – Крыл. Лев и Барс), || (устар.) ‘обычай’ (*И по русскому уставу Баню жаркую гостям Затопили мы на славу* – Вяз. Совр. заметки) [ССРЛЯ, т. 16, с. 947].

Слово *установление*, очевидно, также способно служить обозначением обычая, закрепившегося в обществе неписаного закона или особенности организации быта, однако в «Словаре современного русского литературного языка» оно фиксируется в качестве обозначения официального закона, постановления государственной или судебной власти. Возможно, это лишь следствие того, что составители словаря пошли вслед за Д. Н. Ушаковым, определявшим установление как ‘то, что установлено, устав, закон (офиц. устар.)’

доискивался нормы жизни, такого существования, которое было бы и исполнено содержания и текло бы тихо – Гонч. Обломов; *прийти, войти в норму*), ‘(спец.) обозначение на первой странице каждого печатного листа книги ее заглавия и фамилии автора’, а также литер. *норма права* ‘правило поведения людей в обществе, выраженное в законе или ином акте государственной власти’ [ССРЛЯ, т. 7, с. 1399–1402].

(*Свод установлений*) [Ушаков, т. IV, с. 1000]), и выбрали иллюстрации, подтверждающие только «узкое» значение слова. Ср. разность между «широко» сформулированной дефиницией (‘(устар). то, что установлено, закон, устав’) [ССРЛЯ, т. 16, с. 967] и иллюстративными контекстами, демонстрирующими в действительности «узкое» значение ‘то, что официально установлено судебными или государственными властями’: *Государыня Екатерина II говаривала: «Когда хочу заняться каким-нибудь новым установлением, я приказываю порыться в архивах и отыскать, не говорено ли уже было о том при Петре Великом»* – Пушк. Анекдоты; *[Кедровский] отправился в Кремль, в хорошо известное ему здание судебных установлений* – Никул. Моск. зори [Там же]. Между тем в словаре под редакцией С. А. Кузнецова находим: *установление* ‘(устар). закон’ (*Государственные установления. Общественные установления*) [БТСРЯ, 1998, с. 1402]. Сочетание *общественные установления* может означать не постановление судебной или государственной власти, а правило, закон, закрепившиеся в обществе без участия властей.

Таким образом, в результате сбора данных по «Словарю современного русского литературного языка» мы получили следующий ряд обозначений обычая (24 лексемы) как одной характерной особенности уклада общественной жизни или собственно уклада жизни в собирательном значении: *обычай* (в 1-ом значении) – *традиция* (в 1-ом и 2-м значениях) – *узус* (единственное значение) – *уклад* (в 1-ом значении) – *обряд* (в 1-ом значении) – *закон* (во 2-м значении) – *старина* (во 2-м значении) – *ритуал* (во 2-м значении) – *правило* (во 2-м значении) – *норма* (в 3-м значении) – *устои* (в 3-м значении) – *порядок* (оттенок значения) – *обыкновение* (оттенок значения) – *право* (оттенок значения) – *привычка* (оттенок значения) – *вкус* (оттенок значения) – *завет* (оттенок значения) – *старинка* (разг.) – *норов* (разг.) – *свычаи и обычаи* (устар.) – *рутина* (устар.) – *заведение* (простореч.) – *нравы* (простореч.) – *завод* (простореч.) – *устав* (простореч.). Из них 17 языковых фактов не имеют стилистической маркировки (однако заметим, что лексемы *узус* и *традиция* имеют явно книжный характер), 2 – охарактеризованы как имеющие ограничение, а именно принадлежат

разговорному стилю, 2 – представлены устаревшими, 3 – отнесены к просторечным. Очевидно, что слова из составленной в результате просмотра толковых словарей литературного языка выборки различны по степени употребительности в речи.

Тот факт, что для обозначения одного понятия в русском языке, притом только в литературной его разновидности, имеется 24 лексемы, кажется нам знаковым, несмотря на то, что речь не идет ни об уникальности когнитивной структуры, соотносимой со словами этого ряда, ни об узкой культурной специфике собственно обозначаемых ими объектов действительности, поскольку обычаи – универсальный феномен, свойственный любой культуре.

Многие из слов приведенного ряда (*обыкновение, обычай, привычка, нрав* и др.) могут, как известно, обозначать не только порядок, установившийся в данном социуме, но и индивидуальные особенности поведения или образа жизни человека. В этом можно убедиться на примере слова *обыкновение*. Ср., с одной стороны, предложения *Вид у Кулича был, по его обыкновению, тревожный и озабоченный: словно бы он старался что-то преодолеть, и оттого изнемогал духом* (Михаил Чулаки, 2002); *Он чистил и трещал по своему обыкновению* (В. П. Катаев, Алмазный мой венец, 1975–1977); *Обе, разумеется, наплакались, по их обыкновению, обнявшись, и Лиза, по-видимому, успокоилась* (Ф. М. Достоевский, Подросток, 1875) [НКРЯ] и, с другой стороны, ряд контекстов, в которых идет речь об этническом или конфессиональном своеобразии традиций, установлений внутри социальной группы: *Впрочем, она должна была, по их обыкновению, надрезать лицо себе и плакать; Как скоро отец его умер, то тукюесцы велели ему одеваться по их обыкновению* (Иакинф (Бичурин), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, 1851) [НКРЯ]. Неслучайно в словаре З. Е. Александровой приводится еще один синонимический ряд, в котором присутствует лексема *обычай*, но базовым в нем является существительное *привычка*, и все лексемы обозначают индивидуальные особенности поведения и образа жизни человека: *привычка – обыкновение – обычай – манера – мода* (разг.) – *свычка* (прост.) [ССРЯ, с. 380].

Итак, некоторые из перечисленных выше слов сходны в способности служить обозначениями и социальных установлений, и особенностей поведения человека, но могут различаться в зависимости от того, в каком из двух значений слово по преимуществу используется в речевой практике.

Итак, лексема *обычай* (как обозначение элемента социального порядка либо такого порядка в целом) и его синонимы, зафиксированные в словаре современного русского литературного языка, образуют ряд слов, различных по стилистической окраске и степени употребительности.

Между тем накопленные диалектные материалы содержат значительно большее количество обозначений обычая, чем русский литературный язык. В ходе просмотра диалектных словарей, архивов и иных источников диалектной лексики было выявлено более 90 слов:

бы́ва
быт
ве́ра
доведе́нье
доро́га
заведе́ние и заведе́нье
заведённка
заведённое
заведе́нция
за́ведь
заве́рье
завида́нье
заву́дки
заву́дье
заву́чина
заву́чка
загу́ды
зако́н
но́рот
обихо́д
обна́к
обнакове́ние и обнокнове́ние
обнаконове́ние
обря́да
обря́дность
обря́док
о́бык и обы́к
обы́ток
обы́чая
обы́чка
опра́ва
па́вер и пове́р
по́быт
побы́тья
пова́да
поведе́нка
поло́женость
полю́дье
по́норов, поно́ров и понорóв
поре́дня
поря́д
поря́да
поря́дица
поря́дня
постано́вка
посте́н
поя́ва
пра́вило
пра́во
преда́нье
привере́дня
привиле́гия
притво́рка
при́хоть

заповéрие	поведéнция	причúна
запрáва	поведéнье	процезýра
заýчка	повéрье	свы́чай, звы́чай, звычáй,
извáдка	повéтрие	старúнка
извы́чай	повóд	стопá
мóда	пóвык, повы́ка	ум
модéль	повы́чка	устанóвка
нáча	покабы́тьё	череда́
нáчия	покóн и пóкон	чин
нáция	положéние и положéнье	чудорóдие
нóрок		

Эти диалектные лексемы (паспортизация материала будет приведена далее) репрезентированы в словарях как имеющие значение ‘обычай’. Они принадлежат разным говорам, то есть не функционируют в одном языковом идиоме. Опыт анализа «имен традиции», бытующих в одной группе говоров (среднеобских), представлен в работе Г. В. Калиткиной [Калиткина, 2014]. Подобные исследования позволяют охарактеризовать семантические связи между словами, образующими микросистему, увидеть сходства и различия в контекстных употреблениях синонимов.

Далее обозначения обычая, функционирующие в русском языке, за исключением книжных слов *узус, традиция, ритуал, рутина*, будут проанализированы в аспекте мотивации.

2.2.2. Мотивационный анализ обозначений обычая в русском языке

В отношении лексических множеств, как показывает уже сложившаяся исследовательская традиция, информативен мотивационный анализ. Данный подход к материалу предполагает анализ внутренней формы слов как сохраняющей актуальную информацию о том, каким представляется носителю языка объект номинации, в данном случае – социальная норма, обычай. Мотивационный анализ собранного нами методом фронтального просмотра словарей и картотек множества обозначений обычая позволил выявить ряд мотивов.

Далее лексические репрезентанты понятия «обычай» в русских народных говорах и общенародном языке анализируются в аспекте мотивации. Обозначения обычая разделены на группы согласно мотивировочным признакам, зафиксированным во внутренней форме слова, сгруппированным в свою очередь по мотивам более высокой ступени обобщения (в этом случае можно говорить о мотивационных доминантах).

Каждый из последующих подразделов данной главы представляет одну группу мотивов, или одну мотивационную доминанту. Порядок их следования определен количеством лексических фактов, во внутренней форме которых реализуются мотивы, входящие в одну группу.

Нормативно-регулятивные мотивы

Во внутренней форме ряда обозначений обычая запечатлены мотивировочные признаки, позволяющие провести экспликацию представлений об обычае как норме – средстве поддержания порядка, организации повседневной жизни.

Сделанная нами выборка языковых фактов включает в себя, например, лексемы, в которых реализованы **мотивы упорядочивания, порядка, организации**. Представление об обычае как о способе организации быта, собственно о порядке вербализуется путем привлечения лексики с корнем *-ряд-*, этимологически обозначающим расположение чего-либо, каких-либо объектов в ряд, линию, шеренгу [Фасмер, т. III, с. 536]), ср. ср.-обск. *как ряд-обычай* ‘как положено по обычаю’ (*Он ко мне подошёл, как ряд обычай, так прямо хорошо отнёсся*) [Калиткина, 2014, с. 40], рус. (мордов.) *отвести́ (отводи́ть) ряд* ‘сделать (делать) что-либо не по желанию, а согласно общественным требованиям, ради соблюдения обычаев, правил’ (*Которы делъют ъд душы поминки-ти, а которы – токъ рят утвести*) [СРГМ]. «Геометрия» расположения множества объектов в пространстве – образ, актуализирующий в лексике сему организации. Показательны в этом смысле значения глаголов с этим корнем в славянских языках: *ряжу́* ‘договариваюсь, нанимаю’, укр. *ряди́ти́*, *ряджу́*, др.-русск. *рядити*, болг. *редя́* ‘упорядочиваю’, чеш. *řídíti* ‘управлять’ и др. [Фасмер, т. III, с. 536].

Прежде всего отметим лексический факт русского литературного языка – *обряд*. В русских народных говорах находим другие однокоренные слова с приставкой *об-*: арх., ворон. *обря́да* ‘обычай, порядок, обряд’ [СРНГ, т. 22, с. 222], юж.-урал. *обря́да* ‘обычай’ (*Обычай был встречать мужа у ворот; у нас у самих была такая обряда*) [Малеча, т. 3, с. 37], пск. *обря́дность* ‘обычай, порядок, обряд’ (*Везде своя автономия, обрядность*) [СРНГ, т. 22, с. 222], казак.-некрас. *обря́док* ‘обряд, обычай’ [СРНГ, т. 22, с. 223] и др.

Иллюстративные контексты к слову *обряд*, фиксируемому в речи диалектоносителей, свидетельствуют о том, что оно трактуется здесь значительно шире, поскольку обозначает вообще установления, особенности организации быта, ведения хозяйства, в отличие от терминологической трактовки его как обозначения символических обрядовых действий: арх., новосиб. *обря́д* ‘обычаи, привычки, приемы в деле; правила, установки’ (*Наших ловецких обрядов, поди, и не знает он*) [СРНГ, т. 22, с. 221], юж.-урал. *обря́д* ‘обычай, право’ (*Итак, для сих-то самых причин воздумали мы назвать сего Пугачёва покойным государем Петром Федоровичем, дабы он нам возстановил все наши прежния обряды* (Из заявления яицкого казака Т. Мясникова от 1773 г.); *Какой у вас хороший порядок или привычка, обряд*) [Малеча, т. 3, с. 36].

Слова с приставкой *по-*, и прежде всего литер. *порядок*, также служат преимущественно для обозначения «бытовых обычаев»: пск., твер. *поря́д*, *поря́да* и *поря́дица* ‘заведенный порядок, обычай’ [СРНГ, т. 30, с. 122], волог., арх., олон., мурман., пск., твер. *поря́дня* ‘обычай, обыкновение, устои’ (*Где город, тут и вера, где деревня, тут и порядня*) [СРНГ, т. 30, с. 123], свердл. *поре́дня* ‘обычай’ (*Старая поредня лучше была, вечёрки часто были*) [ЭИС, вып. III, с. 131], арх., мурман. *поря́дня* и *поре́дня* ‘обычай, уклад, традиции’ (*Где какая деревня, тут такая и поредня: везде всё по-разному*) [СРГК, т. 5, с. 87], волог. *поре́дня* ‘домашнее хозяйство, распоряжение и обычаи’ [Дилакторский, с. 391].

Примечательно, что и *обряд*, и *порядня* выступают в русском языке в качестве обозначений ведения домашнего хозяйства или хозяйственной утвари: *порядня* ‘дела, связанные с ведением домашнего хозяйства’ (*Жену учи…и домашнему обиходу, и всякои порядне умела бы сама и печи, и варити, и всякую домашнюю порядню умела*), ‘предметы домашнего обихода’, ‘снасть, оснащение’ [СРЯ XI–XVII вв., вып. 17, с. 147], новг., олон., волог., вят. *поря́дня* ‘работа по дому, ведение хозяйственных дел, домашнее хозяйство’ (*Где город, тут и вера, где деревня, тут и порядня*) [СРНГ, т. 30, с. 123], волог., яросл., перм., твер. *обря́д* ‘работы по дому, по хозяйству (приготовление пищи, уход за скотом и т. д.)’,

волог., пск., перм. *обря́д* ‘предметы хозяйства, быта, домашняя обстановка)’ [СРНГ, т. 22, с. 221] и др.

Нет в русском литературном языке структурно-семантических аналогов слову с приставкой *на-*: свердл. *наря́д* ‘обычай’ (*Ране наряды соблюдались; В старину нарядов много было*) [ЭИС, вып. III, с. 131].

К числу обозначений обычая, для которых релевантна идея ряда, порядка, следует отнести устар. *чин* ‘порядок совершения чего-л.; обряд’ [ССРЛЯ, т. 17, с. 1028], урал. *чин* ‘обычай, обряд’ (*Раньше говорили: родился чином и помер чином*) [Малеча, т. 4, с. 446], ср. простореч. *чин чинарём (делать что-либо)* ‘делать как положено, по порядку’. По данным этимологического словаря, праслав. **činъ* восходит к индоевропейской основе, которая производна от глагола со значением ‘лежать, покоиться; класть’. В свою очередь, глагол *чинить* восходит к праслав. **činiti*, производному от **činъ*, и лишен соответствий в других индоевропейских языках, в славянских же имеет широкий спектр значений, часть которых сводима к древней семантике укладывания слоями [ЭССЯ, т. 4, с. 112–115]. В словаре И. И. Срезневского находим *чин* ‘порядок’, ‘подчинение’, ‘чиноположение, последование’, ‘правило, устав’, ‘определенное место’, ‘степень’, ‘должность’, ‘сан’, *чинно* ‘в порядке, стройно’, *чинити* ‘устраивать’ [Срезн., т. 3, с. 1517–1522]. В современном русском языке слово *чин* также имеет значения, которые связаны с рядностью, определением места в ряду, положением, классом, разрядом (*нижний, чин, высокий чин, военные чины* и др.). Расположение по чину, то есть по порядку, служит своеобразным «средством визуализации» обычая, который по сути есть порядок или часть, элемент порядка.

Последовательность действий (то есть тоже ряд) фиксируется как базовая идея (мотив) и во внутренней форме рус. (мордов.) *процезу́ра* ‘обычай, порядок’ (*Замуш вышлъ ни спрасясь, пръцызура у нас такая*) [СРГМ, ч. 2, с. 1002] (результат фонетической трансформации книжного слова *процедура*).

Исполнение действий согласно порядку «рисует» и помор. *цереда́* ‘обычай, церемония’ (*Любо – не любо, а цереду провести надоть, не нами ведь ето было заведено*) [Дуров, 2011, с. 433]. Ср. также: литер. *отводи́ть черед* ‘делать что-

либо не но желанию, а ради соблюдения обычая, правил’ (– *Проводимши мужиков, я поужинал, то-исъ, главу только сделал, что ужинал, черед, значит, отвел, а на самом-то деле ничего не ел* – Железн. Уральцы) [ССРЛЯ, т. 8, с. 1288].

В исследуемой лексике представлены **мотивы управления**. Обычай предстает как «упорядоченный, организованный» и в то же время (или тем самым) «упорядочивающий, организующий».

Кроме того, в лексике обычая присутствуют мотивы управления, актуализируемые посредством привлечения основ с корнем *-прав-*. Эту морфему включают бесприставочные образования или существительные с приставками *за-*, *о-*: волог., рус. (карел.) *пра́во* ‘обычай, традиция’ (*Право другое, у нас не так делают*) [СРГК, т. 5, с. 137], свердл. *пра́вило* ‘обычай’ (*Не в правиле у нас так делать*) [ЭИС, вып. III, с. 131], ворон., перм. *запра́ва* ‘обычай, привычка’ (*Уже здесь в этом селе издавна такая заправа: бабы ходят с кичками и в поневах*) [СРНГ, т. 10, с. 351], тамб. *запра́ва* ‘обычай, порядок в быту’ (*Привязли миня с чюжова сяла. Паставили на стол кроху. Ничаво. Ниужели у них тута такая заправа. Я ничяво ни знаю. А мне стыдна была. Ниужэли у них тах-та*?) [СТГ, с. 81], дон. *запра́ва* ‘обычай’ (*Тада такая была заправа*) [БТСДК, с. 177], рус. (мордов.) *запра́ва* ‘обычай’ (*Уш такая заправъ была в диревни – фсё сами делъли; Раньшъ ф пичях парились, заправъ така была. У нас нет такой заправы – зълатую свадьбу играть*) [СРГМ, ч. 1, с. 281], волог. *опра́ва* ‘порядок, образ жизни’ (*Я не хулю нонешну оправу. Не любо – не живите. Как уходят, так и надо, а то че терпеть. Один в одну сторону, другой в другую*) [СРГК, т. 4, с. 222].

Реконструкция мотивировки для подобных языковых фактов должна проводиться на основе соотнесения с глаголами того же корня, имеющими близкие значения: разг. *справля́ть* ‘отмечать по установленному обычаю (какое-либо событие); устраивать’ (*Поминки по отцу Борис справил княжеские; напоследок пировала у Бориса почти вся деревня* – Сок.-Микит. На тепл. земле) [ССРЛЯ, т. 14, с. 581], диал. *отпра́вить* ‘отметить по обычаю, справить’ (оренб., урал.) (*Для того-то они в будни и сберегают лишний рубль, чтоб отправить как следует, наряду с прочими, праздник*) и ‘провести, совершить по обряду’ (оренб.,

урал) (*Помер мужик, отправили похороны; Сорочины отправили честь честью*) [СРНГ, т. 24, с. 278], онеж. *выпра́вливать* ‘отмечать по установленному обычаю какое-либо событие’ (*Стану я годины-именины вси выправливать, Вси выправливать за двенадцать лет*) [СРНГ, т. 5, с. 332], север., свердл. *исправля́ть* (несов. *испра́вить*) ‘отмечать по обычаю какое-либо событие, праздновать, справлять’ (*Я исправила честное похороньице; Нас приглашали свадьбу исправлять; День рождения я не исправляла никогда*) [СРНГ, т. 12, с. 242]. Глаголы, как можно видеть, демонстрируют еще большее разнообразие префиксов. Показательно и наречие – вят., свердл. *по-пра́вски* ‘по правилам; по обычаю’ (*У их свадьба была по-правски, в церкви венчались*) [СРНГ, т. 29, с. 340].

Хотелось бы обратить внимание на различие между существительными, обозначающими обычай, и глаголами, обозначающими действия по исполнению обычая: иллюстративные контексты свидетельствуют о том, что существительные используются по отношению к бытовым особенностям (организации хозяйственных работ и приема пищи, ношению одежды, мытью в печах, разводам и т. д.), а глаголы характеризуют исполнение обрядов – свадебных, похоронных и т. д.

Трактовка обычая как «того, что правят, справляют» возможна (поддерживается глаголами), однако отмеченное различие между однокоренными словами разных частей речи может свидетельствовать о том, что для существительных релевантна идея установления, ориентира, правила – «того, что является правильным» (в гнезде слов, к которому принадлежат слова *управлять, направление, правило, правильность*, эта идея – одна из центральных).

Семантическим аналогом *обряду, порядне, справе* как обозначениям работы по хозяйству является и диал. *обиход* ‘умение хорошо вести домашнее хозяйство, содержание дома в чистоте и порядке’ [СРНГ, т. 22, с. 68], поэтому ожидаемо и появление у него значения ‘обычай’: кубан., арх. *обихо́д* ‘традиция, обряд, церемония, обычай’ (*свадебный обиход; праздничный обиход; Я все их обиходы знаю*) [СРНГ, т. 22, с. 68], ср. литер. *обиход* ‘повседневная жизнь в ее постоянных, привычных проявлениях; строй, порядок, уклад жизни’ [ССРЛЯ, т. 8, с. 152]. Во

внутренней форме слова обнаруживается сложение именной формы префикса *обі-* и имени **ходъ* [ЭССЯ, т. 27, с. 94], а в смысловом отношении мотивировочный признак актуализирует сему ухода за кем-, чем-либо, ухаживания, обслуживания, исполнения принятого порядка.

Семиотические мотивы, или мотивы эталона, ориентира, знака реализуются при обращении носителя русского языка к основам *мода, модель, степень, дорога, стопа, постен, ум, привилегия* и др.

Ранее мы уже отмечали, что слово *обычай* имеет среди прочих значение ‘мода, современная тенденция’, но и слово *мода* в русских народных говорах используется в качестве обозначений обычая как обряда либо бытового установления: помор. *мóда* ‘обычай, современный порядок’ (*Теперь уж мода не тая, что преже была, кругом с песнями по улицам посада вечеру не ходят*) [Дуров, 2011, с. 226], свердл. *мóда* ‘обычай’ (*Такая мода была заверована; На второй день мы к им* [сватам] *едем – хозяйство смотреть. Это уж обязательно, така мода была*) [ЭИС, вып. III, с. 131]. Это значение, оставшись не названным, выявляется у слова *мода* и в иллюстрациях к другим лексическим фактам в областных словарях: перм. *Была мода такая: у невесты есть какое приданое, свадебжане надевают и по деревне казать богачество* [СРГЮП, вып. 3, с. 76], перм. *Я выскочила, ей коблуком раз — хлысь, хлысь по башке её. Такая мода уж была – подругу невеста колотит* [СРГЮП, вып. 3, с. 311], перм. *В избе везде народ, угланы на полатях лежат, все смотрят на жениха с невестой, молодяжник-то – голов десять-двенадцать, мода была заведена такая, полные палати, на печи, везде смотрели на жениха с невестой* [СРГЮП, вып. 1, с. 188], новг. *Прежде мода така была: парни садятся на колени к девкам и целуют кажду по кругу; это головешки собирать на посидке* [НОС, с. 173] и др.

Мы имеем дело с заимствованием, которое было усвоено народной речью. По замечанию Г. В. Калиткиной, «в силу иноязычного происхождения слова у рядовых представителей русской лингвокультурной общности не возникает связей с производящей единицей» [Калиткина, 2014, с. 25]. Она указывает на то, что первоначальная референтная соотнесенность с объектами материальной

культуры (одеждой, обувью, головными уборами и др.) изменяется, слово развивает значения ‘привычка’, ‘обычай’, связанные с денотативным полем деятельности, действий в пространстве повседневности (*И кака мода была: [некрашеный] пол скоблили*), а также ‘обряд’ (*Девка [просватанная] убрана с косой целу неделю. в баню меня мыли [водили], с вениками по улице водили. Мода была така*) [Там же, с. 26, 29, 30].

Причину таких семантических изменений следует искать в представлениях о тиражировании моды, о следовании образцу. Хорошим подспорьем для появления значений ‘популярная тенденция’, ‘обычай’, ‘обряд’, явилось представление о моде как эталоне, мериле, нашедшее выражение в значениях ‘пример’, ‘мера’ и ‘образец выполнения чего-либо, модель’: перм. *сверх моды на вершок* ‘о чем-л. в большом количестве, в избытке’ (*В те годы-то не было экого в магазинах. А в эти-то годы уж все появилось сверх моды на вершок*) [СРГЮП, вып. 2, с. 93], том. *снять моду с кого, с чего* ‘взять пример с кого-л., следовать какому-л. образцу’ [СРНГ, т. 18, с. 195], арх. *на другую моду* ‘иначе, по-другому’ (*Дома-то двужирные, двуконечные строили, а нынь всё на другую моду*) [СРГК, т. 3, с. 244] и мн. др. По сути носители русского языка реконструировали этимон и, приспособив слово *мода* к выражению смысла ‘обычай’, выразили свое понимание обычая как образца, как нормы организации быта, которой следуют члены социально-культурной группы.

То же произошло, по-видимому, со словом *модель*: ряз., яросл. *моде́ль* ‘обычай, мода’ (*А чичас как чихнули, новая модель пошла какая-то – «извините»*) [СРНГ, т. 18, с. 29]. Сема запрета присутствует в тул., твер., пск., смол., ряз., сарат., яросл. *не моде́ль* ‘не дело, не следует, не полагается’ [Там же]. За деонтической модальностью такого словоупотребления, сопоставимого с выражениями *не по правилу, неправильно*, явственно проступает понимание обычая как диктуемой нормы.

Мотив меры, основания оценки «визуализирован» посредством слова *степень* при использовании его в словосочетании: олон. *жить по старой степе́ни* ‘жить по-старому, придерживаться старых обычаев’ [СРНГ, т. 41, с. 140].

Среди пространственных образов символическими значениями наделен образ дороги, который проявился и в обозначении обычая: волог. *доро́га* ‘закон, правило, обычай’ (*Как дорога гласит, так и поступай*) [Дилакторский, с. 109]. В поиске семантического источника для появления этого диалектного лексического факта, помимо концептуализации дороги как судьбы человека (например, *дорога* ‘о жизненном пути; об образе действий, о поведении’ (*Лучшую дорогу избрал, кто правду всегда говорить принялся*) [СРЯ XVIII, вып. 6, с. 218], урал. *дорога* ‘судьба’ (*У меня така дорога: смеются надо мной – урод я*) [СРНГ, т. 8, с. 132]), можно указать также на понимание дороги, пути как вектора, генерального направления, служащего ориентиром при организации жизни и деятельности людей в какой-либо области действительности – в политике, творчестве и т. д.: *дорога* ‘направление, путь следования’ (*Мы живем в такой век, когда все дороги ведут к коммунизму; Лихой был вояка* [Кочубей]*, благородный человек, неграмотный был, а понимал, что его дорога с Лениным; С половины второго десятилетия XIX века совершенно кончилась эта однообразность в направлении творческой деятельности: литература разбежалась по разным дорогам*) [ССРЛЯ, т. 3, с. 1004]. Дорога – образ видимого ориентира.

К образу дороги апеллирует, вероятно, и юж.-урал. *стопа́* ‘обычай’ (*У нас вить у казаков все по-особенному, так и счас придерживамся етих стопов*) [Малеча, т. 4, с. 186]. Ср. наличие в тех же говорах соответствующего обозначения летней дороги: юж.-урал. *стопа́* ‘дорога, по которой ездят летом’ [СРНГ, т. 41, с. 231]. Однако мотив ориентира здесь может актуализироваться на базе соотнесения с другим значением слова – южн., юж.-урал. *стопа́* ‘след, отпечаток ноги’ [СРНГ, т. 41, с. 231]. Показательна для слова *стопа* в значении ‘обычай’ сочетаемость с глаголом – *придерживаться стопов*. В других говорах находим употребления слова *стопа* с глаголами передвижения в пространстве в описаниях следования образцу и подчинения: ряз. *идти, ходить по чьей-либо стопе́, стопа́м* ‘повиноваться, подчиняться кому-либо’ (*Он по нашей стопе-то не идет, дождик-то*) и ‘следовать чьему-либо примеру, поступать согласно какому-либо образцу’ (*Молодые люди по нашей стопе не идут, они идут по своей стопе*)

[СРНГ, т. 41, с. 231]. Стопа как дорога или как след, отпечаток – это ориентир, то есть знак.

Слово *знак* применительно к обычаю зафиксировано только в составе выражения – сиб. *не было зна́ку* ‘не в обычае, не в моде’ (*Знаку не было, чтоб в кино ходить*) [ФСРГС, с. 19]. Приведем здесь также родственное слово с близким значением – петерб. *зна́чка* ‘привычка’ [СРНГ, вып. 11, с. 314]. Для интерпретации последнего случая, если подразумевается индивидуальная особенность распорядка жизни человека (контекст отсутствует, поэтому наши рассуждения имеют характер предположительности), релевантно понимание знака как метки. Эти существительные – дериваты глагола *знать*. Примечательно в связи с этим том. *знать* ‘иметь обычай, привычку’ (*Мы и на замок сроду не знали закрывать; Денег не знали платить: так кто хотел – вучись*) [СРНГ, вып. 11, с. 311]. Возможно, «ментальный» мотив знания, известности объединяет диалектные фиксации *не было зна́ку* ‘не в обычае, не в моде’ и *знать* ‘иметь обычай, привычку’. В пользу этой версии говорит и то, что глагол *знать* и его дериваты способны выражать семы ‘след, отпечаток’ и ‘образ, представление о чем-либо, впечатление, воспоминание’: новосиб. *знатка* ‘след на дороге от колес телеги или полозьев саней’ [СРНГ, вып. 11, с. 309], новг. *зна́тьба* ‘знак, след от ушиба’ [СРНГ, вып. 11, с. 313], зап.-брян. *в знаки даться* ‘оставить по себе надолго плохую память’ [СРНГ, вып. 11, с. 305]. С другой стороны, для толкования слова *знак* информативны такие его диалектные употребления, как моск., тул., олон. *зна́ку нет* ‘нет признаков чего-либо’ (*Всю деревню занесло, и знаку нет*) [СРНГ, вып. 11, с. 305], зап.-брян. *ни смаку, ни знаку* ‘ничего нет’ (*Нема в ем ни смаку, ни знаку*) [Там же]. Запечатленная во внутренней форме слова идея отсутствия внешних признаков, «плана выражения» (как одной из сторон знака) преобразуется языковым сознанием в сему отсутствия самого явления. Внешние признаки как свидетельство существования чего-либо отсылают нас к онтологическим мотивам: «то, что видимо или имеет иной формальный признак, существует» и, напротив, «то, что не видели, не существовало».

В плане актуализации в лексике обычая мотива отпечатка, следа интересный случай представляет собой сев.-двин. *постéн* ‘обычай, привычка’ [СРНГ, т. 30, с. 225], в отношении которого мы можем лишь выдвигать предположения, поскольку источник не содержит иллюстративного контекста.

В русских народных говорах это слово и его варианты (включая *пастен, постень*) обозначают, помимо нечистой силы (домового, черта и проч.), также какой-либо отпечаток – тень от чего-либо или след на снегу: новг., пск., петерб. *постéн*, яросл., новг., пск., твер., моск. *постéнь*, пск. *пастéн*, пск., новг., твер. *пáстень* и *пастéнь* ‘тень, падающая от кого-, чего-либо’ (*Скоро и вечер, смотри постен какой; Ты идешь и постен иде; А у нас этта Васька увидел свою постень на стене, да как заревет – Ой боюсь!*) [СРНГ, т. 30, с. 225; СРНГ, т. 25, с. 262], твер., калин., калуж. ‘отпечаток кого-, чего-либо на снегу’ (*На постен нельзя глядить – на человека влияет*) [СРНГ, т. 30, с. 225]; ср. *постень* ‘место под стеной’ (*Азъ бо есмь… аки трава блещена, растяще на постени, на нюже ни солнце сиаеть, ни дождь идет*) [СРЯ XI–XVII вв., вып. 17, с. 239].

Чрезвычайно важно, на наш взгляд, что среди иллюстративных контекстов много таких, в которых речь идет о наблюдениях над тенью или следом, служащих, как видно из объяснений говорящих, знаками, носителями информации.

Во-первых, по тени определяют время: ленингр. *Время раньше по постену глядели* [СРГК, т. 5, с. 97]; пск. *Хошь узнать время, гляди на свою пастень*; *По пáстени теперь будя коло полдня*; *В обед пастен маленький; Скоро солнце за лес: пастень большой* [СРНГ, т. 25, с. 263]; пск. *постен супротив* ‘о времени, близком к полудню’ (*— Как-то рано, братке? — Да уж постен супротив*) [СРНГ, т. 30, с. 225].

Во-вторых, в гаданиях по отпечатку тела человека на снегу или по его тени, появляющейся на стене от горения свечи, предсказывается судьба человека: ленингр. *На Рождество гадали, угарку жгли, перед стеной держали и на пóстень глядели*; волог. *Показывается отражение на пóстене, так смотрим, что получается* [СРГК, т. 5, с. 97]; твер. «В рождественский сочельник вечером

девицы делают (постен), т. е. ложатся спиной на снег, чтобы получился отпечаток фигуры на снегу. Наутро примечают, если постен ровный — муж будет добрый» [СРНГ, т. 30, с. 225].

Тень и след – знаки, которые выступают средствами узнавания времени или судьбы человека. Думается, символический потенциал этих образов проливает свет на мотивы появления сев.-двин. *постéн* ‘обычай, привычка’: семиотическая природа знака имеет решающее значение, поскольку и тень, и след, и обычай – своеобразные копии, отпечатки и одновременно образцы. Знаковый характер обычая заключается в его воспроизведении: каждый раз повторяется (следом, отпечатком, копией[1]) то, что было ранее.

Вероятно, в результате переосмысления книжного слова, попавшего в новую речевую среду, появились арх. *привилéгия* ‘обычай, укоренившийся в быту порядок’ (*В других местах, наверно, иначе делали, иные были привилегии, по-иному водилось*) [СРГК, т. 5, с. 149], свердл. *привилéгия* ‘обычай’ (*Ещё привилегий-то много было*) [ЭИС, вып. III, с. 131]. Сема ‘главный, приоритетный’ дает к этому достаточные основания. Идея доминирования, приоритетности была преобразована в мотив ориентира, нормы, с которой сверяются способы организации быта и поведение людей.

Концептуализация ума как нормы (подробнее см. [Леонтьева, 2008, с. 241]), то есть мерила, ограничителя, служащего основой и инструментом оценки и коррекции поведения человека (ср. *наставить на ум, делать по уму*), позволяет отнести к числу регулятивных мотивов свердл. *ум* ‘обычай’ (*Ума-то в деревне много нарушили; Дурной ум принятой был... Обливали молодых* [в Чистый понедельник Великого поста]) [ЭИС, вып. III, с. 131].

---

[1] Сходным образом слово *стереотип*, сейчас обозначающее традиционный, привычный канон мысли, восприятия и поведения, первоначально было термином из языка печатников и в переводе с греческого означало «твердый отпечаток» (впервые использовано в современном значении в 1922 году американским журналистом Уолтером Липманом), см. об этом [Бартминский, 2005, с. 159].

Социальный компонент регулятивных мотивов обнаруживается при использовании основ *люди, дед*. Поскольку субъектом социальной регуляции выступает собственно сообщество людей, обозначение обычая может быть производно от слова *люди*: пск., твер. *полю́дье* ‘обычай, заведенный порядок’ (*Уж у них такое полюдье*) [СРНГ, т. 29, с. 186]. Для традиционного сознания ориентация на ближнее окружение, «на людей», очень важна, о чем свидетельствуют записи диалектной речи и образцов русского просторечия, например: *Я вот не помню <…> за что меня сильно отец ремнём побил <…> Но мы все \ дети \ больше боялись матери // Она нам всегда говорила / «А что люди скажут?» // И мы этого все боялися* [Шалина, 2011, с. 35]. А мотивировочный признак «дед» привлекается, скорее, чтобы обозначить субъект регуляции. Среди дериватов существительного *dědъ* О. Н. Трубачев называет др.-русск. *dьдина, dьdьна* ‘дедовское владение, наследие; дедовский обычай, закон’ [Трубачев, 2008, т. 3, с. 98]. Название старшего родственника мотивирует обозначение обычая в силу того, что способно указать на обобщенный субъект закрепления обычая и посредством этого – на давность существования обычая и его авторитетность. Этот факт находится в полном соответствии с другими лексическими и фразеологическими единицами, описывающими обычай и объекты действительности, связанные с ним. Ср. апелляцию к мотиву старого, древнего: омск. *соста́ры* ‘издавна, исстари’ (*Эти обычаи состары взялись*) [СРНГ, т. 40, с. 60], новосиб. *стари́нку подде́рживать* ‘сохранять обычаи, традиции старины’ [СРНГ, т. 41, с. 73], диал. (Удм. ССР) *старобы́тный* ‘придерживающийся старых обычаев (о человеке)’ [СРНГ, т. 41, с. 78], диал. (б/у места) *стародýм* ‘любитель обычаев старины’ [СРНГ, т. 41, с. 80]. Носитель языка обращается также к мотивировочному признаку «до сих (пор)»: рус. (карел.) *издоси́льного* ‘издавна’ (*Этот обычай у нас издосильного идет*) [СРНГ, т. 12, с. 131], сиб. *по досёльке* ‘по старинному обычаю’ [ФСРГС, с. 63] и др. В записях диалектной речи вообще часто встречаются упоминания информантов об авторитете предков. Так, Г. В. Калиткина указывает на наличие в дискурсивной практике диалектоносителей отсылок к демиургам-первопредкам и времени их

созидательной деятельности – старине [Калиткина, 2014, с. 50]. Совпадение категорий «старина» и «норма» отмечает И. Б. Качинская. Анализируя записи диалектной речи, сделанные в Архангельской области, а именно – контексты к словам *деды, правдеды, старина, старость, отцей отцы; ранешние, старинные, старопрежные, давношные, дотогошние, досельные, древние, первошные люди, допотопный народ, старый люд, старое человечество*, она утверждает, что в традиционном обществе право установления традиций, правил, законов закреплено за людьми старшего поколения: «Ссылка на предков является обращением к высшему авторитету и достаточным объяснением, почему что-то делается так, а не иначе: *У нас так принято из родителей. Идёт по наслухам от стариных людей. Ранешно-ранешно, раньшэ, ишшо продеды ихние. Это-то я слыхала, од деткоф-прадеткоф. Это давнёшно ишшо, од деткоф, бапкоф. Правильнё, фсё правильнё, што стары люди-то говорили, правильнё. А шшас стары люди извелися, а новы-то чё! Я оц старых людей слыхала – паукоф не убивают*» [Качинская, 2010, с. 154].

Таким образом, среди нормативно-регулятивных мотивов можно выделить четыре основные группы:

– мотивы расположения, порядка, организации, актуализировавшиеся через посредство основ *ряд, чин, череда* и др.;

– мотивы управления, ср. основы *править, заправлять* и др.;

– эталонно-ориентационные мотивы, реализовавшиеся при обращении носителя языка к основам *мода, знак, постен* и др.;

– социально-регулятивные мотивы, обнаруживающиеся при использовании основ *люди, дед*.

Этот комплекс мотивов, как нам кажется, является выразительной иллюстрацией к результатам социально-философских исследований, доказывающих регулирующую функцию обычая, его определяющее влияние на поведение человека как части социума, ср.: «Обычай вводит поведение молодого поколения в русло, проложенное старшими поколениями, через детальную

регламентацию действий в конкретных ситуациях» [Суханов, 1976, с. 9]. Весьма показательно и запечатленное средствами языка представление о средствах социорегуляции. При отсутствии внешних или даже сформированных «внутри» общества, но обособленных органов управления средством регуляции поведения человека выступает собственно окружающий порядок, строй жизни («ряд», «порядок», «чин», «череда», «обиход»). Порядок приобретает инструментальную трактовку: он выполняет в жизненной практике функцию инструмента управляющего воздействия – социального эталона.

Бытийные мотивы

Часть вербальных репрезентаций обычая содержит отсылки к бытийным (или онтологическим) смыслам: ‘начаться’, ‘положить’, ‘установить(ся)’, ‘завестись’, «повестись», «вестись / водиться», «быть» и др. Заметим, что синтаксические конструкции, включающие слово *обычай* или его синонимы, часто выражают значение наличия или отсутствия, а также утраты какого-либо обычая: *У них был такой обычай; Эта как вот раньше абычая была; Этот обычай бытует и в наше время; Этого уже обычая нет*. Далее мы представим обозначения обычая, производные от основ, которые можно определить как передающие онтологические значения.

Среди рассматриваемых номинаций присутствуют такие, которые следует рассматривать с позиций этимологии. Для перм. *на́ча* ‘привычка, обычай’ (*Така у их в семье нача была – книжки читать. Кака-то была нача! Как Петрово говенье, так рыбачить тащит*) [СРНГ, т. 20, с. 277] этимологически первична семантика начала, истока. Слово *начать* восходит к **čęti* [ЭССЯ, т. 21, с. 227], толкуемому как крайне редкая (зафиксированная в ст.-чеш.) простая форма глагола, лежащая в основе распространенных приставочных сложений **načęti*, **počęti*, **vъzčęti*, **začęti* с основным значением ‘начать, затеять’ [ЭССЯ, т. 4, с. 109]. Среди продолжений корня есть обозначения изначального установления, закона. Ср. литер. *начало* ‘основная причина, первоисточник чего-нибудь’,

(устар.) ‘научный закон, правило’ (*Первое начало Ньютона*), (обычно множ.) ‘основные положения, принципы’ [ССРЛЯ, т. 7, с. 648–649].

Фонетическим сходством объясняется дальнейшее сближение слова *нача* со словом *нация*, поскольку говорящий, вероятно, осознает этническую специфику обычаев: арх. *на́чия* ‘обык, обычай, обряд, обыкновенье, заведенье’ [СРНГ, т. 20, с. 290], перм., арх., печор., ульян. *на́ция* ‘обычай’ (*Это преж была така нация: ежели зубы выходят, надо пояс округ себя носить; У них такая нация – невесту на сторону выдавать*) [СРНГ, т. 20, с. 276], свердл. *на́ция* ‘обычай’ (*А хороших-то девок по ночам не пушшали, вот така была нация; Ноне всё нации-то разные; Это такая нация была сряжаться; Это у тебя такая нация*) [ЭИС, вып. III, с. 131], волог. *на́ция* ‘привычки, обычаи’ (*Кто-то ходит на могилу, кто-то не ходит, у кого какая нация*) [КСГРС].

Этимологически тот же корень с первичным значением начала, края обнаруживается в простонар., обл., а также диал. моск., том., амур. *поко́н* и север. *по́кон* ‘обычай, обыкновение’ [СРНГ, т. 28, с. 393], моск. *поко́н не тот пошел* ‘изменились нравы людей’ [СРНГ, т. 28, с. 393], арх. *зако́н* ‘замечание, рекомендация, указание на ошибку’ (*Пайгошата соусем, а закону не слушают*) [СГРС, т. 4, с. 91], свердл. *зако́н* ‘обычай’ (*Все в ноги падали. Ну такой закон был дак; Ране-то скотины-то помногу; Закон был; Моёго-то отца дедушка. За столованье* [=еда: обед, ужин] *хлеб принесли – кроме его никто хлеб не нарежет. Вот какой был закон. Он встаёт, Богушку помолился, берёт за ножик, корвижки* [=ржаной хлеб] *ели, дак он ломоточкам режет, а потом пшеничного хлеба отрежет* [каждому]. *Кроме его никто за хлеб не возьмётся*) [ЭИС, вып. III, с. 131]. Ср. ленингр. *зако́н перейти́* ‘нарушить установленные правила’ (*Вот в одной семье что случилося: брат с сестрой закон перешли*) [СРГК, т. 4, с. 447]. Согласно «Этимологическому словарю русского языка» **kopъ* – именное производное с корневым гласным *-o-* от глагола **čęti* [ЭССЯ, т. 10, с. 196], в древнерусском языке означало ‘конец, предел’. В словарях русских народных говоров у слова *кон* и его производных фиксируется значение ‘начало’: куйбыш., киров., сарат., петерб. *кон* ‘начало’ [СРНГ, т. 14, с. 242], арх., волог., костр., влад.,

нижегор., вят., перм., свердл., ряз., калуж., ворон., сарат. *конец* ‘начало’ [СРНГ, т. 14, с. 252], ср. записи, сделанные Т. Н. Бунчук: *Песню-ту никак с конча* [то есть с начала, с первых строчек] *вспомнить не могу; Вилегодская-та этто парочкима, в средину две девки схватятся или два парня и с конча* [то есть с края круга] *начинают в средину* [Бунчук, 2014, с. 21–22]. А. С. Львов, вслед за В. Махеком и Э. Бернекером, утверждает, что слово *закон* происходит «от вышедшего из употребления глагола *zakonati* в смысле ‘устроить’, ‘установить’» (по Махеку), а приставка со значением начала действия позволяет трактовать его значение как ‘первоначальное, исходное решение’ (по Бернекеру), и приводит в пользу этой позиции факт наличия укр. *законити, законяти* ‘зародить’, ‘зарождать’: «Таким образом, *законъ* такого же типа образование как: *заветъ, закровъ, закладъ, залогъ* и т. п. В Пов. вр. л. *законъ* в основном употребляется в значении ‘обычай’, ‘правило общежития’» [Львов, 1975, с. 189]. Обычай, таким образом, толкуется как «то, что установлено с самого начала, искони».

Мотив изначального, исконного существования реализован в свердл. *причи́на* ‘обычай’ (*Это причина така была заведёна, что это было, чтобы так. Чтобы жили мирно, чтобы смех, чудо было... не было никакой тоски-печали*) [ЭИС, вып. III, с. 131]. В древнерусском языке находим также приставочное образование, весьма близкое семантически анализируемому диалектному факту, несмотря на то что в дефиниции отсылка к обычаю отсутствует: *причи́на* ‘порядок, правила, по которым совершается что-либо’ (*И шахъ бы Аббасъ новыхъ причинъ всчинати не велелъ, а велелъ имъ [московским послам] бытии въ ответе у себя на дворе, а къ ближнимъ людемъ шаховымъ имъ не езживать*) [СРЯ XI–XVII вв., вып. 20, с. 79]. В гнезде, к которому принадлежит слово *причина*, этимологически родственное лексемам *чин, чинить* [ТСРЯ/С, с. 744; Фасмер, т. III, с. 369], присутствуют лексические факты, выражающие семантику начала: *причи́на* ‘начало, почин’ (*От Ивашка причина была*) [Срезн., т. 2, с. 1494], *причина́ти* ‘начинать’ (*А сказываютъ: платься однорядки и кафтаны ... радные паны причинаютъ делати и многие любятъ носити ныне съ московского обычая*)

[СРЯ XI–XVII вв., вып. 20, с. 79], волог. *причина́ть, причина́ться* ‘приступать к какому-либо действию, начинать’ [СВГ, вып. 8, с. 72].

На давность появления обычая указывает литер. *старина́* и разг. *стари́нка* ‘то, что было давно; события, обычаи, порядки и т. п. давних времен’ [ССРЛЯ, т. 14, с. 747], иркут., омск., новосиб. *стари́нка*, употребляемое в сочетаниях: *соблюдать старинку* и *старинку поддерживать* ‘сохранять обычаи, традиции старины’ (*Бабничает* [акушерка], *соблюдает старинку; Мы, Петя, старинку поддерживам, а так уж не говорят, вспоминаем старинку*), *старинкой держаться* ‘придерживаться старых обычаев, нравов’ (*Мы старинкой держимся и сталоверы*) [СРНГ, т. 41, с. 73]. Мотивационный признак «старый» пробуждает в языковом сознании говорящего образ законоустанавливающей древности.

Среди дериватов слов, которые этимологически выражают семантику положения в пространстве (*положить, постановить, установить*), есть обозначения обычая. Это, во-первых, дериваты слова *положить*: смол., твер. *положе́ние* и *положе́нье* ‘заведенный порядок, обычай’ (*У нас завсегды тако положенье: уж ты, любезный, не рушь его*) [СРНГ, т. 29, с. 99], рус. (карел.) *положе́ние* ‘обычай, порядок’ (*А теперь нет такого положения, невесте косу-то не расплетают*) [СРГК, т. 5, с. 57], свердл. *поло́женость* (ср. р.) ‘обычай’ (*Тако положеность было, что в баню поведёшь, дак виник надеват. И на вино-то ленты навярчивали красны, на стол поставят*) [ЭИС, вып. III, с. 131]. Во-вторых, в качестве привлеченных производящих основ выступили слова *установить, постановить*: литер. *установление*, простореч. *уста́в* ‘правила поведения, нормы жизни’ и (устар.) ‘обычай’, юж.-урал. *постано́вка* ‘обычай, заведение’ (*В празднишны дни постановка такая была: девка сидит на беседке, сиденки такеи*) [Малеча, т. 3, с. 343], юж.-урал. *постано́вка* ‘обычай, общепринятый порядок’ [СРНГ, т. 30, с. 213], урал. *устано́вка* ‘традиция, обычай, распоряжение’ (*Третьего декабря любого прошлого года до революции установка войскового порядка была такова — выезжали на багренье*) [Малеча, т. 4, с. 338]. Семантика положения в пространстве в данных словообразовательных гнездах преобразуется в ментальную семантику, отсюда глаголы лексико-семантической группы (ЛСГ)

принятия решений: разг. *положить* ‘назначить, установить, определить’ и ‘решить, постановить’ [ССРЛЯ, т. 10, с. 1049–1050], *постановлять* ‘принимать решение относительно чего-либо, устанавливать’ (*Оскорбление тяжелое, и общество офицеров постановляет поединок*) [ССРЛЯ, т. 10, с. 1535], *устанавливать* ‘осуществлять, налаживать, организовывать’ и ‘назначать, определять, утверждать’ [ССРЛЯ, т. 16, с. 961], волог., сарат., урал., том., астрах., смол., вят. *положить* ‘постановить, определить, распорядиться’ (*На чем старшие положили, на том и младшие порешили; Изгорода не разгораживается, пока мир того не положит*) [СРНГ, т. 29, с. 101], твер., камч. *постановлять* ‘назначать, определять, устанавливать’ (*Какое жалованье тебе постановлено?; Отдам за ту цену, которую вы постановили*) [СРНГ, т. 30, с. 214]. Действиям, обозначаемым этими глаголами, может быть свойственна бессубъектность или неопределенная субъектность, которая может передаваться синтаксическими средствами – безличными конструкциями *положено, постановлено*. Здесь имеет место преобразование ‘размещать в пространстве, определять место чего-либо’ → ‘устанавливать, решать, организовывать, определяя, закрепляя порядок чего-либо’ → ‘установленное, порядок, обычай’.

Семантика начала существования и собственно бытия передается глаголами *завестись, повестись, вестись, водиться*, которые проявляют донорскую активность при создании обозначений обычая. В русском литературном языке имеется выражение *водится что-либо* (оттенок значения) ‘принято, является обычаем’ (*Знаешь, как-то напрашиваться в дом неловко, хотя здесь это и водится* – Лерм. Кн. Мери [ССРЛЯ, т. 2, с. 504]. Наряду с бесприставочным глаголом употребляется разг. *повести́сь* (в 3-м значении) ‘войти в обычай, стать привычным’ [ССРЛЯ, т. 10, с. 95], которое представляет собой начинательный глагол с префиксом *по-*. В диалектном материале находим аналогичные фиксации (арх., рус. (карел.) *повести́сь* ‘быть принятым, иметь обычай’ (*Так поведено было, просватаешься да помолишься, да плакать примешься; Как поведено жить, так и жили*) [СРГК, т. 4, с. 587]), а также многочисленные субстантивные дериваты с тем же формантом (с учетом вариативности корневой морфемы *-вед-/-вод-*):

твер. *поведéнка* ‘уклад, обычай, распорядок (дня, жизни и т. п.)’ (*Это у них такая поведенка была: без самовара обедать не станут*) [СРНГ, т. 27, с. 224], рус. (карел.) *поведéнция* ‘обычай, традиция’ (*У вас-то такой поведенции нет*) [СРГК, т. 4, с. 581], арх., рус. (карел.), волог. *поведéнье* ‘обычай, традиция’ (*Девятый день собирают, так тако поведенье из города привезено*) [СРГК, т. 4, с. 581], перм. *поведéнье* ‘уклад, обычай’ (*А у нас уж такое поведенье повелось*) [СПГ, т. 2, с. 111], перм. *поведéнье* ‘уклад, обычай’ и ‘соответствие нравственным нормам’ (*Коли девушка без поведения, то посуду не били, гулять не надо было*) [СПГ, т. 2, с. 111], арх. *поведéнье* ‘обычай, традиция’ (*У нас клюкву не собирают, поведенья нет; Покойники были похоронены, так и крестов не было, такое поведенье было*) [СРГК, т. 4, с. 581], рус. (мордов.) *поведéнье* ‘обычай’ (*Па нашъму пъвиденью так ни делъют; А у вас-тъ в горъди таких пъвидений уш ни водиццъ*) [СРГМ, ч. 2, с. 832], смол. *повóд* ‘заведенный порядок; обычай’ (*Ведется такей повод*) [СРНГ, т. 27, с. 248].

В русском литературном языке находим глагол того же корня с приставкой *за-*, связанный с семантикой обычая: *завести* ‘сделать обычным, установить’ (*Папа несколько раз пытался завести, чтобы мы сами убирали свои постели и вообще свои комнаты* – Верес. В юные годы), *заводить, завести порядок, обычай* (ср. контекст с причастием: *По заведенному обычаю, приехали прямо с погоста поминать покойника* – Григор. Рыбаки) [ССРЛЯ, т. 4, с. 311], *завестись* ‘сделаться обычным, установиться’ (*Нет, матушка, так, видно, завелось ноне на свете: дожил до старости, нет тебе ни в чем уваженья*) [ССРЛЯ, т. 4, с. 313]. К просторечию словарь относит языковые факты *заведéние* и *завóд* ‘обычай, обыкновение’ [ССРЛЯ, т. 4, с. 279, 309]. И вновь в русских народных говорах имеется продолжение в виде ряда субстантивных производных: рус. (карел.) *заведéние* ‘правило, обычай’ (*А тогда не красили пол, не было такого заведения*) [СРГК, т. 2, с. 93], свердл. *заведéнье* ‘обычай’ (*А платочек в руки [покойнику] дают. Заведенье такое*) [ЭИС, вып. III, с. 130], помор. *заведéньё* ‘порядок, обычай; привычка’ (*У нас в Сумы прежде было тако заведеньё, что все молодые и старые ходили в каждой вечер «кругом» с песнями*) [Дуров, 2011, с. 122], смол.,

урал. *заведёнка* ‘обычай, порядок’ (*Была такая заведенка – венчались*) [СРНГ, т. 9, с. 301], калуж. *в заведю́ нет, не было*, пск. *в за́веди не быва́ло* ‘не было, нет в обычае, заводе, в заведеньи’ (*В старину носили башмаки козловые с переплетом; ботинков и в заведю не было*) [СРНГ, т. 9, с. 301], твер., пск. *заведе́нция* ‘обычай, порядок’ [Там же], ср.-обск. *заведённое* ‘обычай’ (*Раньше масленка была большой праздник. Как подошла масленка, счас вот молодежь запрягает лошадей и по улицам <…> И вот катаются <…> Это уж было заведённое*) [Калиткина, 2014, с. 49–50]. Приставка *за-* привносит значение начала действия, обычай предстает как «то, что заведено».

Единично в нашем материале образование с приставкой *до-*: рус. (карел.) *доведе́нье* ‘обычай, порядок’ (*Тако у нас доведенье*) [СРНГ, т. 8, с. 83].

В отношении семантики приведенных слов отметим сочетание смыслов бытийности и протяженности во времени. С одной стороны, через привлечение мотива «вестись» обычай трактуется как то, что существует, поскольку именно сема наличия является основной в первичных значениях глагола: литер. *водиться* ‘находиться, встречаться, плодиться, размножаться (о животных)’ (*Щука водится только в водах чистых…*) и ‘бывать, встречаться (о людях)’ (*Печорины водятся исключительно между молодыми людьми*), а в безличном обороте с отрицанием *не водится чего-либо* означает ‘отсутствует что-либо, нет чего-либо’ [ССРЛЯ, т. 2, с. 503–505]. С другой стороны, обычай осознается как явление, имеющее начало и длящееся во времени (*повелось* и *ведется, водится*).

Возможно, сюда же следует отнести свердл. *завида́нье* ‘обычай’ (*Старинно енто завиданье; В завиданьях не было, вино-то чтобы подносить*) [ЭИС, вып. III, с. 130], волог. *зави́дки* и *завиданья* ‘обычаи (то, что заведено)’ (*А теперь в завиданьях нет, а раньше жили все дружно, вместе; В завидках-то не было, в завиданьях не было – нигде не увидишь*) [КСГРС], ср.-обск. *зави́дье* ‘обычай’ (*Любезничают они [девушки и парни на вечёрках], ето уж тако завидье*) [Калиткина, 2014, с. 50]. Например, Г. В. Калиткина при построении ряда *заведение, заведённое, завидье* говорит о формальном варьировании. Предлагаемая информантом (см. вологодскую запись) отсылка к слову *увидеть*

может быть ложной, особенно если учесть несоответствие приставок в толкуемом *завидки* и толковании *увидеть*. Однако можно предполагать здесь и семиотические мотивы: обычай – «то, что видели».

Производность орл. *поя́ва* ‘обычай’ [СРНГ, т. 31, с. 44] от *появиться*, относящегося к глаголам начальной фазы бытия, существования [ТСРГ, с. 367] (ср. диал. (р. Урал), орл., сев.-двин. *поя́вы, в поя́ве нет / не было* ‘не появляется, нет кого-, чего-либо’ [Там же]), также позволяет эксплицировать одну из разновидностей бытийных смыслов, сопряженную с временным контекстом. Как и в предыдущем случае, тут может сыграть свою роль семиотический смысл «явный, явиться». Неслучайно есть сходство грамматических конструкций: *в завиданьях не было, в появе нет.*

Обычай как «то, что бывает (существует)» и «часть быта» репрезентирован во внутренней форме ряда слов: арх. *бы́ва* ‘обычай, обыкновение, обряд’ (*Така уж у нас от дедов быва*) [СРНГ, т. 3, с. 335], диал. (б/у места) *в быва́нье* ‘в обычае, в привычке’ (*Это у нас не в бываньe*) [СРНГ, т. 3, с. 337], арх. *быт* ‘бытье, житье, род жизни, обычай и обыкновения’ [Даль, т. 1, с. 214], вост. *по́быт* ‘род жизни, обычаи, нравы’ [Даль, т. III, с. 140], кубан. *обы́ток* ‘обычай’ [СРНГ, т. 22, с. 289], южн.-урал. *побы́тья* ‘обычай, традиция’ (*Там еще старая побытья*) [СРНГ, т. 27, с. 213].

В. И. Даль соотносит с *быва* ‘обычай’ диал. (б/у места) *быводной* ‘к быве относящийся’[Даль, т. 1, с. 214], арх. *бы́водить* ‘держаться обычаев, обыка, обрядов’ [Там же]. В этих случаях можно предполагать контаминацию с *водить / вести (обычай)*.

Словообразовательный гибрид с глаголом *быть* представляет собой помор. *покабы́тьё* ‘традиция’ (*Како́ у вас покабы́тьё-то? Нать, бват, свои́м покабы́тьём жить*) [Мосеев, 2005, с. 97].

Как уже было сказано, лексеме *быт* и другим языковым средствам объективации концепта БЫТ посвящено исследование А. В. Рудаковой. Проанализировав материалы словарей русского литературного языка, исторических, этимологических, диалектных словарей русского языка, а также

имеющиеся публикации, в которых уделяется внимание этому слову, она делает ряд значимых выводов относительно истории развития его значений. Она выясняет, что «слово *быт* вошло в русский литературный язык из живой народной речи», однако по происхождению является книжным: «Особенность употребления лексемы *быт* – книжность по форме при устном просторечном использовании» [Рудакова, 2003, с. 48]. Так, по заключению Ф. И. Буслаева, «существительное *бы-тъ* есть не что иное, как причастие прошедшего времени страдательного залога от глагола *быть*»; первоначальным же было значение ‘имущество, средства к жизни, окружающая обстановка, обиход, хозяйство’ [Рудакова, 2003, с. 46]. Для нас особенно важны следующие детали истории развития значений этого существительного: (1) согласно сведениям, представленным в словаре XI–XVII вв., «в древнерусском языке лексема *быт* была представлена двумя лексическими единицами: *бытъ* и *быто*», из которых первая, помимо значения ‘имущество, пожитки’ (*А что мой живот дворной въ клѣтех и хлѣб в житницах и что хлѣб в земли сѣян, и лошади, и коровы, и всякои домашной быт … Пречистой в домъ в Кирилов монастырь. 1551 г.*), имеет также значение ‘обычай, обыкновение’ (*Велѣно меня иноземца дать на поруки до судного вершенья, и тотъ Елизарей … велѣлъ по мнѣ иноземцѣ ручаться, и я иноземецъ руского быты* (вм. быта) *не навыченъ и велѣлъ я иноземецъ по себѣ ручаться. 1656 г.*) [СРЯ XI–XVII вв., вып. 1, с. 366]; (2) в словаре XVIII века у слова *быт* значение ‘пожитки, имущество’ фиксируется как редко употребляемое и появляется значение ‘повседневная жизнь, образ и условия жизни, ее общий уклад’ (и его оттенок ‘обыкновение, принятое где-л.’) наряду со значениями ‘домашнее хозяйство, дела’ и ‘бытие, существование’ [СРЯ XVIII, вып. 2, с. 183]; (3) в конце XIX в. – начале XX в. в ядре семантики лексемы *быт* «оказывается значение ‘образ жизни, общий ее уклад, совокупность обычаев и нравов’, которое является ядерным до сих пор [Рудакова, 2003, с. 49]. Таким образом, налицо закономерное движение от конкретной семантики (‘имущество’) к отвлеченной (‘уклад жизни’) и установление новых связей с производящим глаголом, поскольку он присутствует в системе языка. Первоначальной при этом

была, по-видимому, идея бытийности, наличия, существования (от глагола *быть*). Для полноты картины приведем свердл. *первобы́тный* ‘соблюдающий старые обычаи’ (*В Мостовой люди все первобытные; Свекровушка-то была строгая, первобытная; Вам ето у первобытных людей надо спросить*) [ЭИС, вып. III, с. 132], внутренняя форма которого также апеллирует к идее бытийности, к семантике давнего существования.

Завершим представление бытийных смыслов в лексике обычая случаями актуализации семы распространения: в наивно-языковом сознании обычай репрезентирован как то, что «передается» и «разносится ветром».

Обычай представлен объектом, перемещаемым в пространстве или времени. Так образно воплощается связь поколений, передача знаний о правилах и особенностях организации быта и исполнения обряда. Русским аналогом заимствованного слова *традиция* является енис., забайкал. *преда́нье* ‘обычай’ (*У нас преданье такое, первый раз к невесте без подарка не идти*) [СРНГ, т. 31, с. 75].

Обычай характеризуется не только давностью существования, но и широтой распространения. Это его бытийные признаки, собственно основные параметры, по которым какое-либо явление действительности признается обычаем. Символика образа ветра как «разносчика» чего-либо (молвы, болезни и т. д.) обусловила использование его обозначения в качестве мотивирующей основы для разг. *поветрие* ‘кратковременное поверхностное увлечение чем-либо, охватившее широкий круг людей’ [ССРЛЯ, вып. 10, с. 98] и смол. *пове́трие* ‘манера поведения, обычай’ (*Это сейчас такое поветрие женщинам штаны носить*) [СРНГ, т. 27, с. 235]. Сема распространения, охвата «социального пространства» здесь опорная.

Таким образом, в исследуемом лексическом материале реализованы онтологические мотивы. Обычай концептуализируется как «изначальное, то, что давно появилось», «установленное», «то, что существует (существовало)», «то, что имеет широкое распространение». Мотив «то, что было / существует» подчеркивает эмпирическую основу обычая (обычай дается человеку

в непосредственном восприятии, образует «среду обитания» – быт), другие мотивы подчеркивают авторитетность обычая (собственно феномен определяется изначальностью, закрепленностью, давностью существования и широким распространением во времени и пространстве – в том субъективном смысле, который говорящий вкладывает в утверждение вроде *Все / везде / всегда так делают*).

Ментально-психологические мотивы

В данном подразделе представлены такие обозначения обычая, которые позволили реконструировать ментально-психологические мотивы «приучаться», «привыкать», «(по)вадиться», «верить». В частности, мотив данной группы реализован во внутренней форме ключевого слова анализируемого нами лексического ряда – существительного *обычай*.

Слово *обычай* возводится к праслав. **obvyčajь*, трактуемому как суффиксальное образование от основы глагола **obvykt'i*, а он, в свою очередь, от слабо засвидетельствованного в свободном виде глагола **vykt'i*, соотносительного с глаголом **vyknǫti* [Фасмер, т. 3, с. 112; ЭССЯ, т. 31, с. 112–113, 117], ср. устар. и простореч. *обыка́ть* ‘привыкать’ [ССРЛЯ, т. 8, с. 576], *обыкнутися* ‘приучить себя к чему-л., приобрести привычку, обыкновение (делать что-л.)’; ‘освоиться, свыкнуться с чем-, кем-либо’ [СРЯ XI–XVII вв., вып. 12, с. 212], *вы́кнуть* ‘приобретать навыки, умение что-либо делать’ [СРЯ XI–XVII вв., вып. 3, с. 212], *вы́кнуть* ‘получать к чему-либо привычку’ [СЦсРЯ, т. 1, с. 206] и др.

Если в русском литературном языке закрепились лишь такие слова этого ряда, как *обычай, привычка, обыкновение, свычай* (ср. также диал. свердл. *привы́чка* ‘обычай’ (*Она снимат* [=записывает] *стару привычку; Ведь это с ума сойдёшь, Катя, вот какая была зараза, привычка какая* [о свадебных обычаях]) [ЭИС, вып. III, с. 131]), то русские народные говоры дают значительно более разнообразную картину.

Ближе всего фактам литературного языка, однако морфологически отличны от них такие лексемы, как астрах., арх., сиб. *обы́чая* ‘обычай’ (*Така обычая была – в пятницу да в субботу свадьба*) [СРНГ, т. 22, с. 289], дон. *обы́чая* ‘обычай’ (*Эта как вот раньше абычая была*) [БТСДК, с. 332]. Отметим также структурную близость иван. *обы́чка* ‘принятый порядок, обычай’ [СРНГ, т. 22, с. 290] русскому литературному *привычка*.

Приведем также не имеющие аналогов в литературной разновидности русского языка дериваты от *обычай*: диал. (б/у места) *обы́чливый* ‘со своим обычаем’ [СРНГ, т. 22, с. 290], южн. *необыча́йный* ‘такой, который не в обычае, не принят, не водится где-либо, неприличный’ [СРНГ, т. 21, с. 100], урал. *заобы́четь* ‘войти в обычай’ (*Ни в законе нашем не узаконено, ни в обычае нашем не заобычено, чтобы женщина властвовала над мужчиной*) [Малеча, т. 2, с. 57], забайкал. *побы́чать* ‘поступать, как положено по обычаю’ (*Побычать будем али по-новому? Ежли побычать, то старики придут сами, по-новому, то их звать придется*) [СРНГ, т. 27, с. 213].

Очевидно, что современный носитель языка слабо осознает связь слова *обычай* со словами *привычка, привыкнуть*, но, на наш взгляд, «психологическая» семантика индивидуального внутреннего изменения (привыкания) важна в языковом представлении социального установления, а она, в свою очередь, производна от этимологически первичного значения ‘учить(ся)’: обычай – объект, явление, к которому человек привык, «приучился».

Так, М. Фасмер указывает, что с гнездом глагола *вы́кнуть* этимологически соотносятся слова *обычай, учить, наука* [Фасмер, т. 1, с. 368]. В выборке русских диалектных обозначений обычая присутствует дериват с приставкой *за-* и корнем *-уч-*: перм. *зау́чка* ‘обычай, привычка’ (*У меня и нынче заучка – капустны пироги стряпать*) [СПГ, т. 1, с. 315]. Приведенный контекст включает обозначение индивидуальной привычки, а не социального установления, однако это не мешает предполагать возможность его употребления в качестве обозначения общей для нескольких или многих людей особенности быта. К тому же лексема в любом случае подтверждает связь между морфемами *-ук/уч-* и *-вык-*. Обратим внимание

на способность глагола, однокоренного слову *обычай*, выражать значение ‘приучать’: ср.-урал. *обы́чивать* ‘приучать, обучать чему-нибудь’ (*Обычивать надо его к порядку; Обыщивай сына робить; Она обычивала собаку; Мы с отцом неграмотны, некому их обычивать*) [СРГСУ, т. 3, с. 34].

Для современного сознания более актуальна, конечно, связь *обычая* и *обыкновения* с категориями, обозначаемыми в языке при помощи адъективных единиц *обыкновенный, обычный* ‘всегда свойственный кому-, чему-либо’, ‘заурядный, ничем не выделяющийся’ [ССРЛЯ, т. 8, с. 577–578]. Семы ‘всегда’ и ‘все’ (последняя имплицитно лежит в основе второго значения: «не выделяющийся среди всех, такой, как все») входят в семантическое ядро слова *обычай* и его синонимов, то есть соответствующее понятие включает признаки долговременности существования и / или всеохватности. Однако время существования и распространенность явления – относительные категории, иначе говоря, обычай все-таки существовал не совсем всегда, и, безусловно, далеко не все его придерживаются, есть «нарушители», однако дело не в «проценте реального охвата» времени и людей каким-либо обычаем, а в представлении об этом носителей языка, в признании ими того, что социум характеризуется негласным единством (пусть не абсолютным) общего порядка дел, в уверенности людей в том, что какое-либо действие исполняется многими одинаково и долго («мне кажется, что <u>все</u> <u>всегда</u> <u>так</u> делают, и я привык к этому обычаю»), ср. выражение *всё как у людей*. Именно поэтому во внутренней форме анализируемых названий обычая подчеркиваются не объективные признаки долговременности его существования или всеобщности, а психологическая приверженность человека, привычка, выступающая способом освоения социальных установлений.

Литературному *обыкновение* соответствуют фиксируемые в диалектной речи варианты волог., курск, арх., калуж., урал., моск., ворон., тул., перм., свердл., иркут., перм. *обнаконове́ние, обнакове́ние* ‘обыкновение, обычай’ [СРНГ, т. 22, с. 141], дон. *обнокнове́ние* ‘обычай’ (*Абнакнавения такая пад новый гот калотки халастым вязать*) [БТСДК, с. 329].

К праслав. **obvykъ / *obvyka* (производным от **obvykati*, **obvyknǫti* или *obvykt'i*) [ЭССЯ, т. 31, с. 117] восходят диал. (б/у места) *óбык* и *обы́к* ‘привычка; навык, уменье; обычай, обряд, обыкновенье, мода; нрав, норов, характер’ (*На обыкъ есть перевыкъ*) [Даль, т. II, с. 658], диал. *óбык* и *обы́к* ‘обычай’ (арханг., ряз., тул., влад., яросл.), ‘навык, привычка’ (арханг., пек., ряз., перм.) [СРНГ, т. 22, с. 287]. Ср. также ряз., влад. *обна́к* ‘обыкновение, обычай, привычка’ (*Всякая земля своим обнаком крепка; По обнаку*) [СРНГ, т. 22, с. 141].

Среди других приставочных образований с тем же корнем в варианте *-выч-(-вык-)* обнаруживаются лексемы с префиксами *с-* (с учетом особенностей произношения и, следовательно, графической фиксации – *з-* и *из-*) и *по-*: южн., зап.-брян., смол., влад., сарат. *сво́ычай* ‘обычай’ (*Каков свычай, таков и обычай; Свычаи да обычаи промеж своих людей, а ум людской про весь мир*) [СРНГ, т. 36, с. 331], том. *сво́ычьи и обы́чьи* ‘принятые порядки, привычки’ (*А тунгузы… те так и оставили свое наречье, свычьи и обычьи*) [СРНГ, т. 22, с. 289], южн., зап., брян., сев-двин., пск., помор. *звы́чай* и *звыча́й* ‘обычай, обыкновение; привычка’ (*Супротив нашего звычая не пойдешь. От стариков у нас этот звычай пошел*) [СРНГ, т. 11, с. 224], юж.-урал. *извы́чай* ‘обычай’ (*Побывал царь Пётр Первый в иных землях, полюбились ему тамошние все манеры, извычаи и всякие заведения*) [Малеча, т. 2, с. 116], север. *по́вык*, *повы́ка* и *повы́чка* ‘навык; обычай’ [СРНГ, т. 27, с. 270, 282], север. *по́выком* ‘по обычаю’ [СРНГ, т. 27, с. 270].

Показательно, что слова *повадиться, навадиться* предлагаются в словаре В. И. Даля в качестве синонимов слова *обы́кнуть*, включены в его дефиницию: *обыка́ть, обы́кнуть* ‘при(на)выкать, взять привычку; на(по)вадиться, из(при)норовиться, приучиться к чему-либо’) [Даль, т. II, с. 658]. Существительные с корнем *-вад-* входят в ряд обозначений обычая: моск. *пова́да* ‘обычай, обыкновение’ (*Это безумная повада: како купанье в рубашке*) [СРНГ, т. 27, с. 213], уфим. *изва́дка* ‘обычай’ (*Извадка така у нас*) [СРНГ, т. 12, с. 99]. Семантическим источником для значения ‘обычай, привычка’ является значение ‘приучать / приучаться к чему-либо, приобретать привычку’, ср. разг. *пова́диться* ‘привыкнуть постоянно, часто делать что-либо (обычно нежелательное для

других’ [ССРЛЯ, т. 10, с. 56], диал. (б/у места) *ва́дить* ‘манить, привлекать, прикармливать, приваживать’ [Даль, т. I, с. 162], волог. *ва́диться* ‘готовиться к чему-либо, собираться, приучаться, навыкать’ [Там же], курск., влад., волог. *ва́диться* ‘привыкать постоянно, часто делать что-либо, приучаться к чему-либо’ [СРНГ, т. 4, с. 12], диал. (б/у места) *вы́вадить, отва́дить (кого)* ‘отучить’ [Даль, т. I, с. 162] и др.

Еще один способ освоения социальных установлений (обычаев) запечатлен посредством мотивировочного признака «вера». Словом *вера* в русских народных говорах может обозначаться не только отношение человека к Богу или признание возможным какого-либо положения вещей («Вера имеет референцию к области высшего, сакрального, вечного, не зависящего от человека и полученного не от него» [Калиткина, 2014, с. 32]), но и «бытовые обычаи», то есть правила, установления, организующие повседневную жизнь человека: арх. *ве́ра* ‘обычай, привычка’ (*У нас эта вэра нету, штобу дома запирать*) [Зотов, 2010, с. 87], сиб., иркут., якут., тобол., свердл., перм., казан., костр., волог., беломор., смол. *ве́ра* ‘обычный, традиционный порядок’ (*У них такая вера, чтоб непременно потчевать; – Отчего ты кланяешься, подавая воду? – У нас такая вера*) [СРНГ, т. 4, с. 120], свердл. *ве́ра* ‘обычай’ (*Кавалеры, бросьте веру / Летом шапочки носить, / Кавалеры, бросьте веру / По две милочки любить* – частушка) [ЭИС, вып. III, с. 130], волог. *ве́ра* ‘обычай’ (*Кабы вера такая была*) [Дилакторский, с. 77], яросл. *ве́ра* ‘обычай’ [ЯОС, вып. 2, с. 54], мурман., волог. *ве́ра* ‘обычай, традиция’ (*Во всяком городе своя вера, говорят разное, обычаи разные; Ране веры не было в избах оклеивать*) [СРГК, вып. 1, с. 172].

Слово *вера*, находясь для носителя языка прежде всего в поле духовного, связывается им с неотъемлемой частью веры как вероисповедания – заповедями, правилами, принимаемыми по абсолютному доверию, и далее проецируется на представления о нормативности обычая. Правила, связанные с организацией повседневного существования человека, усваиваются добровольно и некритично из жизненной практики, составляют его привычку, личный опыт, детерминированный «своим» социумом (человек привыкает к определенному

распорядку жизни, повторяющимся событиям, принимает на веру их нужность и не имеет повода усомниться в том, что возможно иное). По мнению С. М. Толстой, вера противопоставлена правде как внутренее внешнему: «*Вера* и ее семантические дериваты, как правило, обозначают внутреннее свойство (или состояние) человека и в этом отношении *вера* подобна таким словам, как *чувство*, *знание*, *надежда, радость,* которые соотносятся с предикатами *чувствовать*, *знать*, *надеяться*, *радоваться*» (Из доклада С. М. Толстой «*Вера* и *правда*: к истории понятий» на международной конференции «История русского языка и культуры», посвященной памяти В. М. Живова; Москва, 18—20 октября 2014 г.). Комментируя этимологию праслав. **věra*, которое, по наиболее распространенной версии, родственно латинскому *verus*, немецкому *wahr* и т. д. со значением ‘истинный, правдивый’, и его дальнейшую семантическую деривацию в русском языке, С. М. Толстая обращает внимание на характер преобразования исходной семантики нормативности, поскольку все значения глагола *верить* и имени *вера* относятся к ментальному миру и состоянию человека: «Превращение правды в веру в праславянском слове **věra* предполагает обращение внутрь, интериоризацию понятия правды, т. е. перенесение смыслового акцента с абстрактного свойства на внутреннее свойство субъекта-человека и его потребность устанавливать соответствие слов и дел действительному положению вещей или некоторой норме (тому, каким должно быть положение вещей)» (Там же). Семантическое ответвление ‘обычай’ вполне объяснимо среди других значений слова *вера*, то есть согласуется с семантическим ядром этого полисеманта.

Его дериваты с приставками *по-* и *за-* также служат обозначениями правила, установления, соблюдаемого в быту.

Префиксальное образование с формантом *по-* известно литературной разновидности языка: литер. *пове́рье* ‘предание, основанное на суеверии, убеждении в существовании мистических связей между явлениями’ (*Существующее в народе поверье, будто замеченный человеком гриб не вырастет, а завянет, по моим наблюдениям, совершенно несправедливо* – С. Акс.

Замеч. и наблюд. охотника; *Поверье, что если раз не повезет, так не будет счастья до самого конца, оправдалось на мне самым блестящим образом* – Мам.-Сиб. Горой) [ССРЛЯ, т. 10, с. 86]. Однако иллюстративные контексты, подтверждая точность дефиниции, наглядно показывают, что объект веры здесь имеет мистический характер. Диалектные же лексемы не содержат в своей семантике отсылок к сверхъестественным явлениям и связям, и в этом их принципиальное отличие от лексемы литературного языка: казан., нижегор., калуж., тул., смол., урал., вост.-казах., омск., новосиб., том., краснояр. *пове́рье* ‘обычай, заведенный порядок в чем-л., привычка’ [СРНГ, т. 27, с. 230], забайкал. *па́вер* и *пове́р* ‘уклад (жизни), обычай’ (*Кто по поверу живет, а кто по рассудку*) [СРНГ, т. 27, с. 226], рус. (бурят.) *пове́р* ‘обычай’ (*После революции повер позабыли, по-советски жить стали. По поверу жить толку мало*) [СРГС, т. 3, с. 266].

Другие префиксальные производные – с приставкой *за-* – фиксируются только в русских народных говорах: свердл. *заве́рье* ‘обыкновение, обычай’ (*Сейчас – где помолотили, там и ток. А раньше нет, этого заверья не было*) [СРНГ, т. 9, с. 306], свердл. *заве́рье* ‘обычай’ (*У нас много заверьев разных; Вот ведь како дурно заверье было; Бабка заверья все знала*) [ЭИС, вып. III, с. 130], ворон. *запове́рие* ‘обычай; что-либо обычное, принятое’ (*В старину было заповерие: ходить в гости всей семьей*) [СРНГ, т. 10, с. 334].

В отношении появления значения ‘обычай’ у перечисленных слов показателен контекст *Кто по поверу живет, а кто по рассудку* (см. выше) [СРНГ, т. 27, с. 226], в котором вера противопоставляется рассудку. Здесь особенно явственно различие между нерассудочным следованием принятым нормам жизни, которые усвоены опытным путем, в повседневной практике, и свободным, выстраиваемым «по своему разуму» поведением. Анализ иллюстративных контекстов указывает на то, что речь не идет об обычае как составляющей исключительно религиозных норм (хотя отдельные контексты не исключают того, что в них подразумевается поведение человека в соответствии с религиозным, например, старообрядческим, каноном).

Слова с корнем *-вер-* не обозначают ни обряд, ни индивидуальную привычку человека, в отличие, например, от слова *обычай*: *У меня есть обычай пить чай поздним вечером* или *Обычай сватовства*. В записях диалектной речи субъект веры обычно множественный, сводимый к собирательному образу – поколение, община, жители одной деревни или местности. Лексема *вера* соотносится именно с «бытовым обычаем», то есть распорядком жизни, особенностями организации быта (традициями гощения, незапиранием домов, подготовкой места обмолота зерна, оклеиванием стен в избе) и т. д. Во внутренней форме диал. *вера* ‘обычай’ и его дериватов с тем же значением запечатлен взгляд носителя языка на обычай как норму (заповедь) и одновременно как явление, детерминированное отношением к нему человека – доверием к привычному распорядку жизни, повседневному опыту вне его критического восприятия. К выводу о том, что в значениях слова *вера* присутствуют нормативные смыслы, опосредованные семами ментально-психологическими, приходит и С. М. Толстая: «Отмеченная “интериоризация” правды в гнезде **věra / věriti* не остановилась на семантике мнения, а продолжила свое движение в сфере внутреннего мира человека, что привело к появлению таких модальных значений, как рус. диал. *вера* ‘желание’, ‘охота’, ‘намерение’ и далее *невера* со значением ‘не следует, нельзя’ <…> Но далее то, что считается желанным, предпочитаемым, признаваемым правильным начинает пониматься как норма и появляется распространенное в русских диалектах значение *вера* ‘обычай, обыкновение, привычка’» (Из доклада С. М. Толстой «*Вера* и *правда*: к истории понятий» на международной конференции «История русского языка и культуры», посвященной памяти В. М. Живова; Москва, 18—20 октября 2014 г.).

Подведем итоги.

Мотивировки «привыкнуть (обыкнуть)», «приучиться», «повадиться», «верить» в исследуемом нами лексическом пространстве свидетельствуют о том, что обычай трактуется средствами языка как феномен действительности, ставший привычным, принятый на веру, усвоенный («выученный») в силу практического

опыта. Называя эти мотивы ***ментально-психологическими***, мы принимаем во внимание запечатленные во внутренней форме анализируемых слов представления об изменениях ментальности человека под воздействием среды, о приобретении привычки. Формулирование мотивов данной группы при помощи глаголов кажется наиболее верным: человек *привык, приучился, повадился, верит*. Именно такие внутренние изменения в человеке имеют решающее значение для освоения им общего для членов данного социума общественного порядка. Интериоризация «внешних» правил основывается на конструировании в сознании человека картины своего социума с его обычаями.

Обычай предстает психологическим конструктом. Под обычаем чаще всего понимается какое-либо действие человека – гощение, использование или неиспользование какого-либо предмета быта, выполнение хозяйственных работ, исполнение календарных и иных обрядов и т. д., но сами по себе факты действительности вне психологии их восприятия, обусловившей повторяемость, некритичное воспроизведение действий, не становятся обычаями. Через снижение уровня рефлексии, критического отношения к происходящему в психологии определяется привыкание, а языковые данные, в свою очередь, фиксируют осмысление социальных установлений через привыкание и веру (*обычай, свычай, повада, заверье* и проч.). На первом месте здесь психологическая, поведенческая характеристика восприятия события человеком. Обозначения с внутренней формой «привыкнуть», «повадиться» и под. содержат импликацию позиции субъекта-носителя традиции – того, кто усваивает обычай. Ментально-психологические мотивы в лексике обычая обнажают механизм усвоения социальных норм.

Субъективно-оценочные мотивы

Восприятие обычая как причуды, странности, может показаться, противоречит сути феномена, выступившего объектом номинации. Носители русского языка обращаются к основам *нрав, прихотовать, привередничать,*

притворяться, загудать, чудо. Образованные от них наименования обычая принадлежат оценочной лексике и рисуют «необычный обычай», странную особенность быта. В сущности же подобные номинации актуализируют такую характеристику обычая, как его специфичность, своеобразие, закрепленность за определенным временем и местом. Оценка обычая как странного явления может быть обусловлена, с одной стороны, осознанием контраста между особенностями быта, характерными для разных человеческих сообществ (жителей разных деревень, регионов), с другой стороны – забвением основ крестьянского быта, дистанцированием от традиционного общества и изменениями в быту. В этих условиях особенности организации быта в прошлом, а тем более обрядовые действия начинают критически оцениваться с позиций изменившейся действительности, становятся непонятными, кажутся результатом странной выдумки, блажью, чудачеством, сумасбродством.

Поскольку слова *нрав*, *норов* являются прежде всего индивидуальными характеристиками человека или животного, можно предполагать, что употребление этих лексем применительно к социальным общностям объясняется восприятием таких сообществ как имеющих отличительные черты, «характеры». Идентифицирующий потенциал обычая, идея его уникальности выходит здесь на первый план: пск., твер. *по́норов* и *понорóв* ‘обычай, нрав’ [СРНГ, т. 29, с. 267], свердл. *поно́ров* ‘обычай’ (*Поноров-то прежде лучше был*) [ЭИС, вып. III, с. 131], смол. *но́рот* ‘обычай, привычка’ (*Что город – то норот*) [СРНГ, т. 21, с. 284], свердл. *но́рок* ‘обычай’ (*Где какой город, там такой и норок* [поговорка]) [ЭИС, вып. III, с. 131]. В костр. *обонра́вый* ‘относящийся к разным традиционно установленным правилам, привычкам, порядкам’ (*Мудрено да мудренеконько Жить во чужих людях… Надо мне, младехоньке, Два ума, два и разума, Два обычая обонравые*) [СРНГ, т. 22, с. 170] подразумевается несходство обычаев разных семей. Обратим внимание, что в качестве обозначения обычая выступает обычно полногласная форма. На это указывает и А. С. Львов, который приводит свои наблюдения над различиями в использовании слов *нрав* и *норов* в тексте летописи и особенностями его представления в словаре И. Срезневского:

«В значении ‘обычай’ употреблено всего один раз *норовы* <…> Это слово обычно употреблено в неполногласной форме в разных значениях: 1) ‘привычка’ <…>, 2) ‘характер’ <…>, 3) ‘образ действия’ <…>. И. Срезневский привел довольно много примеров в словарных статьях *норовъ* в основном на значение ‘обычай’, а *нравъ* в различных значениях. По-видимому, восточнославянское *норовъ* было в основном однозначно, а ст.-сл. *нравъ* полисемантично» [Львов, 1975, с. 40–41].

Среди диалектных слов, являющихся продолжениями глагола *хотеть*, присутствует обозначение обычая: волог., рус. (карел.) *при́хоть* ‘обычай, правило’ (*К жениху приедет [невеста], так разны приговоры были, матица толстуха, говорит, чтоб меня в доме любили. Разных прихотей было, но не было так, что женился и разженился*) [СРГК, т. 5, с. 224]. *Прихоть* в первичном значении – желание, которое есть проявление нрава человека: *прихоть* ‘неразумное желание, прихоть’ (*Да онъ же, архимаритъ… велитъ про свою прихоть пиво варит безпрестани*) [СРЯ XI–XVII вв., вып. 20, с. 71], *прихоть* ‘капризное, вздорное желание, надуманная потребность, причуда’ (*Его болтовне, капризам и прихотям нет конца*) [ССРЛЯ, т. 11, с. 859]. В говорах оно может приобретать и другие смыслы, чаще всего из лексико-семантической области «Пища»: *прихоть* ‘аппетит’ (мурман., волог.), ‘лакомство’ (рус. (карел.)), ‘дополнительные продукты’ (арх.) [СРГК, т. 5, с. 224] и др. Глаголы этого этимолого-словообразовательного гнезда, имеющие приставку *при-*, вышли из употребления и отсутствуют в словарях современного русского языка, сохранившись только в русских народных говорах. Глаголы называют не только внезапно возникшее у человека желание съесть что-либо вкусное, но и любую причуду, задумку, намерение предпринять что-либо неожиданное: *прихотничать, прихотова́ть* ‘быть прихотником, поноравливать себе во всем, выдумывать, выгадывать всячину по нраву и причудам своим; затейничать, причудничать, привередничать или вздорно желать, разбирать и требовать лишнего, в угоду себе’ (*Больная стала оправляться, уж прихотует, заприхотовала медку; Дай боли волю, станет прихотничать*) [Даль, т. III, с. 471], новг. *прихо́теть* ‘придумать’ (*Прихотит, чёго б ему поесь*) [НОС, с. 959], ленингр. *прихотова́ть* ‘хотеть любимой еды’

[СРГК, т. 5, с. 224] и др. Ср. другое однокоренное суффиксальное отглагольное образование: *прихотование* ‘желание’ (*Инака прихотования створиша богоугодна*) [СРЯ XI–XVII вв., вып. 20, с. 71]. В приведенном контексте подразумевается «непищевое» намерение. Таким образом, возникновение у слова *прихоть* значения ‘обычай’ можно объяснить актуализацией мотива «затевать, придумывать».

Смыслы «затея, выдумка» лежат и в основе орл. *привере́дня* ‘обычай, традиция’ [СРНГ, т. 31, с. 132]. Неслучайно в приведенной ранее дефиниции слов *прихотничать, прихотова́ть*, составленной В. И. Далем, в качестве синонима предлагается глагол *привередничать*. В свою очередь однокоренные последнему глаголу лексемы толкуются через слово *прихоть*: разг. *привередливый* ‘слишком разборчивый, с прихотями, придирками, капризами’ и *привередничать* ‘проявлять привередливость, прихоти; капризничать’ [ССРЛЯ, т. 11, с. 362], арх. *при́вередь* ‘прихоть, привередливость’ [СРНГ, т. 31, с. 132]. Лексические факты с корнем -*веред*- могут обозначать неординарное, своенравное поведение человека: южн., курск. *привере́довать*, тул. *привере́тничать* ‘привередничать’ [СРНГ, т. 31, с. 132–133], южн. *привере́ди* ‘капризы’ [Пискунов, с. 210], симб., моск., влад. *привере́ды* ‘причуды, капризы, привередливость’ (*Уж привереды ваши слушать не хочется*) [СРНГ, т. 31, с. 133] и др.

Через призму мотивировочного признака «придумывать, затевать» следует трактовать также арх. *притво́рка* ‘примета; обычай’ (*У нас ведь много этой притворки есть*) [СРГК, т. 5, с. 212] (ср. также онеж. *притворе́нный* ‘связанный со старинными обычаями’ (*Куда уедешь-то, скажи девушкам слово како притворено*) [Там же]). Лексические факты с корнем -*твор*- служат обозначениями вымысла, придумывания: *притвори́ти* ‘выдумать, измыслить’ (*Вину себе притворивъ какову убо [любо], исхождаше исъ церкви и шедъ спаше; …Яко есть нечто небытное и от нашего ума притвореное*) [СРЯ XI–XVII вв., вып. 20, с. 51], сиб. *притворять* ‘делать что-либо необычное, из ряда вон выходящее’ (*Сусед всегда в шутках, чо-нибудь да притворит*), ‘придумывать; вымышлять’ (*Раньше-то, бывало, в кинах рассказывали про войну – да я-то так*

расплакалась. Теперь я поняла: ай, это притворяют они всё) [СРГС, т. 4, с. 16], юж.-урал. *притвори́ть* ‘вытворить, натворить’ (*Всё-всё притворит, такой он у меня кизышный*) [Малеча, т. 3, с. 406], калуж., дон., юж.-урал., новосиб. *притворять* ‘придумывать, сочинять, делать что-либо, стараясь рассмешить, вытворять’ (*Все пела да плясала, людей притворяла, смешно*) [СРНГ, т. 32, с. 12], онеж. *притворять* ‘смешить, развлекать’ (*Все пела да плясала, людей притворяла, смешно*) [СРГК, т. 5, с. 212], дон. *притвори́ть* ‘насмешить’ [БТСДК, с. 426], мурман. *притво́рь* ‘несерьезное, шутливое поведение’ [СРГК, т. 5, с. 212], ворон., сарат. *притво́р* ‘притворство, уловка, каприз’ [СРНГ, т. 32, с. 11] и т. д. И вновь обратим внимание на дефиниции. Так, в толкования диалектных слов с корнем -*твор*- включено слово *привередливый*: новг. *притво́рный* ‘привередливый’ (*Инкубаторские куры – оны притворные, нужно тепло, свет, а русские они выносливые*) [СРГК, т. 5, с. 212], новг. *притво́рный* ‘привередливый’ (*Поросенок притворный, не всё ест*) [НОС, с. 956]. Очевидно, что перед нами гнезда слов, между которыми можно наблюдать семантические параллели.

Общая для нескольких последних анализируемых слов идея выдумки, затеи находит воплощение и в свердл. *загу́ды* ‘обычай’ (*Все загуды делали эти вот; Так пословица говорится: все загуды изделали*) [ЭИС, вып. III, с. 130]. В отличие от ранее рассмотренных случаев, смысл ‘шутка, затея’ появился у этого слова, вероятнее всего, на базе лексики, описывающей обрядовое поведение: моск. *загу́дка* ‘забавная выходка, проделка, шутка’ (*На Рождество приходили ряженые, входили в дом с какими-нибудь загудками, смешили; Она бабка веселая, загудок много знает*) [СРНГ, вып. 10, с. 34], олон. *загу́дывать* ‘быть в веселом расположении духа, плясать и петь’ (*Эх, загудили сегодни робята! Загудывайте, молодцы*) [Там же, с. 35], костр. *загуда́ть* ‘затевать, придумывать’ (*Что ты еще тамо-ка загудаешь?*) [Там же, с. 34] и др.

Итак, внутренняя форма диалектных слов *прихоть, привередня, притворка* и *загуды*, реализующая мотив затеи, причуды, представляет обычай явлением незаурядным, оригинальным, своеобразным – отчасти в силу непонятности и забвения в современных условиях.

Посредством мотива чуда выражается неодобрительная оценка обычая: новосиб. *чудоро́дие* ‘плохой, старый обычай’ [СРГС, т. 5, с. 305]. К описанию хозяйственного обычая отсылает и контекст к том. *чудо́вина* ‘чудо’ (*Это же чудовина – на конях молотили*) [Там же], несмотря на то, что дефиниция не содержит упоминания обычая. В некотором смысле дискриминирует обычай и именование части свадебного обычая шуткой: новосиб. *чудо* ‘шутка’ (*Жених выкупает, жених деньги плотит, ну всё это, конечно, было чудо*) [СРГС, т. 5, с. 305]. Семантический спектр слова *чудо* и его дериватов в русских говорах примечателен тем, что в нем представлены смыслы ‘вызывающий удивление’ и ‘не такой, как сейчас; уходящий’: *чудо* ‘удивление’, *чуду быти* ‘быть предметом удивления’ [Срезн., т. 3, с. 1548], краснояр. *чудачный* ‘не такой, как сейчас’ (*Раньше одежда чудашная была*), алт. *чудесный* ‘странный, чудной’ (*А она чудесная у нас*), кемер. *чудь* ‘нечто вызывающее удивление’ [СРГС, т. 5, с. 304–305] и др. Соответственно, обычай трактуется как удивительное, чудное, странное явление.

Относительно структуры слова *чудородие*, представляющего собой композит, можно предложить интерпретацию «уродившийся чудным», которая подтверждается словом *чудород* ‘чудодей, чудак’ [Даль, т. IV, с. 631].

Мотивировочные признаки *нрав, прихотовать, привередничать, притворяться, загудать, чудо*, реализующие субъективно-оценочные мотивы, свидетельствуют об осознании носителем языка своеобразия обычаев, их странности, которая становится заметной при сравнении с обычаями других времен или социальных сообществ. Слова, представляющие анализируемую мотивационную модель ‘причуда, чудо’ → ‘обычай’, принадлежат преимущественно русским народным говорам, то есть модель реализуется за пределами литературного языка. Выделено три варианта субъективно-оценочных смыслов, актуализированных во внутренней форме слов: мотивы специфичности, выдуманности, причудливости. Лексемы (*прихоть, чудородие* и под.) наделены оценочными коннотациями, однако, как показывают наблюдения над

иллюстративными контекстами, в разговорном дискурсе иронический подтекст иногда вовсе отсутствует.

Таким образом, слова, служащие обозначениями понятия «обычай», имеют такие мотивировочные признаки, которые выбраны номинатором в соответствии со следующими направлениями осмысления обычая:

– объективные конститутивные свойства обычая: он существует; характеризуется исконностью и длительностью существования; имеет широкое распространение;

– восприятие обычая человеком: человек привык, приучился к нему, «повадился», верит в него;

– функциональные свойства обычая: способность к поддержанию порядка, осуществление социальной регуляции; выполнение функции регулятора (эталона, ориентира);

– своеобразие, причудливость, идентифицирующий потенциал обычая.

Частные мотивы (мотивировочные признаки) в пределах одной мотивационной доминанты объединяются в сквозные мотивы, ср. «прихотовать» и «привередничать», или «привыкнуть», «приучиться», «повадиться» и т. д. Перекликаются между собой и мотивы разных групп. Так, например, представления об исконности обычая обусловили привлечение элемента «дед», отсылающего к образу субъекта социальной регуляции, и мотива старины, подчеркивающего исконность, древность обычая.

Выводы по главе 2

Особенности лексической объективации представлений носителей русского языка об обычае проанализированы на материале массива слов, служащих обозначениями понятия «обычай».

Анализ словарных данных, записей диалектной и современной речи показал, что семантическая система слова *обычай* в русском языке включала

в себя на протяжении своего развития более 20 смысловых оттенков, среди которых можно выделить четыре основные семантические линии:

– ‘порядок в целом или отдельная особенность, правило организации жизни человека, семьи или социальной, профессиональной группы’;

– ‘нрав, характер человека или животного’;

– ‘склонность, пристрастие’;

– ‘способ, образ действий’.

Условно мы обозначили их как социально-нормативную, поведенческую, эстетическую и логическую трактовку понятия.

Своеобразие семантического пространства существительного *обычай* состоит в том, что в нем присутствует в качестве стержневого смысл ‘нормативность’, наряду с семами ‘деятельностный характер’, ‘интериоризованность моделей поведения’, ‘принадлежность человеку или сообществу людей’. Иначе говоря, ***нормативно-регулятивные смыслы*** обнаруживаются во всех значениях анализируемого слова, в том числе не сохранившихся ни в русских народных говорах, ни в литературном языке.

Обычай как закон = норма, утвержденная законодательно. Наиболее явно нормативно-регулятивные смыслы воплощены в лексеме *обычай* ‘закон светских или духовных властей’: указы, законы, в сегодняшней терминологии – нормативные акты, издаются с целью управления сообществами.

Обычай как быт, образ жизни либо обряд = неофициальная норма, порядок. Основное значение изучаемого слова в современном русском литературном языке – ‘отдельный элемент организации жизни человека или общества либо в целом порядок, образ жизни’. Сложившиеся в естественной коммуникации нормы служили основой организации быта в традиционном крестьянском обществе. Распространение обычая, усвоение его от родителей обеспечивали его нормативный характер, он действовал вне официального закрепления: *Повальный обычай – что Царский указ*. Пословица *Обычай старше закона* фиксирует разграничение официальных и неофициальных установлений:

обычай выполняет функции закона на этапе, предшествующем появлению юридических норм права.

Сочетаемость слова *обычай* с глаголом *держаться* говорит о том, что, в представлениях носителя языка, обычай выполняет функцию ориентира, регулирующего фактора в жизни человека и общества: *В каком народе живешь, того и обычья держись*.

ОБЫЧАЙ КАК НРАВ = ИНДИВИДУАЛЬНАЯ НОРМА, МОДЕЛЬ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА. Поведенческая трактовка обычая, представленная значением ‘характер человека, нрав’[1] (вспомним выражения *по обычаю труса, женский обычай, детский обычай* и др., ср. пословицы: *Женской обычай слезами беде помогать* [Снегирев, с. 107], *Казаки обычаем, что собаки* [Снегирев, с. 129], *Не поп, да обычай добр* [Снегирев, с. 191]), основывается на концептуализации обычая как привычной модели поведения человека безотносительно к тому, получает ли такое поведение одобрение или негативно оценивается окружающими. Под нормативностью в данном случае следует понимать не соответствие поведения «позитивному стандарту», а его типичность, выражающуюся в постоянстве воспроизведения моделей поведения.

Напомним также, что слово *обычай* связывается с типичным (стереотипным) поведением незамужней девушки (*девичий обычай*), неженатого молодца (*княженецкий / молодецкий обычай*), вдовы (*удоушкин обычай*). В особенности в народно-песенных текстах подчеркивается трудность создания семейного союза между людьми с разным социальным опытом, их неготовность к этому, и обычай, выступая здесь как детерминированная социальным опытом норма поведения, представлен причиной дисгармонии в отношениях молодых людей.

Кроме того, о «типичности» поведения речь может вовсе не вестись, когда обычаем называется образ жизни лирического героя, определяющий этическую сторону его поведения, нравственность: *У Никиты-то у Ефимыча Дорогой*

---

[1] Здесь же надо упомянуть и о значении ‘повадки животных’.

***обычай**: Где ни пьетъ, где естъ, Где ни кушаетъ сударь, Ночевать домой ходитъ* [Песни, собранные П. В. Киреевским…, вып. 1, 1911, с. 111]; *Иванушка братецъ мой, Приглянулся разумъ твой, Весь **обычай** дорогой: Ты не будешь вина пить, Будутъ девушки любить И молодушки хвалить* [Там же, вып. II, ч. 1, 1911, с. 32]. Персонаж песни охарактеризован через совокупность его качеств, которые вместе представляют собой модель поведения (в данном случае одобряемую), то есть норму, которая регулирует поступки человека.

Нормативно-регулятивные смыслы явственно проступают в случаях контекстной актуализации смыслового компонента ‘основание сравнения’ (при описании межличностной коммуникации: дружбы, любви): *Не сойдутся обычаи, не будут друзья* [Снегирев, с. 193], *Равные обычаи, крепкая любовь* [Там же, с. 226].

Обычай как пристрастие, склонность = норма восприятия, обусловленная образом жизни, привычками. Ранее было показано, что обычай концептуализируется как ‘вкус, склонность’ или ‘симпатии’: *Говорил король таковы слова: «<…> Али еествушки мои не пó нраву, Напиточки мои не по **обычаю**?»* (из былины «Князь Роман и братья Витники») [Князь…, 1988, с. 300–301]. Привычка человека предстает социально обусловленной (*напиточки не по обычаю* = «напитки с королевского стола непривычны гостям»). Сформировавшись под влиянием повседневного быта и привычки, вкус служит эстетическим эталоном, мерой при восприятии чужого, малознакомого, непривычного. Грамматическим средством выражения представлений о нормативности обычая является здесь использование слова *обычай* в сочетании с предлогом *по* (с предшествующим отрицанием или без него). Конструкция *по обычаю / не по обычаю кому-либо что-либо* передает смысловой компонент ‘мера, критерий оценки’.

Обычай как образ действия = схема, образец, модель действия, то есть норма организации деятельности. Значение ‘способ, прием выполнения деятельности, образ действий’ представляет собой смысловой «экстракт» прочих

значений слова. Обычай трактуется по сути как практическая инструкция, образец совершения какого-либо действия.

Итак, социально-регулятивная семантика представлена в ядерной части структуры значения слова *обычай* и, следовательно, лексем со значением ‘обычай’. При этом важно, что обычай, как показывает анализ его значений, имеет деятельностную природу: человек осваивает модели поведения или совершения бытовых действий, типичные в данном социуме, и эстетика восприятия действительности по параметру «по вкусу / не по вкусу» детерминирована привычками, закрепившимися в постоянстве исполнения бытовых действий (человек склонен есть то, что ему привычно, и принимать в семью того, с кем он схож по образу жизни). Кроме того, в семантику слова *обычай* «встроена» идея принадлежности обычая человеку либо сообществу, которые существуют в определенном пространственно-временном континууме: обычай маркирует определенную социальную среду. Весьма показательны и значения ‘нрав, характер’ и ‘вкус, симпатии’, манифестирующие ментально-психологическую сторону бытования обычаев: наблюдая за тем, как устроена окружающая его среда, прежде всего социальная, человек учится вести себя так же, как делают другие, и внешнее преобразовывается во внутреннее – в привычки, образ жизни.

Выводы о социорегулятивном компоненте семантики слова *обычай*, его аналогов и синонимов подтверждаются результатами мотивационного анализа русских обозначений обычая, вскрывающего способы интерпретации соответствующего феномена действительности носителем русского языка. К числу мотивов с импликацией позиции субъекта – представителя традиционной культуры принадлежат такие, которые передают «внутреннее» восприятие обычая человеком (человек привык, приучился к нему, верит в него) либо внешнюю оценку обычая как обладающего своеобразием, причудливостью, идентифицирующим потенциалом (обычай представлен своенравной затеей, причудой, которая служит отличительным признаком определенного сообщества людей в определенный период). Ментально-психологические мотивы

реализуются при помощи мотивов привыкания, обучения, веры. Субъективно-оценочными названы мотивы, получившие воплощение посредством обращения к мотивационным элементам «нрав», «прихотовать», привередничать», «притворяться», «загудать», «чудо». К числу мотивировочных признаков, подчеркивающих объективные характеристики объекта номинации, следует отнести такие, которые апеллируют к конститутивным свойствам обычая (он существует; характеризуется исконностью и длительностью существования; имеет широкое распространение) и его функциям (способности к поддержанию порядка, осуществлению социальной регуляции; выполнению функции регулятора – эталона, ориентира). Любопытны логические связи между группами мотивов. Так, регулятивно-нормативные мотивы доказывают объективность трактовки обычая как средства управления членами микросоциума. В свою очередь, онтологические мотивы фиксируют конститутивные свойства понятия «обычай» (он признан и исполняется членами сообщества, поэтому в совокупности с прочими обычаями становится «средой обитания» человека; обычай снабжает человека жизненным опытом, эмпирическим материалом), а ментально-психологические мотивы вскрывают механизм действия обычаев (образ жизни, элементы порядка усваиваются человеком, интериоризуются).

Взгляд на обозначения понятия «обычай» через призму этнолингвистики позволяет говорить о том, что феномен, выступающий объектом номинации, толкуется в первую очередь как схематичный образ действий и в этом качестве осмысляется как практическая инструкция. Обычай – имеющая утилитарное назначение схема действий, сложившаяся, как правило, в жизненной практике, осознаваемая как привычная, поддерживаемая авторитетом предков и поэтому не отвергаемая и не критикуемая, усваиваемая человеком постепенно в силу наблюдаемости, повторяемости и наличия представлений о длительности существования и общераспространенности, «интериоризуемая» в виде привычного образа действий, принимаемого человеком за основу при выборе моделей поведения, при организации быта, исполнении обряда.

Слово *обычай* и соответствующее ему понятие «социальное установление» имеют особый статус в русской языковой традиции, фокусируя семантическое пространство лексики социальной регуляции в русских народных говорах, во многом задавая состав и организацию различных групп этой лексики и выступая в качестве семантического мотиватора полевой структуры.

ГЛАВА 3

ЛЕКСИКА ГОЩЕНИЯ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ ИДЕИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ В РУССКОЙ НАРОДНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ

В этой главе будет рассмотрена лексика, обозначающая взаимодействие, регулируемое обычаем. Гощение относится к таким сферам межличностного общения, которые создают колорит, специфический для каждой социально-культурной группы. Национальное или культурное своеобразие традиций приема гостей доказывает обусловленность личных отношений исторически сложившимися социальными установками. Мотивы поведения в сфере гостеприимства предопределены такими факторами, как религия, культура, традиции [Байбурин и др., 1990; Бенвенист, 1974; Кабакова, 2015; Русавська, 2014; Традиционное русское застолье, 2008; Kabakova, 2013 и мн. др.].

В данной области человеческих отношений социальным регулятором является обычай – негласно установленные правила взаимодействия людей, соблюдаемые в деревенском сообществе. Взаимные посещения выстраиваются в порядке очередности, складываются в систему и способствуют консолидации членов социума – установлению и закреплению межличностных и семейных связей.

Лексика гощения, присутствующая, безусловно, и в русском литературном языке, образует весьма обширную и идеографически разнообразную группу номинаций в русских народных говорах, поэтому предметом нашего исследования будет соответствующее лексико-семантическое поле.

Гощение – одна из значимых ситуаций социального взаимодействия людей во многих культурах, поэтому ее вербальные репрезентации представляют интерес, могут служить источником сведений, необходимых для выявления и осмысления этносоциальной специфики представлений носителя языка о принципах организации контактов в человеческом сообществе. В настоящее время хождение в гости рассматривается преимущественно как формализованная

бытовая этикетная ситуация, однако в традиционной народной культуре этой ситуации нередко присущи архаичные черты: «В обществах традиционного типа гостеприимство представляет собой скорее определенный морально-религиозный и социально-правовой институт, а прием гостя развертывается как достаточно сложный ритуал» [Байбурин и др., 1990, с. 113].

Ситуация приема гостей неоднократно характеризовалась в научных работах, в том числе лингвистического направления. Сложившиеся в древности представления о госте, который по своей сути является чужаком и врагом [Бенвенист, 1974; ЭССЯ, т. 7, с. 68], обусловили структуру ситуации, ее разворачивание, основные атрибуты – угощение, дарообмен, чествование гостя, предопределившие особенности современной коммуникации. Между гостем и хозяином возникают взаимные долговые обязательства: «Значение латинского *hospes* (**ghos-pet-*), обозначающего как того, кто пользуется гостеприимством, так и того, кто его предоставляет, объясняется скорее как “ipse”, субъект, чем как “хозяин” взаимного долга гостеприимства, обозначаемого через **ghos(ti)*-, в котором оба члена выступают как равные партнеры» [Бенвенист, 1974, с. 345].

Тема гостеприимства и на сегодняшний день не утратила своей привлекательности, о чем свидетельствуют новые публикации [Зализняк, 2010; Кабакова, 2013; Кабакова, 2015; Морозова, 2004; Мухина, 2006; Традиционные и современные модели гостеприимства, 2004 и мн. др.]. Внимание исследователей занимает, в частности, этнокультурная специфика и этикет приема гостей. Большой интерес вызывает семиотика ритуальных гощений, связанных с праздничным или хозяйственным календарем, а также с обрядами жизненного цикла – родинами, крестинами, свадьбой, погребением, реже объектом описания и осмысления становятся бытовые посещения. Проводится сопоставление обычаев гостеприимства в разных культурах, часто – на лексическом или текстовом материале [Бабаев, 2009; Байрамова и др., 2008; Кабакова, 2013; Кабакова, 2015; Морозова, 2004; Юнусова, 2010 и мн. др.]. Исследуются синтаксические конструкции, используемые в качестве речевых этикетных формул, употребляемых в ситуации гощения [Винантова, 2010], паремии [Байрамова и др.,

2008; Захарова, 2010], лексика литературного языка и русских народных говоров [Березович, 2007, с. 43–47; Кабакова, 2013; Кабакова, 2015; Невская, 1997 и др.], художественные тексты [Мюллер, 2004; Небуа-Момбе, 2004 и др.]. На основе этнографических сведений и по результатам анализа русской паремиологии ритуал приема гостей трактуется как древнейший вид социальных связей [Байбурин и др., 1990; Захарова и др., 2008]. Закономерность этого вывода традиционно подтверждается анализом типового сценария гощения, нацеленным на осмысление того, для чего предназначены и как взаимосвязаны составляющие ситуацию элементы – действия гостя и действия хозяина.

Сценарный характер гощения зафиксирован в лексике, фразеологии, паремиологии, пословицах и поговорках, других фольклорных текстах, этнографических свидетельствах: прием гостей разворачивается во времени и в пространстве по определенному «плану», складывающемуся из совокупности обычаев, предписаний, правил, известных гостю и хозяевам. Семантический анализ лексем и фразеологизмов, составляющих лексико-семантическое поле «Гощение», должен подтвердить «сюжетность» явления, поскольку каждая деталь сценария обозначается рядом языковых единиц. Затем будет уделено специальное внимание анализу мотивации слов.

3.1. Семантическая организация лексического поля «Гощение»

Лексико-семантическое поле «Гощение», представленное в русских говорах и общенародном языке, примечательное тем, что существенную его часть занимает деривационное гнездо корня *-гост-*, позволяет обнаружить своеобразный сценарий гощения. Ситуация включает в себя следующие элементы: актанты, связанные субъект-субъектными отношениями (гость / гости и хозяин / хозяева), характеристики действующих лиц (гостеприимный / негостеприимный, желанный / нежеланный и др.), предикаты, которые называют совпадающие и строго соотнесенные друг с другом по времени реализации действия актантов (гостить и принимать гостей), а также другие варианты

предикатов (отправляться в гости, уходить из гостей, дарить что-либо гостям или хозяевам и т. д.), сирконстанты (ограниченное время и определенное место), атрибуты (предметы дарения, посуда для гостей и др.). Поскольку участники ситуации совершают ряд действий согласно исполняемым ролям, когнитивный сценарий складывается из нескольких последовательно сменяющих друг друга эпизодов: приход гостя, приветствие гостя и хозяина, угощение, взаимное одаривание и чествование, выполнение специальных обрядовых действий, приглашение к ответному визиту, прощание и уход гостя. Они отражены в языковом материале неравномерно, с разной степенью детализации.

Участники ситуации – гость и хозяин – противопоставлены друг другу, поскольку они ведут себя исходя из оппозиции «свой – чужой», и одновременно соединены ритуализованным преодолением этой чуждости, их действия адресно направлены друг на друга и семиотически нагружены. Субъектом действия и объектом воздействия попеременно является каждая из контактирующих сторон.

Гость – главный актант в ситуации посещений, он является центром события, вокруг него и с его участием разворачивается основное действие. Это роль, имеющая временный характер: покидая чужой дом, человек утрачивает статус гостя. (Б. Норман говорит о том, что «гость» – это социальная маска [Норман, 2004, с. 86]). В этом смысле интересны наречия образа действия: арх. *загости́нно (жить)* ‘в качестве гостя’ [СРНГ, т. 10, с. 25], вят., свердл., челяб. *гости́мо* ‘в гостях, как гость, гостем’ [СРНГ, т. 7, с. 93], рус. (карел.) *по-гости́ному* ‘в качестве гостя’ (*Лучше, когда по-гостиному приехать, согласия теперь в семьях нет, вместе плохо жить*) [СРГК, т. 4, с. 613]. Эти наречия имеют значение «в качестве, в роли гостя»: *Гостимо весело там жить; У внучки был гостимо* [СРНГ, т. 7, с. 93]. Слово *гостимо* может выступать в качестве категории состояния: *Гостимо мне было* [Там же].

Как уже было сказано, на индоевропейском уровне отмечается уникальное соседство трех значений слова *гость*: «Понятия врага, чужого (и чужестранца) и гостя, являющиеся для нас тремя различными семантическими и юридическими категориями, в древних индоевропейских языках теснейшим образом связаны»

[Бенвенист, 1974, с. 368]. Исторически в славянских языках значение ‘враг’ у слова утратилось, а семантика чужести реализовалась в лексемах со значением ‘путник, приезжий, проезжающий, чужеземец’: др.-рус. *гость* ‘гость’, ‘чужеземец’, ‘иноземный, приезжий купец, иногда и вообще купец’ [Срезн., т. I/1, с. 569], др.-рус. *гостинник* ‘гость, пришелец, путник’ [СРЯ XI–XVII, т. 4, с. 105]). На этом фоне закономерно, что, по данным исторических и диалектных словарей, часть словообразовательных возможностей корня реализовалась в номинациях, описывающих дорогу и связанные с ней реалии: *гостиница* ‘дорога’ [Срезн., т. I/1, с. 567], смол., сев.-зап. *гости́нец* ‘большая дорога, тракт; проезжая дорога, по которой ездят чужие, гости’ [СРНГ, т. 7, с. 93], *гостиница* и *гостиньница* ‘гостиница’ [Срезн., т. I/1, с. 568], *гостиньникъ* ‘содержатель гостиницы’ [Там же, с. 567], оренб. *пого́ст* ‘подворье, постоялый двор на отшибе’ [СРНГ, т. 27, с. 309], влад. *гости́нник* ‘слуга, прислужник в монастырской гостинице’ [Там же, т. 7, с. 94]) и др. Поскольку в числе приезжих оказывались прежде всего купцы, мы имеем в древнерусском языке обозначения торговца, торговли и торговой пошлины с корнем *-гост-*: *гостьбьникъ* ‘гость, купец’ [Срезн., т. I/1, с. 571], *гостиньникъ* ‘торговец’ [Там же, с. 567], *гостити* ‘торговать, приезжать, ездить с целью торговли’ [Там же, с. 569], *гостьба* ‘торговля’ [Там же, с. 570], *гостиное* ‘пошлина с привозных товаров’ [СРЯ XI–XVII, т. 4, с. 105], *гостинники* ‘вид пошлины’ [Там же], *гостинодворец* ‘купец, торжник, торговщик, гость, гостинодворец’ [СРЯ XVIII, т. 5, с. 194]; в русских народных говорах – новг. *гостить без рубежа* ‘торговать свободно’ [СРНГ, т. 35, с. 219]. Тему приезжих и приходящих продолжают обозначения мест временного содержания больных и странников: *гостиница* ‘больница’ [Срезн., т. I/1, с. 567], *гостиница* ‘странноприимный дом, богадельня, больница’ [СРЯ XI–XVII, т. 4, с. 105]. Вероятно, в этом значении слово *гостиница* является семантической калькой с лат. *hospitāle* ‘гостиница, приют, странноприимный дом’, *hospitium* ‘приют, пристанище, комнаты для гостей’.

Диалектные факты, являющиеся обозначениями гостей, любопытны в словообразовательном плане: свердл. *гостева́* ‘гости’ [ЭИС, т. IV, с. 10], арх.

гостёва ‘гости, присутствующие на празднике’ [АОС, т. 9, с. 389], новосиб. *погóсти* ‘гости’ [СРНГ, т. 27, с. 309], онеж. *гóстник* ‘гость’ [СРГК, т. 1, с. 382], рус. (карел.) *гостёныш* ‘гость (о детях)’ [Там же, с. 380], арх. *госьё* ‘гости’ [СРНГ, т. 7, с. 99], ленингр. *гостéльник* ‘гость’ [Там же, с. 91], волог. *гостьба* [удар.?] ‘гости на вечеринке, каком-либо празднике’ [Там же, с. 97].

Оценочные наименования гостя часто имеют уменьшительно-ласкательные и экспрессивные суффиксы: арх. *гóстейка* и *гóстелька* ‘гостья’ [АОС, т. 9, с. 389], арх. *гостúнушка* ‘гостья’ [СРГК, т. 1, с. 381], рус. (карел.) *гостéюшки* (ласк.) ‘гости’ [Там же], север. *гостéбище* ‘гость’ (*Когда ждать в гости любимое гостебище?*) [СРНГ, т. 7, с 90], пск. *гóстейко* ‘гость’ [Там же, с. 91], тул., орл., ворон., курск., терск., вят., урал. *гостёчек* и терск. *гостёчик* ‘гость’ [Там же, 92], волог. *гóстенка* ‘редкая гостья’ (*Вы у нас гостенку видели*) [Там же], яросл. *гóстик* ‘гость’ [Там же], арх., олон. *гóстюшко* ‘гость’ [Там же, с 98], курск. *гостúночки* ‘гости’ [Там же, с. 94] и др. В большинстве случаев это ласковые именования.

Слова с негативными коннотациями отражают отношение хозяев к бесцеремонным гостям, засиживающимся сверх всякой меры, незваным либо неуважаемым: онеж. *гостúло* (пренебр.) ‘гость’ [СРГК, т. 1, с. 381], урал. *гостёчек* ‘о бесцеремонном, назойливом госте’ (*Гость-то хорошо, а вот гостёчки-то беда* – пословица) [СРНГ, т. 7, с. 92], арх., костр. *гостёк-Терéнтьюшко* ‘насмешливое название и обращение к незваному и непочетному гостю’ [Там же, с. 91], рус. (карел.) *навязный гость* ‘непрошеный’ [СРГК, т. 3, с. 306], перм. *гóстья из замóстья* ‘о человеке, часто приходящем в гости, не всегда званом’ [СПГ, т. 1, с. 183], влад., вят., новосиб. *захребéтник* ‘незваный гость’ [СРНГ, т. 11, с. 162], читин. *швед* ‘непрошеный гость’ (*Ребят в армию провожали, и два шведа пришло*) [СРГС, т. 5, с. 331], волог. *чикáль* ‘незваный гость’ (*Чикалёв-то не любили: кому они нужны!*) [СВГ, т. 12, с. 43], калин. *нахáл* (собир.) ‘незваные гости’ [СРНГ, т. 20, с. 254], казан. *нахáл* и *ная́н* ‘охотник ходить в гости без зову, без приглашения’ (*А мой Митрий какой нахал, наян! Кто его звал в гости? Ан он пришел и высидел, как и быть гостю!*) [СРНГ, т. 20, с. 254] (из тат.

najan ‘наглец, нахал’ [Фасмер, т. 3, с. 52]), курск. *наха́ба* ‘незваный гость, гостья’ (*Вот еще нахаба натялся на мою шею*) [СРНГ, т. 20, с. 254] (ср. курск., ворон., краснояр. *наха́ба* ‘нахал, нахалка’ [Там же]), волог. *наброд* ‘незваные гости’ и *сычи* ‘незваные гости на свадьбе’ (*Незваный гость наброд называли. Сычи ещё. На свадьбу-то сычи*) [КСГРС], костр. *ку́тные гости* ‘незваные гости’ (*На свадьбу сычи тоже ходят – это кутные гости. Они ходят смотреть невесту, за стол не садятся. Посмотрят на подарки, подадут им пива, и они уходят; А кутные гости – худыё, те в прихожей*) [ЛК ТЭ] и др.

Лексический материал позволяет выявить, условно говоря, «виды гостей»[1] по обстоятельствам их появления. Языковые факты указывают на следующее:

---

[1] В поле зрения номинатора попадают и обрядовые роли гостей. Участник любого большого празднества является гостем: перм., арх. *го́сти* ‘участники свадебного поезда’ [СРНГ, т. 7, с. 96], твер. *го́сья* ‘девушка, приглашенная в гости на святки’ [Там же, с. 97]. После свадьбы молодые сами отправляются объезжать родственников и знакомых, становясь таким образом гостями: яросл. *го́рные го́сти* ‘молодые на другой день после свадьбы’ [Там же, с. 49]). Отмеченными оказываются отдельные гости, приглашенные для выполнения поручений, то есть имеющие своеобразные «должности»; это посаженная мать, посаженный отец или лицо, отвечающее за передачу даров: новг. *гости́ницы* ‘в свадебном обряде – девушки, привозившие к невесте подарки жениха накануне свадьбы’ [Там же, с. 93]), волог. *коробе́йные го́сти / свaты́* ‘в свадебном обряде – родственники невесты, которые везут приданое’ [СРНГ, т. 14, с. 345]. Особое место занимают почетные гости; их выделяют среди прочих и чествуют более, чем других: арх. *чеща́на* ‘те, кому оказывают честь, угощая, кого чествуют’ [КСРНГ], нижегор., пенз., сарат. *га́рные го́сти* и нижегор. *га́рные* (в знач. сущ.) ‘наиболее почетные лица, участвующие в свадебном поезде’ [СРНГ, т. 6, с. 146], *браны(е) гости* ‘избранные, уважаемые’ [СРНГ, т. 3, с. 150], арх. *зы́каный гость* ‘званый гость’ [СРНГ, т. 12, с. 35], орл., смол., арх. *зазва́ный гость* ‘приглашенный куда-либо, к кому-либо, званый гость’ [СРНГ, т. 10, с. 90], костром. *су́тные гости* ‘почетные, специально приглашенные гости’ (*Сутных гостей сажают по лавке в сутки, они хорошиё. Богачей в сутки сажали, а бедных в куть*) [ЛК ТЭ] и др. Отметим и номинации, отражающие эмоциональное состояние хозяев, их негативные эмоции, вызванные событием – ситуацией похорон, например, или свадьбой, ознаменовывающей расставание с дочерью и уход девушки в чужой дом, где жизнь ее уже не будет такой беззаботной, как в родительском доме: пск. *нежела́нные го́сти* ‘в свадебных обрядах – о гостях

– ближний гость (пришлый) или дальний (приезжий): арх. *го́стья* ‘приезжая, не местная женщина, девушка’ и ‘о женщине, зашедшей в дом’ [АОС, т. 9, с. 396], яросл. *заприе́зжиевый (гость)* ‘приезжий’ (*Поштуй-ко-це вы чужих людей, Гостей заприезжиев*) [СРНГ, т. 10, с. 355], волог. *гость с во́зки* ‘человек, приезжающий на праздник из другой местности’ [СВГ, т. 1, с. 126];

– каким путем добрались гости: арх. *ве́треный гость* ‘в приморских селениях так называют гостя, прибывшего с моря, а не сухим путем’ [СРНГ, т. 4, с. 201];

– в каком составе приехали: рус. (карел.) *арте́льные го́сти* ‘семья гостей’ [СРГК, т. 1, с. 382];

– в какое время приехали: онеж. *вши́вые го́сти* ‘гости, прибывшие в субботу, когда топят бани’ [Там же];

– едут ли гости впервые или повторно: арх. *небыва́лый гость* ‘гость, впервые посетивший кого-либо’ [СРНГ, т. 20, с. 323].

Особую группу составляют обозначения человека, любящего ходить по гостям: диал. (б/у места) *госте́йник* ‘охотник ходить по гостям; приживальщик’ [СРНГ, т. 7, с. 91], калуж., свердл. *гостёна* ‘человек, любящий ходить по гостям’ [Там же], перм., свердл., урал. *погостёна* ‘человек, который любит ходить в гости’ [СРНГ т. 27, с. 309], волог., хакас., якут. *гостли́вый* ‘любящий ходить по гостям’ [СРНГ, т. 7, с. 95]. Отдельные лексемы обнаруживают представление о любителе ходить в гости как о бездельнике: вят. *гостёна* ‘человек, не любящий работать, имеющий привычку часто ходить в гости, гостить’ [Там же, с. 91]. Иногда в фокус внимания попадает человек, избегающий выходить в гости: перм. *негостли́вый* ‘не любящий ходить в гости’ [СРНГ, т. 21, с. 6].

Таким образом, в лексико-семантическом поле «Гощение» представлены идеограммы ‘гость, посетитель’, ‘нежеланный гость’, ‘приглашенный / непрошеный гость’, ‘неуважаемый гость’, ‘ближний гость (из своих)’, ‘дальний

со стороны жениха’ [СРНГ, т. 21, с. 41], север. *нежела́нные го́сти* ‘о гостях, пришедших на похороны’ [Там же].

гость (из чужих, издалека)’, ‘гость, прибывший по морю, а не по суше’, ‘гости, приехавшие всей семьей’, ‘субботний гость’, ‘гость, приехавший впервые’, ‘любящий / не любящий ходить в гости’.

Хозяин. Функционал принимающей стороны находит отражение в семантике и во внутренней форме астрах. *госьприимец* ‘хозяин, гостеприимец’ [СРНГ, т. 7, с. 99]. Лексема уникальна тем, что в ее значении отсутствуют оценочные коннотации: имеется в виду не «хороший» и не «плохой» хозяин, а просто человек, в дом которого пришли гости.

Обычно же мы имеем дело с существительными и прилагательными, включающими оценочную сему – характеристику отношения хозяина к гостю или к самой обязанности принимать гостей: литер. *гостеприимный* и *негостеприимный*, арх. *гостеприи́мец* и *гостеприи́мник* ‘гостеприимный человек’ [АОС, т. 9, с. 390], ленингр., хакас., урал. *гостеприи́мчивый* ‘гостеприимный’ [СРНГ, т. 7, с. 92], томск. *угости́тельный* ‘гостеприимный’ [СРГС, т. 5, с. 132], брян. *рахма́нина* ‘добрый, покладистый, гостеприимный человек’ [СРНГ, т. 34, с. 342], перм. *расхо́жий* ‘гостеприимный’ [СПГ, т. 2, с. 280], перм. *пригласи́тельный* ‘гостеприимный’ [СПГ, т. 2, с. 204], брян. *гости́чный* ‘любящий принимать гостей’ [СБГ, т. 4, с. 50] и мн. др. Эти номинации характеризуют хозяина как человека приветливого, доброжелательного, хорошо принимающего гостей, щедрого или, наоборот, избегающего контактов, недоброжелательного к пришедшим в его дом, ср.: перм. *пода́ть во́ду со льдом* ‘принять кого-либо холодно, негостеприимно’ [СПГ, т. 2, с. 117].

В старорусской традиции гостеприимство могло означать готовность приветить странника или нищего, осознавалось как добродетельное, одобряемое в морально-религиозном смысле и тем самым отличное от радушия к званому и ожидаемому (то есть, по сути, известному, знакомому) гостю: *гостиннoприимство* ‘прием и размещение богомольцев’ [СРЯ XI–XVII, т. 4, с. 105], *гостеприимство* и *гостеприятие* ‘добродетель, состоящая в принимании в дом свой и угощении странных, бедных и пришельцев, без всякого за то воздаяния’ [САР, т. 2, с. 276], *гостеприимный* ‘страннолюбивый, любящий

принимать в дом свой странных и бедных’ [САР, т. 2, с. 277]. Как известно, в славянской народной культуре есть представление о том, что Бог (либо святой) может ходить по земле и стучать в дома в виде странника, нищего [СД, т. 1, с. 202], поэтому нельзя было проявить невнимание к незнакомому человеку, пришедшему в дом нежданным гостем. Ср. пословицы: *Коли гость в избе, значит Бог тебя не оставил; Гость – посланец Божий* [Подвысоцкий, с. 34]. Эти представления, как отмечает Л. Г. Невская, связаны с христианской моралью: «Под взаимным влиянием находится народное и церковное понимание гостеприимства не только как проявление братской любви, которую христианин должен испытывать ко всем, но и как возможное воздаяние (контекст “обменных отношений”) за гостеприимство: через гостя-странника признают или не признают, принимают или отвергают самого Господа; принявшим Гостя воздастся во время второго пришествия» [Невская, 1997, с. 448]. Ср.: рус. (карел.) *оттра́гивать* ‘отстранять, не привечать’ (*Гостей оттрагивает, а нищего садит*) [СРГК, т. 4, с. 336].

Поскольку приход гостя – своего рода вторжение, хозяева предпочитают знать о прибытии гостей и готовиться к нему[1]. Обратим внимание на то, что

---

[1] Отсюда разнообразие примет, сообщающих о предстоящем событии: «Появление гостя предвещают бытовые события, а также некоторые особенности в поведении человека и домашних животных» [СД, т. 1, с. 533]. Так, по поверью, гостей следовало ожидать, если кошка умывается: арх. *нага́рбливать* ‘в суеверных представлениях – предсказывать’ (*Кошка гостя горби́т, нагарбливает, сидит, моется, а горбом-ту в божий угол, к столу*) [СРНГ, т. 19, с. 195], новг., влад., твер, моск. *замыва́ть* ‘умывать лапкой мордочку, предвещая (по народному поверью) приход гостей (о кошке)’ [СРНГ, т. 10, с. 269], ленингр., новг. *намыва́ть госте́й* ‘предсказывать приход гостей (о кошке)’ [СРГК, т. 3, с. 354]. Есть множество других примет, предвещающих приезд или приход гостей: рус. (карел.) *перекатну́ться* ‘упав, перевернуться’ (*Ой, гости будут сегодня: хлеб перекатнулся*) [СРГК, т. 4, с. 448], арх. *Если костыль у кошки холоден – гость будет с дороги, если теплый – будет гость из своих* [СРНГ, т. 15, с. 85], костр. *прибыло́й* ‘тот, кто вскоре придет в дом, гость’ (*Уголек из печи выскочил – к прибылому*) [ЛК ТЭ], перм. *ве́треный* ‘человек, пришедший с улицы, «с ветра»’ (*Лоб чешется – с ветреным здороваться; Язык прикусила – дак с ветреным встретишься; Примета есть у нас: с*

идеограмма ‘готовиться к приходу гостей’ не находит выражения в дериватах -*гост*- (видимо, она не принадлежит центру лексико-семантического поля «Гощение»): иркут. *репети́ться* ‘готовиться к приему гостей’ [СРГС, т. 4, с. 161], забайкал. *подрепети́ться* ‘прибраться, подготовиться к приему гостей’ [СРНГ, т. 28, с. 158] (ср. свердл., иркут. *подрепети́ть* ‘подготовить’ [Там же]), волог., сев.-двин., арх., север., перм., урал., иркут., сиб. *ла́диться* ‘готовиться, приготовляться к чему-либо (обычно к празднику, к встрече гостей)’ [СРНГ, т. 16, с. 234] и др. В русских народных говорах представлена также идеограмма ‘кушанья, испеченные в ожидании гостей’: казан., перм., ср.-урал. *жда́ны* ‘кушанья, приготовленные в ожидании желанного, любимого или знаменитого, важного гостя’ (*Ждавши его и все жданы-то переели* ‘о долгом ожидании гостя’) [СРНГ, т. 9, с. 94], арх., калуж., пенз., сарат., перм., урал. *жда́нки* ‘кушанья, приготовленные в ожидании желанного, любимого или знаменитого, важного гостя’ (*Все жданки проел* ‘долго ждал’) [Там же], волог., вят., курск. *жда́ники* и сев.-двин. *жда́нники* ‘пироги, испеченные в ожидании гостей’ (*Ждали, ждали, да и жданики поели* ‘шуточный упрек гостю, заставившему долго себя ожидать’) [Там же].

Таким образом, в лексико-семантическом поле «Гощение» представлены идеограммы ‘хозяин дома, принимающий гостей’, ‘приветливый / неприветливый хозяин’, ‘любящий / не любящий принимать гостей, странников’, ‘готовиться к приему гостей’, ‘кушанья, испеченные для гостей и съеденные в ожидании их’.

Гощение как событие. Собственно событие, состоящее в появлении и пребывании гостя в доме, обозначается общенар. *гости́ть* ‘быть, проводить некоторое время в гостях’ [ССРЛЯ, т. 3, с. 336]. Для русских диалектов характерны избыточные в лексико-семантическом отношении выражения, в которых повтор служит для усиления смысла: костр., волог. *гости́ть в гости*

ветреным поговоришь, дак язык свербит; засвербит язык – снаулицы придет кто-то) [СПГ, т. 1, с. 92] и др. В семиотическом отношении приметы предназначены для того, чтобы неожиданное (способное в силу внезапности быть опасным) сделать ожидаемым, предсказуемым, а это залог безопасности.

‘ездить, ходить (приезжать, приходить) в гости’ [СРНГ, т. 7, с. 94], арх. *гостьбу́ гостить* ‘ходить по гостям’ [Там же, с. 95] и др.

Фазовость «процедуры» гощения. Гощение представлено в языковой картине мира как событие, ситуация. Глаголы начала и прекращения действия маркируют границы события. Выражения *прийти в гости, быть в гостях* и *вернуться из гостей*, передающие линейность и завершенность ситуации, являются общенародными. Оборот *идти в гости* можно сопоставить с выражениями *выбраться в люди, идти в солдаты, податься в адвокаты, отдать в жены,* забайкал. *пускать в дети* ‘отдавать ребенка на усыновление в чужую семью’ [СРГС, т. 4, с. 65], где существительное стоит во множественном числе и употребляется с предлогом «в», который служит «для обозначения направления действия, движения», а именно указывает «на коллектив или категорию лиц, в состав которых вступает кто» [ССРЛЯ, т. 2, с. 6–7]. Ситуация гощения разворачивается во времени и пространстве, имеет фазы: приход в гости как начало действия (литер. *в гости идти*, арх., рус. (карел.), олон., перм. *в гость / гось идти* ‘в гости’ (*Вон Мишко в гось идет*) [СРНГ, т. 7, с. 96], арх. *зага́щивать* ‘идти, приходить в гости’ (*Загащивайте к нам!*) [СРНГ, т. 9, с. 357]), пребывание в гостях как период (волог. *во го́сте (быть, находиться)* ‘в гостях’, курск. *в гости́ночках быть, побывать* ‘быть в гостях’, курск., орл., тул., калуж., смол., ворон., дон., кубан., терск., пенз., иван.-возн. *гостева́ть* ‘гостить’, волог., яросл., киров., свердл., курск., рус. (латв.), рус. (литов.) *гости́ться* ‘быть в гостях, гостить у кого-либо, угощаться’, олон. *го́ститать* ‘гостить’ [СРНГ, т. 7, с. 91, 94–96]), уход из гостей как завершение действия (волог. *разгости́ться* ‘отгостить, завершить пребывание в гостях’ [СРГК, т. 5, с. 408], волог., рус. (карел.) *отгости́ться* ‘побывать в гостях; отгостить’ [СРГК, т. 4, с. 285], влад., курск., том. *отга́щиваться* ‘кончить гостить, отгостить’ [СРНГ, т. 24, с. 151], смол., курск. *нагостева́ться* ‘нагоститься вдоволь’ [СРНГ, т. 19, с. 211] и др.). Увеличение длительности гощения, без оценки его в отношении соблюдения норм, приличий, зафиксировано в диал. (б/у места) *разга́щиваться* (сов. *разгости́ться*) ‘загащиваться, гостить долго; стать привыкать к гощенью и

желать погостить еще долее’ (*Только было разгостились, а тут и домой*) [Даль, т. IV, с. 23], ленингр. *разгости́ться* ‘пробыть в гостях продолжительное время’ [СРГК, т. 5, с. 407], сев.-двин. *извы́гостить* ‘погостить длительное время, нагоститься’ [СРНГ, т. 12, с. 112], рус. (карел.) *порассиде́ться* ‘засидеться в гостях, долго сидеть где-либо’ [СРНГ, т. 30, с. 47], ср. литер. *рассиживаться*. Подробнее о номинативном воплощении временного регламента гощения и его нарушений см. далее.

Виды гощений. Пребывание в гостях обозначается субстантивными суффиксальными образованиями: волог. *госте́ние* ‘пребывание в гостях’ [СРГК, т. 1, с. 380], олон. и петерб. *гости́бище* ‘пирушка; пребывание в гостях’ [СРНГ, т. 7, с. 92], ленингр. *гости́бье* ‘приглашение и прием гостей’ [Там же], волог. *гоще́бье* ‘званое собрание гостей с угощением, пир’ [СРГК, т. 1, с. 383], перм. *гости́дьба* и *гости́тьба* ‘пребывание в гостях’ [СРНГ, т. 7, с. 92, 95], олон. *гости́на* ‘пребывание в гостях’ [Там же, с. 93], яросл., арх., олон., новг., перм., волог., вят., костр., влад. *го́стьба / гостьба́ / госьба́* ‘пир, пирушка, угощение, пребывание в гостях, участие в пире, пирушке’ [Там же, с. 96], арх. *гостёба* и *гостёва* ‘праздник в связи с приходом гостей, угощение’ [АОС, т. 9, с. 388, 389], арх. *гости́ная честь* ‘праздничный стол в доме невесты’ [АОС, т. 9, с. 392] и др. Обратим внимание, что пребывание в гостях предполагает угощение, застолье, пиршество, в особенности обрядовое гощение.

Среди диалектных номинаций обнаруживаются такие, которые маркируют разные «виды гощений». Прежде всего, гощения можно разделить на праздничные и бытовые. Первые предполагают исполнение заведенного ритуала, элементы которого несут символическую нагрузку, вторые представляют собой «контактную зону», свободную от ритуальной символики и этикетных норм.

Бытовую коммуникацию представляют в первую очередь соседские гощения: волог. *по тпру́шам ходи́ть* ‘ходить по гостям поболтать, попить чай’ (*А по тпрушам ходят – это по гостям ходят, посидеть хозяином, лясы поточить, повечерять, посумерничать*) [КСГРС], волог. *повечеря́ть* и *посуме́рничать* ‘посидеть вечером в гостях, поговорить, провести вечер’

[КСГРС], костр. *вечéрничать* ‘вести беседы за чаем’ (*Тра-бары-растабары разговоры между собой говорят, пригласила подругу, да еще и вот растабаривают, вечерничают*) [ЛК ТЭ], волог. *очужаться* ‘часто и без цели посещать соседей’ [КСГРС], костр. *бесéдка* ‘посиделки, спонтанный визит к соседям с целью поговорить, обсудить новости’ (*Кто-нибýдь придёт на бесéдку, он [ребенок] вот дóма шалúт – ничё не понимáет, мать его стювáет*) [ЛК ТЭ], костр. *бесéдки* ‘посиделки’ (*Вот утром Надька ко мне приходила на беседки, и вечером придёт; На беседки бабушки ходили, кто чего знает – расскажет. Больше всё пожилые ходили, молодые-то были в других местах; Она пришла на беседки, бывает, тебе некогда, а всё равно ты сидишь около неё, поддакиваешь да поднекиваешь*) [ЛК ТЭ], волог. *идти, пойти, сходить, уйти, ходить в другóзьбу (по другóзьбам)* ‘идти в гости без определенной цели, «посидеть», «просто так»’ (*Идем друг к другу сидеть без приглашения, дак тпруши пошла. «Куда попёрла?» – «Тпруши, в другозьбу»*) [СГРС, т. 3, с. 275] (подробнее о слове *другозьба* см. в книге Е. Л. Березович [Березович, 2007, с. 44–47]). Приход соседа или соседки при этом осознается в народной культуре иначе (это «ненастоящие гости»), чем приход незнакомых людей, дальних знакомых и родственников, обычно принимаемых как дорогих гостей. Показательно противопоставление хождения в гости и соседского гощения (беседок) в предложении: *А в деревне в гости не зовут, только на беседки: побеседовал и ушёл, вот и приходите, гости, обгладывать кости, на беседках и обгладывали* [ЛК ТЭ]. «Статус» гостя охотнее присваивается человеку чужому и / или приглашенному из-за исключительности события, контрастирующего с обыденностью, а приход соседки – это лишь одно из бытовых событий в цепочке прочих и потому недостаточно значительное, лишенное «особости», привычное. Ср.: «В семантическом поле “гощения” намечен определенный водораздел между смыслами, связанными с ритуальным и неритуальным гощением. Первые имеют не только языковую, но и культурную маркировку и, соответственно, такую внутреннюю организацию, которая подчинена культурному сценарию – в данном случае ритуалу приема гостей: здесь просматриваются важные для любого

ритуала смысловые стержни – пространственно-временная закрепленность (“гостевое место” и “гостевое время”), наличие определенной акциональной программы (сюда входит, в первую очередь, угощение) и предметной символики (гостинцы). Что касается неритуального гощения, то оно определяется смысловыми доминантами иного рода, оказываясь вписанным не в сферу этикета, а скорее в сферу этики <…> Просиживание по чужим домам может осознаваться как неоправданная трата времени, склонность к праздношатанию, безделью и любовь к сплетням» [Березович, 2007, с. 47]. Ср.: иркут. *ра́нний челове́к по дома́м обе́дать не хо́дит* ‘пословица о трудолюбивом человеке: кто рано встает, тот кормит себя и семью’ [СРГС, т. 4, с. 117].

Праздничными, приуроченными к определенным календарным датам, являются собрания молодежи или людей более старшего возраста, которые условно тоже можно считать разновидностью гощений: костр. *бесе́дки* ‘вечерние посиделки, на которых прядут или занимаются рукоделием, а также поют, пляшут и играют в молодежные игры’ (*Пойдём на бесе́дки, ночью всё прядём-прядём, хоть всю ночь просидим, и весело, дружно; На беседки и парни придут, мы прядём, парням веселье; С пря́хами ходи́ли на бесе́дки; В Каза́нскую ходи́ли на бесе́дки без самопря́док; Летом гулянья были, а зимой сво́зки. По неделе бесе́дки – сво́зки, с гармошками*) [ЛК ТЭ], костр. *больша́я бесе́дка* ‘вид молодежного гуляния в каком-л. помещении’ (*Больши́е бесе́дки устра́ивали, на них и взрослые и маленькие собирались, плясали со́рново, цыга́ночку, ба́рыню, дво́ечку; танцевали и парни, и девки – кто умел; В больших беседках ходили шабало́й мужики; Больши́е бесе́дки, там сбира́ются с окру́ги, там и играли на гармошке, и пля́ски, всё было. Устраивали между Рождеством и Крещением*) [Там же], костр. *ве́чер* ‘зимние молодежные посиделки у кого-либо в доме’ (*Если я свечу́ вечер, у меня ко сто́лбику хо́дят, либо у старух про́сят ве́чер*) [Там же], костр. *вечёрки* ‘молодежные посиделки’ [Там же], волог. *вечеровка* и *вечеровки* ‘вечернее собрание молодежи, посиделки’ (*На вечеровки в Троициын день дак*) [КСГРС], арх. *денна́я* ‘дневное праздничное собрание молодежи’ (*Денная собиралась на Крещенийе, Рожэство, Новый гот… У наз денная была, прийежжали из других*

деревень; Кто имел збрую, сани, йездил с одной денной на другую) [АОС, т. 11, с. 25], волог. *засеживать* ‘начинать ходить на коллективные посиделки для прядения’ (*На Семенов день засеживали, начинали в беседки с пресницами ходить*) [КСГРС]. В таких случаях местом собрания была чья-либо изба, пребывание в которой оплачивалось (деньгами или работой). Обычай найма помещения для вечеринок, обычно вскладчину, запечатлен в лексическом материале, например: яросл. *посéду рядúть* ‘нанимать у кого-либо помещение для гулянья’ [СРНГ, т. 30, с. 145], яросл. *зажинáть за беседы* ‘«хозяевам того дома, в котором собирались зимой беседы, девицы всей деревни отплачивают тем, что в один из праздничных дней собираются жать ихнюю рожь»’ [СРНГ, т. 10, с. 87], арх. *мостовó* ‘плата хозяину дома, у которого происходит вечеринка, за износ пола во время танцев’ [СРНГ, т. 18, с. 293], олон. *половóе* ‘плата с парней за посещение по праздникам вечеринок в доме, снятом сообща девушками на всю зиму’ [СРНГ, т. 29, с. 94], тамб. *домóвочка* ‘женщина, в доме которой собиралась молодежь не посиделки’ (*Да вон дамовычка живёть, у нёй фсида маладёш сабиралась. Хата у нёй прасторная, места фсем хватаить. А мы ей ни платили. Мы хто дравец принясёть, хто мылачка. И нам тяпло, и дамовычки ни скушна*) [СТГ, с. 64] и мн. др. Нанимаемому помещению наносился ущерб, гости портили дощатое покрытие, поэтому они платили хозяевам дома.

Беседки, на которых собиралась молодежь, казалось бы, не имеют признаков, характерных для ситуации «Гощение» (не актуализируются даже роли гостя и хозяина), однако в диалектных записях есть маркировка посетителей этих собраний через корень *гост*-): *Вот с прялкой придут в* ***госьти****, а дьнём – это и дёнка; Подём на дёнку, а вечером на вецерéнку* [АОС, т. 11, с. 25].

С большой долей условности можно отнести к разряду гощений народные гуляния, организуемые в складчину (обозначения таких празднеств, не принадлежа деривационному гнезду *гост*-, имеют значение ‘пирушка с приемом гостей’): костр. *сливáться* (сов. *слúться*) ‘участвовать в гулянье, устраиваемом в складчину, вносить свою долю; собираться’ (*Все люди сливалися в одно место и гуляли в одном доме – не одна деревня; Человек по двадцать-тридцать сливаемся*

и гуляем неделю; Сольемся в одну избу. в лагуны, кто чего принес, сольем) [ЛК ТЭ], костр. *сле́вки* ‘деревенское гуляние, устраиваемое у одного из жителей деревни в складчину’ (*Слевки делали, собиралися там в каком доме, несут самогонки, хлебушка, закуски, ну и гуляют, пьют, пляшут*) [Там же], костр. *складчи́на* ‘празднество, устраиваемое жителями деревни в складчину’ (*Раньше в конец сенокоса делали складчину; складывались кто чем мог, сноси́лися, и гуляют – дым коромыслом*) [Там же], костр. *ссыпа́ться* ‘вносить долю при совместной варке пива’ (*У кого солод есть, тот и ссыпается*) [Там же], костр. *бра́тчина* ‘собрание людей и застолье по поводу какого-либо праздника’ (*Пили две братчины, тут, у Ильи Николаича, человек сорок, в другой избе другая братчина – человек сорок. Братчина – это собрание людей; Работать братчиной не, это уж помощь была, братчина – это при гулянии*) [Там же], костр. *пить на две братчины* ‘праздновать на два дома’ (*Вот у нас была большая деревня, на две братчины пили – в одном конце и в другом конце, в одну избу не уходили люди*) [Там же] и др.

Еще одна «разновидность» коммуникации, в наименьшей степени ритуализованная, свободная от каких бы то ни было правил, которую лишь с оговорками допустимо отнести к разряду гощений, – женские («бабские») посиделки, устраиваемые обычно в доме какой-либо соседки (мужчины не допускаются) для того, чтобы обсудить соседей, вообще отношения людей, произошедшие события, посплетничать, пооткровенничать: волог. *у́хожье* ‘встреча женщин, собравшихся поговорить «о своем» вне дома, а также место такой встречи’ (*У́хожье бывает. Собрались бабы, сидят, ярманку устраивают. Дома сам* [мужчина, хозяин дома]*, а на ухожье одни бабы. Бывает, у магазина сидят, бывает, у какой соседки; У́хожье-то не в доме. У́хожье – соберутся женшишины посплетничать. Сам скажет: «Уматывайте», – они не дома сойдутся; На у́хожье бабы уйдут, сидят базарят. Сумбуру́* [сплетни, пересуды] *всякую заведут, кто ребенка сделал не дома, у какой мужик пьет. Дома мужик да робятишки мешаются, вот бабы на у́хожье уйдут. Ушли и рыла выворотили* [стали сплетничать]*, а кто и брагу сделает. Ухожье у какой-нибудь старухи*

бывает; К доброму-то человеку у́хожье, на праздники ходят и в будни) [КСГРС]. Такое пребывание на «нейтральной территории» с целью обсудить личное и чужое – форма «пограничной» коммуникации на стыке межличностного и социального взаимодействия. С одной стороны, разговоры в этой ситуации находятся в сфере интимного собравшихся женщин, с другой стороны, часть беседы затрагивает личную жизнь других членов микросоциума, не присутствующих на сходке, отношения между ними, и при этом собрание специально организуется время от времени, имеет традицию организации: есть специальные места встречи, есть представление о том, что принято собираться у соседки-старухи, и о своеобразном «тематическом каноне», характерном для таких бесед.

Мы с осторожностью относим пирушки в складчину, вечеринки молодежи и собрания замужних женщин к гостевым посещениям, так как в этих ситуациях не актуализировано взаимодействие гостей с хозяевами. Общение происходит только между собравшимися людьми, а хозяева дома предоставляют помещение, но сами не выполняют роль хозяев, участвуя в происходящем на тех же правах, что и собравшиеся в их доме, либо вовсе не участвуют в сходке. «Точка зрения» языка тоже в этих случаях очевидна: эти виды коммуникации и участники такого общения никогда не обозначаются дериватами корня *-гост-*. Однако для носителя традиционной культуры любой из данных видов посещений – это выход в люди (так же, как приход в гости в какой-либо дом), разновидность коллективного бытия, в котором человек реализует свои социальные функции и статусно-ролевые позиции: «Подобная система взаимных посещений создавала параллельную родству систему общественных связей» [Кабакова, 2015, с. 93]. Г. И Кабакова говорит о том, что визит в гости – это «вид праздничного поведения» [Там же, с. 85]; эта квалификация еще в большей степени приложима к общинным гуляниям. К тому же участников застолья называют гостями.

Количество гостей. Большое число гостей не имеет в лексическом материале ни положительной, ни отрицательной оценки, но маркируется носителем языка: арх. *гостева́то, гости́сто* и *госте́льно* ‘достаточно много

гостей’ [АОС, т. 9, с. 389], арх. *го́сти на гостей* и *го́сти на́ гости* ‘о большом количестве гостей’ [СРНГ, т. 19, с. 100], пск., твер. *своз* ‘большое количество гостей у кого-либо’ [СРНГ, т. 36, с. 314]; ср. арх. *неско́пный* ‘малолюдный, с присутствием небольшого количества людей’ (*Это праздник нескопный у нас, гости-те не скопляются*) [СРНГ, т. 21, с. 154] и др.

Специальная одежда для выхода в гости. Отправляясь в гости, особенно по случаю праздника, человек надевает одежду, отличную от повседневной, рабочей. Для этого приберегаются лучшие наряды; хозяева также особо одеваются для приема гостей: пск., перм. *вылюжа́ться* (сов. *вы́люди́ться*) ‘наряжаться, одеваться для выхода в гости, на гулянье’ [СРНГ, т. 5, с. 308], костр. *вы́людный* ‘об одежде, в которой можно пойти в люди, в гости’ (*В вылюдной одежде идёшь в гости, на гуля́ньё*) [ЛК ТЭ], рус. (карел.) *по-гости́ному* ‘празднично, нарядно’ (*Если в гости пошла, снарядилась по-гостиному*) [СРГК, т. 4, с. 613], арх. *погосте́е* ‘понарядней’ (*Наряжайся, погостее одевайся*) [СРНГ, т. 27, с. 309], арх. *ряди́ны* ‘сборы в гости или на гулянье’ [СРНГ, т. 35, с. 341] и мн. др.

Поведение в гостях. Каноны поведения пришедших в чужой дом людей при бытовых и обрядовых, праздничных гощениях различны, и прежде всего – в разной степени регламентированы. Соседские и любые другие недолгие гощения относительно свободны от регламентации, не предполагают установленной «процедуры», последовательности обязательных действий, хотя у хозяев есть определенные ожидания – в отношении, например, своевременности ухода посетителей, ср. контекст к свердл. *самохва́т* ‘нахал’ (*Припрётся в избу, не вытуриш, вот самохват-от*) [СРГСУ, т. 5, с. 109]. В целом же хозяева не считают себя обязанными угощать такого гостя и даже проявлять приветливость, о чем свидетельствуют, например, экспедиционные наблюдения, описанные в книге Е. Л. Березович: «Во время работы в условиях диалектологических экспедиций нам не раз случалось вести наблюдения над поведением хозяев и людей, пришедших *в другозьбу*: такие наблюдения показывают, что по ряду позиций “другощение” подчеркнуто неритуально. Если собиратель оказывается для

хозяина гостем издалека, если его по правилам гостеприимства угощают, на него “тратят время” и т. п., то вот зашедшая во время чаепития хозяина и дальнего гостя соседка может не удостоиться никакого специального внимания. Ей зачастую не предлагается пройти к столу, не наливается чай (ср., кстати: *А мы в другозьбы всё с сахаром ходим. Там засидимся, то и цяём напоят* [СВГ, т. 2, с. 60]: появление в “настоящих гостях” со своим сахаром могло бы нанести обиду хозяевам), с ней могут не вступать в беседу и т. п. Такое поведение хозяев вызывало у “законных гостей” недоумение, но соседка, кажется, ничуть не обижалась: время от времени она вставляла в нашу беседу не связанные с ее темой вопросы (*уехал ли Колька? почем брала сахар? откуда у Клавки синяк – не избил ли мужик?* и т. п.) – и, вне зависимости от того, получала ли нужную информацию, через какое-то время удалялась» [Березович, 2007, с. 45].

К приезжему, малознакомому человеку обычно относятся с почтением, приглашают к столу, поддерживают с ним беседу. Хозяева при этом внимательны к поведению гостя, ожидают увидеть в нем скромность, стеснительность, уважительность. Для человека, проявляющего такие качества, есть специальное обозначение – вят. *очéстливый* ‘скромный (о госте)’ [СРНГ, т. 25, с. 67].

Но этот поведенческий канон совершенно не приложим к ситуации обрядового, например свадебного, гощения, когда от гостей вовсе не ждут скромности и умеренности, даже наоборот – гуляние должно быть с размахом, гости сверх меры, пьют, едят, пляшут без стеснения. Именно с таким событием соотносимо представление о том, что гости оставляют беспорядок в доме: арх. *огóстить* ‘побывав в гостях, учинить беспорядок, нагрязнить’ (*Огощено, все открыто, грязь*) [СРГК, т. 4, с. 142]. Противопоставление канонов поведения при бытовом и орядовом гощения «высвечивается» выражением, описывающим нестеснительное поведение за столом: рус. (карел.) *быть на своéй свáдьбе* ‘не стесняться, не смущаться в гостях, за столом у кого-либо’ (*Да достану хлеб: на своей свадьбе-то была, руки-то длинны*) [СРНГ, т. 36, с. 315].

Таким образом, в том сегменте лексико-семантического поля «Гощение», который репрезентирует гощение как ситуацию, представлены идеограммы ‘идти

в гости’, ‘быть в гостях’, ‘уходить из гостей’, ‘гощение’, ‘праздничное гощение с пирушкой’, ‘бытовое соседское гощение’, ‘количество гостей’, ‘одежда для выхода в гости’, ‘поведение гостей’.

Время и очередность гощения. Ситуацию гощения невозможно описать вне таких универсалий, как время и пространство, поскольку это «точечное» событие, обладающее протяженностью, ограниченное временными рамками и разворачивающееся на «чужой территории». Ситуация гощения образована перемещениями людей в пространстве (человек приходит в чужой дом), характеризуется приобретением ими временного статуса (гость), имеет выраженные границы (это роль на ограниченное время), существует как единство фазовых моментов (прихода – пребывания – ухода) и связана с виртуальным освоением территории хозяев посещаемого дома (проникновением, преодолением границ своего и чужого).

Роль гостя заключается в исполнении вре́менных обязанностей человеком, имеющим в иных обстоятельствах (в своем доме) постоянный статус хозяина. Как уже было сказано, язык отображает гощение как отрезок на оси времени.

Гощение, особенно ритуальное, подчиняется сложившимся традициям и представляет собой упорядоченную систему посещений, которой придерживаются носители народной культуры, своеобразный ***регламент***. Например, от хозяев ожидается проявление стремления удержать гостей как можно дольше (перм. *прозвезди́ть* ‘продержать гостя до поздней ночи’ [СРНГ, т. 32, с. 139], олон. *живи́(-те) еще* ‘приглашение хозяина гостям еще побыть у него’ [СРНГ, т. 9, с. 194]), поскольку это демонстрация радушия, хлебосольства, приветливости хозяев, в то время как посетитель не должен злоупотреблять гостеприимством. Предписания распространяются на приуроченность гощений к датам праздничного и трудового календаря, на своевременность появления и отбытия гостей, а также на очередность посещений.

Специальное время для посещений, как уже говорилось выше, нередко закреплено за праздниками – определенными социумом значимыми датами, сопровождаемыми торжествами и ознаменованными взаимными

посещениями: арх. *велика госьба* (удар.?) ‘обычай хождения в гости в период между зимними святками и Великим постом’ [СРНГ, т. 7, с. 97] и др. (примеры см. выше). О факте праздничных гощений свидетельствуют также арх. *опра́здновать* ‘почтить посещением в праздничные дни’ [СРНГ, т. 23, с. 291], олон., ленингр. *пра́здничанин* и печор. *пра́здничей* ‘гость на празднике’ [СРНГ, т. 31, с. 64] и др. В отдельные дни праздничного календаря, наоборот, не приветствовался приезд гостей (первые дни Рождества, Пасхи, иногда Троицы и др.) [СД, т. 1, с. 531]. Кроме того, «нежелательным было появление в доме постороннего в момент выполнения некоторых домашних работ (тканья, снования, замешивания хлеба); в этом случае отношения гостя и хозяев регулировались с помощью специальных приветствий, имеющих цель обезопасить хозяйство и достаток от порчи и возможного урона» [Там же]. Необходимость ухаживать за гостями могла также помешать неотложным хозяйственным работам (сенокосу, пахоте и проч.).

Своевременность / несвоевременность прихода гостя. Время прибытия гостя приобретает значение в связи с представляениями об удачном или неудачном времени гощения. Гость должен сообразовывать свои действия с временем суток, днем недели, хозяйственным календарем: диал. (б/у места) *впорый гость* ‘пришедший вовремя, кстати’ [СРНГ, т. 5, с. 175]; волог. *непора́тый* ‘явившийся не вовремя, не в пору’ (*Непоратый гость хуже татарина*) [СРНГ, т. 21, с. 119], брян. *прыпёрцца* ‘прийти куда-н без приглашения, прийти слишком поздно’ [СНГЗБ, с. 219], печор. *в суббо́ту то́лько лени́вый да вши́вый хо́дят по гостя́м* (*Раньше ведь был один выходной, дак стирка да баня, никто никуда не ходил, в субботу только ленивый да вшивый ходят по гостям*) [ФСРГНП, т. 1, с. 110], печор. *бекре́нь привёл / приволо́к* ‘говорится о том, кто пришёл не вовремя, некстати’ [ФСРГНП, т. 1, с. 36], урал. *лешаки́ перенесли́, леша́к принёс (несёт, привёл)* ‘о том, чей приход некстати’ [СРНГ, т. 17, с. 30], ленингр. *прийти с ча́сом, с ква́сом* ‘не вызвать неудовольствия своим видом у посещаемого’ (*К ней надо с часом, с квасом прийти*) [СРГК, т. 5, с. 165].

В народной культуре порицается опоздание участников обряда (оно могло подвергаться поруганию пением [СД, т. 3, с. 663]) и позднее посещение, поэтому в диалектах есть обозначения (однословные единицы и фразеологизмы) поздних или опоздавших гостей: пск., твер. *поздня́к* и *позжа́к* ‘поздний путник, гость, извозчик’ [СРНГ, т. 28, с. 327, 333], костр. *посля́на* ‘свадебные гости, опоздавшие к началу свадьбы’ [СРНГ, т. 30, с. 184], перм. *поздая у́жна* ‘о человеке, который не приходит вовремя’ (*Вот, кажется, и Нина идёт. – Явилась, поздая ужна; Ну, поздые ужны! Вчерась целой день дожидалася вас*) [СПГ, т. 2, с. 468].

Своевременность / несвоевременность ухода – наиболее осуждаемый вариант нарушения правил гостями, в основе которого лежит несовпадение представлений посетителя и хозяина о допустимом времени пребывания в чужом доме. Нежелательное пересечение гостем замыкающей временно́й границы гощения, которая субъективно определяется точкой зрения хозяев, передается приставками *пере-, за-, вы-*: литер. *загоститься*, онеж. *перегости́ться* ‘пробыть в гостях больше, чем нужно или можно’ [СРГК, т. 4, с. 438], пск., смол. *загостева́ть* и пск., смол., калуж. *загостева́ться* ‘загоститься’ [СРНГ, т. 10, с. 25]. Злоупотребление временем хозяев получает неодобрение в народном сознании: нижегор. *вы́гостья* ‘человек, слишком засидевшийся в гостях’ (*Это не гостья, а выгостья. Пора бы выгостье и честь знать*) [СРНГ, т. 5, с. 269], ленингр. *ду́шу карау́лить* ‘чересчур долго быть где-н., у кого-н.’ (*Ну, пойду, хватит, скажут все: душу караулит, сидит долго так*) [СРГК, т. 2, с. 328], арх. *сижа́ка* ‘человек, засидевшийся в гостях’ [СРНГ, т. 37, с. 294], брян. *каля́дски гость* ‘человек, который подолгу засиживается в гостях’ (*Ти доўга йшчэ буде седеть еты калядски гость?*) [СНГЗБ, с. 130], волог. *калобро́да* ‘частый и назойливый гость, который подолгу засиживается в гостях, ведя бесконечные разговоры’ [СРНГ, т. 12, с. 363] и др. Интересна микросистема пермских фразеологизмов, запечатлевших при помощи метафор, указывающих на ценностную градацию металлов, отношение диалектоносителя к нарушению норм продолжительности посещений: перм. *уйти́ золоты́м го́стем* ‘уйти вовремя, не

надоев хозяевам’, *серéбряный гость* ‘засидевшийся гость’, *ржáвый гость* ‘очень засидевшийся гость, надоевший хозяевам’ [АТЛ].

Выдворение гостей – особая этикетная ситуация (нижегор. *вы́перетить* ‘вежливо выпроводить гостя, заставить его уйти’ [СРНГ, т. 5, с. 326], представляющая определенную трудность для хозяев, поскольку предложение уйти, обращенное к гостям, было бы нарушением ролевого этикета. Неслучайно в просторечии (в современной городской культуре) бытуют шутливые устойчивые формулы выпроваживания гостей, произносимые самими гостями (а не хозяевами) перед уходом, хотя содержательно они представляют собой предложение уйти, адресованное хозяином гостю: *Не пора ли, гости, к лешему; Дорогие гости, не надоели ли Вам хозяева?; Как жаль, что вы наконец-то уходите*. Хозяин может намекнуть гостям, также используя шутливые формулы, побуждающие гостя уйти: иркут. *ушли́ сапоги́ гуля́ть* (шутл.) ‘пора уходить (так говорят засидевшимся гостям)’ (*Вы тут сидите, а ваши сапоги ушли гулять*) [СРГС, т. 4, с. 228]. В условиях ритуала гостям «сообщается» об окончании угощения и о том, что пора расходиться, посредством того, что им подают «знаковое блюдо»: влад. *лапшá разгóнная* ‘в свадебных обрядах – последнее кушанье на свадебном пиру, после которого гости разъезжаются’ [СРНГ, т. 16, с. 270], волог. *откáз* ‘последнее кушанье за обедом, служащее знаком того, что (гостям) пора вставать из-за стола’ [СРНГ, т. 24, с. 192] и др. Заметим, что это блюда из числа простых, подаваемых на стол в будний день, то есть не пригодных для торжественного случая (по контрасту с праздничными яствами): лепешки, кисель, каша, молоко, лапша. Коннотация «не подходящий к случаю» должна указать гостям, что угощение предлагается не праздничное и, значит, торжество закончено. Внутренняя форма пск. *закáшники* ‘гости, опоздавшие на свадебное гулянье, угощенье’ [СРНГ, т. 10, с. 122] содержит отсылку именно к разгонному блюду – каше. Подробнее о знаковом характере блюд, завершающих прием гостей, см. [Пьянкова, 2008б].

Частота посещений. Частое посещение осознается носителем языка как обременительное для хозяев: пск. *попри́духа* ‘частое посещение кого-, чего-

либо’ [СРНГ, т. 29, с. 343], смол. *го́сти неотби́тые* ‘частые, постоянные’ [СРНГ, т. 21, с. 104]. Неодобрительная оценка, присутствующая в семантике и внутренней форме этих слов, подсказывает наличие регламента, пусть нежесткого, в отношении периодичности приходов в гости.

Взаимность, очередность бытовых посещений редко фиксируется лексическими средствами литературной разновидности русского языка (ср., к примеру, *отдавать визит*), однако чрезвычайно значима для носителя народной культуры, о чем свидетельствует ряд диалектных слов. Вслед за посещением должно состояться ответное гощение: олон. *зага́щивать* ‘побывав у кого-л. в гостях, прожив у кого-либо на хлебах, бесплатно, отплачивать тем же’ [СРНГ, т. 9, с. 357], свердл. *отга́щиваться* ‘бывать в гостях в ответ на чье-либо посещение’ [ЭИС, т. IV, с. 12], вят., смол. *отго́стки* ‘ответное посещение того, у кого были до этого в гостях’ [СРНГ, т. 24, с. 155], свердл. *собирать перега́щиванье* ‘устраивать ответный пир’ [ЭИС, т. IV, с. 12], волог. *перегости́ться* ‘сходить в гости друг к другу’ [СРГК, т. 4, с. 438] и др. Дефиниция диал. (б/у места) *выга́щивать* (сов. *в)гостить*) ‘выверстывать долг или другое обязательство гощением’ (*Он выгостил у нас должок, поквитались*) [СРНГ, т. 5, с. 264] дает представление о том, что ответное гощение – это обязательство и даже своеобразная форма «расплаты». Ср. свердл. *загости́ться* ‘побывав у кого-л. в гостях, быть обязанным пригласить к себе’ [СРНГ, т. 10, с. 25]. Несоблюдение очередности осознается как нарушение нормы: иркут. *загости́ться* ‘неоднократно побывать у кого-либо в гостях, не приглашая так же часто к себе’ [СРНГ, т. 10, с. 25]. Обычай поочередного гощения можно рассматривать как факт обменных отношений между гостем и хозяином [Невская, 1997, с. 447].

Свидетельством высокой степени формализованности посещений является то обстоятельство, что лишь отдельные языковые факты связывают посещения с понятием дружбы; при этом значение имеют взаимные посещения и долгое

пребывание в гостях[1]: волог., олон., костр., яросл. *перегáщиваться* ‘ходить друг к другу в гости; вести знакомство, дружбу’ [СРНГ, т. 26, с. 64], волог., новг., волог., арх., курск., пск., рус. (карел.), перм., свердл., енис. *гостúться* ‘ходить, ездить друг к другу в гости, бывать друг у друга в гостях; поддерживать дружеские отношения’ (*Веком мы гостились с има, а нонече перестали*) [СРНГ, т. 7, с. 95], диал. (б/у места) *сгостúться* ‘живя с кем-л. вместе в гостях, привыкнуть друг к другу, сдружиться’ [СРНГ, т. 37, с. 40]. Итак, хозяева дома принимают гостей, в другой раз сами становятся гостями, а затем порядок исполнения ролей сводится к сохранению этой последовательности.

Бытовое гощение как обязательный элемент социальных взаимодействий имеет прямое отношение к укреплению связей в общине, что обеспечивается системой родственных и соседских (бытовых) гощений. В подчеркнутой строгости начальной и конечной границ гощения, вероятно, первоначально сакрализованных, а затем подкрепленных прагматизмом, выявляется «народный регламент», основанный на представлениях об этике поведения, соотносимой с хозяйственной состоятельностью человека (частое гощение, несвоевременный уход и приход гостя могут расцениваться как признаки плохого хозяина и ленивого работника). Праздничное же гощение служит точкой проекции ритуализованных действий в будущее, и в соблюдении ритуала здесь видится способ обезопасить свое будущее.

---

[1] Иногда ответные посещения являются частью сложной системы, составляющей один растянутый во времени ритуал, как это можно наблюдать в свадебном обряде: волог., новг., смол. *отгóстки* ‘в свадебном обряде – взаимные посещения новобрачных, их родителей, других родственников и приглашенных в день свадьбы и после нее’ [СРНГ, т. 24, с. 155], волог. *перегóстки* ‘в свадебном обряде – взаимное посещение друг друга в качестве гостей’ [СРГК, т. 4, с. 438] и др. Особое значение имеет первый после свадьбы приезд молодых к их родителям, в то время как второй и последующие не маркируются: ленингр. *перво гóстьбище* ‘посещение молодоженами родителей невесты через неделю после свадьбы’ [СРНГ, т. 7, с. 97], яросл. *загáщивание* ‘приезд новобрачных к родителям невесты «с местными хлебами» на третий или четвертый день после брака’ [СРНГ, т. 9, с. 357].

Таким образом, в лексико-семантическом поле «Гощение» представлены идеограммы ‘специальное время для гощения, не совпадающее с порой страды’, ‘период праздничных или обрядовых гощений’, ‘неудачное время для гощений’, ‘гость, прибывший кстати / некстати’, ‘прийти в такое время, чтобы не вызвать неудовольствия у хозяев’, ‘последнее блюдо, сообщающее гостям об окончании угощения’, ‘поздний гость’, ‘частый гость’, ‘пробыть в гостях больше, чем нужно или можно’, ‘засидевшийся гость’, ‘выпроводить гостя’, ‘уйти вовремя, не надоев хозяевам’, ‘бывать в гостях в ответ на чье-либо посещение’, ‘ответное посещение’, ‘неоднократно побывать у кого-либо в гостях, не приглашая так же часто к себе’, ‘гостить поочередно в нескольких, многих домах за один выход из дома’.

Пространство гощения. Пространственные значения в лексико-семантическом поле гощения появляются потому, что, во-первых, временные границы посещения устанавливаются в соответствии с пересечением границ чужой территории, во-вторых, в пространстве чужого дома гостю разрешается занимать не любое место, а только предназначенное для этого.

Нахождение в чужом доме. С точки зрения грамматики в оборотах *ходить по гостям, вернуться из гостей* у субстантива обнаруживается локативный смысл, ср. курск., урал. *го́сти* ‘семья, дом, где хорошо принимают, угощают’ (*Из хороших гостей скоро не уезжают*) [СРНГ, т. 7, с. 96], рус. (карел.) *гости́вище* ‘дом, где гостят’ (*Ты прощай, прощай, моё гостивище! Невеста целую неделю по гостям ездила, каждый раз в новое гостивище*) [СРГК, т. 1, с. 381]. Неслучайно дом молодоженов маркируется как новое место для гощения: костр. *в новые го́сти* ‘в дом невесты на второй день свадьбы’ (*Направляют в новые гости – те, кто гуляет у невесты*) [ЛК ТЭ].

Место гостя в доме. Поведение человека в чужом доме ограничено определенными нормами, в частности, в лексике маркируются те части избы или ее обстановки, которые представляют собой места «для гостя» (где он может расположиться) и «не для гостя» (где ему не разрешается находиться): рус. (карел.) *кварти́ра* ‘комната в избе не для гостей’ (*Первая комната – квартира,*

вторая – горница, в ней покультурнее будет) [СРНГ, т. 13, с. 157]; дон. *за́лик* ‘главная комната в доме, предназначенная для приема гостей’ [СРНГ, т. 10, с. 209]; краснояр. *го́рница* ‘комната для гостей’ [СРНГ, т. 7, с. 47]; волог. *гощёное место* ‘место, куда усаживают гостей’, *негощёное* (*свойское*) *место* ‘место (на печи), где не принято сидеть гостям’ [ЛК ТЭ], ср. *Кто сидел на печи, тот уже не гость, а свой* [Даль, т. IV, с. 153]. Свое название имеют помещения, в которых могли остановиться приезжие гости: перм. *клеть* ‘комната для гостей’ [СРНГ, т. 13, с. 288], арх. *кум* ‘чистая комната в избе для приема гостей’ [СРНГ, т. 16, с. 78] (из коми *кум* ‘амбар, хранилище’ [Фасмер, т. 2, с. 413]). В пространстве дома есть места для почетного и для непочетного гостя: север. *поче́стный угол* ‘красный угол в доме, избе, почетное место для гостей’ [СРНГ, т. 31, с. 5]; арх. *лицева́я ла́вка* ‘скамья в красном углу избы, на которую сажали почетных гостей’ [СРГК, т. 3, с. 87]; костр. *су́тки* и *су́тный у́гол* ‘комната в доме, предназначенная для приема гостей, зала, гостиная’ (*Зала говорили «в сутках», кухня – «середь», а прихожая – «в куте»*) [ЛК ТЭ], отсюда – *су́тные гости* ‘почетные, специально приглашенные гости’ и *ку́тные гости* ‘незваные гости’ (*Сутных гостей сажают по лавке в сутки, они хорошиё. А кутные гости – худыё, те в прихожей; Богачей в сутки сажали, а бедных в куть*) [ЛК ТЭ].

Место гостя за столом. Гостей на свадьбе рассаживали вокруг стола также не случайным образом, а согласно «чинам»: вят. *суряжа́ть* ‘усаживать по старшинству за свадебным столом’ [СРНГ, т. 42, с. 293] (от *ряд*), арх. *поче́стный стул* ‘место для почетного гостя’ [СРНГ 31: 5], моск., орл., волог. *засто́лица* ‘место за свадебным столом’ [СРНГ, т. 11, с. 62]; рус. (карел.) *ве́рхний рожо́к* ‘угол стола, обращенный к красному углу избы, почетное место за столом’ (*Почетного гостя на верхний рожок садят, а на нижний любого*) [СРГК, т. 5, с. 552] (*рожок* ‘угол стола’ [Там же]); арх. *повы́ше* ‘более почетный (гость, место)’ (*Гость повыше, сел он под окошко*) [СРНГ, т. 27, с. 282], терск. (фольк.) *обнижа́ть / обни́зить ме́стом (месте́чком)* ‘сажать не на почетное место или на менее почетное место, чем того заслуживает гость’ [СРНГ, т. 22, с. 144], волог. *на охво́стье (быть)* ‘на самом последнем, невидном и невыгодном месте’ (*Этой бы*

гостье место-то на охвостье) [СРНГ, т. 25, с. 28] (ср. литер. *хвост* ‘конечная, крайняя часть чего-нибудь’ [ССРЛЯ, 17, с. 104], *хвост поезда, колонны, плестись в хвосте* [Там же, с. 107]) и т. д.

Таким образом, в том сегменте лексико-семантического поля «Гощение», который составлен пространственными смыслами, представлены идеограммы ‘дом, где гостят’, ‘место в доме, где разрешено находиться гостю’, ‘место в доме, где не разрешено находиться гостю’, ‘место для почетного гостя’, ‘место для непочетного гостя’, ‘помещение, постройка, в которых могли остановиться приезжие гости’.

Атрибуты ритуала гостеприимства. Если бытовые гощения организуются сообразно прагматическим и морально-этическим нормам коммуникации, то ритуальные гощения предполагают последовательное выполнение символических действий, среди которых – подношение даров, угощение, благопожелания хозяевам. Гость реализует тем самым функции «носителя судьбы», способного «повлиять на все сферы человеческой жизни», и «подателя благ», а хозяин «стремится как можно лучше принять гостя, надеясь путем символического договора с высшими силами, представителем которых является гость, обеспечить свое будущее» [СД, т. 1, с. 532].

Дарение гостинцев, подарков. Всё в ритуале приема гостя подчинено задаче уничтожить границу между своим и чужим, и этому же служит обычай взаимного одаривания, имевший первоначально магическую основу: «Суть отношений гостя и хозяина заключается, как правило, в символическом и реальном обмене дарами» [СД, т. 1, с. 533].

Гостинцами называют подарки, которые гости преподносят хозяевам: моск., калуж., тамб., рус. (карел.), костр., том. *гости́нка* ‘гостинец, подарок; лакомство’ [СРНГ, т. 7, с. 93], новг. *вгости́нку* ‘в виде подарка, гостинца, угощения’ (*Пряничек кума принесла нам вгостинку*) [СРНГ, т. 4, с. 84], арх. *гости́нечек* ‘гостинец, подарок’ (*Молодой парень часто к девушке в гости ходил, Он не так к ней ходил, А все гостинечки носил*) [СРНГ, т. 7, с. 93] и др. Однако дарение осуществляется обеими сторонами, гость не только дарит, но и получает подарки:

камч. *выга́щивать* (сов. *вы́гостить*) ‘получать от хозяина в подарок дорогую для него вещь, с которой он неохотно расстается’ [СРНГ, т. 5, с. 264], диал. (б/у места) *вы́гостить гости́нца* ‘получить подарок от хозяина’ [Там же]; ср. в просторечном дискурсе: *А у меня в деревне была крёстная / тоже уж баушка // Бывало / мы ходили и к ней в гости // дак она тоже всегда угощала / да ещё и ситец на платье дарила* [Шалина, 2011, с. 31]. Таким образом, гостинцы – предметы для взаимного обмена между участниками ритуального гощения (например, жених и невеста на свадьбе).

Угощение. Лексика гощения включает множество обозначений специальных блюд для гостя, специальных предметов для потчевания гостя, представляет угощение как составляющую приема гостей (хотя это, как уже говорилось, не имеет отношения к бытовым соседским гощениям): курск., орл. *гостева́ть* ‘угощать гостей’ (*Хватит тебе их гостевать*) [Там же, с. 91], дон. *пригости́ть* ‘угостить’ (*Ну, и пригостила их*) [СРНГ, т. 31, с. 176], курск., смол., дон., олон. *гости́ть* ‘угощать’ (*Есть ли у Вольгушки каляны орехи, Чем бояр гостити?*) [Там же, с. 94], олон. *госте́бище* ‘угощение’ [СРНГ, т. 7, с. 90], и мн. др. Значение потчевания как части ритуала гостеприимства состоит в превращении «чужого» в «гостя» [СД, т. 1, с. 531] (наряду с чествованием и одариванием). Совместная еда и питье[1] представляют собой своеобразное

[1] Культурой ритуального потчевания гостей косвенно объясняется наличие диалектных наименований сосудов, в которых гостям подают хмельное – *чара, чаша, горнц, рюмка*: южн.-сиб. *горнц* ‘кружка, стакан, из которых дружка на свадьбе угощает гостей вином, пивом или медом’ [СРНГ, т. 7, с. 53], курск. *вла́зная ча́ра* ‘чара хмельного, подносимая гостю, когда он приходит’ [СРНГ, т. 4, с. 317], арх. *рядова́* ‘чаша, из которой пью все гости, передавая ее друг другу, круговая чаша’ [СРНГ, т. 35, с. 344] и др. Назначение акта первого поднесения вина – приобщение к торжеству, символ обращения пришедшего из чужого в своего. С употреблением напитков связано множество поверий; к примеру, принято желать здоровья хозяевам и всем присутствующим (*заздравная чаша*), не принято оставлять стакан с недопитым содержимым и др. Питие имеет, таким образом, характер магического акта. К тому же напитки варились хозяевами специально для праздника, и этот процесс сопряжен с магическими действиями, даже случайное действие может сказаться на свойствах напитка. По поверью, «ссорливое» пиво

заключение «мирного договора» и обращают опасного чужака в своего – принявшего пищу из рук хозяев, пожелавшего в ответ добра и потому более не несущего опасность.

Гостеприимство хозяев оценивается по обилию угощения, предложенному гостям. Крайне негативно оценивается скупость хозяев: печор. *доедáй (ешь, кýшай), кýмушка (кума), девя́тую шáнежку* (шутл.) ‘говорится о скуповатом хозяине, приглашающем гостя к столу, но зорко следящем за тем, сколько он съест’ [ФСРГНП, 1, с. 218], волог. *кусóвничать* ‘считать куски, кто и сколько съел (о скупой хозяйке)’ (*Как увижу, что она кусовничает, так и в рот ничего не захочется брать*) [СРНГ, т. 16, с 157]. Практически приравниваются друг к другу такие качества хозяина или хозяйки, как гостеприимность и щедрость.

Другая составляющая гостеприимства – следование «канону потчевания». Приличия требуют многократного настоятельного приглашения и даже принуждения отведать кушанья: «Принуждение гостя к еде – обязательный элемент поведенческой тактики хозяев» [СД, т. 1, с. 532]. В диалектном дискурсе обнаруживаются высказывания, запечатлевшие недовольство гостей тем, что хозяин не принуждает гостя есть, потчует «не слишком настойчиво» или скуп в угощении: *Чесць то как чесць, была чаво паисць, да принуки ня была* [цит. по: Байбурин, Топорков, 1990, с. 120].

Интересны выводы Н. С. Любимова о различиях между концептами, стоящими за лексемами *угощать и потчевать*: «Сопоставительный анализ фреймов УГОЩАТЬ и ПОТЧЕВАТЬ позволяет сделать ряд наблюдений: 1) в первом случае актантные позиции заполнены лексикой, функционирующей в современном русском языке, во втором случае – большая часть ситуацией воспроизведена на основании лексики, вышедшей из употребления; 2) фрейм УГОЩАТЬ описывает ситуации радушного предложения пищи, пития (I ситуация), принятия угощения гостями (II) и результата угощения – насыщения

– это пиво, при варке которого хозяйка стряхивала, стучала мешалкой в края посуды; от него гости становятся деряжливыми, то есть ссорятся, дерутся [СРНГ, т. 8, с. 32].

(III), фрейм ПОТЧЕВАТЬ также содержит центральную ситуацию радушного предложения пищи, пития (I ситуация), предлагая нюансы процесса – чрезмерного угощения (II), чрезмерного потребления пищи гостем (III), чрезмерного потребления вина (IV), растраты денег (V), взаимного угощения как благодарности (VI)» [Любимов, 2012, с. 350].

Потчевание гостей первоначально было важным механизмом налаживания отношений с чужаком. Однако со временем происходит «обытовление» ритуала, на фоне затухания обрядовых смыслов наиболее явственно проступают «меркантильные мотивы» посетителя: том. *пирожки́ считáть* ‘ходить в гости в надежде на угощение’ [ФСРГС, с. 194], пск., твер. *обéденник* и (жен.) *обéденница* ‘тот, кто приходит в гости, чтобы пообедать’ [СРНГ, т. 22, с. 26], ворон. *мантýльник* ‘тот, кто напрашивается к другим в гости, на обеды’ [СРНГ, т. 17, с. 364] (ср. брян. *мантýлы* ‘что-нибудь вкусное, сладости’ [Там же]), курск., калуж., орл. *алы́рничать* ‘таскаться по чужим домам, являться на пирушки без приглашения, гулять на чужой счет’ [СРНГ, т. 1, с. 243–244], арх. *глядéть из рю́мки* ‘проводить время в гостях с целью напиться вина; льстивыми речами выманивать у кого вино’ [СРНГ, т. 6, с. 230] и др.

Итак, сценарный характер гощения обусловил многоаспектность разработки темы номинатором, который обозначил каждого участника события, его роль, функции, разрешенные, предписанные ему и запрещенные действия, а также обстоятельства, в которых происходит взаимодействие, и даже причины, вынуждающие к строгой регламентированности сценария. Отметим, что лексико-семантическое поле «Гощение» включает в себя деривационное гнездо с корнем -*гост*-, уникальное в отношении дробности семантического членения, благодаря чему служит каркасом лексико-семантического множества. Ресурсами одного гнезда оказываются зафиксированными многие нюансы представлений носителя народной культуры о гощении, в том числе аксиологические смыслы, которые чрезвычайно сильны в рассмотренных номинациях в силу ритуализованности описываемого события. Между тем, отдельные идеограммы не воплощены дериватами *гост*-, и соответствующие фрагменты поля, по-видимому, объективно

следует считать периферийными (например, обозначения коллективных деревенских гуляний или обрядовых празднований никогда не имеют корня *гост-*, несмотря на то, что носители русских народных говоров, вспоминая о таких событиях, употребляют сочетания *гости приезжали из других деревень* или *гостили из другой деревни*).

В исследуемом поле хорошо различимы пять сегментов: «хозяин», «гость», «ситуация гощения», «время гощения», «пространство гощения», «угощение и дарение». Из них главным выступает, по-видимому, сегмент «гость».

Выводы, сделанные в ходе анализа идеограмм лексико-семантического поля «Гощение», подтверждаются данными ассоциативных экспериментов, которые проводились с интервалом приблизительно в 20 лет авторами соответствующих словарей («Словарь ассоциативных норм русского языка», «Русский ассоциативный словарь», «Славянский ассоциативный словарь», «Русские предикативные ассоциативные сочетания»). Далее в таблице представлены реакции, полученные от испытуемых на стимул *гость*, – по 10 первых реакций в порядке их частотности (табл. 3).

Таблица 3

Данные ассоциативных экспериментов:
реакции, полученные от испытуемых на стимул *гость*
(по словарным источникам)

Ранг	САНРЯ 1967–1973 гг.	РАС 1988–1997 гг.	САС 1998–1999 гг.	РПАС 2012–2013 гг.
1	незваный	незваный	нежданный	пришел
2	нежданный	нежданный	незваный	приехал
3	желанный	желанный	друг	ушел
4	долгожданный	пришел	радость	придет
5	дорогой	радость	татарин	поет
6	приехал	друг	кость	сидит
7	кость	кость	пришел	приходит
8	неожиданный	долгожданный	желанный	уехал

9	друг	дорогой	праздник	явился
10	приятный	каменный	званый	приедет

В трех словарях первые три позиции и часть последующих заняты характеристиками гостя по тому, насколько ожидаемым или желанным является его приход для хозяев. Устойчивость подобных ассоциаций находится в прямом соответствии с наличием значительного числа лексических воплощений смысла ‘незваный, нежеланный гость’. Четвертый источник – словарь «Русские предикативные ассоциативные сочетания» (издание находится на этапе разработки по гранту РГНФ 2012–2014 гг., руководитель – С. Г. Букаренко) – включает данные об устойчивой предикации, поэтому ядерную, центральную и околоцентральную зону микрогнезда образуют почти исключительно (выбивается из ряда только слово *поет*) глаголы пространственно-временной семантики, воссоздающие «фазовость» гощения, его событийный характер (*пришел, приехал, сидит, уехал*).

Высокая номинативная плотность сегментов «гость» и «ситуация гощения», в которых преобладают оценочные наименования пришедшего в дом и глагольные обозначения его действий – фаз гощения, а также данные ассоциативного эксперимента свидетельствуют о том, что соответствующие идеограммы (‘гость’, ‘прийти в гости / гостить / уйти’) составляют ядро поля. Глаголы обозначают действия гостя, поэтому можно считать, что лексико-семантическое поле «Гощение» сформировано вокруг понятия «гость». Другие идеограммы толкуются через центральное понятие: принимающий гостей хозяин; специальное время для приема гостей; специальное помещение или место в избе для гостей; негативная характеристика гостя; положительная характеристика гостя; поведение гостя; подарки от гостей или для гостей; угощение для гостей.

3. 2. Номинации лексико-семантического поля «Гощение» в мотивационном аспекте

Лексико-семантическое поле «Гощение» включает в себя, наряду с многочисленными дериватами гнезда *гость*, языковые факты, являющиеся результатом вторичной номинации, и образные по своей природе фразеологические единицы. Этот лексический материал интересен с точки зрения особенностей отражения в языке данного феномена и представлений о нем, то есть с позиций предпочтений номинатора и возможностей языка. Экспликация мотивов на основе анализа вторичных номинаций и фразеологизмов, называющих гостей и хозяев, их действия и качества, используемые ими предметы и семиотически значимые манипуляции с ними, позволяет еще более детализировать, уточнить видение ситуации гощения носителем языка.

Представим результаты мотивационного анализа лексики семантического поля «Гощение». Номинации сгруппированы в соответствии с мотивировочными признаками, далее – тематическими объединениями таких признаков и затем – еще более крупными тематическими объединениями, соотносимыми со сферами отождествления, или предметно-тематическими кодами, например, пространственно-временным, кулинарно-гастрономическим и другими. Порядок представления кодов определен согласно оценкам разнообразия привлекаемых номинатором производящих основ. Отметим, что мы только пунктирно намечаем мотивационные модели, не стремясь привести исчерпывающий номинативный материал.

3.2.1. «Левая» мотивация слов лексико-семантического поля «Гощение»

Пространственно-временной код

Поскольку гощение связано с покиданием своего дома и пребыванием в чужом (с последующим уходом из него), то закономерно, что в исследуемой

лексике реализуются мотивы перемещения в пространстве. Кодировка обозначений гостя, его действий, приема гостей через пространственно-динамические мотивы наиболее популярна. В этой сфере выявляются мотивы пребывания где-либо, перемещения, проникновения куда-либо, впускания в пространство дома и т. д. При этом одна часть мотивов воплощается в названиях гостя и его действий (соответствующие мотивировочные признаки будут представлены первыми), другая часть мотивов актуализируется в обозначениях хозяев.

«Хозяйская территория» представлена в лексике рассматриваемого лексико-семантического поля опосредованно, через мотивы передвижений относительно ее и пребывания на ней гостей. Идея временного присутствия в определенном месте передается при помощи мотивировочного признака *бывать*: перм., арх., ср.-урал. *быва́нье* ‘пребывание где-либо, у кого-либо в гостях, посещение кого-либо’ (*После нашего бываньи хоть волком вой. Седьни у нас большо бываньe*) [СРНГ, т. 3, с. 337] и олон., арх., сев.-двин. *быва́ньеце* ‘уменьш.-ласк. к *быва́нье*’ (*Нынче после твоего бываньеца, после девья возрастаньеца Ошибать стане меня тошная тоскечушка*) [Там же], барнаул., байкал. *быва́й (-те) к нам / у нас* ‘формула приглашения в гости’ (*Бывайте у нас за всяко просто*) [Там же], костр., влад., рус. (карел.), сев.-двин. *не в ча́стом быва́нье* ‘не часто кто-либо приходит куда-нибудь’ (*Не в частом бываньe, посиди немножко, напьемся чаю*) [Там же], перм. *быва́ть* ‘ходить, приходить в гости’ («*Будто как сроду пешком не бывали* – т. е. нам не приходилось еще пешком ходить в гости») [Там же], костр. *побы́вань* ‘посещение’ [СРНГ, т. 27, с. 211] и др.

«Онтологическое» значение может приобретать, как известно, и название определенного положения человеческого тела в пространстве, ср. литер. *сидеть* ‘находиться, пребывать где-либо; проводить время где-либо, у кого-либо’ [ССРЛЯ, т. 13, с. 776], *сидеть в гостях* [Там же, с. 777], *посиделки* ‘в старой деревне – вечеринка молодежи, устраиваемая для занятий какой-либо ручной работой и для развлечения в зимнее время’ [ССРЛЯ, т. 10, с. 1472]. В русских народных говорах модель «сидеть → быть в гостях» воплощена в ряде слов и

фразеологизмов: твер. *приходи́ть сиде́ть* ‘приходить в гости’ (*Приходите к нам сидеть*) [СРНГ, т. 37, с. 287], влад. *в заси́дку забираться* ‘ходить к соседям в гости в зимние вечера’ [СРНГ, т. 11, с. 31], костр., калин. *в посе́дки идти / ходить/ прийти* ‘идти, ходить в гости’ [СРНГ, т. 30, с. 146], влад. *в посиде́лки идти / пойти* ‘идти, пойти в гости’ [Там же, с. 155], яросл. *посиде́льница* ‘гостья, посетительница’ [Там же, с. 156], пск. *засе́дки* ‘вечеринка деревенской молодежи для какой-либо совместной работы и развлечения в осеннее и зимнее время’ и яросл. *заседки* [удар.?] ‘в свадебных обрядах угощение девушек – подруг невесты – чаем’ [СРНГ, т. 11, с. 25], моск. *посе́да* ‘посиделки’ и яросл. *посе́да* ‘гулянье’ [СРНГ, т. 30, с. 145], новг. *посиде́льщик* ‘гость’ [СРГК, т. 5, с. 90], моск. *поседа́ть* ‘собираться на поседку (посиделки)’, диал. (шир. распр.) *посе́дка* и *по́седка* ‘посиделки’, костр. *в посе́дки идти / ходить / прийти* ‘ходить, прийти в гости’ (*Частенько к соседям в поседки хожу*), моск., влад. *посе́дка* ‘изба, где молодежь собиралась на посиделки’ (*Мы у бабушки Матрены поседку откупили на всю зиму*), костр., яросл. *посе́дочки* ‘посиделки’, новг. *поседу́ха* ‘посиделки’ [СРНГ, т. 30, с. 145–147], арх. *прося́дываться* ‘просиживать (в гостях)’ [СРГК, т. 5, с. 305] и др.

Слово *беседа*, прочно встроившееся в русских народных говорах в лексику гощения, имело первоначальный смысл ‘сидение снаружи’ [Фасмер, т. I, с. 160]): смол. *кру́глая бесе́да* ‘свадебные гости, сидящие вокруг стола в полном составе’ (*Дружка обращается к гостям: Женочки-белоголовочки, молодые молодицы, красные девицы и вся круглая беседа, благословите за столичек сести*) [СРНГ, т. 15, с. 299], костр. *бесе́дка* ‘недлительное посещение соседей с целью провести время, поговорить, обменяться новостями’ (*Бегает она к нам часто на беседки сплетни потрясти, вот сегодня два раза приходила; Ко мне и соседка на беседку не забежит, некогда им; Ой, заходи ко мне на беседку, заходи, а то сижу в окошко гляжу; Соседка вот пришла на беседки, поговорить значит просто, а если в гости идти – дак это другое, это уж на праздник или далеко*) [ЛК ТЭ], костр. *бесе́дка* ‘вечеринка; ‘молодежные зимние посиделки’ (*Соседи на беседки придут*) [ЛК ТЭ], ряз., том., смол. *побесе́довать* ‘посидеть в гостях, за столом,

попеть песни, повеселиться’ [СРНГ, т. 27, с. 193], костр. *бесе́дник* ‘тот, кто любит ходить на беседки’ (*Беседники по деревне шлепают, дома не сидят*) [ЛК ТЭ] и др.

Поскольку номинируемая ситуация связана с реальными передвижениями людей в пространстве, с переходом человека от своего дома к чужому, при образовании обозначений гостей и их действий (а в особенности любителей гостить) высокую мотивационную активность проявляют глаголы движения: *бродить, ходить, гулять, бегать, мыкаться, слоняться, ползать, колесить*.

От основы *бегать* образованы костр. *бегля́на* ‘человек, который не сидит дома, а ходит на развлечения, в гости’ (*Бегляна бегает все по беседкам*) [ЛК ТЭ], перм. *бегли́вый* и *беготли́вый* ‘такой, который часто уходит из дома, редко бывает дома’ (*Уж все успела обежать, бегливая баба-то какая, никогда ее дома застать не можно*) [ЧПИ, с. 30], свердл. *побегу́ха* ‘бойкая, веселая женщина, любящая ходить в гости’ [СРНГ, т. 27, с. 189].

От *ходить* и его приставочных дериватов образованы новосиб. *ходня́* ‘гости’ [СРГС, т. 5, с. 222], мурман. *похожа́йничать* ‘ходить по гостям’ (*Я девушкой любила ходить по гостям, похожайничать*) [СРГК, т. 5, с. 122], одесск. *прохо́дка* ‘поездка (в гости)’ (*Если летом будешь ездить в проходки, гостевать, так зимой и клади зубы на полку*) [СРНГ, т. 33, с. 31], ленингр. *прохожде́ние* ‘времяпрепровождение в гостях’ (*Я не за прохождением, а за добрым дилом – сватовством*) [СРГК, т. 5, с. 320], яросл. *переха́живаться* ‘ходить друг к другу в гости’ [СРНГ, т. 26, с. 257], горно-алт. *проходи́мка* ‘женщина, которая не любит сидеть дома, часто ходит в гости’ и *проходи́мец* ‘тот, кто не любит сидеть дома, часто ходит в гости’ [СРНГ, т. 33, с. 30].

Если мотивировочный признак «бегать» передает суетливость, интенсивность передвижений, то другие глаголы, использованные в качестве материала для создания номинаций поля «Гощение», в том числе уже названный глагол *ходить*, не содержат семы интенсивности, даже наоборот, некоторые из них включают сему медлительности, которая, однако, служит маркером не собственно низкой интенсивности перемещений, а их бесцельности. Таковы дериваты глагола *бродить*, обозначающие частого назойливого гостя: арх. *бродня́*

‘человек, любящий ходить по гостям’ [СРНГ, т. 3, с. 190], казан. *бродя́жник* ‘человек, не любящий бывать дома и заниматься работой, а ходящий по гостям, ищущий развлечений у чужих’ [Там же, с. 192], волог. *калобро́да* ‘частый и назойливый гость, который подолгу засиживается в гостях, ведя бесконечные разговоры’ [СРНГ, т. 12, с. 363], волог. *колобро́да* ‘частый и назойливый гость, который подолгу засиживается в гостях, ведя бесконечные разговоры’ [СРНГ, т. 14, с. 146], диал. (б/у места) *набро́да* ‘о докучливом, назойливом посетителе’ [СРНГ, т. 19, с. 134]. Не требует объяснений и внутренняя форма калуж. *колеси́ть* ‘много, часто ходить в гости’ [СРНГ, т. 14, с. 127], тул. *мы́канка* ‘«шлюха, шатунья»’ (*В Рязани иные называют мыканкою женщину, неохочую быть дома и расхаживающую по гостям*) [СРНГ, т. 19, с. 52], влад. *слоно́вка* ‘женщина, любящая ходить по гостям’ [СРНГ, т. 38, с. 303] (от *слоняться*). Сема интенсивности, помимо уже упомянутых дериватов от *бегать*, присутствует в новг., костр., перм., вят., кург. *па́ползa* ‘тот, кто мало находится дома, любит ходить по гостям’ [СРНГ, т. 25, с. 206], поскольку в приставочно-корневых глагольных комплексах с префиксом *па-* часто реализуется структурно-семантическое значение ‘интенсивное, периодически повторяющееся действие, указанное в корне’ [Александрова, 2003, с. 11].

Носитель языка привлекает к описанию действий гостя и основу *гулять*, которая имеет коннотации отдыха, веселья, беззаботности: волог. *гуля́ть* ‘ходить в гости’ [СГРС, т. 3, с. 160], влад., перм., орл., волог. *гуля́ть* ‘быть, проводить время в гостях, ходить, ездить в гости’ [СРНГ, т. 7, с. 224], волог. *гулёва* ‘гостья’ [СГРС, т. 3, с. 159], яросл., влад., сиб., енис., том., алт., байкал., иркут. *гуляй(-те) к нам (в гости)* ‘заходите в гости’ [СРНГ, т. 7, с. 224], простореч. *гульба, гулянье, гулянка* [ССРЛЯ, т. 3, с. 481–482], новосиб. *ходи́ть в гул ˥нку* ‘ходить в гости’ [СРГС, т. 5, с. 219] и др.

В спектре значений слова *гулять* и его производных на протяжении истории соседствовали значения ‘ходить’ (‘ходить не торопясь, для отдыха, удовольствия’ [ССРЛЯ, т. 3, с. 478], ‘ходить для препровождения времени или для движения’ [СЦсРЯ, т. I, с. 302]), ‘веселиться, развлекаться’ (простореч. *гулять* ‘веселиться,

кутить, предаваться разгулу’ [ССРЛЯ, т. 3, с. 479]), ‘играть в игры, забавляться’ (*гулять в куклы, в снежки, в горелки* [СРНГ, т. 7, с. 103]), ‘отдыхать’ (*гулянье* ‘отдых, свобода от дел’ [СЦсРЯ, т. I, с. 302]), ‘гостить’ (волог. *гуля́ть* ‘ходить в гости’ [СГРС, т. 3, с. 160]) и др. В отдельных значениях сема движения сопровождается семой ‘без дела, для забавы’, что соответствует представлениям о гощении как времени отдыха и веселья. Подробнее о значениях слова и о семантическом параллелизме между глаголами *гулять* и *играть* см.: [Толстая, 2008, с. 102–113]. Обычай поочередного гощения зафиксирован во внутренней форме том. *отгу́ливаться* ‘приходить в гости к тому, кого ранее приглашали к себе’ [СРНГ, т. 24, с. 156], пенз. *перегу́ливаться* ‘ходить друг к другу в гости’ [СРНГ, т. 26, с. 75], пенз. *перегу́л* ‘поочередное хождение в гости друг к другу родственников новобрачных как продолжение свадьбы’ [СРНГ, т. 26, с. 75]. Кроме того, от основы *гулять* образовано влад. *гулли́вый* ‘гостеприимный, радушный’ [СРНГ, т. 7, с. 216], которое, как кажется, лишь отдаленно связано с семантикой передвижения в пространстве и отражает видение расположенного к приему гостей хозяина как любящего шумное веселье, разгул, ср. простореч. *гулять* ‘веселиться, кутить, предаваться разгулу’ [ССРЛЯ, т. 3, с. 479].

Мотивировочные признаки *бегать, гулять, ходить, мыкаться, слоняться, бродить, ползать* схожи тем, что передают идею ненаправленного движения, хождения «туда-сюда».

В качестве словообразовательного материала для номинирования гостя используются и глаголы направленного движения *наехать, приехать, находить, приходить, приваливать, влазить*: волог. *наезжа́нин* ‘приезжий человек; гость’ [СРНГ, т. 19, с. 262], якут. *прихожа́нин* и (жен.) *прихожа́нка*, яросл. *прихожа́тый* и (жен.) *прихожа́тая*, самар. *прихожа́тель* ‘гость, посетитель’ [СРНГ, т. 32, с. 49], арх. *находи́ть* ‘приходить в гости’ (*Не находит на меня Тонька, сестра моя*) [СРНГ, т. 20, с. 267], волог., мурман. *находи́ть* ‘приходить в гости’ [СРГК, 3, с. 397], вят., дон., рост., твер., нижегор., урал. *приехать / ходить на го́сти* [СРНГ, т. 19, с. 99]. Внутренняя форма яросл. *прива́льня* ‘гость’ [СРНГ, т. 31, с. 130] содержит смысл ‘приехать, прийти’, ср. простореч. *приваливать* ‘приезжать,

приходить, прибывать куда-л.’ [ССРЛЯ, т. 11, с. 356], смол. *при́валень* ‘приставший к чужому стаду, чужому двору или дому, приблудыш’ [СРНГ, т. 31, с. 128], яросл. *отвальня* [удар.?] ‘тот, кто уезжает’ [СРНГ, т. 23, с. 130]. Во внутренней форме курск. *вла́зная* ‘чара хмельного, подносимая гостю, когда он приходит’ [СРНГ, т. 4, с. 317] отражена метафора проникновения на закрытую территорию, в чужое пространство, но, помимо этого, тут проступает еще и мотив преодоления сакральной замкнутости гостевого сообщества, поскольку принять ритуальное подношение (а слово является обозначением сосуда) значит вступить в обменные отношения, характерные для этого вида обрядности. В большинстве же языковых фактов этой группы актуализирована фаза прихода гостя.

Мотив направленного перемещения предмета в пространстве выявляется в манипулятивно-двигательном глаголе *бросать*, употребленном в безличном значении и имеющем коннотации ‘неожиданный’ и ‘инициированный неизвестной силой’: костр. *Батюшки, кем броса́ет!* ‘говорят при встрече гостей, давно не бывавших’ [СРНГ, т. 3, с. 196]. Ср. литер. *забросило* (*И теперь я сижу в Лондоне, куда меня случайно забросило…*) [ССРЛЯ, т. 4, с. 250]. Близкая мотивационная модель реализована в пск. *Бог нанёс (нанесе́)* ‘о неожиданном появлении кого-н.’ (*А ета вот как Бог нанёс добрава челавека; Тихава Бох нанесе, а бодрый и сам наскоче*) [ПОС, т. 20, с. 108].

Приход гостя репрезентируется в языке и при помощи мотива смещения, отклонения от основного пути, для чего привлекаются мотивировочные признаки с первоначальной семантикой гнутья, поворота, кривизны. В частности, в литер. *завернуть к кому-л.*, перм. *привернýть* ‘заехать, зайти попутно, мимоходом’ (*Я поехала домой, а привернула в Чусовую*) [СПГ, т. 2, с. 202], перм. *привёртыш* ‘о том, кто заходит, заезжает попутно, мимоходом’ [СПГ, т. 2, с. 202], пск., твер., костр., ряз. *навёртываться* ‘зайти по пути, на минутку, мимоходом’ (*Ну, дак навёртывайся к нам в гости*) [СРНГ, т. 19, с. 156], свердл. *навёртыш* ‘случайный гость’ [ЭИС, т. IV, с. 10], урал. *ввернýться* ‘приехать, появиться неожиданно’ (*Как кто ввернется, нечем угостить, надо испечь чего-нибудь*) [СРНГ, т. 4, с. 81] обнаруживается мотив верчения, поворота. Семантика изогнутости является

исходной для основы, от которой производны олон., пск. *залукáйтесь* ‘приходите, заезжайте (приглашение в гости)’ [СРНГ, т. 10, с. 223], твер., пск. *залучáться* ‘заезжать, заходить (в гости); посещать кого-либо’ [СРНГ, т. 10, с. 225] (восходит к праслав. **lǫkъ* и далее **lękti* ‘гнуть, сгибать’ [ЭССЯ, т. 15, с. 62]). Движение по кривой запечатлено во внутренней форме ср.-урал. *прикривúть* ‘пригласить в гости из вежливости’ (*Ну, я прикривила ее, чтоб не обиделась*) [СРНГ, т. 31, с. 262]. Возможно, кривизна здесь манифестирует признак ‘неосновной, сопровождающий (о действии)’, поскольку приглашение в гости сделано по случаю, из-за сложившихся обстоятельств.

Мотив передвижении воплощается также в метафоре оставления следов: нижегор. *наслежáть* ‘навещать, посещать’ (*Бывало, почаще ты меня наслежал*) [СРНГ, т. 20, с. 171], костр. *наслéдование* ‘приезд, посещение’ [Там же, с. 169], симб., костр. *наслéдовать* ‘навещать, посещать’ [Там же]. Возможно, здесь присутствует коннотация повторности действий, отражающая множественность посещений – «по старому следу».

В лексике гощения присутствует пропозиция «перемещать(ся) в одно место, собираться», которая находит выражение во внутренней форме лексем: волог. *собранýшка* ‘соседка; гостья’ [СРНГ, т. 39, с. 174], олон. *собрáньице* ‘группа людей, собравшихся где-л. (на свадьбе, вечеринке)’ [Там же], пск., твер. *своз* ‘большое количество гостей у кого-либо’ [СРНГ, т. 36, с. 314], костр. *свóзки* ‘молодежное гулянье’ [ЛК ТЭ], краснояр., кемер., арх. *съéзжий прáздник* ‘праздник, на который съезжаются гости’ (*Калачи да сушки только на съезжий праздник*) [СРНГ, т. 31, с. 64], пск. *прúводы* ‘званый пир, сбор званых гостей’ [СРНГ, т. 31, с. 144], волог. *кýчить* ‘приглашать, звать кого-либо в гости’ (*Он кучил меня к себе*) [СРНГ, т. 16, с. 190], арх. *нескóпный* ‘малолюдный, с присутствием небольшого количества людей’ (*Это праздник нескопный у нас, гости-те не скопляются*) [СРНГ, т. 21, с. 154].

В свою очередь, основное действие хозяев, «впускающих кого-то», разрешающих гостю войти, запечатлено посредством внутренней формы урал. *пущáть* ‘принимать кого-либо в гости’ [СРНГ, т. 33, с. 178]. Метафора впускания

кого-либо в свое пространство представлена в слове *прием* и прочих производных от *принимать*: тул. *приима́ть* ‘приглашать, приветливо встречать (гостей)’ [СРНГ, т. 31, с. 231], арх. *принима́ньице* ‘прием (гостей)’ [Там же, с. 312], иркут., краснояр., тюмен., арх. *приёмчивый* ‘гостеприимный, радушный’ [Там же, с. 200], мурман. *приёмный* ‘гостеприимный, радушный’ (*У нас поморский народ приёмный*) [Там же, с. 201], кемер., моск., дон. *приёмчатый* ‘гостеприимный, радушный’ и арх., мурман., урал., свердл., кемер. *приёмчивый* ‘гостеприимный, радушный’ [Там же, с. 202], тул., перм., амур. *прии́мный* ‘связанный с приемом, охотно, ласково встречающий, принимающий кого-либо, гостеприимный’ и сталингр., орл., брян., арх., печор., урал., прикам., перм., свердл., иркут. *прии́мчивый* ‘охотно, ласково встречающий, принимающий кого-либо, гостеприимный, приветливый’ [СРНГ, т. 31, с. 231], ленингр. *приёмистый*, рус. (карел.), прионеж. *приёмошный*, ленингр. *приёмливый*, рус. (карел.) *приёмный*, мурман. *приёмчивый* ‘гостеприимный’ [СРГК, т. 5, с. 158–159], мурман., ленингр., онеж., новг. *прии́мчивый* и *прии́мшливый*, рус. (карел.) *прии́мчистый* ‘гостеприимный’ [СРГК, т. 5, с. 165]; ср. существительное – арх. *приёмство* ‘гостеприимство’ [СРНГ, т. 31, с. 202], а также с отрицанием – арх. *неприи́мчивый* ‘неприветливый, негостеприимный’ и свердл. *неприи́мчиво* ‘неприветливо, негостеприимно’ [СРНГ, т. 21, с. 126], перм. *прие́млевый* ‘приветливый, гостеприимный’ [СПГ, т. 2, с. 206]. Внутренняя форма перечисленных лексем (ср. диал. (шир. распр.) *имать* ‘брать, хватать что-либо’ [СРНГ, т. 12, с. 189]) рисует картину перемещения чего-либо в свое пространство, ср. литер. *принимать* ‘брать в собственность, в свое распоряжение’, ‘брать в свое ведение от того, кто сдает’, ‘вступать в управление; принимать на себя’, ‘брать к себе, давать приют’, ‘пускать в дом, допускать к себе (гостя, посетителя)’ [ССРЛЯ, т. 11, с. 620]. Значения этого слова содержат сему присвоения, что свидетельствует о релевантности оппозиции «свое – чужое» в однокоренных словах тематической группы «Гощение».

Внутренняя форма имеющего тот же корень сев.-двин. *во́ймовать* ‘ухаживать за гостем, принимать его с почетом, угощать’ [СРНГ, т. 5, с. 33] также

передает пространственную метафору помещения чего-либо внутрь себя, ср. другие значения этого глагола, отсылающие к семантике восприятия, понимания, поскольку эти ментальные категории осмысляются через идею «вбирать в себя»: арх. ‘внимательно слушать, прислушиваться’, арх., перм.., яросл. ‘понимать, воспринимать’ [Там же]).

Итак, оппозиция «свое – чужое», одна из ключевых не только в народном менталитете, но и среди когнитивных структур вообще, проявляет себя в лексическом поле гощения в мотивах прихода, ухода, приема, впускания в свое пространство.

Она реализуется и в образах своего дома, чужой избы, двора, манифестирующих, с одной стороны, конституирующую связь категорий «дом» и «хозяин», с другой стороны, ролевой статус гостя, временно вторгающегося на чужую территорию – допускаемого в чужую избу или двор.

Так, обозначая умение хозяина хорошо принять гостя, носитель диалекта обращается к мотивировочному признаку «при доме»: диал. (Арм. ССР) *придóмистый* ‘гостеприимный’ [СРНГ, т. 31, с. 194]. В народной культуре представления о хорошем и плохом хозяине основываются на оценке не только трудолюбия, рабочей хватки (неслучайно в Архангельской области слово *придомистый* является характеристикой человека по тому, как он заботится о доме: арх. *придóмистый* ‘хозяйственный, рачительный’ [Там же], ср. также печор. *дворовóй хозя́ин* ‘хороший, заботливый хозяин’ [ФСРГНП, т. 1, с. 200]), но и его отношений с людьми, «коммуникативного статуса»: «крепкий хозяин» щедр и гостеприимен, потому что имеет достаток, и не станет праздно ходить по гостям, потому что у него много забот по хозяйству. При описании семантической организации поля «Гощение» уже говорилось, что частые уходы из дома и посещения соседей (во внутренней форме слов это выражается в виде мотивировок «без дома», «за двором») воспринимаются как признак предосудительной бесхозяйственности: костр. *бездомóвик* ‘о человеке, который ходит по гостям’ (*Бездомовик он, дома не бывает*), костр. *бездомóвый* ‘нехозяйственный, не любящий сидеть дома’ (*Всё ходит по соседям, бездомовая*),

костр. *бездомо́вница* ‘о женщине, любящей ходить по гостям’ (*Вон бездомовница ходит, дома у самой грязно*) [ЛК ТЭ], арх. *задво́рничать* ‘жить не дома, быть постоянно у кого-либо в гостях’ [СРНГ, т. 10, с. 46].

Другие дериваты слова *двор*, имея внутреннюю форму «между дворами», «по дворам», «чужой двор», рисуют картину перемещения человека по деревне: южн. *межедво́рить* и *межедво́рничать* ‘шататься по дворам, почасту гостить’ [Даль, т. II, с. 320], диал. (б/у места) *межедво́рник* и *межедво́рка* ‘гостейник, гостейница, охочий до гостьбы’ [Там же], урал. *подво́рня* ‘непоседа; женщина, которая любит ходить по гостям’ [СРНГ, т. 27, с. 366], рус. (карел.) *чужедво́рый* ‘любящий ходить по гостям’ [СРГК, т. 6, с. 803]. В дефинициях ряда слов отсутствует указание на гощение, внимание акцентировано только на праздношатании, однако такое толкование находится в соответствии с тем, что посещения соседей видятся «ненастоящими» гощениями: ворон. *междудво́рник*, курск. *межедво́р*, орл. *межедво́рец* ‘бездельник, который ходит от нечего делать по чужим дворам’ [СРНГ, т. 18, с. 79, 81, 90], орл. *подвора́шник* ‘мужчина, который любит без дела ходить по чужим дворам’ [СОГ, т. 10, с. 37], курск. *подвор ˥га* ‘женщина или мужчина, любящие бродить по чужим дворам’ [СРНГ, т. 27, с. 366, 369], яросл. *семидво́рить* ‘бездельничать, ходить целыми днями без толку из дома в дом’ [ЯОС, т. 9, с. 25]. Е. Л. Березович обращает внимание на то, что языковой образ «междворья» имеет этический компонент, поскольку двор – это «область, открытая вовне, выводящая мир семьи в “большой мир”», и шатание по дворам связывается с нарушениями морали – сплетнями и изменами, ср. *дворы* ‘сплетни, пересуды’, *семидворить* ‘бегать по деревне, собирая сплетни’, ворон. *межидворница* ‘потаскушка’ и др. [Березович, 2007, с. 46].

Наконец, любитель гостить и само посещение номинируются в северных говорах при помощи сочетания «другая изба»: волог. *друго́зьба* ‘хождение в гости (как правило, к соседям)’ [СГРС, т. 3, с. 275], волог. *друго́зьба* и *друго́зьбница* ‘любительница посещать дома соседей без определенной цели’ [Там же], волог. *другозьба, друговизник* (неодобр.) ‘любитель посещать чужие дома, проводить время вне собственного дома’ (*Другозьба – человек от безделья ходит из дома в*

дом; Парень у меня – друговизник настояшшой: проснёччя, поест, шапку в охапку и до вечёру дома не появляеччя) [СВГ, т. 2, с. 59–60], ср. волог. *друго́зьба* ‘чужая, не своя изба в этой или соседней деревне; дом соседей или знакомых’ [СГРС, т. 3, с. 275], волог. *друго́изба* ‘изба соседа’ [СВГ, т. 2, с. 60], онеж. *другои́збный* ‘соседний (о доме)’ [СРГК, т. 2, с. 6]. Следовательно, оппозиция «хозяин – гость» поддерживается на мотивационном уровне локативной оппозицией «при доме (своем) – в другой избе». По мнению Е. Л. Березович, трансформация слова *другоизба* в *другозьбу* является результатом «народно-этимологического “подверстывания” к ряду дериватов *гостить* вроде арх. *перегозьба* ‘посещение гостями друг друга’» [Березович, 2007, с. 44].

Если пространство гощения и перемещение в нем тщательно «прорисованы» в мотивации слов изучаемого поля, то время гощения, получившее детальную разработку в лексической семантике, почти не актуализировано во внутренней форме слов. Можно назвать только уже приведенные ранее обозначения позднего гостя (смысл ‘поздний’ воплощен и значении, и в мотивировке слов *поздняк, позжак, посляна*), гостя, явившегося в определенный период (*субботний гость*), пришедшего в ненадлежащее время или кстати (*впорый гость, непоратый гость*), засидевшегося (*калядски гость*), а также номинации продолжительности гощения, мотивированные хрононимом *неделя*: пск., волог., костр., перм., урал. *неде́левать* и *неделева́ть* ‘жить, гостить неделю’ [СРНГ, т. 21, с. 10], костр. *годова́ть* ‘гостить в течение года’ [СРНГ, т. 6, с. 270].

Таким образом, через посредство пространственных и временных смыслов и образов, закрепленных во внутренней форме ряда номинаций лексико-семантического поля «Гощение», воплощены мотивы пребывания в определенном месте (*бывать, сидеть*); мотивы перемещения в пространстве – ненаправленного (*бродить* и мн. др.) и направленного (*наехать, находить, приехать, приходить, собираться, бросать, привернуть* и мн. др.); мотивы открывания границ, впускания гостя (*пускать, принимать, дом, изба, двор*); мотивы временных привязок и ограничений (*год, неделя, суббота, колядки, поздний* и пр.).

Преобладание пространственных мотивов объясняется отчасти тем, что они способны служить средством передачи временны́х смыслов (ср. *пришел в гости, ушел из гостей*). С другой стороны, элементы пространственно-динамического кода обладают бо́льшими возможностями к выражению качественных характеристик совершаемых гостем действий (ср. мотивы направленного и ненаправленного движения, интенсивного или неинтенсивного движения) и экспрессивных коннотаций одобрения и неодобрения (ср. *паползa, гулёва, мыканка*).

Кулинарно-гастрономический код

В традиционной культуре пища (костр. *е́жвица* ‘еда, кушанье’, тамб., костр., иван., влад., яросл., перм., вят., сиб. *е́жево* ‘еда, пища’ [СРНГ, т. 8, с. 326] и др.) несет большую семиотическую нагрузку. Подробнее об обозначениях пищи и традициях русского застолья см. работы Т. А. Агапкиной и С. М. Толстой [СД, т. 4, с. 59–65], Г. И. Кабаковой [Кабакова, 2013; Кабакова, 2015], Т. Б. Банковой [Банкова, 2006], Е. Л. Березович [Березович, 2007, с. 341–404], Е. В. Капелюшник [Капелюшник, 2009; Капелюшник, 2011], К. В. Пьянковой [Пьянкова, 2008а] и др. Обозначения пищи, приема пищи, разнообразных блюд, продуктов развивают вторичную семантику из сферы «Гощение» или выступают производящими основами при образовании номинаций семантической области «Гощение».

Угощение как обязательная часть ритуала гостеприимства последовательно отражается во внутренней форме слов, обозначающих гостей, хозяев и сами посещения, в том числе на уровне древней семантики, ср. этимологию слова *гость*. Праслав. **gostь* считается -t- суффиксальным производным от и.-е. **ghos-* ‘поедать’ [ЭССЯ, т. 7, с. 68]. Такому решению вопроса о происхождении слова дают почву наблюдения над ритуалами потчевания гостя, назначение которых состоит в налаживании обменных отношений хозяев с гостем. Как уже говорилось, угощение, к которому «прилагается» и крайняя степень заботливости,

в частности настоятельное чествование гостя, – основной ресурс, на который хозяева могут «выменять» благожелательность, расположение пришедшего.

Показательна и внутренняя форма обозначения хозяина дома, принимающего гостя: сверд. *угостя́ющий* ‘любящий угощать кого-либо; гостеприимный’ (*Мужик-от у ей хорошой, угостяющщой, без угошшення от их не уйдеш; Сама-та шибко до гостей-то радеет, угостяюшша*) [СРГСУ, т. 7, с. 123].

Название детской игры в гостеприимство, подражающей эпизоду из взрослой жизни, производно от глагола, обозначающего принятие пищи: забайкал. *ку́шанцы* ‘детская игра в гостей и хозяев, причем угощением является истертый порошок кирпича’ [СРНГ, т. 16, с. 194].

Номинируя пребывание в гостях, носитель диалекта обращается к основе *брюхо*. Так, в рус. (карел.) *побрю́шничать* ‘побывать в гостях’ (*Пошла побрюшничать, это вот на праздник, говорят*) [СРГК, т. 4, с. 572] можно наблюдать семантический переход «набивать брюхо → угощаться → гостить» (от *брюшничать* ‘есть и пить много, обильно’ [СРГК, т. 1, с. 126]).

Корень *-обед-*[1] обнаруживается в пск., твер. *обе́денник* и (жен.) *обе́денница* ‘тот, кто приходит в гости, чтобы пообедать’ [СРНГ, т. 22, с. 26].

В производстве лексики гощения участвует слово *стол*: южн., краснояр. *постолова́ть* ‘пригласить в гости’ [СРНГ, т. 30, с. 232], новосиб. *открыва́ть стол* ‘приглашать в гости; собирать гостей’ [ФСРГС, с. 129], арх., волог., влад., перм. *большой стол* ‘часть свадебного обряда, во время которого принимают и угощают

---

[1] Мы исключили из рассмотрения обрядовую лексику, однако нельзя не отметить, что названия трапезы (*обед, ужин*) положены в основу обозначений обрядовых гощений: омск. *обе́дик* ‘поминальный обед с небольшим количеством гостей’ [СРНГ, т. 22, с. 27], урал., омск. *обе́д* ‘поминки’ [Там же, с. 26], ворон. *жи́рный обе́д* ‘праздничный обед по случаю рождения ребенка’ [Там же], ворон. *повива́льный обе́д* ‘угощение по поводу надевания головного убора на невесту’ [Там же], курск. *повива́льный обе́д* ‘в обрядах, сопровождающих крестины – сбор гостей в первое воскресенье после крестин’ [Там же], ворон. *горде́й обе́д* ‘в свадебном обряде – обед у жениха после венчания’ [СРНГ, т. 7, с. 29] и др.

гостей’ [СРНГ, т. 3, с. 91], том. *опохме́льный стол* ‘прием гостей у жениха после свадьбы утром’ [СРНГ, т. 23, с. 285], моск. *засто́лица* ‘обед, на котором присутствуют гости’ [СРНГ, т. 11, с. 63] и др.

В числе слов, образованных от основы *стол*, и устойчивых сочетаний с этой лексемой – обозначения собственно гостей: арх. *столовщи́к* ‘гость на свадьбе’ [СРНГ, т. 41, с. 220], перм., урал. *засто́льник* ‘участник свадебного пира’ [СРНГ, т. 11, с. 63], пск., твер. *сто́льники* ‘гости за праздничным столом’ [СРНГ, т. 41, с. 225], олон. *столо́вые го́стьюшки* ‘гости, угощающиеся за столом’ [Там же, с. 221], арх., омск., том., кемер., яросл. *стол* ‘гости, сидящие за обеденным, праздничным столом’ [Там же, с. 194], пск. *сто́лица* ‘гости, сидящие за столом’ [Там же, с. 216], пск., калин., моск., рус. (литов.), рус. (латв.), рус. (эст.) *засто́лица* ‘гости, сидящие за столом во время еды, пиршества’ [СРНГ, т. 11, с. 62].

Уникальны обозначения, выражающие не свойственную городскому языковому сознанию меру – количество разместившихся за одним столом: перм. *засто́лица*, олон., костр., тобол. *засто́лье* ‘количество гостей, которое может разместиться за столом’ (*Гостей у нас седни вдоволь, уж три застолицы откормила, да вот опять подбираются*) [СРНГ, т. 11, с. 62]. Смена гостей, то есть приход и уход соседей «партиями» во время праздничных гощений, обусловлена необходимостью накормить всю общину при имеющейся хозяйственной утвари.

«Пищевые» номинации также вовлекаются в лексико-семантическое поле «Гощение». Например, народную духовную культуру характеризует уважительное отношение к хлебу и соли, с которыми связаны магические действия, обряды, приметы, и в частности, встреча гостей хлебом-солью[1]. Она

[1] Соль используется в качестве оберега от нечистой силы; существует практика приворотных заговоров на соли, обычай кричать «Горько!» на свадьбе, примета, согласно которой просыпать соль значит в скором будущем с кем-либо поссориться; разг. *пуд соли съесть с кем-либо* и др. [Байбурин, Топорков, 1990, с. 143–144; Лаврентьева, 1992]). Следовательно, в русской культуре соль – маркер соединения либо разъединения. Материалы и исследования семиотики хлеба обобщены в пятом томе «Славянских древностей» [СД, т. 5,

была не только знаком чествования, но и средством огородить себя и дом от опасности, которую несет с собой чужак: *Батюшка родимый, матушка родимая, гости бранные, гости званные! Благословите князя молодого, хлебом-солью огородите!* Ср. также значение ворон. *захлéбить* ‘угостить; угощением расположить к себе’ [Там же, т. 11, с. 149]. Угощение, предлагаемое гостям, стало называться *хлебом-солью*, от него образовано том. *хлебосóльничать* ‘угощать гостей’ [СРГС, т. 5, с. 213]. Ср. также характеристики хозяев: литер. *хлебосольный*, волог. *солозóб* ‘о гостеприимном, хлебосольном человеке’ [СРНГ, т. 39, с. 290], перм. *большáя хлеб-соль* ‘о том, кто любит, чтобы у него всегда всего было много (хлеба, денег, гостей), кто любит угощаться’ [Там же, т. 3, с. 93],

Хлебосолом может называться не только хозяин, но и гость: перм. *хлебосóл* ‘тот, кто водит с другим хлеб-соль, бывает гостем’ (*Оне промежу собой хлебосолы. Этот человек мне хлебосол*) [КСРНГ], перм. *хлебосóлка* ‘та, которая

с. 412–437]: «Хлеб – в традиционной культуре высшая жизненная ценность, “дар Божий”, главный ресурс жизни, символ достатка, благоденствия, здоровья и плодородия; повседневная и обрядовая реалия, обращение с которой в высшей степени ритуализовано и подчинено множеству предписаний и запретов; объект почитания и сакрализации; средство общения людей между собой и живых с умершими; магическое средство (продуцирующее, защитное, лечебное и др.)» [СД, т. 5, с. 412–437]. Хлебные изделия традиционно присутствуют на столе, приготовленном для гостей, и используются в качестве гостинца: «Основной предмет дара у славян – хлеб (зерно, мука, хлебные изделия), воплощающий богатство, жизненную силу и долю и в свою очередь представляющий собой “Божий дар”» [СД, т. 2, с. 16]. В праздничные дни гость несет с собой выпечку: влад. *кокýрка* ‘большой круглый пирог с изюмом, который женщины в первый год замужества дарят в воскресенье на Фоминой неделе своим незамужним подругам’ [СРНГ, т. 14, с. 105], вят. *пирóжное* ‘стряпня, которую гости приносят на крестины’ [СРНГ, т. 27, с. 42]. Хозяева в дар гостям также нередко готовят хлебцы; приведем лишь несколько иллюстраций: влад. *кокýрка* ‘маленький каравай хлеба (служащий обычно подарком на свадьбах)’, нижегор. *кокýрка* ‘булочка продолговатой формы, которой хозяева одаривают песенников, поющих в канун Нового года величальные песни, колядки под их окнами’ [СРНГ, т. 14, с. 1052], том. *благодáрный хлеб* ‘хлеб, который подносили высокому гостю’ [СРГС, т. 5, с. 211] и мн. др.

водит с другими хлеб-соль, гостит у других’ (*Мы с ей ведь хлебосолки; хлеб-соль водим, гостимся; Оне подруги хлебосолки, ходятца друк ко дружке; одна без другой не съест, не выпьет*) [КСРНГ].

Таким образом, народные представления о хлебе следует рассматривать в контексте его социальных функций: «Важнейшей ритуальной функцией хлеба является социализирующая и социально-регулятивная, выражающаяся в делении и совместном поедании Х., в актах угощения, дарения, жертвования Х., обмена хлебом (например, при кумлении, побратимстве, в сербском обряде “слава”), символического распределения благ между живыми и мертвыми» [СД, т. 5, с. 418]. Взгляд на хлеб и соль с этого ракурса объясняет использование соответствующих слов в качестве призводящих основ для номинаций из сферы «Гощение».

В мотивировках слов находит отражение и то, что потчевание гостей включает в себя поднесение им хмельного – вина, пива, браги: свердл. *пирова́ться* ‘гостить, ходить друг к другу в гости’ [ЭИС, т. IV, с. 11], сев.-зап. *пиру́н* ‘любитель ходить в гости’ [СРНГ, т. 27, с. 43], перм. *ходи́ть на бра́гу* ‘ходить в гости’ [СПГ, т. 2, с. 504]. По той же словообразовательной модели, что и в слове *перегащиваться*, образовано вят., влад. *перепива́ться* ‘в большие праздники ходить в гости друг к другу’ [СРНГ, т. 26, с. 186], в основе которого лежит мотивировочный признак «пить по очереди», что соответствует традиции угощения гостей. Ряд номинаций поля «Гощение» мотивирован «водными» лексемами *лить, капля, пузырь*, которые метонимически обозначают спиртное: влад., костр. *ка́пельки собира́ть* ‘ходить по домам с целью угоститься, напиться пьяным’ [СРНГ, т. 13, с. 51], арх. *пузы́риться* ‘пить и есть с гостями’ (*С катера бы никто не изъявился; нынь гостей боишься как огня: косить надо, а не пузыриться*) [СРГК, т. 5, с. 345] (ср. *пузы́рить* ‘пить’ [Там же]).

Наконец, основанием привлечения лексики, называющей в своих прямых значениях продукты питания, в качестве средства концептуализации представлений о гощении может быть символическое осмысление пищи, в частности, жирного, скоромного как изобильного, богатого (ср. притяжение

жир и *жить*). Пищевая метафора, представленная в колым., сиб., влад., арх., камч. *жирова́ть* ‘приятно проводить время, ходить в гости, пировать’ [СРНГ, т. 9, с. 184], рус. (карел.) и мурман. *прожирова́ть* ‘прожить в гостях’ [СРГК, т. 5, с. 259], онеж., мурман. *жирова́ть* ‘гостить’ [СРГК, т. 2, с. 65], не связана с обилием угощения на хозяйском столе (может быть, лишь опосредованно). Она актуализирует комплекс сем ‘бездельничать’, ‘отдыхать’, ‘жить богато, привольно, роскошно’, ‘предаваться разгулу’, ‘получать удовольствие’, ‘баловаться’, свойственных дериватам от *жир* и совокупно выражающих идею довольства (подробнее об этом см. [Пьянкова, 2008а, с. 66–67]), ср. др.-рус. *жирова́ть* ‘жить в довольстве’ [Срезн., т. I/2, с. 875], диал. (б/у места) *жирова́ть* ‘жить в избытке, ни в чем не нуждаться’ [Даль, т. 1, с. 543], простореч. *жирова́ть* ‘резвиться, тешиться, баловаться’ [ССРЛЯ, т. 4, с. 161], ср.-урал. *жи́риться* ‘бездельничать’ [СРГСУ/Д, с. 156], волог. *жи́ра живётся* ‘хорошо живется’ [СГРС, т. 3, с. 371], волог. *жир жирова́ть* ‘жить хорошо, благополучно’ [Там же], простореч. *жирова́ть* ‘резвиться, тешиться, баловаться’ [ССРЛЯ, т. 4, с. 161] и др. Мотивирующий элемент *жир* имеет устойчивую коннотацию «привольный, роскошный, изобильный», способную ассоциироваться в языковом сознании с щедростью и заботливостью хозяев дома.

Итак, мотивировочные признаки, тематически отнесенные к средствам кулинарно-гастрономического кода, позволяют воссоздать образы едящего гостя и угощающего хозяина, а также реконструировать восприятие «особого положения» того, кто пришел в дом, представления о его окруженности заботой и довольстве.

Социально-коммуникативный код

Мотивационный ресурс для производства лексем семантического поля «Гощение» предоставляют обозначения социальных единиц и характеристик (*люди, ватага, родимый, брахманы*), коммуникативных категорий (*радеть, ласкать, лестить, честить, почитать, желать*).

Готовность, склонность к приему гостей часто объясняется общительностью хозяев, маркируемой через посредство привлечения основ *люди* или *ватага*: рус. (карел.) *людско́й* ‘общительный, незамкнутый’ (*Ну он гостеприимный, такой людской парень, с кем хочешь, сразу познакомится*) [СРГК, т. 3, с. 169], влад. *вата́жный* ‘гостеприимный, хлебосольный’ [СРНГ, т. 4, с. 69].

Гощение как перемещение в «людскую» среду концептуализируется в зап. *про лю́ди (идти)* ‘в люди, в гости идти’ [СРНГ, т. 32, с. 77], перм. *полю́дье* ‘гости’ (*Я полюдье звать буду на праздник*) [СПГ, т. 2, с. 160]. Во внутренней форме обозначений принарядившегося гостя, зафиксирована ориентированность человека на социум – на объект, «для которого» он наряжается, пытаясь соответствовать принятым в обществе нормам: костр., свердл. *вы́йти / пойти́ на вы́людье* ‘выйти, пойти, принарядившись, в гости, на гулянье и т.п.’ [СРНГ, т. 5, с. 307], костр. *на вы́люды* и *на вы́людье* ‘на выход, на публику, в гости’ (*Лапотину накидаешь, одежду домашнюю, не на вылюды*) [ЛК ТЭ], пск., перм. *вылюжа́ться* (сов. *вы́людиться*) ‘наряжаться, одеваться для выхода в гости, на гулянье’ [СРНГ, т. 5, с. 308]. Так же называется и одежда[1], предназначенная для выхода, в отличие от будничной: костр. *вы́людный* ‘об одежде, в которой можно пойти в люди, в гости’ (*В вылюдной одежде идёшь в гости, на гуля́ньё*) [ЛК ТЭ], костр. *вы́людник* и перм., олон., пск., яросл., свердл. *вы́людье* ‘лучшая одежда, в которой ходят в гости, на гулянье и т.п.; праздничная одежда’ (*Дома ходили в старом, а получше одели – вылюдье. Была вещь носильная, а починил да почистил – за*

[1] О культурном коде одежды см.: [СД, 3, с. 523–533].

вылюдье сойдет) [СРНГ, т. 5, с. 307]; ср. олон. *вы́люде* ‘обувь получше, в которой можно показаться чужим людям’ [Там же].

К социальному коду мы считаем возможным отнести такие мотивационные элементы, которые легли в основу оценочных именований хозяина по выказываемому им отношению к гостям, по благожелательности и заботливости, любезности и щедрости.

Обращение к основам *честь* и *почет* при создании обозначений хозяев дома находится в согласии с представлениями об ожидаемом отношении хозяев к гостю как человеку, от которого зависит благополучие принимающего дома: рус. (карел.) *почестли́вый* ‘гостеприимный’ [СРГК, т. 5, с. 127], олон. *запо́чтливый* ‘извиняющийся за то, что не может хорошо угостить посетивших его гостей’ (*Не будь гостю започтлив, а будь рад* – пословица) [СРНГ, т. 10, с. 351]. Соответственно, невежливость, неучтивость в обращении получает неодобрение и фиксируется в диал. (б/у места) *непоче́стливый* ‘неучтивый, невежливый’ (*Непочестлив хозяин, непочестливо и гостям*) [СРНГ, т. 21, с. 123], яросл., свердл., ср.-урал. *неоче́стливый* и *неочёстливый* ‘неучтивый, невежливый’ (*Про суседку ли про кого ли говорят: неочестлива, примат плохо гостей*) [СРНГ, т. 21, с. 107]. В основе этих характеристик хозяина лежит глагольная семантика, подтверждаемая глаголами, имеющими значения ‘принимать гостей’ / ‘быть гостем’ и мотивировки «оказывать честь, чествовать» / «быть чествуемым»: вят., волог. *почита́ть* ‘хорошо принимать, угощать’ (*Что-то плохо ты почитаешь гостей*) [СРНГ, т. 31, с. 16], арх. *начести́ться* ‘долго пробыть в гостях, нагоститься’ [СРНГ, т. 20, с. 285], новг., пск. *очести́ть* ‘угостить, обнести гостей закуской, вином’ [СРНГ, т. 25, с. 66]. Этимологически же восстанавливается смысл «мыслить, считать, давать оценку». Родственные праслав. **čьstь* и **čьtiti*, сближаемые с **čьsti*, **čisti*, **čitati*, имеют счетную либо интеллектуальную семантику и восходят к и.-е. **kit-* / **ket-* ‘замечать, понимать’, ср. др.-инд. *cītti* ‘мышление, понимание, намерение’, авест. **čisti* ‘мышление, понимание’ [ЭССЯ, т. 4, с. 176]. Разделение гостей на «дорогих» (вновь слово со счетной семантикой) и «всех прочих» известно и обряду, и бытовой коммуникации, ср. иллюстрацию

к калуж. *поче́чный* ‘предназначенный для почетных гостей (о кушаньях, угощении)’ (*Гостей своих хозяин делит на два разряда, к первому принадлежат родственники, а также те, которых крестьянин уважает, этот разряд угощается лучшими блюдами, известными под общим названием почечных*) [СРНГ, т. 31, с. 10]. Львиная доля чествования заключается в угощении гостя, отсюда обозначения кушаний с соответствующей внутренней формой: север., волог. *проче́стье* ‘в свадебном обряде – угощение в доме жениха на третий день свадьбы (главным образом для родственников и гостей невесты)’ [СРНГ, т. 33, с. 39], арх. *по́честь* ‘кушанье, угощенье’ (*Кушайте, дорогие гости, вся поцесть на столе*) [СРГК, т. 5, с. 127], калуж. *поче́стные кушанья* ‘кушанья, которыми в праздники угощают почетных гостей’ [СРНГ, т. 21, с. 5] и др.

Среди характеристик хозяина присутствуют слова с корнем *-рад-*: олон. *доброра́дный* ‘сердобольный, гостеприимный’ [СРНГ, т. 8, с. 78], новг. *ради́мый* ‘радушный, гостеприимный’ [СРНГ, т. 33, с. 248], твер. *раду́щий* ‘гостеприимный, радушный’ [СРНГ, т. 33, с. 250], ср. пск., твер. *ра́дом* ‘радушно, от души’ (*Мы принимаем гостей не нарядом, а радом*) [СРНГ, т. 33, с. 249]. Сюда же, вероятно, волог., новг., ленингр. *роди́мый* ‘добрый, приветливый, гостеприимный’ (*Вот эта ведь родимая старушка, а та скупая, жадная*) [Там же, с. 546], ленингр. *нероди́мый* ‘неприветливый, негостеприимный’ (*Идешь в Тихвин, там постучись к кому, так не пустят, неродимые люди*) [Там же, т. 4, с. 11] (с учетом явления аттракции: слова с корнем *-род-* притягиваются к словам с корневым *-рад-*). Для корневого *-рад-* в этих лексемах этимологически восстанавливается либо слав. **ordъ* (< и.-е. **ārda-*), либо слав. **radъ* (и.-е.< **rēd-* ‘ободрять, поощрять; веселый’), которые в «Этимологическом словаре славянских языков» представлены в одном гнезде с комментарием: «Едва ли есть необходимость в разграничении на и.-е. уровне слав. **radъ / *ordъ* в значении ‘веселый’ и ‘рад, готов’» [ЭССЯ, т. 32, с. 161]. К этому гнезду относятся *радеть* ‘стараться о чьей-либо пользе, усердствовать’ [СЦсРЯ, т. 4, с. 5], *радъ* ‘чувствующий удовольствие’ и ‘готовый что-либо сделать’ [Там же, с. 4], *радивый* ‘попечительный, рачительный’ [Там же], *радити* ‘заботиться’ [Срезн., 3/1, с. 12] и др. В сущности

этимологически близким является арх., волог. *ро́дственный* ‘добрый, отзывчивый, приветливый, гостеприимный’ [СРГК, т. 5, с. 548] (< *родство* < *род*, далее восходит также к праслав. **ordъ* [Фасмер, т. III, с. 491]; праслав. *rodъ* < *ordъ*, может быть, связано с *rosti, rasti* < **ordtei* [ЕСУМ, т. 5, с. 89]; праслав. *roditi* < *orditi* [Трубачев, 2004, с. 246] с развитием значений ‘расти’ / ‘растить’ > ‘рождать’ [Трубачев, 1959, с. 151–153]). Номинации с корнями *рад- / род-* репрезентируют заботливое отношение хозяев к гостям.

Любезность в обращении с гостем зафиксирована в пск., твер., новг. *лести́ть* ‘ухаживать; принимать радушно гостей’ [СРНГ, т. 17, с. 13] – от *лесть*, восходящего к праслав. **lьstь* ‘хитрость, обман’ [ЭССЯ, т. 17, с. 97–99]. Происхождение слова вскрывает возможность неискренней, демонстративной, показной приветливости хозяев, необходимость соблюдения ими лишь внешнего канона поведения при встрече гостей – учтивости, угождения, ср. *лесть* ‘происскливая хвала; притворное одобрение; похвала с корыстною целью; лукавая угодливость; ласкательство, униженное потворство’ [Даль, т. II, с. 641], ряз., тул., ворон. *лестли́вый* ‘ласковый, приветливый, обходительный’ [СРНГ, т. 17, с. 13], волог. *ле́сти* ‘ласковые слова, ласковое обращение’ [Там же].

Характерные черты в образ хозяина привносят мотивировочные признаки «ласкать», «беречь», сочетание которых с формантами *об-* и *за-* актуализирует идею окружения, захвата объекта: пск., смол. *обла́щивать* ‘проявить радушие, гостеприимство’ [СРНГ, т. 22, с. 89] (от ласка, ср. смол. *обла́щивать* ‘гладить по голове, ласкать’ [Там же]), пск., смол. *заберега́ть* ‘очень хорошо угощать, гостеприимно принимать’ [СРНГ, т. 9, с. 252], пск. *заберёга* ‘гостеприимство, угощение’ [Там же].

Через соединение смыслов ‘отзывчивый, добрый’ (актуализирован мотивировкой «простой») и ‘искренний, чистосердечный’ (эксплицируемый из мотивировки «совесть») можно толковать мурман. *простосо́вестный* ‘приветливый, гостеприимный’ (*Мы таки простосовестны*) [СРНГ, т. 32, с. 251]. Слово *простой* и его производные устойчиво используются в качестве обозначений бесхитростности, доброты, открытости: терск., урал. *простота*

‘доброта, отзывчивость’ [Там же], волог. *простота евангельская* ‘о добром, простом человеке’ [Там же], урал. *узнать простоту* ‘воспользоваться слабостью, доверчивостью, щедростью, неумением отказать’ [Там же], а также общенар. *простой* ‘прямой, бесхитростный, простодушный’ [ССРЛЯ, т. 11, с. 1397]. Второй корень выражает сему ‘честный, чистосердечный’, которая актуальна для номинатора как указание на искреннюю, «настоящую» доброту хозяев, не показную любезность, ср. литер. *по совести* ‘честно, справедливо; откровенно, чистосердечно’ [ССРЛЯ, т. 14, с. 75], калуж. *пове́рить со́вести* ‘поверить искренности, правдивости’ [СРНГ, т. 39, с. 181], дон. *от совести* ‘искренне, бескорыстно, от всей души’ (*Вот просит у меня соседка чаю, я ей дам от совести, не жалеючи*) [Там же]. Внутреннюю форму прилагательного *простосовестный* можно прочесть как «искренне добрый».

В словообразовательном плане примечательны композиты, образованные соединением ‘хотеть’ и ‘добро’ и выражающие расположение хозяев, готовность принимать гостей: олон., пск. *доброхо́титься* ‘быть гостеприимным, хлебосольным’ [СРНГ, т. 8, с. 79], пск., твер. *доброхо́тный* ‘хлебосольный, гостеприимный’ [СРНГ, т. 8, с. 80], ср. литер. *доброхотный* ‘доброжелательный, радушный’ [ССРЛЯ, т. 3, с. 849]. Максимально близкий формально-семантический аналог этим номинациям в литературном языке – слово *доброжелательный*. Ср. также рус. (карел.) *жела́тельный* ‘гостеприимный, доброжелательный’ (*Он очень желательный, всегда в гости к нему приходите*) [СРГК, т. 2, с. 44].

Синтетический комплекс социально-психологических характеристик, обозначаемых в говорах словом *рахманный*, явился основой для возникновения ленингр. *рахма́нный* ‘гостеприимный’ [СРГК, т. 5, с. 500], север., вост., моск., твер., яросл., влад., олон., брян. *рахма́нный* и *рахма́ный* ‘гостеприимный, хлебосольный’ [СРНГ, т. 34, с. 343], ленингр. *рахманя́га* ‘тот, кто щедр, гостеприимен’ [СРГК, т. 5, с. 500], брян. *рахма́нина* ‘добрый, покладистый, гостеприимный человек’ [СРНГ, т. 34, с. 342]. Слово происходит от обозначения *брахман*, распространившегося благодаря «Хождению Зосимы» и «Сказанию об

Александре», усвоенного с искажением (др.-рус. *рахмане, врахмане*) [Фасмер, т. 3, с. 449] и способного дать широчайший спектр значений от ‘тихий, скромный’ до ‘чудной, непонятный’. Стереотипы представлений об одной из социальных групп проявились в семантике производных от *рахмане*. Региональные словари дают несколько значений, имеющих потенциал для актуализации при номинировании гостеприимства. Основные семантические линии следующие: 1) спокойствие, смирность, простодушие – пск., смол., орл., тул., казан., юго-зап., юго-вост., зап., калуж., влад., брян., калин. *рахма́нный* ‘тихий, спокойный, смирный, кроткий’ [СРНГ, т. 34, 343], смол. *рахма́нник* ‘тихий, спокойный, невозмутимый человек’ [Там же, с. 342], 2) доброта – рус. (карел.), нижегор., вят., твер., петерб., яросл. *рахма́нный* ‘добрый’, влад., костр., орл., вят., яросл., твер. *рахма́нный* ‘простодушный, бесхитростный, простой’, сев.-зап. *рахма́нник* ‘добродушный человек, добряк’; 3) щедрость – влад. *рахма́нничать* ‘богато, роскошно жить’, арх., яросл., рус. (карел.) *рахма́нно* ‘богато, роскошно’, ряз. *рахма́нно* ‘широко, щедро, расточительно’, арх., олон., петерб., новг., вер., влад. ‘не жадный, не скупой, щедрый’; 4) обходительность – вят., яросл., орл. *рахма́нный* ‘ласковый’, олон., яросл. *рахма́нный* ‘обходительный, учтивый’; 5) общительность – север., вост., вят., костр., яросл. *рахма́нный* ‘веселый, жизнерадостный’ и ‘разговорчивый, общительный’ [СРНГ, т. 34, с. 342–344]. Высокая степень экспрессивности дериватов этого гнезда стала причиной того, что коннотативный фон слова представляет собой трудно расчленимый семантический комплекс. Смысловые линии сходятся в инварианте «положительная коммуникативная характеристика человека».

Таким образом, мотивировки, отсылающие к образам социальной коммуникации, выявляются, как ни странно, преимущественно в характеристиках хозяев.

РЕЧЕВОЙ КОД

Вербализованный характер общения и приглашение в гости как значимый элемент ситуации «Гощение» обусловили привлечение носителем языка средств речевого кода, ср. обозначение важного качества хозяина: перм. *пригласи́тельный* ‘гостеприимный’ (*Она (дочь) у меня слишком пригласительная*) [СПГ, т. 2, с. 204].

Обыденное сознание различает гостей приглашенных и неприглашенных, поэтому их обозначения апеллируют к названиям речевых действий, совершаемых хозяевами, – *звать, просить, кликать, зыкать, молвить*: смол., краснодар., забайкал. *про́шеный* / *про́шенный гость* ‘званый гость’ [СРНГ, т. 33, с. 47], ср.-урал. *зва́нка* ‘званые гости’ [СРНГ, т. 11, с. 210], свердл. *званьё, зва́нка* ‘званые гости’ [ЭИС, вып. IV, с. 10], диал. (б/у места) *зва́нка* ‘званая, приглашенная гостья’ [СРНГ, т. 11, с. 209], смол. *зва́тый* ‘званый гость’ [СРНГ, т. 11, с. 211], твер. *на́звины* ‘званые гости’ [СРНГ, т. 19, с. 277], пск., твер. *на́звань* (собир.) ‘то же’ [Там же], свердл. *зва́нье* ‘то же’ [СРНГ, т. 11, с. 209], диал. (б/у места) *первозва́нные го́сти* ‘гости, приглашенные первыми, почетные, важные, лучшие’ [СРНГ, т. 26, с. 10], ср.-урал. *зов* ‘свадебные гости’ (*Вон какой зов был шибко большой: коней полну ограду наставили. Венчаются. Поез весь, зов весь едут к венцу*) [СРНГ, т. 11, с. 325].

Процессуальная семантика (сам акт приглашения гостей)[1] отражена в олон. *просить кого-либо во почéстное во гостéбище* ‘просить быть почетным гостем’

[1] Как показывают исследования, проведенные на материале славянских языков (Т. А. Агапкина, А. К. Байбурин, И. А. Седакова, С. М. Толстая, А. Л. Топорков; см. также статью «Приглашать» в словаре «Славянские древности» [СД, т. 4, с. 265–269]), оповещение гостей в народной культуре часто обставляется как обряд, и большинство номинаций анализируемой нами группы слов заключают в себе ритуальные смыслы, в других же случаях привлечение глагола речи в качестве производящей основы обусловлено представлениями о бытовом приглашении в гости. Ряд слов представляют собой обозначения «специального» человека, выполняющего поручение созвать гостей: юго-зап. *проса́тый* ‘лицо, приглашающее гостей на свадьбу’ [СРНГ, т. 32, с. 223], перм., урал. фольк. *кли́чник* ‘глашатай’ (*Был ты у меня*

[СРНГ, т. 31, с. 5], сиб. *зов* ‘приглашение в гости’ [СРНГ, т. 11, с. 325], пск., твер. *призы́вуха* ‘созыв гостей’ [СРНГ, т. 31, с. 230], вят. *зва́нцы* ‘зов, приглашение’ [СРНГ, т. 11, с. 210], онеж., олон., моск. *зва́ние* и *званьё* ‘зов, приглашение’ (*Ты никогда без званья́ не приходишь*) [Там же, с. 209], ряз., краснояр. *зва́ться* ‘получать приглашение, быть приглашенным’ [Там же, с. 211], тобол. *зва́ться между собою* ‘приглашать друг друга в гости’ [Там же], арх., ср.-урал. *зы́кать (в гости)* ‘приглашать (в гости), звать’ [СРНГ, т. 12, с. 35], яросл., волог. *примо́лвить* ‘пригласить из вежливости, между прочим’ (*Сестру я позвала в гости, а соседку примолвила*) [СРНГ, 31, с. 297], арх. *примо́вить* ‘пригласить (в гости)’ [СРНГ, т. 31, с. 296], яросл., арх. *прима́вливать* ‘приглашать (в гости)’ [СРНГ, т. 31, с. 284], яросл. *примо́влить* ‘пригласить (в гости) из вежливости, между прочим’ (*У самого его дома разговаривали, и то он не примовлил*) [СРНГ, т. 31, с. 284], волог., арх., яросл., твер., калин., вят., сарат., забайкал. *примо́лвить* ‘пригласить (в гости)’ [СРНГ, т. 31, с. 297].

Созывание гостей запечатлено и во внутренней форме названий посещений: свердл. *зва́нка* ‘званая вечеринка’ [СРНГ, т. 11, с. 210], пск. *призы́вуха* и новосиб. *призыву́ха* ‘званый обед, угощение для званых гостей’ [СРНГ, т. 31, с. 230].

От *звать* образованы языковые факты, описывающие очередность гощения (сарат. *В гости я хожу без охоты, а чтобы отвести черед* [СРНГ, т. 24, с. 141]), поскольку отгостившие должны пригласить («позвать») к себе хозяев принимающего дома: орл. *зва́ться домами* ‘бывать друг у друга в гостях’ [СРНГ, т. 11, с. 211]. Ответный характер приглашения и его очередность передаются соответственно приставками *от-* и *пере-*: диал. (б/у места) *отзы́вины* ‘ответное посещение’ [СРНГ, т. 24, с. 189], диал. (б/у места) *пере́звы* ‘взаимный зов и посещения в продолжение свадебных празднеств’ [СРНГ, т. 26, с. 109].

Пребывание в гостях и застолье сопровождаются беседами (новг. *засто́лица* ‘застольная беседа’ [СРНГ, т. 11, с. 63], влад. *Ходит по гостям да все семейные*

спальником, а теперича станешь кличником. А ставать тебе ранехонько, По всем улицам, проулочкам гонять, Милых гостей зазывать) [СРНГ, т. 13, с. 299] и др.

брязги рассказывает [СРНГ, т. 3, с. 228]), поэтому вовлекается лексема *разговор*: рус. (карел.) *быть на разгово́рах* ‘быть в гостях’ (*На разговорах не были они у меня*) [СРГК, т. 5, с. 406], сиб. *сиби́рский разгово́р* ‘молчаливое щелканье кедровых орехов в гостях, на посиделках’ [ФСРГС, с. 162].

Следовательно, речевой код используется при образовании номинаций сферы «Гощение» потому, что носитель языка имеет представление о речевых актах приглашения и беседы как частях фрейма гощения.

Обиходно-бытовой код

«Донорство» лексем, описывающих быт, предметно-материальный мир, предопределено вниманием номинатора к атрибутам гощения, в частности, к обычаю надевать лучшую одежду для выхода в гости, обычаю одаривания.

Внимание отправляющегося в гости человека к тому, в какой одежде он выходит «на люди», запечатлено в мотивировочном признаке «модный»: перм. *вы́модье* ‘выход в гости’ [СРНГ, т. 5, с. 313], урал. *вымодно́й* ‘предназначенный для выхода в гости, модный (об одежде, обуви)’ [Там же], костр. *идти на вы́мод* ‘выходить из дому, идти на люди, в гости’ [ЛК ТЭ], ср. перм., свердл., яросл., твер., новг, пск. *моде́ть*, ср.-урал., костр., яросл., моск., твер., смол., волог., том. *моди́ться* ‘форсить, щеголять, наряжаться’ [СРНГ, т. 18, с. 197].

В рассматриваемом лексико-семантическом массиве присутствует метафора взаимных «расчетов» – за угощение либо за само посещение (отсюда привлечение мотивировок «грош», «пятак», «пошлина», «отдаривать»). Взаимодействия между гостями и хозяевами имеют форму обмена, что становится явственно из таких обязательных элементов приема гостей, как потчевание и дарение: «Универсальной формой обменных отношений являются отношения гостеприимства, осуществляемого в форме взаимного обмена подарками (“эквивалентные дары” как форма “предторговли”), взаимного угощения между хозяином и гостем, которые могут меняться ролями» [Невская, 1997, с. 446], см.

об этом же: [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 754]. Гости традиционно приносят гостинцы для хозяев, ответным подарком которых является, прежде всего, угощение. В контексте «торгового обмена» получает должное объяснение формула приветствия: мурман. *к ва́шему грошу́ со свои́м пятако́м* ‘о том, что приносят с собой к столу, идя в гости’ (*Принимайте гостей, вина принесли с собой: к вашему грошу со своим пятаком*) [СРГК, т. 5, с. 379]. Трактовка подарка как своеобразной платы за гостеприимство лежит и в основе яросл. *по́шлина* ‘подарки жениху от гостей (обычно съестное)’ [СРНГ, т. 31, с. 36]. Ответное посещение представлено в языке как ответное одаривание: перм. *отдар* [удар.?] ‘ответное посещение новобрачными особо именитых свадебных гостей (в благодарность за их присутствие на свадьбе)’ [СРНГ, т. 24, с. 161].

Обращение номинатора к обиходно-бытовому коду говорит о том, что существуют устойчивые представления об атрибутах гощения.

Хозяйственные метафоры выявляются в обозначениях нежеланного гостя, отсылающих к образам коровы, которая бродит по деревне, и крота. Так, перемещение человека – гостя – от дома к дому запечатлено в народной фразеологии при помощи образа бродящего по деревне животного: омск. *походли́вый как коро́ва* ‘о человеке, который редко бывает дома, любит ходить по гостям’ [ФСРГС, с. 150], урал. *балала́ва корова* ‘о сплетнике, переносчике новостей, слоняющемся по деревне из дома в дом’ [СРНГ, т. 2, с. 70] («Лет 60–70 тому назад жил в Уральске казак Балалаев, по-видимому плохой хозяин, плохо кормящий скотину, потому что его корова с утра выгонялась со двора и должна была искать корм по чужим саням и по чужим дворам. Теперь эта фраза стала нарицательной и говорится про тех, кто не сидит дома, а бегает по соседям со сплетнями и проч. – «*чисто балалава корова*», то есть слоняющаяся по дворам») [Там же]. Другая зоологическая метафора представлена в курск. *потуро́йка* ‘женщина, которая любит ходить по чужим домам’ [СРНГ, т. 31, с. 317], которое в тульских, калужских, орловских говорах является также обозначением крота [Там же]. Причиной вовлечения образа в «гостевую» сферу стало представление о кроте как неприятном и нежданном «госте» на земельных участках. Народной

культуре известны магические способы изгнания и изведения кротов и обереги от них [СД, т. 2, с. 683]. В образах коровы и крота актуализированы в данном случае не их «природные характеристики», здесь важнее оказался взгляд на них через призму деревенского быта.

Наконец, образный слой обиходно-бытового кода составляют номинации *ржавый гость, серебряный гость, золотой гость*, внутренняя форма которых «декодируется» только в комплексе, поскольку в них реализуется метафора сравнения ценных металлов, передающая степень одобрения действий гостя.

Мифологический код

Персонажи потустороннего мира, согласно народному мировоззрению, причастны к появлению гостя. Приход нежеланного, неприглашенного гостя видится как следствие игр демонических сил – лешего, любящего шалить и досаждать людям, сбивать их с пути: олон. *лама́н его принёс* ‘говорят о незваном госте’ [СРНГ, т. 16, с. 252] (олон. *лама́н* ‘леший’ [Там же]), урал. *лешаки́ перенесли́, леша́ принёс (несёт, привёл)* ‘о том, чей приход некстати’ [СРНГ, т. 17, с. 30], иркут. *ле́ший привёл* ‘о том, чей приход крайне нежелателен’ [Там же, с. 33]. Реликт представлений о том, что приход гостя – проявление божьего промысла, сохранен в пск. *Бог нанёс (нанесе́)* ‘о неожиданном появлении кого-н.’ (*А ета вот как Бог нанёс добрава челавека; Тихава Бох нанесе, а бодрый и сам наскоче*) [ПОС, т. 20, с. 108] и ироническом омск. *яви́лась свята́я ми́лость* ‘о нежелательном госте’ [СРНГ, т. 37, с. 7].

Визуальный код

В названиях посещений реализованы зрительные мотивы. Согласно наивно-языковому мышлению посетить значит «заглянуть» в чужой дом: север. *засмотре́ньице* ‘посещение’ [СРНГ, т. 11, с. 46], смол. *простуди́ть бельмы́*

‘отдохнуть, побеседовать с кем-либо, сходить в гости’ [СРНГ, т. 32, с. 255], ср. литер. разг. *заглядывать* ‘заходить, заезжать, наведываться’ [ССРЛЯ, т. 4, с. 347].

Метеорологический код

Из числа элементов природного кода в лексико-семантическом поле «Гощение» эксплуатируется образ вихря. С активностью движения связано ворон. *ви́хорная ба́ба* ‘женщина, которая беспрестанно бегает по гостям или по чужим домам’ [СРНГ, т. 4, с. 306], которое, кроме семантики стремительного движения, имеет коннотации «отсутствие привязанности к дому» и «легкомыслие», ср. диал. (б/у места) и ряз. *ви́хорничать* ‘быть легкомысленным, ветреным, непостоянным; часто менять место службы’ [Там же], диал. (б/у места) *ви́хриться* и *вихри́ться* ‘скитаться, не имея приюта’ [Там же].

В целом образ *вихорной бабы* объясним и исходя из интерпретации слова *вихорный* с опорой на этимологическое значение витья (от *вить* [Фасмер, т. 1, с. 324]), однако в пользу реконструкции «метеорологического» образа говорит существование поверий, согласно которым вихри связаны с нечистой силой, являются ее воплощениями, проявлениями: ряз. *ви́хорь* ‘злой дух’ [СРНГ, т. 4, с. 306], ряз., тул, вят., саратов, тамб. *ви́хор* ‘нечистая сила, якобы находящаяся в вихрях’ [СРНГ, т. 4, с. 305], тул. *ви́хорный* ‘род мифического существа’ [СРНГ, т. 4, с. 306]. При этом свойство налетать, посещать – одна из значимых характеристик стихий, им даже приписываются взаимные гостевые посещения: казан. *вихри* ‘летающие друг к другу в гости злые духи, – так думают суеверные чуваши о вихрях’ [СРНГ, т. 4, с. 306]. На этом фоне вовлечение слова *вихорный* в лексико-семантическое поле «Гощение» кажется закономерным.

3.2.2. «Правая» мотивация слов лексико-семантического поля «Гощение»

Слова *гость*, *гостить*, принадлежащие деривационному гнезду, занимающему центральное место в исследуемом лексико-семантическом поле, способны служить производящей основой или семантическим источником для образования слов, значения которых не имеют отношения к ситуации приема гостей. Примеры использования корня -*гост*- для обозначения понятий из других тематических групп служат описанию стереотипов – наиболее устойчивых смыслов в представлениях о гощении.

Чужесть гостя. Для ситуации гощения характерна двунаправленность семы ‘чужой’: для гостя чужим является дом принимающего, незнакомая территория, пребывание на которой подчиняется своего рода «регламенту» и требует употребления определенных речевых формул, соблюдения традиций и проч. (как известно, в чужой монастырь со своим уставом не ходят); для хозяина же чужим является гость, «пришлый». Однако язык репрезентирует чуждость как исключительное свойство гостя, т. е. отражает «взгляд» принимающей стороны. Сема ‘чужой’ обнаруживается в диал. (б/у места) *нéгость* (женск. *нéгостья*) ‘друг дома, член семьи, свой, близкий дому человек’ (*Ко мне негость приехал, сын*) [СРНГ, т. 21, с. 6]. Внутренняя форма слова *негость* (о сыне) может быть истолкована именно как «не гость = не чужой = свой». В данном случае чужесть гостя состоит в его выключенности из круга ближайших кровных родственников. Это лишь одна из наивно-языковых репрезентаций представлений о госте, неактуальная, например, в лексике свадебного обряда, где гостями считаются все участники действа, в том числе ближайшие родственники жениха и невесты.

Нежелательность, внезапность появления или опасность гостя. Болезни, дождь, крысы, галлюцинации, воры и т. п. становятся объектами номинации через посредство корня -*гост*-, поскольку их появление в жизни человека имеет устойчивые ассоциации с приходом гостей – нашествием, вторжением, опасностью: иркут. *поздний гость* ‘послеобеденный дождь’ [ФСРГС, с. 48], сев.-двин. *гóсьи* ‘галлюцинации’, перм. *гость* ‘вор’ (*Гостями зовут, ради*

шутки или вежливости, недобрых людей, незваных посетителей, воров, особенно грабителей по Волге), урал. *гость* ‘крыса’ (*Я прихожу к отцу и говорю: папаня, а гостей у нас сколько! А он говорит: выводить надо*) [СРНГ, т. 7, с.96–97]. Величание болезни словом *гостья*, иногда с использованием уменьшительного суффикса, а также патронима – формула задабривания, основанная на сходстве образов опасной болезни и опасного чужака: волог., олон. *го́стья* и перм. *го́сья* ‘лихорадка’, олон. *го́стьица* и олон., перм. *го́стья* ‘оспа’ (*Гостья идет, гостьица Ивановна, значит, ходит оспа*) [СРНГ, т. 7, с. 97–98].

Перемещение гостя в пространстве: приход и уход. Стереотипическая связь категорий «гость» и «вход / выход» отражена в арх. *гости́нное окно* ‘отверстие в помещении мельницы, через которое уходят излишки воды’ [АОС, т. 9, с. 392], арх. *гости́ная* ‘прорубь, через которую поднимается мотня невода при зимнем лове рыбы’ [СГРС, т. 3, с. 115]. На тот факт, что переносные значения номинаций из сферы социальной лексики часто формируются на базе периферийного для них пространственного компонента, обратила внимание Л. В. Балашова: «В целом периферийный или коннотативный пространственный компонент в семантике социальной лексики часто оказывается сильнее ядерного – социального» [Балашова, 2014, с. 84]. Заметим, что пространственные смыслы активны именно на мотивационном уровне лексики гощения, причем это относится как к левой, так и к правой мотивации.

Ограниченность свободы поведения гостя. Гостю предписано вести себя определенным образом: «Роль гостя, как правило, достаточно пассивна, в то время как хозяин ведет себя очень активно. Гость фактически становится заложником определенных этикетных требований, которым он вынужден подчиниться» [СД, т. 1, с. 532]. Не принято, в частности, злоупотреблять гостеприимством хозяев: приходить слишком часто или проявлять несдержанность. Эти негласные предписания зафиксированы через посредство «правой» (исходящей) мотивации. Так, сдержанность в поведении, стеснительность маркируются в языковой картине мира как норма поведения в

гостях: вост.-казах., прииртыш., том. *гости́ться* ‘чувствовать себя гостем; стесняться’ (*Получайте сахар, пышки, не гоститесь*) [СРНГ, т. 7, с. 95].

Исключительность, незаурядность события гощения. Поскольку посещение гостей – всегда заметное событие в череде повседневных событий, нарушающее обычное размеренное течение жизни, то оно должно иметь место сравнительно редко, отсюда семы ‘редкий’, ‘уникальный’ у идиом со словом *гость* и его дериватов: арх. *хоро́ший го́сть* ‘то, что редко наличествует’ (*У нас гостем хорошим не бывает яблоко в избе*) [СРГК, т. 1, с 382], гурьев. *что-либо в гостинку кому-либо* ‘что-либо является редкостью, диковиной для кого-либо’ (*Пирог с красной рыбой не в гостинку нам*) [СРНГ, т. 7, с. 94], вят. *вгости́мо* и влад., новг., орл., курск. *вгости́нку* ‘иногда, изредка’ (*Вгостимо-то все хорошо. Хоть вгостинку, а стакан и мне поднесут*) [СРНГ, т. 4, с. 84], ворон. *в гости́нку быть где-либо* ‘быть, появляться где-либо’ (*Хорош гость в гостинку, а то и в зубах настрянет*) [СРНГ, т. 7, с. 94].

Ритуализованность гощения: угощение и подарки как его атрибуты. Эпизоды, из которых складывается ритуал, а именно элементы устоявшихся традиций, заключающихся в обмене гостинцами и потчевании гостя, находят отражение в обозначениях предметов и манипуляций с ними.

Дериваты слова *гость* являются обозначениями всего, что пригодно для угощения кого-либо, обычно сладостей, притом иногда безотносительно к ситуации посещения: волог. *прогостева́ть* ‘хорошо угостить’ (*Вот жду внуцьков, надо прогостевать-то всех, вот и припасу всего*) [СРГК, т. 5, с. 249], диал. (б/у места) *гости́нина* (собир.) ‘сладости: конфеты, пряники и т.д.’ [СРНГ, т. 7, с. 93], олон. *гости́нечек* ‘гостинец, подарок’ (*Стретит дитятко на широкой на уличке, Глупым разумом просить станет гостинечек*), урал., зап.-казах. *гости́нешный* ‘предназначенный для подарка, полученный в подарок’ (*Гостинешна булка*) [Там же]).

Подобием подарка номинатор считает деньги или вещи, вручаемые в качестве льгот, дополнительной платы, взятки: вят., петрогр. *гости́нец* ‘взятка’ [Там же]. Ср. др.-рус. *гостинки* ‘дарованные льготы, преимущества’ [СРЯ XI–

XVII, т. 4, с. 105], *гостинецъ* ‘вид платы за оказание каких-л. услуг; добавочная плата (натурального характера)’ (*Пружил да конопатил лод<ь>ю дал мастеру два рубля, да два пуда соли дал гостинца*) и ‘процент’ [Там же].

Ролевые позиции гостя и хозяина. Несмотря на то, что гость является объектом сакрализации в силу особых функций, которые ему приписываются, хозяин все же осознается как «главный в доме», а гость – как обязательный второй участник ситуации. Это запечатлено в обозначении предмета второстепенной важности, сопровождающего главный, основной объект: волог. *го́сья* ‘вторая вспомогательная бечева, выпускаемая с судна на помощь главной, когда в переборах при поднятии судна опасаются за прочность последней; эту бечеву тянут люди, в отличие от главной, которую тянут лошади’ [СРНГ, т. 7, с. 98].

Праздность гостя. Различия между предписанными гостю и хозяину действиями передает глагол *гоститься*, выступающий в качестве обозначения праздного времяпрепровождения хозяев дома. Все они закономерно имеют негативную окраску, поскольку хозяевам не пристало вести себя подобно гостю – отдыхать: яросл. *гости́ться* ‘быть праздным и чваниться’ [СРНГ, т. 7, с. 95], волог. *гости́ться* ‘заниматься пустяками; бездельничать’ (*Старик-от сидит да гостится со своим гумажкам*) [Там же], прииртыш., том., вост.-казах. *гости́ться* ‘проводить время праздно, лениться (о хозяйке)’ [Там же].

Окруженность гостя вниманием, довольство. Стремление обеспечить себе безбедное и благополучное существование, опасение лишиться расположения высших сил, представителем которых является, по древним верованиям, гость, вынуждают хозяев угождать ему, предлагать лучшее. Отсюда восприятие пребывания в гостях как благодатного времени: рус. (карел.) *гостева́нье* ‘полнота всех жизненных благ, благодать’ (*Сейцас-то не житьё, а гостеванье*) [СРГК, т. 1, с. 380].

Итак, устойчивость когнитивных структур, лежащих в основе понятий «гость», «гощение», верифицируется при помощи случаев «правой мотивации»,

выявляющих семы, составляющие основу ассоциирования между фрагментами ритуала приема гостей и объектами из иных сфер действительности.

Выводы по главе 3

Сюжетность (фреймовость) представлений о приеме гостей запечатлена в лексико-семантическом поле «Гощение», в том числе его части – обширном деривационном гнезде, которое объединяет языковые факты литературного языка и русских народных говоров с корнем *-гост-*. Уникальная особенность этого лексико-семантического пространства состоит в том, что оно детально разработано в диалектах. Даже возможности одного корня в сочетании с различными словообразовательными средствами весьма впечатляющи: его дериваты участвуют в обозначении практически всех элементов ситуации гощения. В ходе семантического анализа лексики гощения мы стремились возможно более полно представить номинации, принадлежащие деривационному гнезду, наряду с другими языковыми фактами.

Исследуемое лексико-семантическое поле характеризуется определенностью структуры, поскольку сегменты в нем выделяются в соответствии с элементами сюжета гощения. Анализ номинаций выявил состав идеограмм этого лексического множества, которые объединены вокруг пяти смысловых доминант: «хозяин», «гость», «ситуация гощения», «время гощения», «пространство гощения», «угощение и дарение». Отметим сконцентрированность большого количества языковых фактов в сегментах «гость», «ситуация гощения» и «время гощения», при этом последний фактически является частью сегмента «ситуация гощения», расширяет его.

Эти сегменты данного поля (в их составе могут быть выделены меньшие сегменты) представлены как в литературном языке, так и в русских народных говорах, однако выявленный на основе анализа диалектной лексики набор идеограмм иной, чем реализованный в лексике современного русского литературного языка. Например, в литературном языке нет однословных

воплощений идеограмм ‘гость, прибывший по морю, а не по суше’, ‘гости, приехавшие всей семьей’, ‘субботний гость’, ‘гость, приехавший впервые’, ‘ближний гость (из своих)’, ‘дальний гость (из чужих, издалека)’, ‘почетный гость на свадьбе’, ‘гость со стороны жениха’, ‘гость со стороны невесты’ и некоторых других. Заметим, что ни один сегмент нельзя назвать более либо менее прочих насыщенным специфическими для диалектов семемами, – они представлены в каждом сегменте.

Если в сопоставительном ключе оценивать количество диалектных лексических воплощений одной идеограммы, то обращают на себя внимание следующие: ‘гостеприимный (о хозяине)’, ‘незваный, нежеланный гость’, ‘любящий ходить в гости (от безделья или с целью угоститься)’, ‘засидевшийся гость’, ‘место в избе, предназначенное для гостей’, ‘бывать в гостях в ответ на посещение’. Каждая названная семема реализуется более чем в двадцати лексических фактах из числа известных нам номинаций изучаемого поля (первые четыре группы слов особенно многочисленны), из них только последняя семема специфична для диалектных подсистем, остальные находят лексическое или фразеологическое воплощение также в литературном языке, но в меньшем количестве фактов.

Идеограмма «гость» составляет ядро поля. Другие идеограммы нельзя назвать менее важными, но они толкуются через центральное понятие «гость»: «принимающий гостей хозяин»; «специальное время для приема гостей»; «угощение для гостей» и т. д.

Осмысление состава воплощенных в лексике идеограмм, образующих единое семантическое пространство, и особенностей их вербальной репрезентации позволяет увидеть принципы и направления концептуализации феномена действительности. Например, в отношении лексико-семантического поля «Гощение» можно указать на следующие особенности:

– из двух субъектов взаимодействия гость прорисован лексическими средствами ярче, рельефнее, чем хозяин дома; в языковом сознании маркируются «разновидности» гостей в зависимости от многих параметров: времени прибытия,

отношения к гостю, частоты посещений и др.; столь развернутая «типология» гостей отражает оценивающий, настороженный взгляд хозяина на людей, приходящих в его дом; интересно, что среди номинаций присутствуют характеристики и гостя, и хозяина с точки зрения их отношения к самому событию (через категории «любящий / не любящий бывать в гостях или принимать гостей»);

– в русских народных говорах бытует большое количество экспрессивных названий гостя, в том числе обращений к нему, что объясняется, по-видимому, не только экстралингвистически – высокой эмоциональной нагрузкой на хозяев дома как участников референтной ситуации (приход гостя – вторжение в их жилище), но и собственно лингвистически – более широким словообразовательным арсеналом системы русских народных говоров, в сравнении с литературным языком;

– значительное число диалектных лексических воплощений нескольких идеограмм данного поля обусловлено народной аксиологией: с одной стороны, осуждаемое поведение прежде всего прочего привлекает внимание номинатора, отсюда появляются однословные диалектные обозначения засидевшегося гостя, не вовремя пришедшего гостя и посещений с целью угоститься, маркирующие нарушения норм поведения; с другой стороны, в лексике репрезентированы не только нарушения норм, но и моральные императивы, ценностные установки регламентирующего характера, в частности обычай взаимности посещений;

– примечательны случаи разработки своеобразных микросистем обозначений разновидностей одного объекта или его характеристик (ср., во-первых, специальные обозначения праздничных и бытовых гощений; во-вторых, характеристики посетителей по количеству, времени прихода и ухода, частоте посещений, чинам, поведению, способу прибытия, в-третьих, лексемы, называющие место, предназначенное для приема гостей), поскольку такая семантическая детализация (например, перм. *золотой гость – серебряный гость – ржавый гость*) свидетельствует о степени важности номинируемых свойств

объекта или его самого и – косвенно – о наличии регламента поведения человека в данной сфере.

Отметим, что лексико-семантическое поле, объединяющее номинативные факты, принадлежащие разным подсистемам языка, нередко демонстрирует асимметрию в вербальных воплощениях представлений об этой области действительности, характерных для разных субкультур. На примере лексико-семантического поля «Гощение» можно увидеть асимметрию не только количественную (число диалектных номинаций этой семантической области многократно превышает количество слов литературного языка, описывающих хождение в гости), но и качественную (в русских народных говорах обнаруживаются специфические идеограммы[1], указывающие, например, на множество «видов гостей» и «видов посещений» и не имеющие аналогов в русском литературном языке).

Весь комплекс номинаций был проанализирован также в мотивационном аспекте. Были представлены предметные коды, элементы которых берутся за основу номинатором при осмыслении объектов и событий гостевой коммуникации. Надо сказать, что мотивы (вскрывающие причину выбора номинатором той или иной внутренней формы слова) редко требовали отдельного комментария, поскольку метафорические переносы в изучаемом лексическом пространстве немногочисленны. Можно привести в пример диал. *жировать* ‘гостить’, *калядски гость* ‘засидевшийся гость’, *походливый как корова* ‘кто любит ходить по гостям’, *золотой гость* ‘кто вовремя уходит из гостей’, *вихорная баба* ‘женщина, бегающая по гостям’ и др. Здесь мотивы подлежат экспликации на основе образа, см., например: «жир» → «богатство, довольство» → «особое положение гостя, окруженного вниманием хозяев». По преимуществу же номинации поля «Гощение» содержат во внутренней форме указание на один из признаков ситуации приема гостей без опосредования метафорой. Например,

[1] Ср.: «Некоторые единицы этого поля попросту являются культурными словами» [Березович, 2007, с. 43].

временны́е смыслы являются по сути отражением на уровне мотивировки, без привнесения образности, временны́х сем, входящих собственно в лексическую структуру слова (сем своевременности / несвоевременности прихода или ухода, а также продолжительности гощения – неделя, год).

Набор предметных кодов (пространственно-временной, кулинарно-гастрономический, социально-коммуникативный, речевой, обиходно-бытовой, мифологический, визуальный, метеорологический) в большей своей части воссоздает, таким образом, фреймовость представлений о гощении.

Присутствует, конечно, и асимметрия (несовпадение) состава, с одной стороны, комплекса актуальных идеограмм (и составляющих их сем) и комплекса релевантных мотивов в поле «Гощение». Например, временные смыслы нечасто закладываются во внутреннюю форму номинаций сферы «Гощение», в то время как в наборе идеограмм временной регламент гощения (установки, запреты) репрезентирован многосторонне и подробно. В свою очередь, пространственные семы в структер собранных нами слов подчеркнуты преимущественно в обозначениях дома, избы как места гощения, специального места для гостя в доме или за столом, но мотивационный анализ показывает, что номинатор чаще обращается не к лексике локализации в пространстве, а к лексике перемещения (*приходить, уходить, собираться, бродить, слоняться* и др.).

Итак, наиболее продуктивными оказались модели образования номинаций от лексики движения, перемещения в пространстве, что находится в согласии с данными ассоциативных словарей, в которых отмечается высокая частотность реакций «пришел», «ушел». Это означает, что в наивно-языковом сознании гощение закономерно осмысливается прежде всего в категориях пространственных перемещений (гость – временная роль, актуализирующаяся только с вторжением в чужое пространство). Интересно, что Л. В. Балашова, изучающая специфику формирования и развития социального метафорического макрополя, замечает: «По происхождению больша́я часть социальной лексики является производной от пространственной и натуралистической» [Балашова, 2014, с. 83].

Второй по номинативной плотности лексический сегмент поля образован словами и фразеологизмами, во внутренней форме которых содержатся отсылки к представлениям об угощении как части фрейма приема гостей. Средствами социально-коммуникативного кода запечатлены, с одной стороны, маркировка гощения как понятия сферы коммуникации (внутренняя форма части слов это поля – «люди»), а с другой стороны, «норма» поведения хозяев с гостями: расположенность, благожелательность, заботливость, щедрость. Речевой код прямо отсылает к таким частям фрейма, как созывание гостей и поддерживание беседы. Обиходно-бытовой код объединяет элементы весьма неоднородные и сам по себе не позволяет составить цельной картины, маркируя разные части ситуации гощения: дарение гостинцев, поведение гостя, одобрение или неодобрение хозяевами поведения гостя. Мифологический код манифестирует сакральную основу появления гостя (только этот «участок» фрейма здесь оказывается актуализированным). Привлечение средств визуального кода объясняется, вероятно, осознанием гощения как сферы непосредственного (прямого) контакта: гость и хозяин вступают в прямую коммуникацию, видят друг друга. Метеорологический же код выделен на основе единичной номинации *вихорная баба*, которая метафорически воплощает опять же мотив перемещения в пространстве. Следовательно, мотивационный анализ подтверждает фреймовость представлений о гощении.

Наконец, поскольку в деривационном гнезде слов с корнем *-гост-* присутствуют лексические факты (функционирующие в том числе в составе фразеологизмов), которые обозначают объекты других сфер действительности («Родные», «Болезни», «Предметы хозяйственной утвари» и т. д.), не связанных с ситуацией гощения, был проведен анализ «правой» (исходящей) мотивации слов. Оказалось, что в фактах правой мотивации отражены представления о чужести, внезапности, нежелательности и опасности появления гостя, об ограниченности его свободы поведения, о праздности гостя, окруженности его вниманием, о ролевых позициях хозяина и гостя, о перемещении гостя в пространстве, о ритуализованности гощения, сопряженного с угощением и

дарением гостинцев, а также о незаурядности события гощения, которое нарушает обычное течение жизни. Таковы наиболее устойчивые «слоты» представлений о гощении.

Результаты семантического и мотивационного анализа лексики гощения показывают высокую степень ритуализованности данной сферы взаимодействий, наличие «регламента», то есть множества предписаний для гостя и хозяина.

ГЛАВА 4

ЛЕКСИКА ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ ИДЕИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ В РУССКОЙ НАРОДНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ

Лексико-семантическому полю «Труд» или отдельным его сегментам посвящено немало работ, в которых слова и фразеологические единицы данной сферы рассматриваются с позиций семасиологического или ономасиологического подхода [Борщева, 2012; Брысина, 2001; Еремина, 2003; Кругликова, 1990; Кругликова, 1992; Литвинова, 2011; Маркелова, 2004; Суслович, 2010; Токарев, 2003 и мн. др.]. Комментируя номинации этой сферы, авторы обращают внимание на случаи актуализации связи между понятиями «труд» и «социум», «труд» и «норма», однако последовательное выявление в лексике поля «Труд» комплекса соционормативных сем еще лежит в области нерешенных лингвистических задач.

В данной работе будет уделено внимание только лексике, характеризующей трудовые отношения в крестьянской общине, в частности коллективный труд, участие человека в таких взаимодействиях с другими членами общины. Далее представим выборочный обзор наиболее частотно получающих номинативное воплощение идеограмм данной семантической области, затем – результаты мотивационного анализа слов одной тематической подгруппы – обозначений коллективной взаимопомощи как феномена организации трудовой деятельности.

4.1. Нормативно-регулятивная семантика в лексическом поле «Труд»

В состав лексико-семантического поля «Труд» могут быть включены обозначения самых разных объектов: орудий труда, трудовых отношений, разных видов работ, профессий, трудовых функций, характеристик труда, человека по его отношению к труду, умению или неумению работать и т. д.

Лишь часть этих номинаций фиксирует социально значимые смыслы, то есть такие, которые свидетельствуют о концептуализации труда как социального феномена, необходимого для организации жизни человеческого сообщества (трудовая деятельность обеспечивает существование людей и потому целенаправленно организуется ими, при этом разным историческим типам обществ соответствуют разные формы организации труда) и обусловливающего связи между людьми (с одной стороны, мнение о человеке складывается на основе оценки его качеств, среди которых не последнее место занимают трудовые качества[1]; с другой стороны, некоторые виды работ предполагают совместный труд, в том числе коллективную работу целой общины).

---

[1] Анализ диалектных оценочных характеристик человека по его трудовым качествам показывает, что в языке маркированы такие качества, как трудоспособность и немощность, умелость и неумелость, трудолюбие и тунеядство. Они приобретают в народной культуре «социальный резонанс». Условное разграничение социума на центр (ядро) и периферию (окраины) – одна из характерных черт народного мировоззрения, нашедшая выражение во внутренней форме перм. *сторóнник* ‘о человеке, не способном к работе, инвалиде’ (*Заболел, его уж не стали принимать никуда: сторонник, не способный уж к работе*) [СРНГ, т. 41, с. 247], перм. *безрабóтица* (собир.) ‘люди, не принимающие участия в хозяйственно важных работах’ (*Сейчас у нас всё в деревне живут всё старики да инвалиды, всё безработица*) [АС, т. 1, с. 60], ленингр. *жив – не гóден* ‘о нетрудоспособном человеке’ (*Он в аварию попал, сразу не умер, да всё равно жив – не годен*) [СРГК, т. 2, с. 56], олон. *быть в степéни* ‘быть бодрым, крепким, трудоспособным’ [СРНГ, т. 41, с. 140], перм. *бросúха* ‘о человеке старом, дряхлом, не имеющем сил работать’ (*Старый стал, дык бросиха стал теперь; Калека… и работать не может, вот его считают бросихой*) [АС, т. 1, с. 93] и др. «Социальные окраины», к которым относят, в частности, не способных работать – детей, стариков, немощных – обозначаются существительными с грамматическим значением собирательности: волог. *лихорáтье* ‘о старых немощных людях’ (*В деревне остается одно лихоратье, нерабочие кости*) [СРГК, т. 3, с. 132], волог. *старьё да барье* ‘о неработающем человеке’ (*Старье да барье осталось*) [СРНГ, т. 41, с. 90] и др. Годность или негодность к работе связывается и с умелостью, сообразительностью, провоностью либо неумелостью, медлительностью: печор. *всё в рукáх кружáется у кого* ‘о человеке, который быстро, умело работает’ (*Он дельный мужык, у него всё в руках кружаецця*) [СРГНП, т. 1, с. 354], печор.

В данной идеографической области присутствуют понятия нормы, меры, эталона, стандарта, а значит, и идея отклонения от нормы, то есть аномалии: норма выработки, трудолюбие как одобряемая норма отношения к труду, мера ответственности, норма трудовых отношений в коллективе, субординация,

---

крутя́щий ‘очень быстро, проворно работающий’ (*У нас Катя жыла, така крутяшша была*) [СРГНП, т. 1, с. 356], курск., яросл. *спорина́* ‘умение, ловкость в труде, обеспечивающие достаток, прибыток, благополучие в доме’ (*Вот какая у Катерины спорина при вязании, всех обогнала. Нет спорины – говорят при медленной работе*) [СРНГ, т. 40, с. 224], арх. *недопёха* ‘неумелый, нерасторопный, несообразительный в работе человек’ [СРГК, т. 3, с. 404] и др. Получить представление о многообразит этой лексики можно, обратившись к работе М. А. Ереминой [Еремина 2003]. Трудовые навыки получают оценку в категориях социальной перспективы, что обычно фиксируют контексты: ср.-урал. *Ак, тихобзяинка, че тихо робишь? Как замуж пойдешь?* [СРНГ, вып. 44, с. 143], перм. *За беспуток-то мало кто сватался, кому жена неумеха нужна* [СПГ, т. 1, с. 37] и др. Желание и нежелание человека трудиться – психологические характеристики личности – также переосмыслены в их взаимосвязи с предметно-бытовой и социальной сферами. У работящего – крепкое хозяйство, у нерадивого – запущенный дом: сарат. *спра́вный в рабо́те* ‘ответственный, исправный, трудолюбивый’ (*Шабёр [сосед] справный во всякой работе*) [СРНГ, т. 40, с. 259], костр., калин., пенз. *неделу́ха и недёлуха* ‘лентяйка, бездельница’ (*Иван, у тебя хозяка-та неделуха; Да она недёлуха, дома у них сроду грязь*) [СРНГ, т. 21, с. 11] и др. Запущенная изба бездельника и обихоженный рачительным хозяином-трудолюбцем дом – предмет оценок, обсуждений, сплетен, а от этих оценок зависит построение связей внутри крестьянской общины: «Социальной нормой признается не безразличное, нейтральное, а именно положительное, добросовестное отношение к труду, отклонения от нее оцениваются негативно и осуждаются обществом» [Лукьянова, 1985, с. 59]. Итак, в наивно-языковой картине мира негодность к работе (нетрудоспособность, недостаток мастерства и опыта, неумелость, нежелание работать – тунеядство, лень) являются характеристиками не столько личными, сколько социальными. Они репрезентируются в лексическом диалектном материале как факторы, определяющие «социальные перспективы» человека, его участие во взаимодействиях людей внутри общины – в заключении брачных союзов, объединении для общинных работ, создании ремесленнических артелей (см., например, контекст: печор. *Хорошо работат она, дак в люди вышла, все её почитают* [ФСРГНП, т. 1, с. 84], перм. *Не буду хулить себя и сестру, были мы почётными и по родным и сами по себе, трудливыё мы были, вот и уважали нас* [СПГ, т. 2, с. 194] и др.).

понятие профессионализма и т. д. И производственный стандарт, и нормы коммуникации, и нравственные императивы в сфере выполнения какой-либо работы детерминированы обществом, однако норма не всегда является социальной. Так, у человека может быть собственная, вне общественных ожиданий и стандартов, мера усталости от работы, работоспособность, индивидуальная предрасположенность к тому или иному виду деятельности и т. д. Между тем, например, работоспособность, будучи характеристикой индивидуальной, находится в фокусе наблюдений и оценок сторонних людей, поскольку приносит обладателю этого качества добрую славу, что немаловажно, например, для построения брачного союза, и обычно характеризует хорошего хозяина, а значит, интегрируется в область социального – хозяйственных, семейных отношений и общественного мнения. Еще одна иллюстрация к сказанному: мы ранее уже обращали внимание на то, что носитель диалекта противопоставляет физическую работу интеллектуальным занятиям, ср. новосиб. *Он и делать ничего не умеет – разве умственно что писать сможет* [СРНГ, вып. 27, с. 46]. В то время как в жаргоне, просторечии и литературном языке присутствует представление о производительности интеллектуального труда и его сложности, в диалекте ум репрезентирован как сообразительность, деловитость, проворность, но не как способность творить, созидать, производить нематериальный продукт [Леонтьева, 2008, с. 99–100]. В этом случае отношение к интеллектуальному труду – не индивидуальная позиция человека, характеризующая его личность, склонности, а сложившаяся в социуме – крестьянском сообществе – оценка.

Итак, к числу идеограмм, отражающих социально-нормативную семантику в лексике труда, можно отнести следующие: ‘объединение людей для совместной работы’, ‘коллективная взаимопомощь’, ‘общественное порицание плохого или отстающего работника’, ‘работа на общественных началах’ и т. д. Они принадлежат одновременно нескольким лексико-семантическим полям, одно из которых – «Труд», в качестве другого может выступать поле «Социальные взаимодействия» или другое по масштабу, принципам отбора лексики, но

тематически сходное поле («Социум», «Социальные отношения», «Социальная регуляция» и др.)

Вкратце охарактеризуем вербальные репрезентации нескольких таких пограничных идеограмм, соотносимых со своеобычными для крестьянской среды формами трудовых взаимодействий между членами общины.

Коллективная помощь одному из членов общины, которая была нормой трудовой жизни в разных культурах [Бабашкин, 2011; Гимбатова, 2007; Громыко, 1991, с. 41–50; Данилова, 2014; Касимов, 2014; Молотова, 2014; Свищева, 2013; Семенов, 1976; Скотт, 1992; Хасбулатова, 2006; Хиясова, 2006 и мн. др.], является одним из способов организации хозяйственной деятельности крестьян в русской деревне. Если в словарях современного русского языка слово *помочи* маркируется как устаревшее и областное [ССРЛЯ, т. 10, с. 1205], то в русских народных говорах бытуют десятки обозначений этого вида коллективной работы: перм. *по́мочь* ‘собрание людей для оказания кому-либо помощи в работе, с угощением со стороны хозяев’ (*Печь-ту били, дак Мария помочь ладила. Пиво про их варила. У Лиды помочь была: в один день все дрова испилили; Ходили друг к другу на помочь: жали, косили. Работали бесплатно, за угощение*) [СПГ, т. 2, с. 164], яросл., пск., твер. *прихва́тка* и яросл. *прихва́точка* ‘коллективная помощь, помощь в работе’ [СРНГ, т. 32, с. 48], перм. *вечёрка* ‘коллективная работа в помощь кому-либо при трепке льна, производимая вечерами’ [СРНГ, т. 4, с. 214], свердл. *подёнщина* ‘коллективная помощь, помочи’ [ЭИС, т. III, с. 171], орл. *идти́ в камыши́, быть в камыша́х* ‘участвовать в помочах (коллективной крестьянской работе)’ [СРНГ, т. 13, с. 33] и мн. др. Особой срочности могут требовать крестьянские работы, которые нужно закончить, например, в погожие дни, до начала дождей, чтобы убранное сено или зерно долго хранилось, поэтому в отдельных номинациях актуализирован этап завершения работы: волог. *домоло́тки* ‘коллективная помощь по окончании молотьбы’ (*Чужие кто приходили молотить – большие домолотки бывали*) [СГРС, т. 3, с. 250], волог. *дожи́нки* ‘коллективная помощь во время жатвы’ (*Опять приглашали, на дожинки сходила*) [Там же, т. 3, с. 237], арх. *бородно́* ‘коллективная помощь во

время жатвы’ [СРНГ, т. 3, с. 111], ср. описание обрядового завивания бороды, завершавшего страду: «Борода – окончательная, при содействии помочи, уборка хлеба или сена. <…> Обыкновенно во второй половине или в конце августа (а для сена ранее) зажиточнейшие крестьяне заколачивают девушек, жонок и парней на бóроду, т. е. просят дожать общими силами в один день остающийся на поле хлеб или убрать на пожне сено» [Там же, с. 109].

К лексике коллективной взаимопомощи можно отнести языковые факты, отражающие сравнительно небольшой круг идеограмм. В русских говорах функционируют лексические единицы, называющие угощение работников по окончании помочей: пск., твер. *накóрмлины* ‘стол у хозяина, которому оказывается коллективная помощь в работе’ [СРНГ, т. 19, с. 341], том. *отпóй* и *отпóйка* ‘угощение вином за помощь в работе’ [СРНГ, т. 24, с. 274], печор. *на (под) винó* ‘за угощение в виде оплаты какой-нибудь работы; говорится о коллективной помощи кому-либо’ [ФСРГНП, т. 2, с. 7], волог. *назёмные пироги́* ‘пироги, предназначенные для тех, кто вывозит навоз во время коллективной возки’ [СРНГ, т. 19, с. 282], ср. об *отжи́нной кáше*: «В Онежском, Холмогорском и Пинежском уездах каша составляет главное угощение на празднествах по случаю окончания жатвы, особенно если дело не обходится без помочи; поэтому говорят например: Севодни у дяды Власа каша, т. е. звали на помочь, а потом будут угощать кашей» [Подвысоцкий, с. 64], и т. д.

Очевидно, что угощение участников помочи нельзя считать оплатой, поскольку она «не соразмерна» работе, хотя может быть неподъемной для некоторых членов крестьянской общины, ср. контекст к перм. *почесýха* (*Раньше потрепухи, почесухи, помочи делали, а мы бедно жили, дак позовушки-то* <позовушка – совместная работа соседей, товарищей в помощь кому-ли., помочь> *не ладили*) [СРНГ, т. 31, с. 8]. Неслучайно исследователями отмечается нравственное содержание помочей: «Обычай этот обладал мощной нравственной силой: помочане работали без расчета на оплату, бескорыстно, хозяева платили за работу “праздником” (угощением), платить деньгами было предосудительно, часто помочи оказывались не ради житейских выгод, а из сострадания. Будучи

необходимым элементом сферы хозяйственной деятельности, являясь средством передачи производственного опыта, помочи в то же время представляли собой яркую форму реализации этической традиции взаимопомощи, проявлявшейся в разного рода межкрестьянских отношениях» [Афанасьева-Медведева, 2010, с. 298].

Празднование окончания коллективной работы и сама работа составляют важную часть жизни крестьянской общины, предоставляя «сцену» для взаимодействий между людьми, участвующими в помочах. Для них есть специальные обозначения: свердл. *помоча́не* ‘участники коллективной помощи’ [ЭИС, т. III, с. 172], арх. *захребе́тник* ‘тот, кто оказывал помощь в сельхозработах; за это его угощали’ [СГРС, т. 4, с. 233], свердл. *замоло́ченный* ‘человек, которому помогали молотить и обязанный отработать помочи по молотьбе’ [ЭИС, т. III, с. 173] и др.

Совместная работа и коллективное празднование с угощением становятся площадкой для наблюдений над умениями и особенностями поведения друг друга. Отстающие, как показывают их уничижительные обозначения и записи диалектной речи, подвергаются насмешкам: пск. *поскреби́ша* ‘человек, который во время коллективной работы (помочей) опаздывает к обеду и, терпя насмешки, довольствуется остатками, поскребками’ [СРНГ, т. 30, с. 171], смол. *телёпа, телепа, зателепа* [удар.?] ‘о последнем вознице с навозом, над которым шутят, подсмеиваются (во время коллективной работы в помощь кому-либо)’ (*Навоз часто вывозится толокой. Последний воз навоза называется «подскребыш», а возница «телепою»; над «телепой» все смеются и отпускают по адресу его шуточки циничного характера. Обязанность телёпы – украсть кашу во время обеда, который варится для этой цели особо на каждой толоке. К общему удовольствию присутствующих «телепа» или «зателепа» украдывает кашу, а толпа ребятишек обыкновенно устремляется ловить вора. Последний стремится попасть на тот хлев, где копали навоз. Там при общем смехе вся толпа наперерыв расхватывает кашу, а горшок разбивают*) [КСРНГ] и др. Не одобряется и поведение тех, кто присоединился к работе позднее остальных,

чтобы меньше работать, но угоститься вместе со всеми (перм. *подхва́тка* ‘помощь кому-л. в окончании, завершении работы’ (*Жали с помочами; люди-те придут с утра все, а иные – с обеда, на подхватку, на пиво токо заробить*) [СПГ, т. 2, с. 133], а также тех, кто пришел к угощению, хоть и не участвовал в помочах (часто это – родные помочан – дети, жены): перм. *нахребе́тник* ‘человек, который сам не принимал участия в общей работе (помочи), но пришел на угощенье на правах члена семьи одного из участников помочи’ (*Мужик-от ходил на помочь, а жена-то нахребетником явилась*) [СРНГ, т. 20, с. 272], арх., перм., костр. *захребе́тничать* ‘быть захребетником, получать угощение, не участвуя в помочах’ (*Уж этот мужичок боговый! Сам робить на помочи не ходит, а все захребетничает*) [СРНГ, т. 11, с. 163], волог., костр., перм., челяб., оренб. *захребе́тник* ‘человек, пришедший на угощение вместо лица, принимавшего участие в помочах’ [СРНГ, т. 11, с. 162], арх. *захребе́тник* ‘человек, не принимавший участия в общественных работах, но пришедший на праздник в честь их завершения’ [СГРС, т. 4, с. 233], свердл. *захребе́тники* ‘родственники, не участвующие в коллективной помощи, но приходившие на угощение’ [ЭИС, т. III, с. 172] и др. Таким образом, лексическими средствами маркированы категории «отстающие в работе», «пришедшие на помочи позднее других», «не работавшие на помочах участники угощения».

Из сказанного следует, что, во-первых, помочи – феномен не только хозяйственный, но и социальный, а во-вторых, от развития соседских отношений на помочах как «арене» общественной жизни зависело распределение социальных ролей в замкнутом крестьянском социуме русской деревни, в чем и состоит регулятивный «эффект» помочей.

Объединения людей для совместной работы. Идеограмма ‘объединение людей для совместной работы с целью извлечения прибыли или облегчения тяжелого физического труда’ воплощается в обозначениях артелей и действий, направленных на образование таких артелей: южн., кубан., яросл. *спрага́ться с кем-либо* ‘объединяться для совместной обработки земли’ (*Половина жителей, имея по одной, по две пары быков, при пахоте спрягаются двора по два-три*)

[СРНГ, т. 40, с. 278], ленингр. *спа́иться* ‘объединиться для совместной работы’ [СРНГ, т. 40, с. 107], урал. *сла́живаться* ‘объединяться для совместной работы’ [СРНГ, т. 38, с. 227], перм. *сра́бливаться* ‘объединяться для общей работы’ (*Дом строить срабливались мужики с мужиками*) [СПГ, т. 2, с. 389], том. *сплести́сь* ‘объединиться для совместной работы’ (…*Несколько семей сплетутся*) [СРНГ, т. 40, с. 161], ряз. *слепи́ться* ‘объединиться’ (*Да мы на покос слепились свой*) [СРНГ, т. 38, с. 264], вят., перм., яросл. *сва́живаться* ‘объединяться (о крестьянах) для совместного вывоза чего-либо, для летних работ’ (*Надо с соседом сваживаться навоз возить*) [СРНГ, т. 36, с. 203], урал. *совмеща́ться* ‘объединяться, соединяться для совместной рыбной ловли’ [СРНГ, т. 39, с. 190], том. *соспа́рить(ся)* ‘соединить(ся) в пару для совместной работы’ [СРНГ, т. 40, с. 57], яросл., урал. *свя́зка* ‘небольшая артель рыбаков, ведущих совместный лов рыбы’ [СРНГ, т. 36, с. 334], беломор. *склады́ня* ‘рыболовная артель на паях, которые определяются по количеству орудий лова и рабочей силы’ [СРНГ, т. 38, с. 22], печор. *за́говор* ‘группа людей, договорившихся работать совместно, на паях’ (*Двацщеть пять целовек в заговоре было, по три невода, по четыре*) [СРГНП, т. 1, с. 228], амур. *спа́рка* ‘объединение для совместной работы’ [СРНГ, т. 40, с. 113], олон., волог. *се́бра́* ‘работа вместе, сообща; взаимопомощь’ [СРНГ, т. 37, с. 94], олон., рус. (карел.) *себра́* и олон. *себрина́* ‘артель, объединение рыбаков, крестьян и т. д. для совместной работы’ [Там же], олон. *себрова́ть* ‘быть членом артели, товарищества’ [Там же, с. 95] и др. Артельные работы, объединения для выполнения тяжелой работы не предполагают помощи какой-либо одной семье, но тоже предназначены для взаимного облегчения тяжелого физического труда.

Первый и последний в работе – образы, которые регулярно становятся объектами номинации в русских диалектах. Соответствующие идеограммы характеризуется «встроенной» социальной семантикой, так как первый и последний могут быть определены только в «социальном соревновании» – во взаимодействии людей: новосиб. *переке́шивать* ‘обогнать, обойти кого-либо в косьбе’ [СРНГ, т. 26, с. 120], омск. *заброса́ть снопа́ми* ‘сноровисто, быстро

работать’ (*Я бы сейчас всех забросала снопами, если б со мной взялись тягаться*) [СРНГ, т. 39, с. 122] и др. Ранее уже говорилось о последних в коллективных помочах (то есть о позднее других заканчивающих работу), но площадкой для сравнения трудовых навыков, умений, хозяйственности могут быть и другие «виды» работ.

Так, например, речь может идти не о совместной, коллективной работе людей, а об одновременности сезонных работ. Если своевременность начала и дружность окончания сезонных работ нарушается кем-либо из жителей деревни, он терпит насмешки и получает обидные наименования: иркут. *лени́вая соха́* ‘запоздалый выезд на весеннюю пахоту’ [СРГС, т. 4, с. 396], новг. *тащи́ть килу́* ‘выполнять какое-л. трудное дело, работу и т. п.’ (*Все уже выкопали (картошку), а нам тащить килу*) [СРНГ, т. 43, с. 318], волог. *ки́лу оставить* ‘оставить не убранным до конца участок поля, покоса и т. п. (обычно из-за отставания в работе)’ (*Ну, скажут, килу оставил. Это если, буди, картошки не выкопаешь, ленишься, в отстаюшших*) [КСГРС], помор. *кила́* ‘символ срамоты’ (*Тому, кто последним убирал урожай (их называли «килова́на»), соседи вешали на забор или в сенях «килу́», сделанную из снопа скрученной соломы*)’ [Мосеев, с. 68] и др.

Обозначения отстающих, как правило, универсальны для любых ситуаций совместной работы – для коллективной помощи, работы в артели, а также хозяйственных работ, выполняемых семьей (показателен контекст: волог. *Мати меня перегонит, скажет: «Я тебя на бороде оставила!»* [СГРС, т. 1, с. 157]): рус. (карел.) *после́дний хвост* ‘о приехавшем последним’ [СРГК, т. 5, с. 92], арх. *ки́ска* ‘человек, последним завершивший какое-либо дело’ (*Навоз возили: «Ты последний приехал, ты киска!» – смеялись над ним; Последним придешь – киска. Было очень стыдно. Старались гнать, чтоб не приехать последним, чтоб не назвали киской*) [СГРС, т. 5, с. 148–149], сиб. *ки́ла* ‘о человеке, отставшем от других в косьбе, жатве’ [СРНГ, т. 13, с. 206], петерб. *ки́ла* ‘прозвище возчика навоза в поле, который отстает от других в работе’ [Там же], пск. *килу́н* ‘шуточное прозвище мальчика, который во время толоки везет в поле последний воз навоза’ [Там же, с. 209], волог. *киловатик* ‘тот, кто отстает при выполнении с/х работ (при косьбе,

пахоте, копании картошки)’ (*Киловатики мужики с грыжей. А ешшо киловатик есь – в работе отстает; Киловатик ты! Над киловатиком смеялись. Сделают маленький как будто стожарик и как будто озородчик, им поставят*) [КСГРС], ср. петерб. *подки́лок* ‘тот, кто явился с работы (домой) вслед за килой (отстающим от других в работе)’ [СРНГ, 28, с. 31], перм. *киловóз* ‘тот, кто едет в последней повозке обоза’ (*После всех Василко едет опять, все время он киловоз – дольше спит да дольше запрягает*) [СПГ, т. 1, с. 388], свердл. *килу́н* ‘приехавший с навозом последним’ [ЭИС, т. III, с. 174]. Ср.: волог. *ки́лу тянуть* ‘идти последним на сенокосе, отставать’ (*Мы маленькие были, говорили тому на сенокосе, кто позади всех идет – «килу тянет». Тому, кто задный. Всегда старались, чтобы килу не тянуть*) [КСГРС].

Отстающего или неумелого работника порицают вручением ему «позорящего» символа. Знаком насмешки служат разные предметы, называемые обычно *килой*: пучок сена или сжатого жита, прикрепленный к палке, петля из нитки и др. Знак, указывающий на огрех, иконичен: борода или пучок сена «изображают», например, траву на месте непрокоса. При этом реализуется сигнальная функция: палка служит позорящей меткой. Кила может иметь фаллическую символику, ср. демонстрацию гениталий в целях оскорбления, унижения. Вручение килы или обещание ее установить на полосе отстающего сродни деструктивному магическому действию, ср. ряз., дон., перм., влад., онеж., арх., сиб., тул. *сажать, ставить, пускать килу* ‘по суеверным представлениям – вызывая действие сверхъестественных сил, насылать грыжу, опухоль и т. д.’ [СРНГ, т. 13, с. 206].

Субститутом вещного знака может выступать осмеивающая речевая формула: онеж. *нá тебé килу́* ‘слова, которые говорят тому, кто плохо работает, подавая при этом палку с привязанным на конце сеном’ [СРГК, т. 2, с. 345]; «*Ура! Ванькина кила, Сашкин подкилок, Хозяину в затылок!* – [дразнилка для возчиков-детей: для тех, кто приехал с навозом последним и предпоследним]» [ЭИС, т. III, с. 174]. Имеются специальные формулы, обещающие отстающему расправу: волог. *привязáть к нúжней бородé* ‘угроза тому, кто плохо косит или жнет’

[СГРС, т. 1, с. 157], арх., волог. *за хохо́л пове́сить (привяза́ть)* ‘брань, адресованная человеку, оставляющему непрокосы – брак при косьбе’ (*Кто тут косил? Котору за хохол повесить? За хохол тебя надо привязать, наостовляет кто пупов сзади*) [СГРС, т. 4, с. 232], костр. *за хохо́л привяза́ть* ‘угроза тому, кто плохо косит, оставляя непрокошенные участки’ (*Тебя надо за это привязать, за этот хохол*) [ЛК ТЭ], костр. *привязать за трави́нки* ‘угроза тому, кто плохо косит’ (*Плохо косишь – привяжём тебя за эти травинки*) [ЛК ТЭ], арх. *за во́лосы нать привяза́ть* ‘слова, которые говорят человеку, который косит с огрехами, оставляет нескошенными полоски травы’ [СГРС, т. 4, с. 35], костр. *за я́йца привя́зывать* ‘угроза тому, кто плохо косит’ (*За яйца только привязывать!*) [ЛК ТЭ], волог. *привязать к жо́пе траву́* ‘о наказании тому, кто плохо косит’ (*Худо косишь – привяжем к жопе траву*) [КСГРС] и др. Ритуальное высмеивание, несомненно, выполняет социально-нормативную функцию, поскольку является акцией демонстрации неодобрения и сообщением о существовании внутреннего общинного контроля.

Умение и неумение работать в коллективе. Традицией общинного выполнения некоторых хозяйственных работ, обычно связанных с тяжелым физическим трудом, обусловлено внимание носителя народной культуры к коммуникативным характеристикам личности, умению согласовывать действия внутри трудовой группы: арх. *сраб́отка* ‘согласованность в работе, сработанность’ (*Сработки нет между ними, друг друга устофиливают, ругают*) [СРНГ, т. 40, с. 301]. Среди обозначений членов артели особенно много слов, называющих людей, которые не хотят или не могут должным образом выполнить свою часть работы в согласии с другими: рус. (бурят.) *само́шник* ‘индивидуалист, человек, противопоставляющий себя обществу, коллективу’ (*…С самошником дела не сладишь… Так самошника мы потом из артели выгнали*) [СРГС, т. 4, с. 226], рус. (бурят.), читин. *чи́га* ‘человек, не желающий подчиняться заведенному порядку’ (*Чига то и дело уходил неизвестно куда из артели. А когда чига приходил, его спрашивали, где был, чига отвечал, что это только дело его. Пришлось чигу из артели прогнать*) [СРГС, т. 5, с. 291]. Плохой работник

подводит остальных: забайкал. *саботéльник* ‘человек, намеренно срывающий какую-либо работу или умышленно плохо ее исполняющий’ (*Кто в артели из саботельников соберется, то беда*) [СРНГ, т. 36, с. 13], рус. (бурят.) *утя́г* ‘человек, переходящий с работы на работу’ (*На утяга какая надёжа. Утяг сёдне здеся, а завтра тама*) [СРГС, т. 5, с. 178], ср. костр. *смáзывать работу* ‘портить, сводить на нет работу, дело’ (*Товарищ всю нашу работу смазал*) [СРНГ, т. 38, с. 339]. Отношение к плохим работникам, выражающееся в желании избавиться от них, запечатлено в иллюстративном контексте к рус. (карел.) *лóктем глазá перекрестúть* ‘выразить большую радость, удовлетворение по поводу чего-н.’ (*Вот мне добраться до того места, так локтем глаза бы перекрестила; а можно к плохому сказать: вот уходит с бригады плохой работник, так все локтем глаза перекрестят*) [СРГК, т. 4, с. 451]. Индивидуализм, неспособность человека работать в коллективе репрезентируется в диалектной лексике как нежелательная характеристика, плохо сказывающаяся на его участии в жизни общины вообще (не только в трудовых отношениях, но и в брачных, в гостевой коммуникации), и никогда не оценивается положительно.

Таким образом, лексика труда включает не только названия составляющих трудовых процессов, но и слова, запечатлевшие социальную природу коллективного труда: консолидацию усилий членов общины, установившуюся в естественных бытовых условиях взаимность и очередность участия в работе, потребность в определенной форме трудовых взаимодействий той социальной среды, в которой она сформировалась как явление и т. д.

4.2. Мотивационные модели в сфере лексики коллективной взаимопомощи

Данный раздел посвящен рассмотрению мотивационных моделей, реализованных в обозначениях одного из значимых для русской крестьянской культуры явлений – коллективной помощи соседям (помочи). Мотивация таких слов затрагивалась ранее в научной литературе, например, в связи с прояснением происхождения отдельных лексем в русском и других славянских языках. Так,

Илона Янышкова представляет свои наблюдения над лексикой чешского языка, привлекая данные других славянских языков, в том числе отдельные русские лексемы [Янышкова, 2008]. Ж. Ж. Варбот, объясняя происхождение слова *орава*, приводит родственное кашубское *orava* ‘взаимная соседская помощь при пахоте’ [Варбот, 1997, с. 645]. В то же время этот феномен крестьянской жизни, известный историкам, этнографам, лингвистам, пока не получил целостного осмысления через призму мотивации его обозначений. Выявление семантических моделей и экспликация мотивов, которыми руководствовался носитель языка при создании обозначений помочи (устар. и обл. *помочь* ‘работа всей крестьянской общиной в помощь кому-л. за угощение’ [ССРЛЯ, т. 10, с. 1205]), дает возможность провести реконструкцию наивно-языковых представлений носителя народной культуры о феномене коллективной помощи в русской деревне. Лексика будет представлена далее в соответствии с мотивами, актуализированными во внутренней форме рассматриваемых номинаций.

1. Ряд наименований, в том числе зафиксированное в словаре литературного языка слово *по́мочь*, содержит во внутренней форме прямое указание на назначение такого общественного явления, как коллективная работа вне ситуации внешнего принуждения. В данном случае совместный крестьянский труд инициирован побуждением членов общины помо́чь кому-либо из них в таких обстоятельствах, когда дело составляет трудность для одной семьи: калин. *помо́г*, семипалат. *помога́*, моск., омск., алт. *по́мога́*, омск., пенз. *по́моча*, краснояр. *помоча́на*, перм., костр., арх. *помо́чка* и др. ‘коллективная работа в помощь кому-либо (за угощение)’ [СРНГ, т. 29, с. 217, 226, 227], свердл. *помоча́ (мн. ч.), по́мощь, по́мочь, по́мочи, помогу́шка* ‘коллективная помощь, помочи’ [ЭИС, т. III, с. 171–172], среднеобск. *спо́мочь* ‘то же’ [СРНГ, т. 40, с. 217], кемер. *ходи́ть помо́чами* ‘участвовать в сезонных работах (помочах)’ [СРГС, т. 5, с. 221], костр. *по́мочь* ‘коллективная помощь в строительстве дома или хозяйственных работах’ (*Дома строили помочью, дрова кому-то привозили, за это только покормят, выживали этим люди*) [ЛК ТЭ] и др.

В качестве производящей основы используется глагол *пособлять, подсобить* (устар. и простореч. *пособля́ть* ‘оказывать помощь, поддержку; помогать’ [ССРЛЯ, т. 10, с. 1503]): яросл., перм. *пособля́нка* ‘коллективная работа в помощь кому-либо’ (*Ежели робить было некому, дак пособлянки собирали, всем миром сробят у нас да к другим пойдут*) [СРНГ, т. 30, с. 190], свердл. *подсо́бина, пособля́нки* ‘коллективная помощь, помочи’ [ЭИС, т. III, с. 172], перм. *посо́бинцы* ‘то же’ [СПГ, т. 2, с. 183], кемер. *посо́бка* ‘коллективная работа в помощь кому-л.’ [СРНГ, т. 30, с. 190] и др.

2. Внутренняя форма слов, обозначающих коллективную крестьянскую помощь, с высокой степенью регулярности содержит указание на вид совместно выполняемых хозяйственных работ. Существуют специальные названия для помощи в вывозе навоза (свердл. *наво́зницы, назёмницы* ‘коллективная помощь на вывозке навоза’ [ЭИС, т. III, с. 173], сиб., верхнелен. *назьмы́* ‘коллективный вывоз навоза в порядке очередности’ [СРНГ, т. 19, с. 281]), в кладке печи (олон. *печеби́тье* ‘работа всей крестьянской общиной (обычно молодых людей) на кладке печи за угощение’ [СРНГ, т. 26, с. 346]), в заготовке дров (свердл. *лесору́б* ‘коллективная помощь на рубке дров’ [ЭИС, т. III, с. 175], перм. *дровору́бка* ‘работа всем крестьянским обществом в помощь кому-либо в рубке леса на дрова’ [СРНГ, т. 8, с. 192]), в прополке сорняков (вост. *полоту́шка* и сиб., перм. *поло́тушки* ‘работа группы женщин в помощь кому-либо при прополке поля, огорода (обычно с угощением)’ [СРНГ, т. 29, с. 125]), в квашении капусты (свердл. *капу́стка, капу́стник* ‘коллективная заготовка капусты’ [ЭИС, т. III, с. 175]), в уборке по дому (помор. *избомы́тьё* ‘коллективная уборка в доме’ (*Приходите-ко, дефки, на избомытьё*) [Мосеев, с. 64], сиб. *помыва́лка* ‘коллективная работа в помощь кому-либо при мытье полов’ [СРНГ, т. 29, с. 235]) и т. д.

Отметим многочисленность обозначений помощи в обмолоте зерновых культур (свердл. *молотя́ги* и *отмоло́т* ‘коллективная помощь на молотьбе’ [ЭИС, т. III, с. 172], ленингр. *молоча́нка* ‘коллективный обмолот зерновых у одного хозяина’ [СРГК, т. 3, с. 253], яросл. *смола́чивание* ‘объединение нескольких семей

для совместной молотьбы’ [СРНГ, т. 39, с. 26] и др.) и коллективной помощи в жатве (свердл. *отжи́нка* и *пожату́ха* ‘коллективная помощь на жатве’ [ЭИС, т. III, с. 172], ставроп., пск. *пожи́нки* ‘коллективная помощь во время жатвы’ [СРНГ, т. 28, с. 296] и др.).

Но особенно много в русских говорах слов, называющих разные этапы цикла коллективной обработки льна. Большинство из них производны от глаголов *колотить, мять, трепать, чесать, прясть*: перм. *колоти́ха* ‘коллективная обработка льна’ [СПГ, т. 1, с. 407], перм., краснояр. *колоти́ха* ‘совместная, коллективная обработка льна, вязанье табака и т. д. в помощь кому-либо за угощение; помочь’ [СРНГ, т. 14, с. 181], волог. *во́тмятье* ‘совместная работа, когда у всех по очереди мнут лен мялкой’ [СГРС, т. 2, с. 192], свердл. *помяту́шка* ‘коллективная помощь при мятье льна’ [ЭИС, т. III, с. 174], свердл. *помяту́хи, потрепу́хи, потрепу́шка, потрепу́шки, почесу́хи* ‘коллективная помощь при трепании льна’ [ЭИС, т. III, с. 174], волог. *потрепу́ха, потрепу́шки* ‘добровольная коллективная работа при трепании льна за угощенье’ [СВГ, т. 12, с. 18], арх. *дотрёпки* ‘совместные работы по обработке льна’ [СГРС, т. 3, с. 261], горьк. *пряди́льница* ‘коллективная помощь в прядении льна’ [СРНГ, т. 33, с. 78], алт. *су́прядь* ‘коллективная помощь большой семье в прядении, ткачестве, сочетавшаяся с угощением, весельем’ [СРГС, т. 4, с. 482], новг. *супряди* [удар.?] ‘беседа, вечеринка’ [СРНГ, т. 42, с. 266], свердл. *попряду́ха, су́прядка, су́прядки* ‘то же’ [ЭИС, т. III, с. 175], перм. *су́прядка* ‘собрание женщин для совместного прядения в помощь одной из них’ [СПГ, т. 2, с. 420] и др. Другие лексемы мотивированы словом *копоть*, поскольку при обработке льна поднимается пыль: перм. *копоти́ха* ‘коллективная помощь при трепании льна для кудели’ (*Копотиху-то в бане делали. Пыли было столько!*) [СПГ, 1, с. 414], свердл. *копоти́ха, копоту́ха* ‘то же’ [ЭИС, III, с. 174].

Этнографические сведения о традиции помочи и более полный список ее специальных (частных) обозначений приводятся в материалах И. А. Букринской, О. Е. Кармаковой [Букринская, Кармакова].

Выявляемый в ходе анализа лексики перечень видов хозяйственных работ вскрывает две причины установления традиции помочи. Обмолот, жатва, кладка глинобитной печи и подобные работы выполняются совместно из потребности облегчить физический труд, непосильный для одной семьи или одинокого человека. Однако помощь в прядении не вполне объясняется фактором трудоемкости работы. Наряду с необходимостью преодоления объективных сложностей здесь имеет значение фактор другого рода.

Помочи являются не только способом исполнения сезонных работ, но и социально-организующим феноменом жизни деревни. Коллективная работа выполняет в этом случае не столько прагматическую функцию взаимопомощи, сколько функцию коммуникативную, т. е. предоставляет возможность для взаимодействий: «Супрядки делали: собираются женщины к одной, сидели, пряли, варили пиво, песни пели» [ЭИС, т. III, с. 175]. Работа сопровождалась общением, обычным для посиделок, о чем свидетельствует дальнейшее развитие семантики слова *супрядка*, ср. волог. *супря́дка* ‘разговор’ [СРНГ, т. 42, с. 268], арх. *су́прядки* ‘долгие разговоры, болтовня’ [КСГРС]. Кроме того, показательна внутренняя форма свердл. *посе́дка, посе́дки, посиде́нка, посиде́нки, посиде́нок, поси́дка, поси́дки, бесе́дка, бесе́дки* ‘коллективная помощь при прядении льна’ [ЭИС, т. III, с. 174–175], отсылающая к ситуации долгого сидения за разговорами. Ср. этимологию слова *беседа*: праслав. *běseda* первоначально означало ‘сидение’ [ЭССЯ, т. 1, с. 212].

3. Мотив созывания работников, вербализованного обращения к людям реализуется посредством привлечения глаголов говорения в качестве производящих основ: перм., челяб. *зва́нки* ‘коллективная работа в помощь крестьянину, толока’ [СРНГ, т. 11, с. 210], свердл. *зва́нки* ‘коллективная помощь при прядении льна’ [ЭИС, т. III, с. 175], волог. *позову́шки* ‘обращение за коллективной помощью’ [СРГК, т. 5, с. 33], яросл., волог., перм. *позову́шка* ‘совместная работа соседей, товарищей в помощь кому-либо; помочь’ [СРНГ, т. 28, с. 336]. В производящих глаголах заложена позиция активного деятеля, который совершает речевое действие, инициирующее ситуацию коллективной

помощи: вят. *окликáть* ‘созывать на помощь в какой-либо работе’ [СРНГ, т. 23, с. 127], горьк. *пóмочь скрычáть* ‘позвать односельчан на работу в помощь кому-либо (за угощение)’ [СРНГ, т. 38, с. 144], дон. *подпрóшенный* ‘приглашенный помочь в сельскохозяйственной работе’ (*Сосед просил помочь огород вспахать, я и есть подпрошенный*) [СРНГ, т. 28, с. 149].

4. «Коалиционные» мотивы появляются при номинировании помочи вследствие того, что основным способом организации работы является объединение множества людей в коллектив.

В основе обл. *толóка* ‘работа всей деревней или частью деревни в помощь кому-л.; помочь’ [ССРЛЯ, т. 15, с. 559], моск. *потолóка* ‘коллективная работа в помощь кому-либо за угощение’ (*Устраивает Иван потолоку, молотили у него, работали, совместно, сделали все, он угощает всех, а завтра к другому работать идем*) [СРНГ, т. 30, с. 290], брян. *талакá* ‘совместная уборка урожая в виде помощи’ [СНГЗБ, с. 258], новг. *сýтолока* ‘совместная работа девушек осенью на рубке, сечке капусты’ [СРНГ, т. 42, с. 318], смол. *навóзная толокá* ‘коллективная помощь кому-либо в работе по вывозке навоза’ [ССГ, т. 6, с. 143], калин., твер. *сýтолока* ‘объединение нескольких крестьянских семей для какой-л. работы сообща (в помощь кому-л.)’ [Там же] лежит сема множества: «Этимологически эти наименования родственны глаголу *толочь* ‘давить’, от которого образованы и слова *толчея, толкотня, сутолока* (скопление народа). С ними по значению соотносима и *толока* – работа, в которой принимает участие много народа» [Букринская, Кармакова]. Ср. литер. устар. разг. *толóка* ‘суета, толкотня’ [ССРЛЯ, т. 15, с. 559].

Сема объединения реализуется в мотивах сосредоточения людей в одном месте (*сходиться, собирать, сгонять*), сложения (*складывать, слагать, составлять*) и общинности (*мир, артель, общий*).

В силу отсутствия в лексикографических источниках контекстов, способных прояснить денотацию лексем, не всегда можно с уверенностью судить о том, имеет ли отношение каждая номинация этой группы к явлению крестьянской помочи. Отдельные языковые факты обозначают не собственно

помочь кому-либо в деревне, а работу на паях, т. е. систему взаимопомощи, при которой каждый участник совместной деятельности получает свою долю от результатов сделанной работы либо труд помощников оплачивается. Ср. яросл. *собира́ть по́мочь* ‘приглашать родных и соседей для помощи в какой-либо работе за угощение’ [СРНГ, т. 39, с. 160] и перм. *сбо́рище* ‘коллективная работа за плату’ (*Мне, молодой, часто приходилось ходить на сборища: деньги надо было на налоги*) [СРНГ, т. 36, с. 181].

У производных от глагола *сгонять* в особенности сильна семантика принудительности, не свойственная обозначениям крестьянской помочи: свердл. *сго́нщина* ‘коллективная помощь в сельскохозяйственной работе’ [СРНГ, т. 37, с. 36], смол., сарат. *сгон* ‘работа, выполняемая всеми жителями села, деревни (барщина, сенокос и т. п.)’ [Там же, с. 32], пск., твер., зап., южн., сарат. *сго́ном жать, косить, везти, работать* ‘всей крестьянской общиной, сообща’ (*Навоз сгоном везли*) [Там же].

От *сходиться* образовано моск. *схо́дка* ‘коллективная работа в помощь кому-л. за угощение; помочь’ [СРНГ, т. 43, с. 68].

Как правило, каждый приходил на помочь со своим инвентарем – косой, плугом, серпом, прялкой и прочим. Совместное использование орудий труда отображено в кубан. *составно́й плуг* ‘объединение людей, имеющих скот или инвентарь, для совместной обработки земли’ [СРНГ, т. 27, с. 163], зап., южн., сиб., новосиб. *склады́ня* ‘коллективная работа с совместным использованием орудий труда’ [СРНГ, т. 38, с. 22], том., новосиб., алт. *склады́ня* ‘коллективная работа в складчину’ (*Если вместе на поле работают, то складыня*) [СРГС, т. 4, с. 316], енис. *скла́дцы* ‘коллективная взаимопомощь в работе’ [СРНГ, т. 38, с. 20], сарат., куйбыш. *скла́дни* ‘коллективная работа (всей общиной или соседями) для совместной обработки или уборки полей’ [СРНГ, т. 38, с. 17], брян. *окла́дчина* ‘коллективная помощь в работе (при уборке урожая, строительстве дома и т. д.)’ [СРНГ, т. 23, с. 123], олон. *сло́га* и *слога́* ‘работа сообща; артель’ [СРНГ, т. 38, с. 297], костр. *в скла́дчину* ‘коллективно, совместно (о коллективной помощи на

сенокосе, в уборке картошки и др.)’ (*В складчину уберем, сенокос-от будет, ходили один к одному, помогали убирать картошку*) [ЛК ТЭ] и др.

Среди мотивировочных признаков активны также обозначения сообщества людей (*мир*) и трудового объединения (*артель*): волог. *мирщи́на* ‘работа сообща, всей деревней’ [СРГК, т. 3, с. 241], новг. *мирщи́на* ‘общая работа в деревне’ [СРНГ, т. 18, с. 174], арх. *арте́льно брать* ‘делать что-либо сообща’ (*Собираются соседи, помогают друг другу – вот и артельно брать*) [СГРС, т. 1, с. 23].

Обозначения соседа также способны развивать вторичное значение ‘помочи’: калин., киров. *сусе́д* ‘о коллективной помощи в какой-л. работе (постройке дома и т. п.)’ [СРНГ, т. 42, с. 295], калин. *сябе́р* и ставроп. *сябер* [удар.?] ‘работа вместе, сообща, взаимопомощь’, калин., ленингр. *ся́бра* ‘работа вместе, сообща, взаимопомощь’ [СРНГ, т. 43, с. 190] (ср. калуж., арх. *сябры́* ‘соседи’, курск. *сябры́* ‘жители одного села’ [Там же, с. 191]).

5. Помочь не предполагает денежного вознаграждения работников, однако она устраивается на определенных условиях, о чем свидетельствует свердл. *отрабо́тка* ‘бесплатная помощь соседям, коллективная взаимопомощь’ [ЭИС, т. III, с. 171], вят., новосиб. *отрабо́тка* ‘работа крестьян в помощь друг другу’ (*Я у человека поработаю день-два, он ко мне идет; один другому отрабатывали по-суседски; в отработку работали*) [СРНГ, т. 24, с. 288], свердл. *отра́бливаться* ‘отрабатывать помощь’ (*За супрядку надо идти отрабливаться, прясь*) [ЭИС, т. III, с. 174] и др.

Значение возмещения имеет приставка *за-* в печор. *заёмно* ‘в уплату за сделанную работу’ (*Байну срубите, а я заёмно сетку достану; Гот прожыла, етот дом-от ставили, люди пособлели сколько-ле, потом заёмно отрабливали*) [СРГНП, т. 1, с. 234], свердл. *замола́чивать* ‘молотить, отрабатывая помощь’ [ЭИС, т. III, с. 173].

Наряду с ней активность проявляет префикс *от-*. В перм. *отмоло́т* ‘помощь кому-л. в молотьбе в отплату за такую помощь’ [СПГ, т. 2, с. 58], свердл. *молоти́ть в отмоло́т, отмола́чивать* ‘молотить, отрабатывая помощь’ [ЭИС, т. III, с. 173], рус. (карел.) *отмина́ть* ‘мять лен у кого-нибудь в ответ на помощь’

и волог. *ходи́ть на отми́н* ‘обрабатывать, мять лен сообща, в несколько рук’ [СРГК, т. 4, с. 308], свердл. *отмина́ть* ‘отрабатывать помощь при обработке льна’ [ЭИС, т. III, с. 174] приставка аналогична по значению приставке в слове *отдать*, и словообразовательную структуру приведенных глаголов можно толковать так: «расплатиться хозяйственными работами, обозначенными корневой морфемой», то есть расплатиться участием в помочах.

Дело в том, что каждый случай коллективной помощи жителю деревни находится в определенном соотношении с другими подобными событиями в этой деревне, и совокупно они образуют систему поочередных акций. Если брать во внимание одно такое событие вне системы, то оно характеризуется как акт бескорыстной помощи. Так, в волог. *богпо́мочь* ‘коллективная помощь в сельскохозяйственных работах’ (*У кого нечё сеять, дак на богпомочь ходили, за спасибо работали*) [СГРС, т. 1, с. 130] релевантна коннотация ‘безвозмездно, удовлетворяясь благодарностью’. Однако если взглянуть на помочь как часть стройной системы взаимопомощи, то становится ясно, что она вписана в прагматический контекст традиционной народной культуры. Коллективная взаимопомощь была формой организации хозяйственной жизни деревенского сообщества, необходимой для выживания крестьянства: «Помочи являлись одним из условий успешного функционирования индивидуального крестьянского хозяйства: они способствовали соблюдению крестьянами установленного графика сезонных работ (“круговые помочи”) при обмолоте зерна, засолке капусты и т.д., позволяли справиться с особо трудоемкой работой (заготовкой леса, строительством домов, печей и т. д.)» [Афанасьева-Медведева, 2010, с. 298]. Прагматика трудовых отношений в данном случае заключается в «обменном» характере помощи, который компенсирует условие бесплатности работы. Человек в числе прочих помогает соседу или любому другому жителю деревни, а тот позднее возвращает «долг» также участием в помочах. При этом работник не ставит никаких условий, а хозяин не дает обещаний участвовать в помощи семье каждого работника. Отсутствие предварительной договоренности и каких-либо гарантий делает этот способ организации хозяйственных работ даже более

устойчивым: ни отъезд одной семьи, ни смерть человека не может нарушить такую систему. «Ответное» участие в помочах выглядит не как исполнение долга перед конкретным человеком, помогшим когда-то, а как исполнение долга перед самим крестьянским сообществом одной деревни. Участник помочей, с одной стороны, вместе с другими помогает одной из семей в общине, а с другой стороны, вступает в эту систему коммуникации для того, чтобы и его семье когда-либо оказали трудовую помощь соседи. При всем том, что отсутствуют принуждение, контроль, договор, такая форма взаимопомощи представляет собой эффективную стратегию, обеспечивающую выживание в трудных обстоятельствах.

Кроме того, трудовые обязательства могут быть логическим продолжением других социальных взаимодействий, в частности, гощения. Так, коллективная помощь предлагается в качестве расчета за найм помещения для проведения вечерок, что отражено в яросл. *зажина́ть за беседы* ‘«хозяевам того дома, в котором собирались зимой беседы, девицы всей деревни отплачивают тем, что в один из праздничных дней собираются жать ихнюю рожь»’ [СРНГ, т. 10, с. 87] (диал. *беседа* ‘посиделки’ [СРНГ, т. 2, с. 262]).

Мотивационный анализ бытующих в русских народных говорах обозначений помочи помогает воссоздать представления об этом исчезнувшем феномене в тех его чертах, которые релевантны для языкового сознания носителя крестьянской культуры, во многом утраченной на сегодняшний день. Внутренняя форма слов хранит основные семы, смыслы, составляющие это понятие, подчеркивая назначение этого явления крестьянского быта (*спомочь, пособка*), его содержание (*дроворубка, пожатуха, печебитье* и др.), инициирование (*званки, позовушка*), способ организации (*сгонщина, складцы, мирщина*), системность организации, основанную на взаимности (*заемно, отмолот, зажинать за беседы*) и условие безвозмездности, отсутствия денежных расчетов (*богпомочь*). Часть выявляемых моделей номинации реализует собственно социорегулятивные мотивы.

Выводы по главе 4

Итак, социально-нормативные смыслы могут концентрироваться в отдельных сегментах лексико-семантического поля, которое имеет своим ядром иную, не социальную, семантику и лишь в определенной своей части пересекается с лексикой, описывающей общественные отношения. Среди диалектных номинаций присутствуют такие, которые запечатлели представления о взаимодействии людей при выполнении хозяйственных работ в крестьянской общине (помочи, артели – феномены, характерные для крестьянского быта, регулирующие трудовые отношения людей); о социальном значении оценок умения человека, участвующего в помочах или работе артели, ладить с людьми; о соревновательности в труде, зафиксированной обозначениями первых и последних в работе. Показательно, что при этом важными оказываются социальные связи «по горизонтали»: консолидация усилий членов общины, взаимопомощь, общежительность человека. Лексические воплощения ролей и отношений, соответствующих оппозиции «начальник – подчиненный», отражающих социальную иерархию («вертикаль»), существуют, но остались за пределами нашего внимания именно потому, что они не составляют специфику трудовых отношений в крестьянской общине.

Если составить характеристику помочи по результатам мотивационного анализа ее обозначений в русских народных говорах, то выяснится, что это ***коллективная неоплачиваемая помощь в трудоемких хозяйственных работах по просьбе одного из членов крестьянской общины, входящая в ряд других случаев объединения жителей одной деревни (или хутора, починка, села) для единовременной помощи какой-либо семье***. Реконструкция подтверждает социальный характер явления, выступившего объектом номинации, и его назначение – организовать взаимную помощь в общине, чтобы обеспечить ее существование в условиях необходимости выполнения тяжелых хозяйственных работ.

ГЛАВА 5

ЛЕКСИКА ОБУЧЕНИЯ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ ИДЕИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕГУЛЯЦИИ В РУССКОЙ НАРОДНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ

Данная глава посвящена лексико-семантическому полю «Обучение», или «Воспитание, образование, приобщение к культуре» (оба названия используются в тексте).

Образование, воспитание, культура входят в число базовых ценностей народа, поскольку составляют основу процесса передачи потомкам накопленного культурного опыта и обеспечивают сохранение традиций. Воспитание имеет целью «изготовление человеческого продукта» в соответствии с представлениями о том, каким должен быть человек, а эти представления детерминированы культурой социальной группы со всем накопленным ею социальным опытом, сложившимися нормами, обычаями, моделями поведения человека. Социально-адаптивный потенциал имеет и образование как общественный институт, предназначенный для организованной передачи знаний. Образованность, воспитанность и культурность человека становятся предметом оценки в речи, в том числе диалектной. Они представляют собой те черты личности, которые более других имеют социальный «привкус», поскольку их приобретение опосредовано воздействием общества, а практическое значение состоит в социальной адаптации человека.

Трехчастное имя лексико-семантического поля, ставшего предметом нашего внимания, указывает на то, что понятия, обозначения которых в него включены, имеют значительные зоны пересечения, препятствующие их раздельному рассмотрению. Обоснованием их общности могут служить следующие аргументы.

Общее семантическое ядро. Человек на протяжении жизни совершенствуется в разных областях: осваивает грамоту, накапливает сведения

о мире, приобретает практические навыки, оттачивает мастерство, учится вести себя согласно требованиям социума, в котором живет. В дефинициях слов отображены такие ситуации, как получение образования (перм. *большáя грáмота* ‘образование’ (*Сиротой жил, дак не дали большу-то грамоту*) [СПГ, т. 1, с. 185], кемер., иркут. *на скамьé сидéть* ‘учиться в школе’ [СРГС, т. 4, с. 300]), приобретение культурных навыков (новг. *накультúроваться* ‘набраться знаний, стать культурным’ [СРГК, т. 3, с. 341], волог., ленингр. *навáдить* ‘приучить к чему-н.’ (*Что ты его не навадила говорить «Здравствуй»?*) [СРГК, т. 3, с. 297]), воспитание детей (брян., смол. *припутúть* ‘приучить к делу, воспитать, вывести в люди’ [СРНГ, т. 31, с. 361], арх. *поýка* ‘родительское воспитание’ [СРНГ, т. 30, с. 333]), морально-этическое воздействие на взрослого человека путем внушения, наказания, совета (печор. *говóря* ‘увещания, наставления’ [СРГНП, т. 1, с. 139], печор. *в кость сказáть* ‘дать нужный совет’ [ФСРГНП, т. 1, с. 79]), приобретение жизненного опыта (печор. *бúтый по плечý* ‘бывалый, опытный, много повидавший, много знающий’ [ФСРГНП, т. 1, с. 44]), освоение ремесла и хозяйственных умений и навыков (рус. (карел.) *натурúться* ‘научиться, приобрести навык в работе’ [СРГК, т. 3, с. 388], мурман. *нашпиговáться* ‘наловчиться, научиться что-н. делать’ [СРГК, т. 3, с. 401], перм. *азы́ имéть* ‘иметь представление, понятие о чем-л.’ (*Азы-то имеешь косить? Главно, на пятку жми*) [СПГ, т. 1, с. 358]). Человек представлен объектом целенаправленного воздействия других людей или действующим самостоятельно, наблюдающим за людьми и обстоятельствами. Сходство столь разнообразных ситуаций утверждается тем, что по отношению к любой из них мы используем слова *учить*, *учиться*: учиться писать, читать, ходить, косить, учиться какой-либо профессии, учиться вести себя, учиться быть сдержаннее, мудрее, учиться жить в сообществе людей, учиться хитрить и т. д. В части приведенных дефиниций содержится апелляция к словам *знать, знания*. Отметим, что, например, слово *образовывать* и его дериваты в русских народных говорах обозначают разные ситуации приобретения знаний: и обучение в школе, техникуме, институте (арх.

образова́ться ‘получить образование’ (*Жонка-то моя образовалась в техникуме…*) [СРНГ, т. 22, с. 193]), и освоение ремесла, приобретение мастерства или привычки (пенз. *образовывать* ‘приучать к чему-либо’ (*Образовывать их к хорошему делу*) [Там же]), и воспитание наставлениями (перм. *образова́ть* ‘устыдить образумить’ [Там же, с. 192]), и накопление опыта (арх. *образова́ть* ‘изменить к лучшему’ (*Армия-то всех образует…*) [Там же, с. 192]). Это означает, что в наивно-языковом сознании перечисленные ситуации интерпретируются как варианты или стороны одного и того же процесса – познания.

Перекрестные толкования; перекрестная мотивация. В литературном языке и в русских народных говорах лексемы *образование, культура, воспитание*, а также их производные толкуются друг через друга: литер. *образованный* ‘получивший образование, обладающий образованием; просвещенный, культурный’ [ССРЛЯ, т. 8, с. 363], *образовывать* ‘сообщать кому-либо знания; просвещать, делать культурным’ [Там же, т. 8, с. 367], *культурный* ‘достигший определенного уровня культуры; просвещенный, образованный’ [Там же, т. 5, с. 1830], *культура* ‘образованность, воспитанность, культурность’ [Там же, т. 5, с. 1828], устар. *образова́тель* ‘воспитатель; просветитель’ [Там же, т. 8, с. 364], *воспитываться* ‘получать общее развитие и образование, преимущественно в закрытом учебном заведении’ (в одном из значений) [Там же, т. 2, с. 707], пск. *накульту́риться* ‘стать образованным, культурным человеком’ (*Сийчас фсе люди накультурились, граматные стали; Вы-та накультурились, везде пахадили, паездили*) [ПОС, т. 20, с. 48], свердл. *культурник* ‘образованный человек’ [СРГСУ, т. 2, с. 74]. Если взглянуть на это же явление с точки зрения мотивации, то окажется, что каждое из слов *образование, культура, воспитание* может служить производящей основой для номинаций другой семантической сферы из числа этих трех.

Семантическая диффузность толкований слов. В дефинициях слов нередко соседствуют маркеры из разных (в пределах этих трех) семантических областей: арх. *отмени́той* ‘некультурный, необразованный, темный’ (*Отменитой народ-то, говорили не так*) [СРГК, т. 4, с. 307], урал. *сивола́пчатый* ‘грубый,

невоспитанный, необразованный’ (*Сослать такого гуся сиволапчатого в ссылку, примерно, туда, где солнца не видать*) [СРНГ, т. 37, с. 274], кемер. *челдóн* ‘необразованный, некультурный человек’ [СРГС, т. 5, с. 270], моск. *вырáживаться* ‘образовываться, становиться культурнее’ [СРНГ, т. 5, с. 338], арх. *ýмственный* ‘культурный, образованный’ [КСГРС], арх., краснояр., камч. *многогрáмотный* ‘то же’ [СРНГ, т. 18, с. 186], ряз. *мужлáй* ‘грубый, некультурный, необразованный человек; мужлан’ [СРНГ, т. 18, с. 335], ленингр. *некультя́пистый* ‘необразованный, некультурный’ [СРГК, т. 3, с. 410], енис., забайкал. *óхридь* ‘необразованный, невоспитанный, грубый человек’ [СРНГ, т. 25, с. 50], перм., нижегор., новг., костр., волог. *пéнтюх* ‘о некультурном, грубом, необразованном, невоспитанном человеке’ [СРНГ, т. 25, с. 343], ворон., тамб. *охря́па* ‘некультурный, необразованный человек’ [СРНГ, т. 25, с. 53]. Это свидетельствует о тесной взаимосвязи рядоположенных понятий.

Сходство способов номинации. При мотивационном анализе лексики, соотнесенной с понятиями «воспитание», «образование», «культура», выявляется общность реализуемых носителем языка моделей номинации. В частности, этому способствует указанная выше особенность толкований: в случае разделения этого лексического массива на три разных лексико-семантических поля одно слово могло бы попасть в два или три поля одновременно, и их внутреннюю форму следовало бы учитывать в ходе анализа мотивации в обоих случаях. Ср. метафору деревообработки, представленную в яросл. *неотёсок* ‘некультурный, необразованный человек’ [СРНГ, т. 21, с. 104], костр. *нестрóганый* ‘невоспитанный, необразованный’ [Там же, с. 166] и др.

Руководствуясь этими аргументами, можно оперировать понятием поля в отношении лексико-фразеологического фонда, описывающего три названных понятия. Лексико-семантическое поле «Воспитание, образование, приобщение к культуре» (или «Обучение») чрезвычайно объемно по количеству объединенных в нем номинаций и семантически разнородно. Оно достойно многостороннего неторопливого исследования, которое выходило бы за рамки рассмотрения вербальных репрезентаций механизмов социальной регуляции в

традиционном обществе. В настоящей работе лексика этого поля окажется предметом внимания лишь в той части, которая касается семантической области «Социально-регулятивный аспект взаимодействий людей в традиционном обществе».

5.1. Семантическое своеобразие слов, принадлежащих полю «Воспитание и обучение» в русских народных говорах

Социально-обусловленный компонент семантики языковых единиц, составляющих лексико-семантическое поле «Обучение», является основным предметом рассмотрения в настоящей главе, однако необходимо предпослать ему обзор семантического пространства поля и некоторые соображения относительно его моделирования.

5.1.1. Характеристика идеографической структуры лексико-семантического поля «Воспитание и обучение»

Компенсируя обусловленное поставленными задачами ограничение объекта исследования, предварим мотивационный анализ краткой общей характеристикой идеографической структуры лексико-семантического поля «Обучение» в русских говорах. Прежде всего, отметим его разнородность в семантическом и грамматическом отношении. В его состав входят глаголы со значениями ‘учить’, ‘учиться’, ‘обучаться’, ‘получать образование’, ‘переучивать’, ‘быть (не)грамотным, (не)образованным’, ‘расширять кругозор’, ‘воспитывать’, прилагательные со значениями ‘обученный, ученый’, ‘сведущий, знающий, развитый’, ‘(не)культурный’, ‘(не)образованный’, ‘(не)грамотный’, ‘невежественный’, ‘(не)воспитанный’ и существительные со значениями ‘ученик’, ‘воспитанник’, ‘обучение’, ‘воспитание’, ‘учеба’, ‘неуч’, ‘невежда’, ‘невежество’, ‘невоспитанность’, ‘недостаток образования’, а также фразеологизмы с

подобными дефинициями. Слова с другими толкованиями так или иначе логически связаны с перечисленными выше семемами.

В поле можно выделить сегменты, образованные языковыми фактами, референциально соотнесенными с какой-либо денотативной областью, т. е. с ситуациями передачи и приобретения знаний:

- обучение в образовательных учреждениях,
- освоение практических умений и навыков (ремесленнических, хозяйственных),
- приобретение жизненного опыта,
- воспитание детей,
- морально-этическое воздействие на человека,
- освоение в новой социальной среде,
- совет,
- вовлечение в какую-либо авантюру или приобщение к асоциальным элементам.

При анализе значений общенародных и диалектных лексем выявляются две основные пропозиции в соответствии с двумя типами описываемых ситуаций: воздействием человека на другого человека либо самостоятельным приобретением знаний и опыта. Относительно этих пропозиций можно определить место каждого лексического факта в семантической структуре поля. Иначе говоря, семантический центр поля составляют предикаты ‘учить’ и ‘учиться’. Центральную позицию в лексико-семантическом поле, границы которого заданы ситуаций, занимает глагол. Роль организующего центра поля предопределена для него, поскольку в самом его значении заложены синтаксические валентности, которые «закрываются» номинациями *ученик, учитель* и их синонимами и задают, таким образом, особенности заполнения остального номинативного пространства поля: *учить* – кто, кого, чему; *учиться* – кто, у кого, чему.

Сема ‘учить’. Так, глагол *образовывать* называет субъект-субъектное действие: пенз. *образовывать* ‘приучать кого-либо к чему-либо’ (*Образовывать их к хорошему делу*) [СРНГ, т. 22, с. 193], рус. (карел.), рус. (литв.), рус. (латв.), рус. (эст.) *образова́ть* ‘образумить; проучить’ (*Я ее так образую, не бивши*) [Там же, с. 192], перм. *образова́ть* ‘устыдить образумить’ [Там же, с. 192]. Цельнооформленные лексемы служат обозначениями воздействующего субъекта (учителя) либо объекта воздействия (ученика): устар. *образова́тель* ‘воспитатель; просветитель’ [ССРЛЯ, т. 8, с. 364], моск., пск., ленингр., смол. *обуче́нец* ‘ученик’ (*Это мой обученец в этом деле*) [СРНГ, т. 22, с. 193] и др.

Сема ‘учиться’. Слово *образовываться*, имеющее в просторечии значения ‘получать образование, становиться образованным’ и – в совершенном виде – ‘стать рассудительнее, разумнее’ [ССРЛЯ, т. 8, с. 367], в архангельских говорах означает ‘учиться в школе, техникуме, институте’ (арх. *образова́ться* ‘получить образование’ (*Жонка-то моя образовалась в техникуме…*) [СРНГ, т. 22, с. 193]). Этот возвратный глагол касается преимущественно образа ученика, поскольку наличие учителя и сам акт чьего-либо воздействия слабо актуализированы в дефиниции и в мотивировочном признаке. В подобных случаях акцент делается на усвоении знаний учеником (на изменении субъекта), в то время как обучающий не упоминается: брян. *повидне́ть* ‘поумнеть, стать более знающим’ (*Школа меняет: год поучился – и то повиднел*) [СРНГ, т. 27, с. 244]. В семантике некоторых языковых фактов отсылка к обучающему лицу отсутствует вовсе, ср. волог. *обуми́ться* ‘обучиться, научиться, узнать больше’ [КСГРС], пск. *в го́лову броса́ть что* ‘усваивать, запоминать что-либо’ [СПП, с. 29].

Нередко обучение осознается как результат воздействия не человека, а обстоятельств, которые меняют, формируют человека, вынуждая его к приобретению знаний и умений: арх. *образова́ть* ‘изменить к лучшему’ (*Армия-то всех образует…*) [СРНГ, т. 22, с. 192], диал. (б/у места) *гра́мотить* ‘вынуждать учиться грамоте’ (*Торговля грамотит мужиков*) [СРНГ, т. 7, с. 111] и др.

Модель познания, фиксируемая в языковых единицах, включает следующие компоненты:

- действие (учить или учиться);
- объект воздействия (ученик, познающий);
- субъект действия (человек или обстоятельства);
- атрибуты (книга);
- результат (характеристика человека: воспитанный, культурный).

Результат любой из перечисленных выше ситуаций познания (получение образования, родительское воспитание и др.) связан непосредственно с фигурой объекта воздействия (тем, кто учится, кого учат), которому до того были свойственны определенные характеристики по интеллекту, жизненному опыту, компетентности в чем-либо, мировоззрению, нравственности, поведению, которые и претерпевают изменения за счет приобретения новых знаний, умений, опыта, привычек, нравственных качеств, черт характера, что отражено, например, в значениях глаголов: *учиться* ‘усваивать какие-либо знания, овладевать знаниями, изучать что-либо’, ‘овладевать какими-либо навыками, опытом, уменьем делать что-либо’; ‘воспитывать, вырабатывать в себе какую-либо привычку, качество, уменье’ [ССРЛЯ, т. 16, с. 1163–1165], *учить* ‘воспитывать, вырабатывать, прививать какие-либо качества, привычки, навыки’ (*...учить деликатности*), ‘обогащать опытом, знаниями, пониманием чего-либо’ (*Жизнь учит…*) [Там же, с. 1161–1163].

Сема ‘изменять (кого-л.)’ объективирована в таких глаголах, как арх. *образова́ть* ‘изменить к лучшему’ (*Армия-то всех образует…*) [Там же, с. 192], смол. *переина́чить* ‘сделать другим, перевоспитать’ [СРНГ, т. 26, с. 113], пск., смол. *переи́ншить* ‘сделать кого-либо другим, перевоспитать’ [СРНГ, 26, с. 113], киров., костр. *перевора́чивать* ‘перевоспитывать, переубеждать’ (*Учить-то тебя некому, мне бы тебя на годик, я бы тебя переворотила*) [СРНГ, т. 26, с. 58], волог. *перешко́лить* ‘учить кого-н. заново и по-иному; переучивать’ [СРГК, т. 4, с. 478], урал. *переконова́лить* ‘привить другие навыки, перевоспитать’ (*Их свекровь переконовалила*) [СРНГ, т. 26, с. 128].

Модель обучения, таким образом, содержит агентивный компонент: кто-либо или что-либо вызывает изменения в человеке. Одновременно с этим надо констатировать наличие динамического компонента семантики: человек меняется, приобретая знания, мастерство, компетентность, новые черты характера или нравственные качества, опыт.

Заметим, однако, что значительную часть поля составляют языковые факты, не содержащие динамического компонента в семантике, «статично» характеризующие человека по его поведению, опыту, знаниям, умениям. Это существительные и прилагательные со значениями ‘(не)образованный’ / ‘(не)образованный человек’, ‘(не)культурный’ / ‘(не)культурный человек’, ‘(не)воспитанный’ / ‘(не)воспитанный человек’ и под.: костр. *нестро́ганый* ‘невоспитанный, необразованный’ [СРНГ, т. 21, с. 166], новг. *суро́вый* ‘необразованный, не сведущий ни в чем’ [НОС, т. 10, с. 190] и др. В слове *нестроганый* динамический элемент семантики отчасти сохраняется посредством использования глагольной производящей основы *строгать*. Качество (невоспитанность, недостаток образования) представлено как следствие отсутствия воздействия (воспитания).

Итак, воспитание, образование, культура предстают в жизни и в языке в виде разнообразных ситуаций (воспитание детей родителями, адаптация человека к новой социальной среде и др.). Лексические единицы, называющие отдельные объекты, действия, характеристики, вписаны в ситуационный контекст, который можно представить в виде двух типовых схем (моделей), одна из которых фиксирует коммуникативную ситуацию («человек → человек»), другая воплощает идею приобретения знаний под давлением естественного хода вещей, без влияния человека, выступающего в роди воздействующего субъекта («обстоятельства → человек»). Обе пропозиции основываются на семе ‘изменение объекта воздействия’.

Семантическое структурирование данного лексико-семантического поля следует осуществлять различно в зависимости от задач исследования.

С одной стороны, привлекательно в плане максимально полного учета семем деление поля на сегменты в соответствии с денотативным разнообразием, выявляемым в ходе анализа слов одной тематики и организованным по принадлежности денотата слова к тематической группе (воспитание ребенка родителями, совет, освоение в новой среде, обучение в образовательном учреждении и т. д.). Вторичное сегментирование внутри этих лексических групп позволяет делать выводы об особенностях номинативного представления каждой частной семемы, о специфичных для какого-либо языкового идиома семемах, о семантически ценных различиях между сходными номинациями и т. д.

С другой стороны, путем обобщения семем (например, понятия «учитель», «воспитатель», «родитель», «делающий кому-л. внушение человек» совпадают в инварианте «субъект воздействия») можно реконструировать инвариантную модель, которая с теми или иными разночтениями воплощается в каждой тематической группе, и исходить из постулата о том, что структура лексико-семантического поля изоморфна этой модели. Такой метод исследования полевой семантики можно применить только в отношении «сюжетного» поля. Описание в логике фрейма дает возможность экспликации представлений носителя языка о логических взаимосвязях между элементами ситуации действительности, позволяет провести реконструкцию сценария на основе языковых фактов и оценить значимость и место в нем каждого актанта, прояснить унифицированную структуру понятия, выделить ядерные и второстепенные семы, оценить разнообразие номинативных воплощений отдельных элементов модели.

В то время как методика регистрирования тематических групп внутри поля базируется на дифференциации единого понятия, на выявлении его семантических модификаций (в случае с обучением – получение образования, воспитание ребенка, обучение ремеслу, освоение практического умения, совет, нравственное воздействие и проч.), реконструкция инвариантной модели какого-либо объекта или процесса основывается на явлении конденсации, обобщения, укрупнения частных моделей до общей прототипической.

5.1.2. Социально обусловленный компонент семантики изучаемых слов

Лексические единицы, традиционно рассматриваемые как итог осмысления человеком действительности, хранят информацию о значимых для носителя языка понятиях и связях между понятиями. В языковой картине мира диалектоносителя выявляется существенность для него взаимосвязи между обучением, воспитанием и местом человека в социуме. Остановимся далее на диалектных фактах, удовлетворяющих условию присутствия в их значениях «семантики социальной регуляции».

Семема ‘измениться, вращаясь в другой социальной среде или в процессе историко-культурных изменений’. В лексике русских народных говоров маркировано приобретение человеком нового социального опыта, который вынуждает человека измениться, освоившись в незнакомом месте или в новое время.

Роль «шаблона», по которому человек себя перестраивает, может играть иная социальная группа: пск., твер. *обазу́риться* ‘находясь в среде некультурных людей, стать грубым, огрубеть’ [СРНГ, т. 21, с. 342], ср. пск., твер. *обазу́риться* ‘привыкнуть, освоиться где-либо’ [Там же].

Наиболее часто в лексике фиксируется приобретение деревенским жителем городских привычек: волог. *напи́териться* ‘приобрести негативные манеры жителя большого города’ (*Уехала учиться, дак напитерилась, чубырится* <высокомерно подшучивает> *над нами*) [КСГРС], пск. *запитери́ться* ‘перенять городские манеры, образ жизни’ (*То ужэ гораз запитерились, прямо как в городе стали, закультурились*) [ПОС, т. 12, с. 40], пск. *напетери́ться, напи́териться, напитера́читься, напитере́ть* ‘перенять привычки, манеры, речь городского жителя’ (*Сынок большый в армии был. Пакуль служыл, пришол – гаварить харашо напятярился в горади; Напитерился – благаротства набрался значыт; Наша-та мама напитерачылась, стала гъварить па-гърадскому*) [ПОС, т. 20, с. 130, 137], смол. *обпи́териться* ‘приобрести городские манеры, лоск’, ‘стать

бесцеремонным, наглым’ (*По яровому начал ходить. Обпитерился*) [СРНГ, т. 22, с. 189], влад., моск. *намоскви́читься* ‘перенять ловкость москвичей’ [СРНГ, т. 20, с. 41], дон. *начерка́ситься* ‘усвоить говор и манеры горожан’ [СРДГ, т. 2, с. 176].

Особенно заметным маркером чужести являются отличия в речи, о чем свидетельствует огромное количество записей диалектной речи, ср. контексты к арх. *ло́вкий* ‘правильный, соответствующий нормам (о речи)’ (*А в город придешь, думашь, как бы сказать ловчее слово*) [СРГК, с. 3, с. 137], волог. *на опаки́шу* ‘неправильно не так, как надо’ (*С русскими живут, а на опякишу как-то говорят, все по-чухарски, совсем мало говорят по-нашему*) [СРГК, т. 4, с. 202], арх. *лома́ть щеко́й* ‘говорить не так, как принято; ломать язык’ (*Лучше не ломала бы щекой, коль говорить не умеешь*) [СРГК, т.3, с.143], арх. *ля́панча* ‘тот, кто говорит не по установившимся в данной местности нормам’ (*Как говорится, наречие переменилось, все такие ляпанчи*) [СРГК, т. 3, с. 179], ленингр. *кувырка́ть* ‘говорить не так, как принято, нелитературно’ и ‘стараться говорить культурно, грамотно’ (*Культурную воображает, кувыркает, будто в городе была, сама-то нигде не была*) [СРГК, т. 3, с. 48], ленингр. *с мо́ды говори́ть* ‘говорить правильным, литературным языком’ (*С моды говорит*) [СРГК, т. 3, с. 244], рус. (карел.) *зачва́кать* ‘заговорить на литературном языке’ (*А хорошо заговоришь, так тут сразу и скажут: «Ну, зачвакала питерка»*) [СРГК, т. 2, с. 123], волог. *заштёкать* ‘заговорить по-городскому (о произношении слова «что»)’ [СРГК, т. 2, с. 242], пск. *язы́к нала́мывать* ‘учиться говорить правильно, литературно’ (*Стали ездить везде* <молодежь> *и стали язык наламывать*) [ПОС, т. 20, с. 55], пск. *налиперти́ться* ‘приобрести навык, умение говорить литературно’ [ПОС, т. 20, с. 66], перм. *соблюда́тный* ‘о человеке, говорящем на литературном языке’ (*О, какой ты соблюдатный*) [СПГ, т. 2, с.367] и др. Следовательно, речь имеет социальную окраску, маркирует различия между жителиями города и деревни, а также между людьми разных национальностей, то есть своими и чужими (подробнее см. [Казакова, 2010]). Отметим, что О. Н. Трубачев, говоря об этнониме *славяне*, отмечает правдоподобность известного толкования этого слова как выражающего актуальную для древних форм этнического самосознания

психологическую взаимосвязь между понятиями «свои, наши люди» и «говорящие на ясном языке» [Трубачев, 2002, с. 9].

Наконец, приобретение нового опыта толкуется как следствие историко-культурных перемен в обществе: новосиб. *обрусе́ть* ‘стать культурнее’ (*Обрусели люди, дома с верхом стоят, просветлеют вроде, обрусеют, не как раньше живут и слава богу*) [СРНГ, т. 22, с. 213], рус. (карел.) *обрусе́ть* ‘стать культурнее, цивилизованнее’ (*Нынче обрусела деревня, а хороша стала, народ культурнее стал. Обрусеть… перешла в культуру, с дикого человека стал русский, настоящий*) [СРГК, т. 4, с. 112].

Семемы ‘воспитание детей родителями’, ‘быть обязанными родителям за воспитание’, ‘плохо воспитанный из-за сиротства’. Существенно более «выпукло», чем в литературном языке, в лексике русских народных говоров представлена тема воспитания детей родителями: арх. *поу́ка* ‘родительское воспитание’ [СРНГ, т. 30, с. 333], пск., твер. *неотцо́вщина* ‘непослушание, неповиновение родителям’ [СРНГ, т. 21, с. 106], пск., твер. *оте́тчина* ‘дети, воспитанные в послушании отцу и старшим’ [СРНГ, т. 23, с. 179], рус. (латв.) *безба́тьковщина* ‘плохо воспитанный человек; ребенок (обычно выросший без отца)’ [СРНГ, т. 2, с. 181] и др.

Воспитание в семье осознается основным способом трансмиссии ценностей и приобщения к «своему» микросоциуму. В этом плане показателен контекст к рус. (карел.), волог. *натыка́ть* ‘направлять, наставлять, учить’ (*Люда-то степенная, хорошая, разговорная; мать и бабушка ее на всё натыка́ли, выучили, воспитали*) [СРГК, т. 3, с. 389]. В высказывании сообщается, что в семье девочку научили всему необходимому, так что люди оценивают ее как *хорошую* (т. е. вызывающую одобрение), *степенную* (рассудительную, серьезную, основательную) и *разговорную* (не просто общительную, а знающую, как правильно обращаться со старшими и с людьми вообще, умеющую «разговаривать с людьми»).

Неодобряемое поведение, нарушение принятых норм относят за счет плохого воспитания родителями: пск., твер. *озе́вок* ‘тот, за кем было

недостаточное наблюдение, недостаточный надзор, невоспитанный человек’ [СРНГ, т. 23, с. 88], свердл. *изварна́чить* ‘испортить дурным воспитанием, избаловать’ [СРНГ, т. 12, с. 101], перм., ср.-урал. *изнабазу́ливать* ‘портить дурным воспитанием, примером; баловать’ [СРНГ, т. 12, с. 152], свердл. *иства́рить* ‘испортить воспитанием, привить дурные привычки’ [СРНГ, т. 12, с. 253].

В контекстах устанавливается зависимость между невоспитанностью и сиротством: костр. *безогро́зница* ‘непослушный, своевольный человек’ (*Без отца дети растут вольницей-безогрозницей*) [СРНГ, т. 2, с. 195], печор. *избазу́литься* ‘избаловаться, приобрести порочные привычки’ (*Не спустили Лёню никуда, избазулицце, запьет, ф шпану превратицце без мати-то*) [СРГНП, т. 1, с. 288].

Любопытно с точки зрения воплощения идеи неготовности невоспитанного человека к совместной жизни с кем-либо смол. *рого́за* ‘плохо воспитанный, неуживчивый человек’ [СРНГ, т. 35, с. 126]. Акцент сделан именно на недостатке воспитания, а не на необщительности, обусловленной темпераментом.

Наконец, уникально в плане значения волог. *отмеща́ть* ‘оказывать помощь, внимание в ответ на заботливое воспитание’ (*Вот какие сыновья выросли, отмещают за хлеб, за молочко*) [СРГК, т. 4, с. 308]. Уникальность состоит не собственно в идеях благодарности и помощи родителям (эта тема раскрывается, например, во многих контекстах, ср. иллюстрацию к новосиб. *ходи́ть (кого)* ‘воспитывать, растить ребенка, детей’ (*Мать же вас ходила, кормила, а как вы с ней теперь обращаетесь*) [СРГС, т. 5, с. 222] и др.), а в том, что цельнооформленная лексема приспособлена для выражения достаточно сложного комплекса взаимосвязанных сем: (1) действие – ‘помогать’, (2) подразумеваемый субъект действия – ‘дети’, (3) объект действия, или адресат – ‘родители’, (4) мотив – ‘в благодарность’, (5) основание к возникновению мотива – ‘за воспитание’.

Осмысление родительского воспитания как способа трансляции социальных ценностей подтверждается контекстно актуализированной оппозицией «родители не научили – люди научат»: печор. *вспо́мнишь де́да до обе́да*

‘вспомнишь наказы старших, когда жизнь обойдётся с тобой сурово’ (*Круты да, суровяшшы да, родителей не почитают; ну, чужи люди выучат бурку в крутых горках, ты вспомнишь деда до обеда; Вот не слушают бабку с дедкой; а в городе будешь жить, дак вспомнишь деда до обеда*) [ФСРГНП, т. 1, с. 152]. Социум, то есть люди, вынужден в особых ситуациях выступить «заместителем» родителей.

Семема ‘дать направление в жизни’. Среди лексем, воплощающих идею наставления, в русском языке обнаруживаются единицы с агентивной семантикой, называющие факт помощи кому-либо в определении жизненного пути (обычно со стороны родителей), в частности в приобретении ремесла, дела, т. е. в решении «социальных задач»: литер. *определить* ‘поместить или устроить на какую-либо должность, работу’ (*Определить в кузнечный цех. Определить к месту, к делу и т.д. Определить учителем*) [ССРЛЯ, т. 8, с. 956], разг. *приспособлять к чему-л., для чего-л.* ‘заставлять кого-либо заниматься чем-либо, давать кому-либо занятие, место’ (*Приспособляли Зотушку к разным занятиям, но из этого ничего не вышло*) [ССРЛЯ, т. 11, с. 749], перм. *приде́лить* ‘дать направление жизненному пути’ (*Сынок первой родился у нее, она его к богу приделила к церкви-то, крестик повесила*) [СПГ, т. 2, с. 205], пск. *напра́вить* ‘указать правильное направление в жизни, наставить’ (*Зинъ, можъ ты яну направишь*) [ПОС, т. 20, с. 162], перм. *приста́вить к де́лу* ‘определить место в жизни’ (*Выкормила детей, вырастила, к делу приставила – не посудачат на меня*) [СПГ, т. 2, с. 216] и др.

Семемы ‘слушаться / не слушаться’, ‘послушный / непослушный’ (о молодом поколении). С темой воспитания детей родителями связано понятие послушания: урал. *произво́л* ‘послушание’ (*Сын из произвола не выходит*) [СРНГ, т. 32, с. 146], моск. *повиня́ться* ‘повиноваться, слушаться’ (*Старых слушаться надо было, если ты не повинялась, тебя за стол не посадят*) [СРНГ, т. 27, с. 246], костр. *беззагро́зный* ‘не признающий запретов, предостережений, правил поведения, непослушный’ (*Загрозы нет ему, строгости, беззагрозной такой*) [ЛК ТЭ].

Помимо обычая повиновения родителям, объектом из области социальной проблематики являются различия между поколениями. Непослушность выступает характеристикой не только «штучного человеческого материала», но и целой возрастной прослойки. В контекстах разрабатывается тема противопоставления прежней молодежи и нынешней по критерию послушности vs. непослушности: волог. *не переступи́шь шаг* ‘не ослушаешься’ (*Раньше было против воли отца не переступишь шаг*) [СРГК, т. 4, с. 472], ср.-урал. *крепи́ть* ‘держать в повиновении’ (*Вопще раньше крепили нас, режим строгой девкам был*) [СРНГ, т. 15, с. 216], новосиб. *распуще́ние нашло́ на (кого-либо)* ‘кто-либо стал непослушным, непокорным’ (*На молодежь распущение нашло, никого не слушают, все напередь знают*) [СРГС, т. 4, с. 130], ленингр. *подсы́ливать* ‘не слушаться’ (*Старых людей и подсыливают, и посмихиваются*) [СРГК, т. 4, с. 678]. Повиновение в сознании носителя традиционной культуры является одной из базовых ценностей (социальной нормой), которая к тому же представляет собой необходимое условие обучения, усвоения норм, обычаев, правил, законов общины.

Итак, в лексико-семантическом поле «Обучение» на уровне значений слов объективировано несколько **идей**, находящихся на стыке представлений об обучении и социуме. Во-первых, ситуация усвоения новых социальных канонов затрагивает область ***культуры***. Освоение незнакомых правил связано с явлением социальной дифференциации, поскольку носитель языка смотрит на изменения в человеке через призму оппозиции «свои vs. чужие». Во-вторых, идеи послушания детей, повиновения родителям и помощи в выборе жизненного пути раскрывают социальный аспект представлений о ***воспитании***, т. е. о способах и необходимых условиях трансляции знаний, поддерживания устоев, закрепления норм традиционного общества.

Обратим внимание на то, что субъектно-объектные отношения в разной степени объективированы в лексемах рассмотренного множества слов. Так, некоторые глаголы имеют семантическую валентность «субъект действия»: ср.-урал. *крепи́ть* ‘держать в повиновении’: *кто-либо крепит кого-либо*. Иногда этот актант восстанавливается гипотетически, хотя глагол называет ответное

противодействие объекта воздействия, ср. моск. *повиня́ться* ‘повиноваться, слушаться’: *кто-л. повиняется кому-либо*. Наконец, активный субъект может остаться неактуализированным в семантико-грамматической структуре языкового факта: новосиб. *распуще́ние нашло́ (на кого-л.)* ‘кто-либо стал непослушным, непокорным’ (паспортизация лексем приведена выше).

Лексемы, которые описывают усвоение чужих или новых социальных канонов (например, новосиб. *обрусе́ть* ‘стать культурнее’), также как будто не имеют отношения к вербализации воздействия человека на другого члена социума. Однако очевидно, что в этом случае роль неявного (грамматически замаскированного) субъекта воздействия играет общество: человек меняется под влиянием среды, а она представляет собой человеческое сообщество.

5.2. Лексика обучения в мотивационном аспекте

Социально-регулятивная функция культуры, воспитания, образования находит отражение не только в семантике, но и в мотивации слов. Далее будет уделено внимание лексике семантического поля «Обучение» с точки зрения реализованных в ней мотивов, среди которых мотивы социального ориентира, изготовления или трансформации объекта, ограничения свободы и содействия в социальном становлении. Это мотивы высокого уровня абстракции, то есть максимально отвлеченные от метафор, воплощенных в номинациях изучаемого поля, являющиеся результатом обобщения частных мотивов, поэтому они могут быть названы также мотивационными доминантами.

5.2.1. Мотив социального ориентира

При анализе внутренней формы слов лексико-семантического поля «Обучение» поддаются экспликации представления об объектах из социальной сферы – людях и родителях как выступающих эталонами поведения, на которые ориентируется человек. Это закономерно, поскольку образованность, культура,

воспитанность человека предстают в языке как «социальный продукт», следствие уподобления человека социальной среде.

Помимо этого, во внутренней форме слов, обозначающих воспитанного или невоспитанного человека, может содержаться отсылка к «социально маркированным» явлениям, объектам, таким, например, как «город», «деревня», «культура», «чужая нация, другой народ». Относительно этих понятий социокультурной сферы человек осуществляет самоидентификацию.

Представления об обществе, о межличностных и социальных контактах, типах взаимоотношений, способах воздействия человека на человека становятся для номинатора призмой, через которую он смотрит на обучение, воспитание как процессы, подготавливающие человека к жизни в социуме.

Наивно-языковые представления о культуре как плоде цивилизации воплощены в образованных от слова *культура* обозначениях человека, имеющего образование, знающего, говорящего на литературном языке: рус. (карел.), ленингр. *накульту́риться* и новг. *накульти́роваться* ‘набраться знаний, стать культурным’ [СРГК, т. 3, с. 341], ленингр. *подкульту́риться* ‘набраться культуры’ (*Старые слова худые наши. Раньше говорят: «Куды пошла-то?» Теперь маленько подкультурились*) [СРГК, т. 4, с. 640], свердл. *культурник* ‘образованный человек’ подано в словаре с пометой «нов.» [СРГСУ, т. 2, с. 74], рус. (карел.) *схвати́ть культу́ру* ‘приобщиться к культуре, к культурным ценностям’ [СРГК, т. 3, с. 57]. Носителем диалекта понятие культуры соотносится с чужой – «недеревенской» – средой. Отношение к ней амбивалентно: высказывание *Он накультурился в городе* может быть произнесено с гордостью (например, за внука) или с неодобрением в зависимости от ситуации общения. Но в любом случае представлениями о том, что есть другой, чужой, «культурный» мир, задано размежевание людей на своих и других, незнакомых, приходящих оттуда, где люди живут иначе и поэтому отличаются от здешних.

Воспитание детей концептуализируется как их «взращивание» до момента «погружения» в людскую среду, т. е. в социум: ленингр. *в лю́ди спусти́ть* ‘вырастить, вывести в люди’ (*Я такая семистая, семеро рожено, в люди*

спустила) [СРГК, т. 3, с. 169], рус. (карел.) *по́ миру отпра́вить* ‘отпустить в самостоятельную жизнь, на заработки’ (*Выкачали ребенка, да отправили по миру, осталось кольцо*) [СРГК, т. 3, с. 241]. Тот же смысл, но в облике цельнооформленной лексемы, представлен в волог. *лю́довать* ‘вырастить, вывести в люди’ (*Шутка, людовать семеро детей*) [СРГК, т. 3, с. 169]. Перемены в человеке, обусловленные вхождением человека в социум, названы также дериватом слова *люди*: рус. (карел.) *люде́ть* ‘становиться культурнее’ [СРГК, т. 3, с. 169]. Отсутствие качеств, необходимых для социальных взаимодействий, обозначается словом *нелю́дскость* ‘грубость нравов, скотство, зверство, недостаток образования’ [Даль, т. II, с. 538]. Язык репрезентирует воспитанность, культуру как определяющие, атрибутивные свойства человека, поэтому логично, что невоспитанный человек представлен «не вполне человеком» (пенз. *по́рченый люд* ‘крикливая, грубая, невоспитанная молодежь’ [СРНГ, т. 30, с. 115]), а в барнаул. *безлю́дица* ‘отсутствие культурных или дельных людей’ [СРНГ, т. 2, с. 192] идея отсутствия «культурных» людей модифицировалась на уровне мотивации в идею «отсутствие людей вообще». Ориентация на то, каковы «все люди», на то, что надо «стать как люди», – яркий пример того, что социальная регуляция осуществляется во многом исподволь, через посредство «встраивания» себя в общество, функционирующее по своим законам.

Как уже говорилось, в русской наивно-языковой картине мира обнаруживается прямое соответствие оппозиций «необразованный vs. образованный» и «деревенский vs. городской». В диалектных обозначениях образованного человека ярко представлена «городская» метафора: волог. *подгоро́дник* ‘образованный, культурный человек’ [КСГРС], *напи́териться* волог., арх. ‘научиться чему-либо, поднатореть в чем-нибудь’ (*В Кадникове около господ он напитерился*), твер. ‘поумнеть’ и новг., смол., волог., арх. ‘перенять манеры, речь городского жителя, приобрести внешний вид горожанина, сделаться бойким, изворотливым’ (*Вишь уж совсем напитерились, культурно говорить стали*) [СРНГ, т. 20, с. 75], смол. *обпи́териться* ‘приобрести городские манеры, лоск’ [СРНГ, т. 22, с. 189], пск. *запитери́ться* ‘перенять городские манеры, образ

жизни’ [ПОС, т. 12, с. 40], пск. *напетери́ться, напи́териться, напитера́читься, напитере́ть* ‘перенять привычки, манеры, речь городского жителя’ [ПОС, т. 20, с. 130, 137], влад., моск. *намоскви́читься*, влад. *намоскв́ятиться* ‘перенять манеры, ловкость москвичей’ [СРНГ, т. 20, с. 41], арх. *моско́вка* ‘культурная, хорошо говорящая, красиво одетая женщина’ [КСГРС], дон. *начерка́ситься* ‘усвоить говор и манеры горожан’ [СРДГ, т. 2, с. 176] и т. д. Подробно о семантике оттопонимических дериватов см.: [Березович, 2007, с. 176–205]. Любопытно, что образованность и культура, по-видимому, не оцениваются количеством знаний или воспитанностью. Номинатор, житель деревни, отчетливо видит различия между собой и городским жителем, замечает, как временное пребывание в городской среде меняет поведение человека, и маркирует именно эту чуждость. Ум, образованность и культура приписываются в народном мировоззрении любому жителю города. И наоборот, из приравнивания характеристик «деревенский» и «неученый» в контексте к арх. *дерове́ньское сло́во, дерове́ньская гово́ря, дерове́ньской акце́нт* ‘речь, свойственная деревне’ (*Слова-то каки деревеньски, мы уш не по-учёну-то говорим*) [АОС, т. 11, с. 47][1] и наличия в структуре этих фразеологизмов слова *деревенский* реконструируется стереотипизированное представление о необразованности любого деревенского жителя.

К образу родителей как воспитателей отсылает внутренняя форма диал. *оте́тчина* ‘дети, воспитанные в послушании отцу и старшим’, *неотцо́вщина*

---

[1] Отсылки к деревенской метафоре содержатся и в диалектных, просторечных, жаргонных обозначениях глупости, необразованности, бескультурья, глупого человека: устар. *деревенщина* ‘о грубом, невоспитанном человеке’ [ССРЛЯ, т. 3, с. 712], *Алёха сельский* ‘безнадежный дурак, глупый, невежественный человек’ [СРФ, с. 22], *сельпо* ‘провинциал; дурак, необразованный человек’ [СМА, с. 425], *сельпошный* ‘глупый, необразованный (о человеке)’ [Там же], *колхозник* и *колхозница* ‘ограниченный, недалекий человек’ [Базарго, с. 39], *колхоз* ‘о невысоком уровне образования; о глупости, некультурности кого-л.’ [СМА, с. 203], *крестьянин* ‘глупый, недалекий человек’ [БСЖ, с. 292], *безлошадный* ‘плохой, глупый, убогий; обделенный чем-л. (о человеке)’ [СМА, с. 37] и др.

‘непослушание, неповиновение родителям’, *безба́тьковщина* ‘плохо воспитанный человек; ребенок (обычно выросший без отца)’ [см. выше].

В качестве переносных обозначений людей необразованных, невежественных и не соблюдающих правила, принятые в обществе, выступают этнонимы: перм. *вогу́л* ‘о человеке, который отступает от принятых у русских норм в поведении, речи, одежде и чем-л. напоминает манси’ [АС, т. 1, с. 137], алт. *ту́рок* ‘неграмотный, необразованный человек’ (*Мы турками прожили, я и буквы не знаю*) [СРГС, т. 5, с. 106]. На базе диал. *лопа́рь* ‘ненец’ (арх.) [КСГРС] возникло диал. *лопари́* ‘дикие, темные люди’ (арх.) [Там же]. В случае с краснояр. *такая (этакая) чудь* ‘темные, некультурные люди’ [ФСРГС, с. 218], ср.-урал. *чуди* ‘темные, неграмотные люди’ [СРГСУ, т. 7, с. 34] появление у этнонима вторичного значения обусловлено не только мотивом «чужой», активным благодаря значению «представитель чужого этноса» (*чудь* ‘общее название некоторых западно-финских племен’ [Ожегов, с. 49], ‘название древнего народа’ [КСГРС]), но и аттракцией звуковых комплексов *чудь, чужой, чудной*. В говорах Урала есть ряд обозначений необразованного человека, у которых можно заметить совпадение начального звукового комплекса *чу-* и наличие словообразовательных морфем (или квазиморфем) с потенциально возможным значением лица (*-арь, -ан,* -[*м*]*ек*): перм. *как чучме́ки* ‘о неграмотных, отсталых, необразованных людях’ [СПГ, т. 2, с. 536], перм. *как чучкари́* ‘об отсталых, необразованных людях’ [Там же], перм. *чучка́н* ‘о темном, необразованном человеке’ [Там же]. Можно предположить, что эти языковые факты были первоначально этнонимами. Кроме того, высока вероятность дополнительных аттракционных влияний со стороны слов *чушь, чукча,* а также диал. *чучка* ‘чурка из дерева; небольшое полено’ [СПГ, т. 2, с. 536], что обусловливает возможность вовлечения в круг сближаемых единиц практически любых звукокомплексов с начальным *чу-*, характеризующихся высокой экспрессивностью (см. об этом: [Березович, 2000, с. 463]).

Две лексемы – курск., ворон., дон., сарат. *кацáп* ‘о необразованном, невоспитанном, грубом человеке’ [СРНГ, т. 13, с. 140], калуж. *кацáпка* ‘о

необразованной, невоспитанной, грубой женщине’ [Там же] – являются, вероятно, семантическими дериватами от прозвищного этнонима. М. Фасмер трактует *кацап* как устаревшее украинское прозвище великорусов, образованное при помощи приставки *ка-* от укр. *цап* ‘козел’, поскольку «бритому украинцу бородатый русский казался козлом» [Фасмер, т. II, с. 213]. Кроме того, в говорах лексема используется в качестве обозначения переселенцев, ср. краснодар. *кацáп*, *кацапня́* ‘о переселенцах из средней части России в южные области’ [СРНГ, т. 13, с. 140], новосиб. *кацáп* ‘переселенец в Сибирь из Орловской или Тамбовской областей’ [Там же]. Сочетание в значениях одной лексемы смыслов ‘иноземный’ и ‘пришлый’ говорит о релевантности семы ‘чужой’.

Итак, при образовании слов лексико-семантического поля «Обучение» в качестве мотивирующих основ используются существительные *культура, люди, город, деревня, чудь, кацап, отец* и другие слова, имеющие такой этнокультурный потенциал, который позволяет интерпретировать соответствующие образы как социальные эталоны. Так, на понятие, обозначенное словом *люди*, спроецировано представление о социуме, к которому предписано приобщиться. В коннотативной зоне слова *отец* присутствует смысл ‘воспитывать, социализировать (своего ребенка)’, о чем можно судить по словам вроде *неотцовщина*, в которых запечатлен оценивающий взгляд прозорливого «диагноста», определяющего по поведению ребенка причину его асоциальности – отсутствие родителей, которые могли бы естественным образом ввести ребенка в социум. Слова *город, Питер, Москва, деревня* служат ориентирами не только в географическом, но и в культурном пространстве, выступая символами отличных друг от друга территорий или сообществ, разделенных «демаркационной линией». Это означает, что среди названных объектов есть не только ориентиры, но и «антиориентиры» – знаки, которые служат предостережением, сообщая о том, что за ними начинается чужая территория. Например, представитель чужой нации в наивном сознании маркирован как образец, негодный для уподобления ему по причине его чужести, непонятности, инаковости.

5.2.2. Мотив изготовления или трансформации объекта

Далее представлены мотивационные модели, по которым образованы слова, описывающие воздействие общества на человека.

Обучение имеет процессуальный характер, поэтому среди языковых фактов, образующих лексико-семантическое поле «Образование и воспитание», присутствует глагольная лексика. Большинство глаголов описывают воздействие человека на другого человека: *учить, обучать, образовывать, воспитывать, стыдить, наказывать*. Значительную часть из них составляют слова, выражающие идею трансформации объекта, которая реализуется, например, в лексемах с приставкой *пере-*: смол. *переина́чить* ‘сделать другим, перевоспитать’, пск., смол. *перейи́ншить* ‘сделать кого-либо другим, перевоспитать’, киров., костр. *переворáчивать* ‘перевоспитывать, переубеждать’, урал. *переконовáливать* ‘прививать другие навыки, перевоспитывать’ [см. выше, раздел 5.1.1]. Экспликация этой мотивационной доминанты предсказуема, т. к. находится в полном соответствии с выделенной нами ранее базовой семой поля – ‘изменять (человека)’.

Среди вторичных обозначений подобных действий можно выделить такие, в которых реализована метафора механического воздействия на объект: рус. диал. *полировать, бурить, ковать*, жарг. *шлифовать* (паспортизация лексем будет приведена далее, при рассмотрении моделей) и др. Кроме того, свернутый предикат содержится в существительных, прилагательных вроде диал. *полированный, неотесок, нескобленый, невыпеченный*.

В ходе исследования обозначились два основных направления образной концептуализации обучающего и воспитательного воздействия в языке: обработка поверхности и изготовление изделия. Далее порядок их представления определен критерием продуктивности модели.

Метафора обработки поверхностей. Представитель крестьянской и – шире – народной культуры проводит смысловые связи между обучающим воздействием

на человека и деревообработкой. Интересно, что у носителя языка не возникает ассоциаций с обработкой других материалов: шкур, камня или металла.

Под обработкой подразумевается выравнивание, придание гладкости путем натирания или снятия верхнего слоя. Мотивационная модель «делать деревянную поверхность ровной, гладкой – прививать культуру, обучать, воспитывать» реализуется во множестве номинаций: литер. *полировка* ‘о внешнем лоске, внешних признаках культуры; об уменье обращаться с людьми’ [ССРЛЯ, т. 10, с. 993], курск., орл., калуж. *полиро́ванный* ‘образованный, умеющий обращаться с людьми’ [СРНГ, т. 29, с. 74], смол. *полировать* ‘обучать, воспитывать, приучать к хорошим манерам’ [Там же], барнаул. *обстрога́ться* ‘стать более воспитанным, культурным’ (*Он еще угловат в обществе, не обстрогался на свете*) [СРНГ, т. 22, с. 239].

Соответственно, во внутренней форме обозначений невоспитанного человека воссоздается метафора необработанной деревянной поверхности: сиб. *неотёс сиби́рский* ‘грубый, невоспитанный человек’ [ФСРГС, с. 121], яросл. *неотёсок* ‘некультурный, необразованный человек’ [СРНГ, т 21, с. 104], костр. *нестро́ганый* ‘невоспитанный, необразованный’ [Там же, с. 166].

Заметим, что номинатор не обращается к глаголам, называющим другие виды обработки, – отделку, рифление, нанесение краски, узора, покрытия и т. п. Апелляцию к нанесению на поверхность слоя какого-либо материала можно было бы предполагать только в случае с яросл. *вы́лицевать* ‘образовать, вышколить, выучить’ [СРНГ, т. 5, с. 304], поскольку в литературном языке однокоренные с ним слова имеют значения, не связанные с выравниванием: литер. *лицевать* ‘перешивать, делая изнанку лицевой стороной; перелицовывать’ и ‘обкладывать какое-либо сооружение плитами, слоем какого-либо материала; облицовывать’ [ССРЛЯ, т. 6, с. 282]. Однако в русских народных говорах глаголы, которые могли бы быть источниками семантической деривации, обозначают именно чистку, натирание до гладкости: влад. *вы́лицевать* ‘вычистить, отделать’ [СРНГ, т. 5, с. 304], диал. (б/у места) *вылицевать* ‘вычистить, выгладить, выполировать, вылощить’ [Даль, т. I, с. 304].

Рассматриваемая модель представлена в литературном языке (в его разговорной разновидности), просторечии, жаргоне: простореч. *неотёса* ‘о некультурном, необразованном человеке’, разг. *неотёсанный* ‘некультурный, необразованный’, простореч. *дура неотёсанная, дурак неотёсанный* [ССРЛЯ, т. 7, с. 1029], устар. *нетёсаный* ‘некультурный, необразованный’ [ССРЛЯ, т. 7, с. 1216] и др.

Генерализацию семы натирания вне указания на материал можно наблюдать в перм. *скоблёный* ‘опытный, испытанный’ (*Я солдат-то скоблёный, всю войну отстукал*) [СПГ, т. 2, с. 343], смол. *нескóбленный* ‘грубый, невежливый’ (*Мужик ты нескобленный*) [СРНГ, т. 21, с. 153], смол. *вытирáть* (сов. *вы́тереть*) ‘обучать чему-либо’ (*Чужие люди вытрут*) [СРНГ, т. 6, с. 39], литер. разг. *тёртый калач*.

На фоне модели «делать поверхность гладкой – обучать, воспитывать» становится понятной причина обращения номинатора к мотивировочным признакам «суровый» и «грубый». Прилагательное *суро́вый* ‘необразованный, не сведущий ни в чем’ [НОС, т. 10, с. 190] вторично по отношению к диал. *суровый* ‘грубый, неровный, шероховатый, черствый, неприятный на ощупь’, ‘неотделанный, неочищенный, вчерне, особ. о пряже, тканье, небеленый’ [Даль, т. IV, с. 372], *суровьё* ‘сырой, необделанный товар: кожи, сало, шерсть, рога, лен, пенька и пр.’ [Там же].

В свою очередь, литер. *грубый* ‘малокультурный; резкий, неучтивый’ [ССРЛЯ, т. 3, с. 429], пск., арх., север. *гру́бность* ‘некультурность, невежество’ [СРНГ, т. 7, с. 157], сиб, свердл., киров. *во́грубо* ‘неучтиво; некультурно; грубовато; грубо’ [СРНГ, т. 4, с. 330], ср. др.-рус. *грубый* ‘невежливый, дерзкий’, ‘невежественный, необразованный’ [СРЯ XI–XVII, т. 4, с. 144], др.-рус. *грубость* ‘невежество, необразованность’ [Там же] – семантические дериваты от *грубый* ‘неровный, шероховатый, плохо поддающийся обработке’: литер. *грубый* ‘недостаточно или плохо отделанный, обработанный; топорный, неизящный’, ‘жесткий, негладкий, шероховатый на ощупь’ [ССРЛЯ, т. 3, с. 429].

Наряду с метафорой деревообработки и – шире – выравнивания, разглаживания неровной поверхности натиранием, в обозначениях человека эксплуатируется зоологическая метафора, актуализирующая устойчивую коннотацию «грязный»: костр. *свинья нескребёная* ‘о человеке плохого поведения’ [СРНГ, т. 21, с. 154]. Обозначение свиньи служит здесь оскорбительным именованием человека, а при помощи квалификатора, мотивированного глаголом «скрести» (с отрицанием), воссоздан образ непочищенного, грязного животного.

Мотив «невычищенности» воплощен и в образе невычесанного (по сути «грязного», необработанного) льна, отсюда мотив трепания: в пск., твер. *неотрёпа* ‘невоспитанный, грубый человек; невежа’ [СРНГ, т. 21, с. 105].

С семантикой трепания можно связывать и омск. *стропали́ть* ‘отчитывать наставлять’ (*Вас, гулеванов, не стропалить – толку не будет*) [СРГС, т. 4, с. 463], моск. *растропали́ть* ‘научить, обучить кого-л. чему-л.’ (*Этого бригадира растропалили*) [СРНГ, т. 34, с. 276]. К этому особенно располагает сема ‘ругать’ и приставка *рас-* во втором факте. Так, Л. В. Куркина комментирует происхождение слова *настропали́ть*[1] ‘настроить каким-н. образом, подговаривая или внушая что-нибудь’ следующим образом: «Вероятно, принадлежит к гнезду глагола *трепать*, ср. диал. *настрепалиться / настропалиться* ‘научиться, овладеть навыками работы’; развитие знач.: ‘трепать, дергать’ → ‘воздействовать, настраивать’ → ‘приобрести навык, сноровку’» [ТСРЯ/С, с. 496].

Варьированием модели можно считать использование в качестве производящей основы глаголов *стричь, подстригать*, которые обозначают подрезание, подравнивание: перм. *подстрига́ть* ‘исправлять ошибки в речи,

---

[1] Однако значения свердл. *настропали́ть* ‘научить, дать нужный совет’ (*Настропали его, как лучше сделать*) [СРНГ, т. 20, с. 200] и иван., свердл., перм., ленингр. *настропали́ться* ‘научиться, приобрести сноровку в каком-либо деле; поднатореть’ [СРНГ, т. 20, с. 200] не содержат семы ‘ругать’, поэтому, по версии Ж. Ж. Варбот, могут быть истолкованы исходя из родства со словом *тропа* как имеющие мотивировку «направить» [Варбот, 1996, с. 107] (подробнее об этой версии см. далее).

поправлять’ (*Русский язык я плохо знаю, неграмотный, я и говорю нелитературно. Вот на собраниях меня часто и подстригали*) [СПГ, т. 2, с. 132], омск. *стричь* ‘строго воспитывать, бранить’ (*Стригут их там, а он все болван*) [СРГС, т. 4, с. 462].

Устойчивость реализованных в приведенных словах мотивов «тесать», «тереть», «чистить» подтверждается фактом обратного семантического перехода от значения ‘обучать в школе’ к семантике натирания, очищения: новг. *вы́школить сапоги́* ‘вычистить сапоги, смазать их ваксой’ [СРНГ, т. 6, с. 62], перм. *вы́школить* ‘вымыть, вычистить, навести порядок’ (*Вон щас дома все вышколила, вымыла*) [СПГ, т. 1, с. 153].

Отметим, что брань и наказание также могут осмысляться через образы очищения внешних покровов: простореч. *чистить* ‘бранить, пробирать’ [ССРЛЯ, т. 17, с. 1059], пск. *снимать стружку с кого* ‘ругать, отчитывать кого-л.’ [СПП, с. 72], кемер. *тёрку давать* ‘наказывать’ и ‘действовать на человека, делая его благоразумным, опытным, осмотрительным’ [ФСРГС, с. 52] и мн. др. Поскольку мотивировочные признаки «чистить», «тереть», «строгать» призваны в данном случае передать агрессивность речевого действия, эта модель («чистить – воспитывать бранью») находится на пересечении метафоры обработки поверхности и метафоры деструкции. Последняя представлена, например, такими фактами, как печор. *вы́колоть* ‘осыпать упреками, отругать’ (*Она Дарью-то выколола, выкорила, выгнала из дома, да и сама скоро умерла*) [СРГНП, т. 1, с. 107], пск. *голову пробить кому* ‘измучить кого-л. частыми напоминаниями, просьбами, укорами’ [СПП, с. 29], омск. *все глаза вы́бить* (*обби́ть, проколо́ть*) ‘предельно надоесть советами, замечаниями, упреками, просьбами’ [ФСРГС, с. 33] и др. О преобразовании представлений об обработке поверхностей режущими инструментами (снятия стружки, коры) в семантику негативного вербального воздействия на адресата, т. е. ругани и брани (алт. *ошкурить* ‘сильно обругать’, рус. (бурят.) *стругать* ‘бранить, ругать’) см. исследование Е. Л. Березович [Березович, 2014, с. 312–316]. Кроме того, мотивационному анализу лексики со значением ‘ругать (-ся)’ посвящено исследование

А. В. Хелемендик [Хелемендик, 2007]. Речевая агрессия сопоставляется с репрессивным физическим воздействием, нанесением удара.

Таким образом, для носителя языка имеют значение следующие особенности анализируемого фрейма, в основание которого положено действие «механическая обработка изделия». Номинатор обращается к этой образной сфере, поскольку ее средствами возможно запечатлеть субъектно-объектный характер действия: человек воздействует на другого человека подобно тому, как кто-либо совершает манипуляции с неодушевленным предметом. Кроме того, обучение обнаруживает сходство с обработкой изделия мастером в отношении результата. Основанием для их сопоставления, зафиксированного в лексических фактах, служит мотив изменения объекта в сторону улучшения, совершенствования. Подобно тому, как при обработке изделия подвергается выделке, чистке верхний слой материала, так же результат обучения имеет внешнее выражение – перемены в поведении, оцениваемые как соответствующие культурным нормам. Преодоление невоспитанности и неопытности кажутся носителю языка сопоставимыми с устранением шероховатостей на поверхности материального объекта. Несовершенство характеризует как необработанное изделие, так и невоспитанного, некультурного, необразованного человека. Как следствие, приобретение практических умений (обучения) и коррекция поведения (воспитания) уподобляются в языковой картине мира изменениям, которые претерпевает вещь в ходе ее механической обработки. Значимыми для возникновения таких ассоциаций являются характеристики производимого воздействия. Обучение человека и обработка изделия складываются из манипуляций, обладающих сходными свойствами, например, такими, как многократность, длительность, конструктивность.

Метафора изготовления изделия. В традиционной народной культуре разрабатывается образ «человека изготовленного», см. об этом работы С. М. Толстой [Толстая 2000; Толстая 1998; Алексеева, 2008, с. 55–58]. Ср. представления о дураке, глупце как неудавшемся творцу, плохо сшитом, сплетенном, испеченном или вытесанном творении [Леонтьева 2008, с. 203–204,

209–211, 217–221]. Рефлексы метафоры изготовления человека присутствуют в образных сопоставлениях обучения с ковкой, дублением кожи, выпеканием, вырезанием фигуры из камня или дерева. На большой потенциал метафоры производства для описания обучения человека указывает М. М. Алексеева: «Процесс образования, воспитания и обучения тесно связывается с процессом производства: человека готовят к жизни в социуме и мире. На отражение этого представления в языке указывают метафоры, транслирующие общетехнологический код» [Алексеева, 2008, с. 55], ср. литер. разг. *сделать человеком* [ССРЛЯ 13: 532], арх. *сработать* ‘сделать кем-либо’ (*Из меня, из дурака сработают солдатика*) [СРНГ, т. 40, с. 301] и др.

Сема ‘воздействовать’, объективирующая связь между субъектом и объектом воздействия, актуализирована в диал. (б/у места) *оболва́нить* ‘наружно образовать немного, для приличия в обращении’ [Даль, т. II, с. 629], которое вторично по отношению к диал. *оболва́нить* ‘отделать грубо, вчерне, обтесать, придав вещи приблизительно желаемый вид или размеры’, *оболва́нивать* ‘отесывать чурбаны, для точки из них мис, чашек’ [Там же][1]. Сема поверхностной обработки тесно связана здесь с семой изготовления предмета (придания ему формы).

Кроме того, вторичные наименования процесса обучения производны от лексемы из области кузнечного дела – *ковать*: мурман. *накова́ть* ‘научить, показать своим примером’ (*Нет, таким людям не накуёшь своим манерам, им всё равно*) [СРГК, т. 3, с. 334]. Ср. контекстуальное употребление перм. *вы́ковать* ‘сделать нормальным, привести в норму’ (*Ты не балуй, отец-от приедет, дак выкует тебя*) [СПГ, т. 1, с. 138], а также жарг. угол. *кова́ть* ‘обучать воровским приемам’ [БСЖ, с. 265].

---

[1] Уподобление человека деревянной заготовке (при отсутствии семы воздействия) обнаруживается в диал. (б/у места) *обакла́ниться* ‘стать более культурным, воспитанным’ (*Он в людях-то обакланился маленько*) [Даль, т. II, с. 583; 12, т. 21, с. 344] (ср. диал. *обакла́нить* ‘грубо обтесать, обработать что-либо’ – Там же), диал. (б/у места) *оболва́ниться* ‘обтесаться, околотиться, натереться меж людей’ [Даль, т. II, с. 629].

Образ «кованого человека» или «обработанного ковкой» поддерживается метафорой натачивания: литер. (перен.) *оттáчивать* ‘делать более совершенным, доводить до высокой степени мастерства; отшлифовывать’ [ССРЛЯ, т. 8, с. 1647], ленингр. *наточи́ть* ‘научиться чему-н.; перенять что-н.’ (*Руки-то все украсть хоче, а ведь ето всё от матери наточивши*) [СРГК, т. 3, с. 386]. В прямом значении *точить* значит ‘делать острым (обычно режущее или колющее орудие) путем трения обо что-либо’ и ‘изготовлять из дерева, металла и т.п., придавая нужную форму срезанием наружных или внутренних слоев материала на токарном станке’ [ССРЛЯ, т. 15, с. 731–732].

Вариацией на эту же тему является жарг. угол. *шлифовáть* ‘обучать неопытного вора’ [БСЖ, с. 695], ср. литер. *шлифовáть* ‘обрабатывать поверхность металла, дерева, стекла и т.п. абразивными материалами для придания ей гладкости, точных размеров, определенной формы’ и ‘трением сглаживать какие-либо неровности, делать гладкой, чистой, блестящей поверхность чего-л.’, а также ‘совершенствовать, улучшать’ [ССРЛЯ, т. 17, с. 1474].

Известный народному сознанию образ шитого человека (*человек Божий – обшит кожей*) реализован в сравнении обучения с обработкой кожи: твер. шутл. *продублённый* ‘ученый, “пропитанный ученьем”’ [СРНГ, т. 32, с. 126], ср. нижегор. *продубля́ть* ‘бранить кого-либо’ [Там же]. Метафора выделки шкур актуализирует семантику наполнения содержанием (пропитывания) и укрепления (обработанная кожа становится эластичной и крепкой).

Диалектными фактами создается также образ неудавшегося мучного изделия: пск. *невы́печенный* ‘необразованный, неотесанный’ [СРНГ, т. 20, с. 366], перм. *кулебáка* ‘неудачный пирог или другое мучное изделие’ и ‘о человеке с какими-л. недостатками (ненормального телосложения, с неправильными чертами лица, малокультурном и т.п.)’ [СПГ, т. 1, с. 449], перм. *кулебáка бессчётной* ‘о неграмотном, необразованном человеке’ [Там же]. Обратим внимание, что номинатор проводит связи между человеком и изделием из теста, не привлекая другие образы. Эта семантическая модель, представленная небольшим числом лексем, является закономерным продолжением продуктивной модели

«кулинарная неудача – дурак»: новг. *недоварёный* ‘глупый, бестолковый’ [НОС, т. 6, с. 37], новг. *недопечёный* ‘глуповатый’ [НОС, т. 6, с. 40], *непропёка* ‘простофиля, олух’ [СРНГ, т. 21, с. 132], *недопéкий* ‘нерасторопный, несообразительный’ [СРНГ, т. 21, с. 28], *недопéчка* ‘о слабом, плохо соображающем человеке’ [Там же], волог. *недопёкиш* ‘недоразвитый человек’ [КСГРС], волог. *недопечённый* ‘не в уме’ [КСГРС], волог. *непропечённый* ‘глупый, бестолковый’ [КСГРС] и др. Изделие из теста обладает свойствами готовности и оформленности, значимыми для ассоциирования с человеком, личность которого «оформляется» с приобретением знаний и жизненного опыта.

Показательна и внутренняя форма литер. *формировать* ‘придавать устойчивые, законченные черты, вырабатывать определенные качества в ком-л.’ и *формироваться* ‘приобретать устойчивые, законченные черты, становиться носителем определенных качеств’ [ССРЛЯ, т. 16, с. 1501].

Мотив придания формы, вида, образа лежит в основе литер. *образование* ‘процесс усвоения знаний; обучение, просвещение’, *образовывать* ‘сообщать кому-либо знания, просвещать, делать культурным; развивать, воспитывать, прививая определенные качества’ [ССРЛЯ, т. 8, с 362, 367], *образовать кого-л.* ‘совершать, улучшать духовно, просвещать’, ‘придавать наружный лоск, приличное, светское обращенье’ [Даль, т. II, с. 633], орл. *образовáть* ‘научить’, арх. *образовáться* ‘получить образование’, пенз. *образóвывать* ‘приучать’ [СРНГ, т. 22, с. 192–193], ленингр. *образовáть* ‘воспитать’ (*Что тебя так плохо образовали: «пожалуйста» говорить не можешь*) [СРГК, т. 4, с. 106], пенз., арх., урал. *необразóвщина* ‘некультурный, малограмотный человек’ [СРНГ, т. 21, с. 99], перм. *образовáться* ‘образумиться’ (*Вечером девушка образовалась, уж по-хорошему стала разговаривать; Сын мой в армию сходил, образовался*) [СПГ, т. 2, с. 23] (в последней лексеме возможна аттракция *образоваться* и *образумиться*) и др.

Общеслав. **obrazovati (sę)* представлено в этимологических словарях производным от **obrazъ*, возводимого, в свою очередь, к **obraziti (sę)*, которое является результатом сложения **ob-* и глагола **raziti* с исходным значением удара

[ЭССЯ, т. 29, с. 60–66], ср. *разить* ‘ударять, поражать каким-либо оружием’ [ССРЛЯ, т. 12, с. 335]. Существительное *образ*, ставшее обозначением формы, изображения (ср.: «старшее значение о.-с. *obraz* – ‘нечто, получившее (новый) облик или определенный вид’» [Черных, т. I, с. 588]), первоначально обозначало, согласно Брюкнеру, вырезанную в дереве или вытесанную в камне фигуру [ЭССЯ, т. 29, с. 66].

Неслучайно континуанты того и другого глагола – **obraziti (sę)* и **obrazovati (sę)* – обнаруживают семантику обработки: др.-рус. *образовати* ‘придать (придавать) форму’ (*Древо криво, сучиа полно, изрыет [мастер] настоателне по истощанию своему, и по уму его мастерьства образуетъ то, и уподобит то образу чл҃чю*) [СРЯ XI–XVII, т. 12, с. 139], русск. *образовать* ‘давать вид, образ; обтесывать или слагать, составляя нечто целое, отдельное’ [Даль, т. II, с. 632–633], литер. *образовывать* ‘придавая соответствующую форму, вид, строение, создавать, составлять что-либо’ [ССРЛЯ, т. 8, с. 366], тамб., южн. *обра́зить, образи́ть* ‘обрабатывая, придать нужную форму’, курск., ряз., ворон., влад., калуж., орл., пенз., тамб., сталингр., нижегор., москв. *обра́зить, образи́ть* ‘привести в порядок, вымыть, прибрать, вычистить’ [СРНГ, т. 22, с. 191], ср. словен. *obrazováiti* ‘придавать форму; создавать; изображать, представлять, описывать; обучать’ [ЭССЯ, т. 29, с. 62].

Из этого следует, что слово *образование*, одно из базовых в поле «Обучение», с учетом сведений о его происхождении вписывается в контекст метафоры обработки и изготовления изделия, хотя современный носитель русского языка не может «раскодировать» внутреннюю форму этого слова без обращения к этимологическим справочникам.

Таким образом, описанная метафора регистрирует сходство между обучением человека и изготовлением предмета. Подобно тому, как посредством ударов, резания, термической обработки получает оформление материальный объект, путем воздействий на человека формируется его личность, характеризуемая определенным багажом знаний, умений, опыта, а также особенностями поведения. В данном случае имеет значение созидательный

характер и потенциальная результативность действия, т. е. появление нового «продукта» путем придания материалу формы (*формировать, образовать, наковать*) или новых свойств – крепости, готовности, остроты (*продубленный, невыпеченный, наточить*).

***

Рассмотренные семантические модели «обучать ← обрабатывать» и «обучать ← изготовлять» основываются на предикате «изменять (объект)». Мотив трансформации объекта воздействия реализуется в метафорах придания формы материалу и механической обработки поверхности предмета, каждая из которых представлена общенародными и/или диалектными лексическими фактами, описывающими передачу и приобретение любых знаний и умений: воспитание, получение образования, накопление опыта, совершенствование ремесленнических навыков.

Идеография языковых фактов, репрезентирующих каждую из двух метафор, имеет свою специфику.

Лексемы, мотивированные обозначениями поверхностной обработки, выражают следующие значения: ‘быть / стать воспитанным, культурным; уметь обращаться с людьми; приучать к хорошим манерам; выучить чему-л.; поправлять; опытный; образованный’ и – при наличии отрицания – ‘невоспитанный, некультурный, грубый, неучтивый; тот, кто плохо себя ведет; не сведущий в чем-л., необразованный, невежественный’. При этом в качестве производящих используются основы *полировать, тесать, строгать, лицевать, скоблить, тереть, скрести, трепать, стричь, чистить, чесать*.

Другой набор дефиниций выявляется при анализе слов, внутренняя форма которых запечатлела действие по преобразованию материала: ‘научить своим примером; обучать воровским приемам; доводить до высокой степени мастерства; перенять что-л.; вырабатывать определенные качества; сообщать знания, просвещать, развивать, воспитывать; ученый’ и – при наличии отрицания – ‘необразованный’. В этом случае носитель языка останавливает свой выбор на глаголах *ковать, точить, шлифовать, дубить, печь, разить, формировать*.

Можно видеть, что при описании процесса воспитания носитель русского языка обращается главным образом к метафоре поверхностной обработки предмета, в то время как обучение ремеслу, приобретение знаний, просвещение чаще уподобляются изготовлению нового объекта из какого-либо материала. Воспитанность и культурность запечатлены в лексике как внешне проявленные характеристики человека, то есть «внешний, поверхностный слой», должный быть «идеально гладким», а образованность и мастерство – как приобретаемые качества, кардинально меняющие человека, поскольку без них человек – лишь «материал», из которого может получиться что-то определенное, оформленное, законченное, но только в результате приобретения знаний.

Мотив обработки поверхности детализируется в таких метафорах, как устранение шероховатостей трением (*тереть, полировать, вылицевать, скоблить*), снятие верхнего слоя (*тесать, строгать, стричь*), удаление грязи (*скрести, чистить*), а также очистка льна (*трепать*).

В свою очередь, из разных способов преобразования материала носитель языка выбирает для ассоциирования придание формы (*формировать, образовать, ковать*), придание остроты посредством натачивания (*точить, шлифовать*), укрепление (*дубить*), доведение до готовности (*печь*).

Наконец, технологическая метафора связана с практическим опытом носителя языка, знающего, что состав предмета многое объясняет в его свойствах и особенностях функционирования или использования. Реконструируя представления об объекте воздействия, следует отметить такие его характеристики, как несовершенство (воплощается в образе неудавшегося изделия и в той части образных представлений, которая касается качества поверхности: ее шероховатости, загрязненности), подверженность агрессивным внешним воздействиям (в основе рассматриваемых метафор лежат действия: изменение происходит в результате ударов, скобления и под.), способность изменяться (лексические единицы – глаголы – заключают в себе сему потенциальной результативности действия), неподатливость воздействиям,

сопротивление им (среди образов преимущество на стороне твердых материалов: древесины, металла или камня).

Таким образом, модель «изготовление и обработка изделия → обучение человека» реализуется в нескольких метафорах. Она представлена в настоящее время в разных подсистемах русского языка и продуктивна. Метафора «человека сделанного» имеет солидный возраст, поскольку она находит выражение не только в языке, но и в других культурных кодах, а кроме того, она реконструируется не только на основании анализа «прозрачной» для носителя современного русского языка внутренней формы слов, но и посредством обращения к этимологии слова *образовать* и его дериватов.

5.2.3. Мотив ограничения свободы

Анализ мотивации слов лексической группы «Воспитание» выявляет народную трактовку воспитания как ограничения свободы. Этот мотив получает множество частных воплощений.

Правила, законы, традиции осознаются как власть и требуют подчинения, ср. влад. *власть* ‘повиновение, послушание’ (*Из властей-то выбились все люди*) [СРНГ, т. 4, с. 318]. В народной культуре, как уже говорилось, негативную оценку получает ослабление родительской власти над детьми: куйбыш. *во́льница* ‘девушка, женщина, воспитанная в довольстве, а потому избалованная’ [СРНГ, т. 5, с. 85], костр. *вольница-безогро́зница* ‘непослушный, своевольный человек’ (*Без отца дети растут вольницей-безогрозницей*) [СРНГ, т. 2, с. 195], костр. *беззагро́зный* ‘такой, кто не хочет соблюдать запретов, ограничений; непослушный’ (*Бесстювные больше дети, беззагрозные-то*) [ЛК ТЭ]. В основе этих номинаций лежит мотив «не слушающий запретов», ср. костр. *загро́за* ‘запрет, воспрещение’ (*Загрозы нет ему, строгости, беззагрозной такой*) [ЛК ТЭ], перм., ряз. *загро́за*, сев.-двин. *загро́зка* ‘угроза, застращивание’ (*Загрозы нет ему, строгости, беззагрозной такой*) [СРНГ, т. 10, с. 31]. Такой мотив

отсутствует в литературной традиции и говорит об особой роли запрета в народной культуре.

Многочисленна группа лексем, во внутренней форме которых реализуется мотив усмирения спутыванием, воплощаемый в метафоре запрягания, укрощения лошади: смол, кубан., терск. *заседла́ть* ‘заставить повиноваться, подчинить себе’ [СРНГ, т. 11, с. 25], ворон., смол., терск., кубан. *зау́здывать* ‘усмирять, заставлять повиноваться’ [СРНГ, т. 11, с. 129], урал. *подсупо́нивать* ‘обходиться с кем-либо строго, держать в повиновении’ [СРНГ, т. 28, с. 206] (ср. *супо́нить* ‘стягивать супонь у хомута при запряжке лошади’ [ССРЛЯ, т. 14, с. 1203]), пск. *взять в шоры кого* ‘подчинить себе кого-л., заставить вести себя, как следует, ограничить свободу действий кого-л.’ [СПП, с. 82] (*шоры* ‘часть конской упряжи’), омск. *подобра́ть во́жжи* ‘призвать к порядку, повиновению’ [ФСРГС, с. 140], печор. *держа́ть в кре́пких вожжа́х* и *держа́ть в вожжа́х* ‘держать в строгости, зависимости, подчинении’ (*Уж как они ни держали детей в крепких вожжах, а всё равно упустили; Ну, этого ребёнка надо в крепких руках держать*) [ФСРГНП, т. 1, с. 205]. Образ запрягаемой лошади выступает средством выражения семантики управления: воспитание основывается не на полном исключении каких-либо действий человека, а на их ограничении лишь в той степени, которая необходима для контроля.

Недостаток строгости в воспитании метафорически осмысляется как ослабление вожжей, служащих именно для управления запряженной лошадью, и получает негативную оценку: пск. *снять уздечку* с *кого* ‘ослабить надзор, контроль за кем-л., разрешить кому-л. вести себя своевольно, капризничать’ [СПП, с. 75], рус. (бурят.) *развожжа́ть* (неодобр.) ‘ослабить требовательность к кому-либо, перестав контролировать; распустить’ (*Развожжала ребят, так теперь с ними никакого лада*) [СРГС, т. 4, с. 92], омск. *распусти́ть во́жжи кому-л.* ‘избаловать кого-л.’ (*Вожжи она им распустила, никого не робят*) [СРНГ, т. 34, с. 188], печор. *отпусти́ть на до́лгие во́жжи* ‘предоставить свободу в поступках, действиях’ (*Муж бы был, не отпустил бы на долги вожжы*) [СРГНП, т. 1, с. 183], ср. простореч. *держать кого-л. на коротком поводке*.

Соответственно, неподчинение, нежелание поддаваться воспитательному воздействию изображается как высвобождение из упряжи: литер. *разнузданный*, забайк. *разнузда́ться* ‘перестать сдерживаться, владеть собой, становиться непослушным, своевольным, распуститься’ [СРНГ, т. 34, с. 46], перм. *из огло́бель (из ра́мок) вы́йти* ‘перестать подчиняться’ (*Он уж вышел из оглобель, совсем не слушатся*) [СПГ, т. 1, с. 137], свердл. *выпряга́ться* (сов. *выпрячься*) ‘отбиваться от рук’ (*Вовсе парень выпрягся*) [СРНГ, т. 5, с. 334], новосиб. *вы́прячься из-под дуги́* ‘выйти из повиновения, перестать быть послушным’ [ФСРГС, с. 38].

В более общем контексте, безотносительно к зауздыванию, недостаток воспитания репрезентируется как распутывание, развязывание: диал. (казаки-некрасовцы) *развя́занный* ‘распущенный, невоспитанный, избалованный (обычно о детях)’ [СРНГ, т. 33, с. 297], тул. *распу́таться* ‘стать своевольным, непослушным, разбаловаться’ (*Ребята совсем распутались без присмотра*) [СРНГ, т. 34, с. 191].

Другим выразителем мотива ограничения свободы воспитуемого является метафора зажимания в тисках или кандалах: пск. *в дыбу (в дыбы) ввести кого* ‘образумить кого-л., преодолеть чьё-л. сопротивление, упрямство’ [СПП, с. 39] (др.-рус. *ды́ба* ‘колода; колодки’ [Срезн., т. 1, с. 764], *ды́ба* ‘колодка, кандалы’ [Дьяченко, с. 161]), омск. *взять в щеми́ла* (*щеми́лы*) *кого* ‘подчинить своей воле; сурово, строго обращаться с кем-либо’ (*Робёнка сошшемишь ажно, возьмешь в щемила*) [ФСРГС, с. 26], ср. *щеми́ть* ‘давить, сжимать, гнести, увязив в чем или тискать’ [Даль, т. IV, с. 674], *щеми́ло* и *щемло́* ‘деревянные тиски, клещи, лещедка, коею что-либо отжимают, тянут сыромятные ремни’ [Даль, т. IV, с. 675].

Не менее активно, чем мотивы спутывания и защемления, эксплуатируются в лексической группе «Воспитание» мотивы захвата, удерживания руками: литер. *держать в ежовых рукавицах*; арх. *держа́ть* ‘воспитывать, следить за чьим-н. поведением’ (*Раньшэ-то детей-то держали строго, это шшас роспу́шшон; Нас эть сьежы́ли и строго наз держали, и мы были роботны*) [АОС, т. 11, с. 78] и др. В состав фразеологических единиц включается слово *рука*: печор. *держа́ть в (кре́пких) рука́х, кулака́х* и *держа́ть в желе́зных (ежо́вых) рукави́цах* ‘держать

в строгости, зависимости, подчинении’ (*Ну, этого ребёнка надо в крепких руках держать*) [ФСРГНП, т. 1, с. 205], дон. *приби́ться к рука́м* ‘исправиться, стать послушным’ [СРНГ, т. 31, с. 111], том. *на (чьей-либо) руке́* ‘на чьем-либо попечении’ [СРГС, т. 4, с. 190]. Завершение периода, на который приходится воспитание ребенка, обозначено в омск. *отвести́ от рук* ‘воспитать детей’ (*Отвела я девку от рук, теперь помирать можно*) [ФСРГС, с. 128].

Сопротивление воздействию, ослушание предстает как ускользание из рук, высвобождение из захвата: печор. *вы́пасть с рук* ‘перестать слушаться кого-н.’ [СРГНП, т. 1, с. 114], перм. *выйти (вывестись) с рук чьих* ‘перестать подчиняться кому-л., слушаться кого-л.’ [СПП, с. 66], перм. *из рук вы́йти* ‘перестать подчиняться кому-л., слушаться кого-л.’ (*Два парня у ее, оба из рук выходят, не слушают никого*) [СПГ, т. 1, с. 137], омск. *отойти́ от рук* ‘выйти из повиновения; отбиться от рук’ [СРГС, т. 4, с. 189]. Ср. в литературном языке разг. *отбиться от рук*. Соответственно, воспитывать значит держать (вести, направлять) руками, ср. литер. *руководить* и диал. *на свою руку* ‘по-своему’ (*Мать была купеческа дочь, выросла у попа. Ее ить на свою руку воспитали, для себя готовили*) [ФСРГС, с. 169].

Семантика удерживания от предосудительных поступков свойственна томск. *дать уём кому* ‘унять кого-либо, наказав или пригрозив’ [ФСРГС, с. 54], волог. *безуёмщина* (собир.) ‘о людях, которые, не обращая внимания на предостережения и советы других, руководствуются только личным произволом’ [СРНГ, т. 2, с. 200] (др.-рус. *уяти* ‘взять’ [Срезн., т. 3, с. 1349], далее к праслав. **ęti* [ЭССЯ, т. 6, с. 71]).

Для выражения этой же семантики привлекаются зоометафоры, рисующие удерживание когтями, зубами, хоботом: омск. *взять в ко́гти кого* ‘подчинить своей воле; сурово, строго обращаться с кем-либо’ [ФСРГС, с. 26], ряз. *держа́ть в когтя́х* / *в зуба́х* ‘строго следить за кем-л., не давать воли’ [Деул. сл., 201, 229], печор. *в хо́бот брать (взять)* ‘держать в строгости, зависимости, подчинении’ (*Мы уж детей очень-то в хобот не брали, они и так послушны, учатся хорошо*) [ФСРГНП, т. 1, с. 114].

Семантика освобождения, свойственная производным корня *пуск-, пущ-* (др.-рус. *пущати* ‘направлять или давать возможность двигаться’, ‘освобождать, отпускать, выпускать’ [СРЯ XI–XVII, т. 21, с. 74], диал. (шир. распр.) *пущать* ‘давать возможность идти, уйти куда-либо, давать свободу; разрешать кому-либо что-либо делать’ [СРНГ, т. 33, с. 177]), послужила источником для развития значения ‘своевольный, непослушный’: смол. *распущённик* ‘распущенный, своевольный, избалованный человек’ [СРНГ, т. 34, с. 195], влад., арх., ворон., омск., перм., новосиб., кемер., влад. *распуще́нье* ‘распущенность, своеволие, безнравственность’ (*Отца уж не слушаешь! Распущенье настало!*) [СРНГ, т. 34, с. 195], курск. *распуще́нья* ‘слишком большая свобода, воля, баловство’ (*Распущенья была, так воспитывали, распустили сына*) [СРНГ, т. 34, с. 195], пск., твер., рус. (карел.) *пущеник* ‘непослушный ребенок, озорник, шалун’ [СРНГ, т. 33, с. 179].

Репрезентативностью в лексической группе «Воспитание» обладает пространственная метафора, также способная служить средством выражения мотивов ограничения свободы.

На основе фразеологизмов, в состав которых входит слово *место* – литер. *поставить на место*; рус. (карел.) *на ме́сто взять* ‘одернуть кого-нибудь, давая понять, как не должно поступать; поставить на свое место’ [СРГК, т. 3, с. 230], пск. *прибрать к месту кого* ‘наказать, выругать, побить кого-л.’ [СПП, с. 52], – реконструируется представление о воспитанности как пребывании в определенных рамках, в замкнутом пространстве, пересечение границ которого является сигналом нарушения нормы. О том, что норма имеет свое «виртуальное» пространство, свидетельствует включение в связанное словосочетание существительного *мера*: пск. *поставить на свою меру кого* ‘заставить вести себя более сдержанно, как подобает’ [СПП, с. 52].

Вариацией на тему нарушения допустимых границ являются слова, описывающие сопротивление воспитательному воздействию посредством образного потенциала глаголов передвижения в пространстве: перм. *выступа́ть*

‘выходить из повиновения, не слушаться’ [СРНГ, т. 6, с. 35], новосиб. *переступи́ть слово* ‘ослушаться’ [ФСРГС, с. 134].

Это пространство может быть представлено в образе длинного узкого канала, которого следует придерживаться, отсюда обращение к основам *труба, колея, путь*: пск. *вогнать в трубу кого* ‘выругать, отчитать кого-л.’ [СПП, с. 74], перм. *в колею́ вва́ливать* ‘давать наставления, учить’ (*Как ты теперь таких детей в колею будешь вваливать, оне ведь тебя нисколько не слушают*) [СПГ, т. 1, с. 79], ср. брян., смол. *припути́ть* ‘приучить к делу, воспитать, вывести в люди’ [СРНГ, т. 31, с. 361]. Образ дороги как жизненного пути известен русской культурной традиции, а воспитание имеет своей задачей наставить человека на путь (ср. литер. *наставничество*) и научить придерживаться его.

Показательны глаголы, используемые в приведенных фразеологизмах. Слова *ввести, поставить, ввалить, вогнать, прибрать* импликативно содержат отсылку к субъекту воздействия и объединены семой принуждения, принудительного влияния на передвижения других.

К пространственным можно отнести модель «укорачивать → усмирять»: перм. *короти́ть* ‘держать в строгости, не давать воли’ (*Я их без отца вырастила, в армию пошел отец и сказал: «Робят короти!»*) [СПГ, т. 1, с. 421], калуж. *короча́ть* ‘заставлять повиноваться’ (*Будет он жену корочать*) [СРНГ, т. 14, с. 371]. Праслав. **kortiti* ‘укорачивать, делать короче, сокращать’ считается производным глаголом от **kortъ* ‘раз, (счетный) удар’, **kortъkъ*, которые возводятся к и.-е. **kert-* ‘бить, ударять, рубить’ [ЭССЯ, т. 11, с. 98–102]. Предположительно значение **kortъkъ* ‘короткий’ развилось из ‘куцый, обрезанный’ [ЭССЯ, т. 11, с. 102]. При возможности этимологически реконструировать здесь изменение параметра длины (как форму ограничения доступного пространства) остается открытым вопрос о том, релевантна ли в этих обозначениях строгого воспитательного воздействия пространственная семантика.

Можно предполагать здесь контаминацию «делать коротким» и «делать кротким», ср. новг., вят. *кроти́ть кого-либо* ‘воспитывать в строгости, держать в повиновении (о детях)’ (*Кротить надо ребят-то*) [СРНГ, т. 15, с. 285].

Кротость же трактуется этимологически как усмирение животного кастрированием. Праслав. **krotiti* ‘укрощать, успокаивать, усмирять, утихомиривать, унимать, заставлять повиноваться’ [ЭССЯ, т. 13, с. 17] определяется как каузатив, соотносимый с **krotъkъ(jь)*, для этого гнезда устанавливается первоначальное значение ‘укрощать, усмирять кастрированием’, которое проводится перевязыванием семенников, поэтому далее слово возводится к и.-е. **kret-*/**kert-* ‘крутить, скручивать’ [ЭССЯ, т. 13, с. 19].

Между тем, зоологические образы проявляют себя как пригодные для демонстрации представлений о воспитании как усмирении. Так, «птичий» образ эксплуатируется в литер. *крылышки подрезать*, пск. *крылышки обломать (подрезать) кому* ‘смирить кого-л. силой или морально’ [СПП, с. 48] и др., поскольку повреждение крыльев – метафорический аналог ограничения свободы. Подавление способности к сопротивлению отображено в ленингр. *обломáть кóгти* ‘укротить, усмирить, заставить покориться’ (*Ой, дидо тебе б обломал когти глупому, дал бы тебе вдоль да поперек хребтины, чтоб знал*) [СРГК, т. 4, с. 89]. Напомним также описанную выше продуктивную модель «обуздывать → воспитывать». Укрощение животного кастрированием логично продолжает этот образный ряд.

Семантику ограничения выражает также модель ‘остановить резким замечанием’ → ‘заставить вести себя иначе’. Она представлена глаголами *стювать, щувать, щунять, счувать, счунять* и их фонетическими вариантами: новг., сибир., киров. *шувáть* ‘усовещать и в то же время делать выговор, стыдить’ [КСРНГ], киров. *шчувáть* ‘останавливать’ (*Я тебя шчуваю два рас, а ты нечо не слушаёшься*) [КСРНГ], волог. *счевáть* ‘уговаривать, увещевать, стараясь образумить кого-л.’ [СРНГ, т. 43, с. 86], волог. *сцювáть* ‘советовать, сговаривать переменить худыя привычки на хорошия, унимать’ (*Ты бы хорошенько посцювала своего мужа, может и перестанет пить*) [Дилакторский, с. 493] и др.

Существенно расширяют эту группу глагольные формы совершенного вида и дериваты: влад. *сцуня́ть* ‘наказать, вразумить кого-л.’ [СРНГ, т. 43, с. 83], вят. *щув* ‘унимание, увещание, остановка’ (*Никакова-то щуву на них нет*) [КСРНГ] и др.

В отношении приведенных выше глаголов М. Фасмером выдвигается гипотеза их возведения к междометию. Он восстанавливает для др.-русск. *чунути* ‘ругать, приводить в смущение’, диал. *щува́ть, щуня́ть, щу́нить, щуну́ть* ‘увещевать, стыдить’, олонецк. *щуна́тель* ‘миссионер’, астрах. *ущу́нно* ‘правильно’ (а также для укр. *щуня́ти*, блр. *щуня́ць, ущу́ніць*, словен. *ščúti, ščújem, ščuváti, ščúvam*, др.-чеш. *ščváti, ščuju*, слвц. *štvat’*, польск. *szczuć, szczuję, szczwać* ‘травить’ и других слов) праслав. **ščьvati, *ščujǫ, *ščěvati*, предполагает возможность их образования «от междометия, которым понукали» [Фасмер, т. IV, с. 509].

Действительно, значение запрета, пресекания чьего-либо действия выражают следующие междометия: дон. *тю на тебя!* ‘останавливают раскричавшегося, рассвирепевшего’ [КСРНГ], диал. (б/у места) *чу-ка* ‘цыц, смирно, молчи-ну!’ [Даль, т. IV, 634], пенз. *чу!* ‘предупреждение к вниманию, приглашение слушать, прислушиваться к чему-нибудь; обыкновенно произносится вполголоса’ (*Чу! Слушай; Чу! Перестаньте; Чу! Дайте послушать*) [КСРНГ]. Междометие *чу* вновь приводит нас к гнезду глагола *чуять*, поскольку расценивается составителями словарей как появившееся от него: *чу!* ‘междометие от глагола *чуять*’ (*Чу! стучат; Чу! говорят*) [СЦсРЯ, т. 4, с. 444], др.-русск. *чу* ‘междометие в значении – слышишь, от *чути=слышать*; эта форма аориста сохранилась до наших дней в виде частицы, междометия’ [Дьяченко, с. 827], *чу* ‘междометие, первонач. тождественно др.-русск., ст.-слав. *чоу* – 2 л. ед. ч. аор. от *чоути* «слышать»’ [Фасмер, т. IV, с. 375].

Согласно этой трактовке слова *счувать, щувать, чунуть, щунять* и т. д. имеют внутреннюю форму «произносить окрик *тю!* или *чу!*», семантически же означают – ‘останавливать окриком, урезонивать’. Отметим, что семантическая

модель «междометие → глагол со значением ‘остановить, унять’» известна русскому языку: волог. *шушу́кать* (сов. *ошушу́кать*?) ‘«останавливать шум словом: шъ-шъ-шъ»’ (*Ошушукай их сходи!*) [КСРНГ], перм. *шиши́кать* ‘унимать словом *цсс*, или *шиш*’ (*Гам такой был на сходке; только окружной в управу зашел, двери отворил, задни-те, как ево увидели, и давай шишикать; как зашишикали, – и унялся гам; а то содому-ту до тово чево было!*) [Там же], ср. литер. *шикать (на кого-л.)*.

Подчеркиваемая в дефинициях слов или в комментариях к ним связь глаголов рассматриваемой группы с *чуять, чувствовать*, обусловленная фонетическим сходством слов (ср. рус. устар. *очувствоваться* ‘отказаться от опрометчивых действий; одуматься, опомниться’ [ССРЛЯ, т. 8, с. 1818]), вероятно, вторична: *счуна́ть* ‘выговором давать кому-либо чувствовать его проступок; журить’ [СЦсРЯ, т. 4, с. 256], новг., волог. *стюва́ть, стюну́ть (кого)* ‘счувать, щунять, усовещивать, пожурить, унять (от чуять)’ [Даль, т. IV, с. 360], волог., влад., перм., вят. *щувать, щуня́ть, щуни́ть*, пенз., тамб. *щу́нить, счувать* [удар.?], *счуну́ть* (заставить почуять, почувствовать) ‘журить, усовещевать, увещевать; унимать, бранить, претить что’ [Даль, т. IV, с. 678]. В этом случае глаголы *счувать, щувать* надо было бы толковать как имеющие внутреннюю форму «приводить в чувство» и выражающие значение ‘вразумлять, требовать благоразумия’, однако этот смысл без труда выводится из значения ‘окрикнуть, сделать замечание’.

Характеризуя семантику слов данной группы, связанную с говорением, произнесением звуков, надо сказать, что характер речевой деятельности по-разному представлен в дефинициях слов, а именно – как окрик, брань, убеждение, совет.

Окрик, замечание, одергивание: вел.-устюж. *щува́ю* ‘закликиваю (= закликаю)’ [КСРНГ], перм. *счув* и вят. *счува́нье* ‘оклик’ (*Не слушают счуванья*) [СРНГ, т. 43, с. 94], перм. *пристю́нуть* ‘призвать к порядку резким замечанием’ [СПГ, т. 2, с. 218], рост., заурал., курган., яросл. *щуну́ть* ‘припугнуть, прикрикнуть, унять’ (*Щуни ребят!*) [КСРНГ], урал. *шуну́ть* ‘прикрикнуть, унять

(расшалившихся ребят)’ [КСРНГ], перм. *штю́нуть* ‘сделать замечание, одернуть’ (*Чужой ребёнок, его и штюнуть нельзя; Штюнуть-то робят некому, не стало дедушка-та*) [СПГ, т. 2, с. 561], киров. *стю́вать* ‘одергивать, ограничивать, обычно приструнить детей’ [Токмаков, 2009], перм., вят. *стю́нуть* ‘резким замечанием, окриком призвать кого-л. к порядку, заставить замолчать’ (*Кто-нибудь его хоть стюнет, пристыдит, может, бить-то и не станет*) [СРНГ, т. 42, с. 121]. Неслучайным кажется соседство слов *стюв* и *заклик* в устойчивом сочетании: перм. *ни стю́ву ни за́клику не знать* ‘не обращать внимания на запреты и уговоры’ [СПГ, т. 1, с. 330]. Дублирование смысла за счет употребления в составе фразеологизма близких по смыслу слов – распространенное явление: *ни шатко ни валко, рвать и метать, с пылу с жару, цел и невредим*. На этом основании можно предполагать если не идентичность, то близость значений существительных *стюв* и *заклик*, каждое из которых производно от глагола. Это предположение подтверждается печор. *закликáть* ‘окриком останавливать, бранить за шалости’ (*Избазулился, не унимали смала, не закликали, строгость не давали ему*) [СРГНП, т. 1, с. 239].

Брань: яросл. *щувáть* ‘запрещать что-либо делать, бранить, пробирать внушительно, сурово, серьезно; делать выговор’ [КСРНГ], калуж. *шчуня́ть* и новг. *щуня́ть* ‘выговаривать, слегка бранить’ [Там же], яросл. *щуня́ть* ‘ругать, ворчать, отчитывать, останавливать’ (*Щунь его, расморился уж он очень*) [Там же], пенз., яросл., арх. *щуня́ть* ‘бранить, ругать, пробирать, журить’ [Там же], влад. *щунáть* ‘давать выговор, пробирать’ [Там же], новг. *щувáть* ‘давать выговор’ [Там же], волог. *щунуть* [удар.?] ‘унять, бранить, выговор давать’ [Там же], тамб. *щуня́ть* ‘пенять, журить, выговаривать’ [Там же], орл. *щуня́ть* ‘пенять, выговаривать’ [Там же].

Убеждение, уговоры: тобол. *шшувáть* и *шчувáть* ‘уговаривать, укрощать, удерживать от дурных поступков’ (*Отец шчувает сына своего*) [КСРНГ], костр. *счунáть* ‘уговаривать, убеждать не делать чего-л.’ [СРНГ, т. 43, с. 95], влад., костр., волог., новг., олон., север., вят., забайкал., хакас., вост. *счувáть*

‘уговаривать, склонять к чему-л., убеждать не делать чего-л.’ [СРНГ, т. 43, с. 94], влад., вят. *счуня́ть* ‘уговаривать, убеждать не делать чего-л.’ [СРНГ, т. 43, с. 96].

Совет, наставление: влад. *щува́ть* ‘советовать’ [КСРНГ], яросл. *щува́ть* ‘уговаривать, увещевать, советовать’ [КСРНГ].

Этими речевыми действиями реализуется одно из намерений:

• остановить длящееся действие высокой интенсивности, успокоить, снизить или прекратить двигательную либо речевую активность: курган. *щувать* [удар.?] ‘пресекать баловство’ [Заб. слова], волог., яросл., костр., киров., вят., перм., урал., оренб., курган., краснояр., сиб. *счува́ть* ‘унимать, успокаиваить кого-л. (обычно детей)’ [СРНГ, т. 43, с. 94], заурал. *щува́ть* ‘удерживать от громких разговоров, бранить, журить, усовещивать’ (*Щуни ты их, чо оне шумят*) [КСРНГ], свердл., курган. *счува́ть* ‘призывать к порядку’ (*Счувать мужиков-то надо*) [СРНГ, т. 43, с. 94];

• побудить к перемене привычек, образа жизни, образа действий: костр. *стю́нуть* ‘сделать внушение, призвать к благоразумию’ (*Если бы не стюнуть его, сбежал бы, в техникуме не доучился бы*) [ЛК ТЭ], олон. *пощуня́ть* ‘выговор дать’ (*Пощунял бы, сват, парня, може не стал бы драться*) [КСРНГ], перм. *стюву не понимать* ‘не реагировать на уговоры, увещевания’ (*Так-то мы её стювали, стювали: как, мо, тебе не стыдно? А стюву она не понимат. «Не указывайте, – говорит, – ходила и ходить буду»*) [СПГ, т. 2, с. 166];

• запретить, не разрешить что-л: киров. *стювать* [удар.?] (сов. *пристюнить* [удар.?]) ‘не разрешать, не допускать, предупреждать’ (*Ты не стювай его* – разреши ему сделать что-то) [Котельников], волог. *не щува́ю* ‘не запрещаю’ [КСРНГ].

В дефинициях нескольких языковых фактов подчеркивается не речевое действие, а именно ожидаемый итог применения любой выбранной тактики – окрика, брани, уговоров, наставления: иркут. *стю́нуть* ‘повлиять на кого-л., направив на правильный путь в жизни’ (*Некому его стюнуть-то, жаль*) и перм., волог. *стю́нуть* ‘унять кого-л., заставить вести себя хорошо (о детях)’ [СРНГ,

т. 42, с. 121], вят., перм., челяб., заурал. *счуну́ть* ‘унять, успокоить кого-л.’ [СРНГ, т. 43, с. 95].

Таким образом, глаголы *стювать, стюнуть, счувать, счунуть, чунуть, щувать, щунять, щунать, щунуть* обозначают ***речевое воздействие, иногда агрессивное, с целью остановить, резко прекратить какое-либо действие либо побудить к разумным поступкам, правильному поведению***.

Значение вят. *Я щунул его на дороге* ‘встретил и остановил’ [Даль, т. IV, с. 678] любопытно в плане осмысления этимологии обсуждаемых слов, с которыми его объединяет сема ‘окриком, окликом резко остановить, заставить прекратить действие’. Представляет интерес и зафиксированный в вятских говорах глагол: киров. *стювает* [удар.?] ‘сторожит, ждет’ [Шахтарин]. Поджидая кого-либо, человек, как правило, имеет намерение его остановить. Такое объяснение еще раз подтверждает правильность трактовки перечисленных родственных глаголов как выражающих семантику ограничения.

Таким образом, согласно народной картине мира, воспитание (по крайне мере в какой-то своей части) основывается на принуждении и повиновении. Представления о запретах и ограничениях как форме воспитательного воздействия обусловили его ассоциирование с захватом руками и удерживанием человека; с зажиманием в специальных приспособлениях, защемляющих устройствах; с ограничением возможности двигаться, совершать движения; с заключением, помещением в ограниченное пространство; с резким останавливающим окриком.

5.2.4. Мотив содействия в социальном становлении человека

В мотивационной структуре лексико-семантического поля «Обучение» представлен, помимо прочего, мотив активной помощи, содействия человеку. Как правило, субъектом помощи выступает взрослый, старший, объектом – тот, кто младше. Эта мотивационная доминанта является яркой иллюстрацией к юридическим терминам дееспособности vs. недееспособности.

Привлечение глаголов *вести, тянуть* в качестве источников семантической деривации свидетельствует о том, что воспитание концептуализируется в языке как совершение совместных перемещений субъекта и объекта воздействия в некотором жизненном пространстве: ряз. *весть (веду, ведешь)* ‘воспитывать, выращивать’ [Деул. сл., с. 79], ряз. *води́ть* ‘воспитывать, растить’ (*Девочек этих жалей, води их*) [Деул. сл., с. 90], перм. *вести́* ‘держать в каком-либо состоянии, воспитывая, наблюдая’ (*Раньше-то нас строго вели, подбирали, в шесть вечера домой загоняли*) [СПГ, т. 1, с. 90], новг. *поводи́ть* ‘воспитывать, растить’ (*Теперь детей поводят не так, как мы, бывало, поводили*) [СРГК, т. 4, с. 593]. Один из них занимает активную позицию ведущего, а другой – позицию ведомого.

В частности, воспитывать ребенка значит вести, подводить, тянуть его к некоторой черте: арх. *вытяга́ть* ‘с трудом растить’ [СРНГ, т. 6, с. 46], омск. *к де́лу привести́* ‘довести до дела, вывести в люди, научить, воспитать’ [СРНГ, т. 31, с. 142], новосиб. *довести́ до де́ла* (*ума́*) ‘вырастить, воспитать ребенка, научив его какому-либо делу’ и ‘вырастив, воспитав, выдать замуж дочь (сына – женить)’ [ФСРГС, с. 61], новосиб. *довести́ кого до кра́ю* ‘вырастить, воспитать кого-л., ставшего совершеннолетним, самостоятельным’ [ФСРГС, с. 61], перм. *приста́вить к де́лу* ‘определить место в жизни’ (*Выкормила детей, вырастила, к делу приставила – не посудачат на меня*) [СПГ, т. 2, с. 216].

Метафора перемещения в пространстве сближает слова предыдущей группы со словами, в которых реализован мотивировочный признак «подсказать направление»: пск. *напра́вить* ‘указать правильное направление в жизни, наставить’ [ПОС, т. 20, с. 162], брян., смол. *припути́ть* ‘приучить к делу, воспитать, вывести в люди’ [10, т. 31, с. 361]. Ранее уже говорилось о том, что значение свердл. *настропали́ть* ‘научить, дать нужный совет’ (*Этого бригадира растропалили*) [СРНГ, т. 20, с. 200] могло появиться на базе значения ‘направить’, ср. Ж. Ж. Варбот о гнезде, возводимом ей к праслав. **trepati*/**tropati*: «Что же касается семантики, то, учитывая приведённые ранее *настропить, пристропить, выстропить*, развитие значений можно представить следующим образом: «протаптывать дорогу» → «ходить» (см. *тропать, строполить*) и «указывать

путь» (ср. брян. *натропить* «направить, указать дорогу») → «научить, научиться, настроить» (см. *настропалить, настропалиться*) → «прогнать» (также *настропалить*) → «припугнуть» (также *настропалить*)» [Варбот, 1996, с. 107].

Производящие основы *поднимать, вздымать, ставить*[1] выявляются в киров. *выздыма́ть* ‘воспитывать, поднимать (детей)’ [СРНГ, т. 5, с. 282], мурман. *постановля́ть* ‘воспитать, привить определенные навыки’ (*Робята не постановлены*) [СРНГ, т. 30, с. 214], ср. литер. разг. *поднимать* и *поднимать на ноги* ‘растить, воспитывать, помогать приобрести самостоятельность’ [ССРЛЯ, т. 10, с. 480]. Ср. отсылку к слову *ноги*: арх. *до больши́х ног довести́* ‘вырастить, воспитать до взрослого состояния’ [СГРС, т. 3, с. 230]. «Поднять, поставить на ноги» – мотив содействия закреплению в социальном пространстве.

Как можно заметить, в воплощении идеи содействия в социальном становлении человека активно участвует пространственная метафора, которая реализуется в вариантах: «инициировать изменение положения в пространстве», «указывать направление перемещения», «помогать принять и удерживать стоячее положение, помогать укрепиться».

Кроме того, идея содействия заключена в мотивировке «делать все, чтобы человек привык к чему-л.», которая лежит в основе литер. *учить, обучать*, а также этимологически родственных им свердл. *обы́чивать* ‘приучать’ [СРНГ, т. 22, с. 290]. Ср. сев.-двин. *необы́чай* ‘о своенравном, невоспитанном человеке’ [СРНГ, т. 21, с. 100], арх. *необыча́йный* и арх. *необы́чливый* ‘невоспитанный, необходительный, невежливый’ [Там же], пск., твер. *необы́чливый* и ср.-урал. *необы́чный* ‘не имеющий опыта, навыка, непривычный к чему-л.’ [Там же], арх. *свы́чный* ‘имеющий навык, обученный чему-л.’ и новг. *свы́чный* ‘легко

[1] Мотивировка «укреплять, придавать стоячее положение, делать так, чтобы кто-л. стоял на ногах» соотносится с мотивировкой «стоять; вставать» в литер. *самостоятельный*, волог. *подыма́ться* ‘воспитываться’ (*Она-то у бабушки всё подымалася*) [СРНГ, т. 28, с. 272], пск. *на ногу вздёрнуться (одёрнуться)* ‘повзрослеть’ [СПП, с. 57], пск. *твёрдо стоять на ногах* ‘быть взрослым, материально самостоятельным’ [СПП, с. 57], волог. *выстава́ть* ‘воспитываться, вырастать’ (*Я не встану, не выстану без кормильца, без батюшки*) [СРНГ, т. 6, с. 29].

обучающийся, способный, восприимчивый’ [СРНГ, т. 36, с. 332], арх. *свы́ка* ‘навык, знакомство с каким-л. делом’ [СРНГ, т. 36, с. 330]. Воздействие здесь трактуется как интериоризуемое через привыкание.

Выводы по главе 5

Итак, лексико-семантическое поле «Воспитание, образование, приобщение к культуре» в русском языке весьма обширно, оно включает номинации, в семантике которых присутствуют пропозиции ‘учить’ и ‘учиться’ (другие оппозиции являются их вариантами – ‘воспитывать’, ‘набираться опыта’, ‘адаптироваться’ и др.). В семантике литер. *культура* преобладает статика (‘совокупность достижений’, ‘общность археологических памятников определенной эпохи’, ‘уровень развития в какой-либо области’, ‘образованность, воспитанность’ [ССРЛЯ, т. 5, с. 1827–1828]), в то время как основу данной семантической области в русских говорах составляют динамические семы, о чем свидетельствуют глагольные единицы, среди которых не только общенародные лексемы *воспитать* и *образовать*, но и неожиданные для литературного языка диалектные единицы *накультуриться, подкультуриться, накультироваться*. Следовательно, значительное место в данной когнитивной сфере занимает представление о воздействии на человека (*кто-либо или что-либо учит кого-либо*). Семантический компонент ‘воздействовать, влиять’ чрезвычайно важен для доказательства того, что в лексическом материале репрезентированы представления о социально-регулятивной функции обучения.

Разнообразие ситуаций обучения, освоения социальной и иной действительности (воспитание детей, морально-этическое воздействие на человека, освоение в новой социальной среде, обучение в образовательных учреждениях, освоение практических умений и навыков, приобретение жизненного опыта и др.), запечатленное лексическими средствами языка, и осмысление их как фреймовых структур показывают, что среди актантов, имплицитно содержащихся в семантике глагола *учить*, можно выделить более

значимый в сравнении с другими. Приобретение знаний при отсутствии обучающего лица возможно, в то время как обучение при отсутствии приобретающей стороны (ученика, обучающего, познающего) невозможно. Первая валентность глагола *учить* (*кто*, т. е. учитель) может оставаться незамещенной в реконструируемой пропозиции, а вторая (*кого*, т. е. ученика) – ее обязательный элемент. Подчеркнутость в лексической семантике возможности «бессубъектного» обучения (в отсутствие учителя, за пределами образовательных институтов) манифестирует представления о социальной регуляции как процессе, протекающем вне намеренного воздействия: сама окружающая действительность ставит человека в определенные рамки, внешнее преобразуется во внутреннее через привыкание.

В качестве агентивного компонента, служащего заместителем социума как объекта неявного, дискретного (рассредоточенного), выступают, если судить по контекстным разъяснениям, родители, семья, соседи, учитель, окружение, новые обстоятельства. В русских народных говорах получают лексическое воплощение в ряде языковых фактов такие семемы, как ‘измениться под влиянием социальной среды’, ‘родительское воспитание’, ‘дать направление в жизни’, ‘послушание / непослушание’. В них актуализированы разные стороны социальной регуляции: собственно способ регуляции (воспитание в семье), влияние среды, успешность или неуспешность воздействия на человека как члена социума.

Анализ мотивации лексических единиц поля «Обучение» выявил обращение номинатора к образам социальных объектов: города и деревни, человеческой общности, родителей, а также иноземца. Родители и окружающие люди представлены субъектами воздействия, а образы горожанина, деревенского жителя или иностранца выступают эталонами (одобряемыми или негативными) при восприятии особенностей поведения человека в социальной коммуникации. Кроме того, мотивационные доминанты изготовления либо трансформации объекта, ограничения свободы и содействия человеку в социальном становлении позволяют трактовать обучение как воздействие на человека с целью его «социализации».

Таким образом, социально-регулятивный компонент семантики занимает существенное место в лексико-семантическом поле «Воспитание, образование, приобщение к культуре», реализуясь в сигнификате либо в коннотативной части значения слов.

Заключение

Характеристика одного из фрагментов русской языковой картины мира находится в сфере интересов этнолингвистики на сегодняшнем этапе ее развития, когда она, по замечанию Е. Л. Березович, находится «в стадии разработки и накопления сфер, подходов и принципов исследования» и «накапливает результаты интерпретации отдельных групп языковых фактов, осваивает разные способы работы с материалом» [Березович, 2007, с. 10–11]. Исследование принадлежащей русским народным говорам и общенародному языку лексики социальной регуляции носит комплексный характер, поскольку, с одной стороны, объектом исследования выступают несколько лексических подмножеств, представляющих собой лексико-семантические группировки разного типа (полевые структуры или их фрагменты), а с другой стороны, поиск социально-регулятивных смыслов ведется в разных зонах семантической структуры слова, а также в мотивации лексем. Системный подход к изучению обширных лексических массивов обусловливает разносторонний анализ материала, верифицируемость предлагаемых трактовок, классификаций, выводов и возможность решить поставленные задачи, объединенные целью осуществить этнолингвистическую интерпретацию выбранной части русской лексики.

Первая задача состояла в определении содержания понятия «социальная регуляция». Понимаемая как организация жизни человеческих сообществ, управление ими, социальная регуляция может носить институциональный и неинституциональный характер, поэтому потребовалось ввести ограничение при отборе языкового материала: в лексике русских народных говоров и общенародного языка получают вербальное воплощение по преимуществу представления о социальной регуляции неинституционального типа, характерной для обществ традиционного типа, в частности крестьянского деревенского социума.

На следующем этапе было проведено «зондирование мощности» языка (точнее, одного языкового идиома – русских народных говоров) в плане

фиксирования социально-регулятивного аспекта человеческих взаимодействий в лексике. Установление состава лексических подмножеств было сопряжено с интерпретационными процедурами – толкованием в целом явления, элементы которого выступают объектами номинации, как имеющего отношение к организации социальной жизни человеческих сообществ, – и с определением места локализации в структуре значения слов искомого смысла. Было выяснено, что формируемое на материале русских народных говоров и общенародного языка мотивационно-семантическое множество дискретно представлено несколькими лексическими подмножествами, образующими семантическое пространство, отличное от такого лексического поля, составленного единицами современного русского литературного языка. Лексические подмножества «Обычай», «Гощение», «Коллективная помощь», «Общительность», «Воспитание» стали предметом нашего внимания в данной работе, однако подчеркнем, что мотивационно-семантическое поле «Социальная регуляция», безусловно, включает и другие лексические подмножества, объединяющие, например, обозначения органов официальной власти, характеристики людей по их социальному статусу и социальным ролям, лексику разнообразных обрядов и ритуалов.

Мы исходили из того, что в структуре лексического значения слова выделяются ассертивная часть, составляющая ядро значения, и пресуппозиционная, содержащая неосновные, подразумеваемые смысловые компоненты (знание их часто влияет на правильность употребления слова в речи). Социально-регулятивный компонент значения может быть частью сигнификата или представлять собой коннотацию, поэтому при формировании мотивационно-семантического поля «Социальная регуляция» может быть использован принцип объединения не только лексем, в которых семантический элемент, составляющий критерий формирования поля, заключен в ассертивной части значения, но и лексем, в которых этот элемент представлен в пресуппозиционной области значения. Такой подход позволяет считать множество изучаемых в данной работе лексических единиц полем. Понятие «социальная регуляция» воплощается в виде

цельной идеограммы только в книжной (научной) речи, поэтому не может выступить смысловой основой данного поля, однако представления о регулятивных процессах в обществе сохраняются и в общенародной, а также диалектной лексике.

Этнолингвистическая интерпретация диалектных номинаций, в семантике которых присутствует социально-регулятивный компонент, осуществлена в главах II–V диссертации, посвященных лексическим репрезентациям представлений о регулирующих и регулируемых обществом объектах, процессах, явлениях, соотносительных с названными выше сферами действительности: «Обычай», «Гощение», «Труд», «Обучение».

Так, особенности лексической объективации представлений носителей русского языка об обычае проанализированы на материале массива слов, служащих обозначениями понятия «обычай». Выяснено, что семантическое пространство слова *обычай* в русском языке включало в себя на протяжении своего развития более 20 значений и смысловых оттенков, которые можно обобщить, выделив четыре основные семантические линии: ‘порядок в целом или отдельная особенность организации жизни человека или социальной группы’, ‘нрав, характер человека или животного’, ‘склонность, пристрастие’, ‘способ, образ действий’. Условно мы обозначили их как социально-нормативную, поведенческую, эстетическую и логизированную трактовки понятия. Из четырех сем, организующих данное семантическое пространство, стержневым является смысл ‘нормативность’, который «встроен» в каждое значение слова *обычай*. Под обычаем понимается неофициальная норма (порядок) организации жизни социума (в истории языка – также норма, утвержденная законодательно); индивидуальная норма (модель) поведения человека; норма восприятия, обусловленная образом жизни, привычками; норма (схема, образец, модель) совершения действия. Социально-регулятивная семантика представлена в ядерной (ассертивной) части структуры значения слова *обычай* и, следовательно, лексем со значением ‘обычай’. Для обозначения этого понятия имеется 24 лексемы в литературной разновидности русского языка, а в русских народных говорах функционирует еще

более 90 слов (*быва, доведенье, дорога, загуды, завычина, заучка, начия, оправа, поветрие, постен, стопа, притворка, причина* и др.). Их мотивационный анализ подтверждает результаты семантического анализа. В числе мотивов, указывающих на объективные характеристики объекта номинации, присутствуют такие, которые апеллируют к функции обычая – осуществлению организации социальной жизни, выполнению функции регулятора, эталона, ориентира. Регулятивно-нормативные мотивы, выявленные в ходе мотивационного анализа номинаций, доказывают объективность трактовки обычая как средства управления членами микросоциума. По результатам семантического и мотивационного анализа слов, обычай определяется как имеющая утилитарное назначение схема действий, сложившаяся, как правило, в жизненной практике, осознаваемая как привычная, поддерживаемая авторитетом предков и поэтому не отвергаемая и не критикуемая, усваиваемая человеком постепенно в силу наблюдаемости, повторяемости и наличия представлений о длительности существования и общераспространенности, «интериоризуемая» в виде привычного образа действий, принимаемого человеком за основу при выборе моделей поведения, организации быта.

Анализ номинаций лексико-семантического поля «Гощение» позволяет заключить, что поведение человека в гостевой коммуникации в высокой степени регламентировано: есть неписаные правила, ожидания в отношении ее участников. Информация об этом содержится преимущественно в пресуппозиционной части значений лексем, значительно реже – в ассертивной, что отличает данное поле от группы обозначений понятии «обычай». Регламент поведения гостя и хозяина можно формулировать на основе анализа прагматики языкового знака, например, исходя из коннотаций одобрения или неодобрения. Значительное количество диалектных лексических единиц реализуют идеограммы, которые свидетельствуют о «специализированном» регламенте поведения «на случай» приема гостей или пребывания в гостях: ‘гостеприимный (о хозяине дома)’, ‘незваный, нежеланный гость’, ‘любящий ходить в гости (от безделья или с целью угоститься)’, ‘засидевшийся гость’, ‘место в избе,

предназначенное для гостей’, ‘бывать в гостях в ответ на посещение’. Выявленный на основе анализа диалектной лексики набор идеограмм иной, чем реализованный в лексике современного русского литературного языка. Например, в литературном языке нет однословных воплощений идеограмм ‘гость, прибывший по морю, а не по суше’, ‘гости, приехавшие всей семьей’, ‘субботний гость’, ‘гость, приехавший впервые’, ‘ближний гость (из своих)’ и др. Лексико-семантическое поле «Гощение» сформировано вокруг понятия «гость». Другие идеограммы толкуются через центральное понятие: принимающий гостей хозяин; специальное время для приема гостей; специальное помещение или место в избе для гостей; негативная характеристика гостя; положительная характеристика гостя; поведение гостя; подарки от гостей или для гостей; угощение для гостей. Социально-регулятивные смыслы сконцентрированы в семантике лексем, в то время как в эксплицируемых на основе анализа внутренней формы слов мотивах акцент на идее регуляции менее выражен (мотив направленного и ненаправленного движения, пребывания в каком-либо месте, потчевания, поглощения пищи, довольства, созывания гостей, поддерживания беседы, благожелательности, заботы, божьего или нечистого промысла, заглядывания, одаривания, одевания), хотя сюжетность (фреймовость) представлений о приеме гостей практически симметрично запечатлена как в семантической, так и в мотивационной структуре поля. В силу устойчивости, стереотипности представлений о госте и гощении в деривационном гнезде слов с корнем *-гост-* присутствуют лексические факты (диал. *поздний гость* ‘послеобеденный дождь’, *го́сьи* ‘галлюцинации’, *гость* ‘вор’, *го́сья* ‘лихорадка’, *го́стья* ‘оспа’, *гости́ная* ‘прорубь, через которую поднимается мотня невода при зимнем лове рыбы’, *го́сья* ‘вторая вспомогательная бечева, выпускаемая с судна на помощь главной’ и др.), обозначающие объекты других сфер действительности («Родные», «Болезни», «Предметы хозяйственной утвари» и т. д.), поэтому для изучаемого поля информативен анализ исходящей («правой») мотивации слов. Так, стереотипны представления о чужести, внезапности, нежелательности и опасности появления гостя, об ограниченности его свободы поведения, о праздности гостя,

окруженности его вниманием, о ситуативной взаимосвязи между хозяином и гостем как актантами ситуации, о перемещении гостя в пространстве, о ритуализованности гощения, сопряженного с угощением и дарением гостинцев, а также о незаурядности события гощения, которое нарушает обычное течение жизни. Результаты анализа «правой» мотивации подтверждают ритуализованность, наличие социальных ограничений, системы правил поведения в ситуации пребывания в гостях.

Номинации, репрезентирующие труд как социальный феномен, образуют лишь отдельные сегменты лексико-семантического поля «Труд», обширного и разнообразного по составу. С одной стороны, в лексике русских народных говоров присутствуют обозначения артелей и помочей, выступающих средствами облегчения тяжелого физического труда и способами организации (регуляции) коллективной трудовой деятельности в крестьянской общине. Мотивационный анализ диалектных обозначений помочи подтверждает социальный характер явления, выступившего объектом номинации, и его назначение – организовать взаимную помощь в общине, чтобы обеспечить ее существование в условиях необходимости выполнения тяжелых хозяйственных работ. С другой стороны, экспликация социально-регулятивных смыслов возможна на основе семантического анализа оценочных характеристик людей по их трудовым качествам, проявляющимся не только в коллективном труде (совместная работа и коллективное празднование с угощением становятся площадкой для взаимных наблюдений, сравнений, оценок), но и в отношении человека к исполнению повседневных хозяйственных работ, а взаимные оценки такого рода, становясь известными в пределах микросоциума одной деревни, предопределяют построение семейных и трудовых отношений между людьми, о чем свидетельствуют записи диалектной речи. В языке маркированы такие качества, как трудоспособность и немощность человека, умелость и неумелость, трудолюбие и лень, умение и неумение работать в коллективе. Эти характеристики человека приобретают в народной культуре «социальный резонанс», при этом первый член каждой оппозиции фиксирует представление

о норме. Социально-нормативные смыслы могут, таким образом, концентрироваться в отдельных сегментах лексико-семантического поля, которое имеет своим ядром иную, не социальную, семантику.

Воспитание, образование, культура (условно обозначенные как обучение) предстают в жизни и в языке в виде разнообразных ситуаций: воспитание детей, морально-этическое воздействие на человека, освоение в новой социальной среде, обучение в образовательных учреждениях, освоение практических умений и навыков, приобретение жизненного опыта и др. (диал. *образова́ть* ‘образумить; проучить’, *полировать* ‘обучать, воспитывать, приучать к хорошим манерам’, *перей́ншить* ‘сделать кого-либо другим, перевоспитать’, *переконова́лить* ‘привить другие навыки, перевоспитать’, *оте́тчина* ‘дети, воспитанные в послушании отцу и старшим’, *обстрога́ться* ‘стать более воспитанным, культурным’, *начерка́ситься* ‘усвоить говор и манеры горожан’, *налиперти́ться* ‘приобрести навык, умение говорить литературно’, *обрусе́ть* ‘стать культурнее’ и т. д.). Лексические единицы, называющие отдельные объекты, действия, характеристики, вписаны в ситуативный контекст, который можно представить в виде двух типовых схем (моделей), одна из которых фиксирует коммуникативную ситуацию («человек → человек»), другая воплощает идею приобретения знаний под давлением естественного хода вещей, без влияния человека, выступающего в роди воздействующего субъекта («обстоятельства → человек»). Обе пропозиции основываются на семе ‘изменение объекта воздействия’, на основании которой можно говорить о присутствии в данном семантическом пространстве регулятивных смыслов: влияние на человека означает прежде всего регулирование его поведения в социуме. Рельефнее прочего в лексике русских народных говоров репрезентированы воспитание детей родителями и адаптация к новой социальной среде. На уровне мотивации лексем представление о социально-регулятивной функции обучения воплощается посредством использования номинатором образных средств, в основе которых лежат мотивы воздействия на объект с целью его изменить (метафоры изготовления или обработки поверхности предмета), ограничения свободы (например, метафора

спутывания, укрощения лошади) и содействия человеку в социальном становлении (метафоры сопровождения, вытягивания, определения направления движения). В привлекаемых номинатором образах оказывается визуализированным социум как воздействующий субъект: городская и деревенская среда, окружающие люди, родители. Социально-регулятивный компонент семантики занимает, таким образом, существенное место в лексико-семантическом поле «Обучение», реализуясь в сигнификате либо в коннотативной, прагматической части значения слов.

Привлеченные к анализу лексико-семантические подмножества различны в том, как составляющие их номинации репрезентируют социальную регуляцию. Она воплощается в разных вариантах: как опосредованное неосознаваемое воздействие на человека окружающего усредненного быта и моделей поведения (обычай); как подчиняющее воздействие на человека осознаваемой им системы правил, обычаев, регламента поведения в определенной нерядовой коммуникативной ситуации (гощение); как традиционный осознанно воспроизводимый в определенных условиях жизни способ организации распределенной во времени взаимной поддержки (коллективная взаимопомощь); как прямое воздействие, трансляция знаний и передача умений, имеющие превентивную основу, либо неявное влияние социального окружения – собственно обычаев (обучение).

Во всех вариантах трактовок социальной регуляции неинституционального типа в крестянском социуме оказывается так или иначе актуализированным воздействие обычая, будь это родительское воспитание, особенности коммуникации в труде и отдыхе и т. д. Осмысление сегментации мотивационно-семантического поля «Социальная регуляция», выявленного на материале русских народных говоров, позволяет сделать вывод о том, что своеобразный «центр» этой структуры представлен лексико-семантической группировкой «Обычай» (неслучайно народную культуру соотносят, по общему выражению, с «обществом традиции»).

В сущности, речь может идти даже не о сегментации, выполненной в логике движения от ядра к периферии, а о «зонировании», то есть дифференциации лексических единиц семантического поля «Социальная регуляция» по «аксиологическому приоритету», определяемому ценностной составляющей объекта номинации: *обычаем* называется ключевое для носителя традиционной культуры понятие и одновременно множество объектов действительности, своеобычных для данного типа культуры, поэтому данная лексема и ее синонимы, аналоги репрезентируют наивысший для народной крестьянской культуры «аксиологический приоритет»: обычай – основной социальный регулятор в данном типе сообществ.

Дальнейшее структурирование изучаемого лексического множества выполнено по трем основаниям: (1) по типу семантического соотнесения между сферой действительности, компоненты которой становятся объектами номинации, и идеей социальной регуляции; (2) по критерию специфичности сферы действительности, компоненты которой становятся объектами номинации, для данного культурного идиома; (3) по категориальному соотнесению с зоной аксиологического приоритета.

Лексико-семантические группировки «Гощение» и «Коллективная помощь» занимают в исследуемом множестве доминантные позиции, близкие зоне аксиологического приоритета и соотносимые с ней, поскольку для них сегмент «Обычай» действительно является центром, если исходить из интерпретации: гощение, помочи – социально значимые в данном типе обществ и регулируемые обычаем взаимодействия людей. Эти сегменты образуют зону аксиологических доминант, которая с большой долей вероятности включает и другие сегменты, помимо названных.

Лексико-семантическая группировка «Обучение» представляет зону неспецифических аксиологических констант, поскольку составляющие ее языковые факты называют такое воздействие на человека, преимущественно ребенка, которое во всех культурах и типах обществ служит средством

трансляции социальных норм: воспитание и обучение – способы социального воспроизводства через р е г у л и р у ю щ е е воздействие на поведение человека.

Итак, в целом зучаемое поле разделено на три зоны по типу аксиологической составляющей: зона приоритетов («обычай – основной социальный регулятор в данном типе сообществ»), зона доминант («гощение, помочи – социально значимые в данном типе обществ и регулируемые обычаем взаимодействия людей»), зона неспецифических констант («воспитание и обучение – способы социального воспроизводства в любом обществе»).

Этнокультурная специфика исследуемого диалектного материала состоит в специфическом составе денотативных сфер, которые оказываются соотнесенными с функцией социальной регуляции. Если сформировать и проанализировать круг номинаций, представляющих разные стороны социальной регуляции в современной городской культуре, то ассортимент денотатов будет несколько иным, приоритеты в нем будут расставлены иначе. Например, гощение не является здесь столь же регламентированной сферой, как в народной культуре; неинституциональные формы регуляции (обычай) уступают место властным институтам; а воспитание, в значительной мере опосредованное государственными структурами, само становится социальным институтом.

Еще один значимый аспект нашей работы заключается в оценке результатов, полученных в ходе применения определенных методов и методик к изучению разных лексических полей. Например, анализ данных, накопленных языковедами в области изучения полевых структур, а также проведенные автором исследования ряда лексико-семантических множеств («Интеллект человека» [Леонтьева, 2008], «Обычай», «Гощение», «Коллективная помощь», «Воспитание» и др.) наводят на мысль о различиях в соотношении состава реализовавшихся в каждом из таких полей семем и мотивов. Есть поля, в которых мотивация «перекрывает» семантику в том смысле, что мотивационные модели по количеству и разнообразию превосходят состав семем, как, например, в случае с лексико-семантическим полем «Интеллект человека», где номинативная активность обусловлена вовсе не денотативным многообразием,

а эмоциональным восприятием номинируемого объекта, экспрессивной нагрузкой. При этом более информативным оказывается этнолингвистический анализ мотивационных моделей. Другие лексико-семантические поля, к которым принадлежит поле «Гощение», отличаются разработанностью семантики, высокой степенью дифференциации идеографии и одновременно предсказуемостью мотивационного арсенала, непосредственно детерминируемого «комплектом семем», составляющим основу этого лексического множества. При этом этнокультурная составляющая обнаруживается прежде всего в семантике. Первый тип полей позволяет наблюдать развитие номинативного процесса в логике языковой игры, ассоциативных сближений, аттракций, привлечения множества метафор. Второй тип полей предполагает достаточно высокую степень соответствия между набором идеограмм и номинативным инструментарием. Так, например, при классификации и семем, и мотивов поля «Гощение» выявляются смысловые доминанты «угощение», «пространство», «время» и др. Таким образом, применение ономасиологического подхода может осуществляться либо с позиций описания предметно-тематических кодов (сфер отождествления), участвующих в концептуализации представлений об объекте номинации, либо – если образность и метафоризация представлены в нем лишь эпизодически – с позиции экспликации мотивов, реализованных в лексике какого-либо подмножества.

Относительно мотивационной структуры поля «Социальная регуляция», проанализированного на материале русской диалектной лексики, хотелось бы отметить преимущество мотивов, выражающих концептуальную оппозицию «свой – чужой», над мотивами «иерархическими». Это означает, что номинатор подбирал средства для того, чтобы обозначить прежде всего связи между людьми, стоящими в социальной среде «на одном уровне», а не в «социальной вертикали», предполагающей подчинение одного другому. Так, анализ внутренней формы слов показал, что в сознании номинатора при осмыслении значений слов из сфер «Обычай», «Гощение», «Помочи» и «Обучение» и выборе мотивационных средств актуализируются представления о родных и соседях, вообще о людях,

усвоении чего-либо («что-либо стало своим») и др. При этом противопоставление своих и чужих (своего и чужого) практически совсем не выражается при помощи, например, военной метафоры, весьма популярной в метафорической системе другого языкового идиома – литературного языка, как показывают результаты исследования Л. В. Балашовой: «В современном русском языке оппозиция “свой – чужой” по-прежнему наиболее полно выражается членами СП “Вооруженные силы и вооруженные конфликты”. Как и в предшествующие периоды, в военной модели <…> мотив противоборства предполагает не только фиксацию близких / отчужденных отношений, идеологических и иных позиций, но и активность в отстаивании собственной позиции, в реализации политических, идеологических и иных установок» [Балашова, 2014, с. 321]. Если в лексике литературного языка «большинство метафорических единиц, сформированных в рамках военной модели, характеризует именно противоборство “своих” и “чужих”» [Там же] (ср. вторичные номинации, описывающие взаимодействия между людьми: *баталии,битва, сражение, брань, победитель, проигравший, защитник, воевать, бороться, обороняться, бастион, война, фронт, баррикады, капитулировать, с открытым забралом, партизанить, громить, наступать, тиран, деспот, король, владычествовать, холоп, раб, лакей, сатрап, восстать* и др.), то диалектная лексика социальных отношений практически совсем не обращается к метафоре войны, противоборства, поскольку и семантически она включает номинации взаимоотношений другого типа – скорее, объединения усилий в чем-либо или взаимности контактов. Можно отметить лишь мотивы состязательности в лексике, описывающей коллективную работу, и мотивы прямого разрушительного воздействия в лексике обучения (*бранить*). Мотивационный уровень анализа поля «Социальная регуляция» показал регулярность обращения номинатора к пространственно-динамическим мотивам, а также к мотивам консолидации.

Думается, что задачи выявления и анализа мотивационно-семантических полей, объединяющих не только лексемы, в которых семантический элемент, составляющий критерий формирования поля, заключен в ядерной части

семантической структуры слова, то есть в ассертивной части значения, но и лексемы, в которых этот элемент представлен в прагматическом слое значения, иначе говоря – в пресуппозиционной семантике, можно считать перспективными, значимыми для изучения этнокультурного своеобразия лексики русского языка.

Список сокращений

авест. – авестийское
алт. – алтайское
аор. – аорист
арх. – архангельское
астрах. – астраханское
б/у места – без указания места
барнаул. – барнаульское
беломор. – беломорское
блр. – белорусское
болг. – болгарское
брян. – брянское
бурят. – бурятское: зафиксированное в русских говорах, бытующих на территории Республики Бурятии
вел.-устюж. – великоустюжское
ветлуж. – ветлужское
влад. – владимирское
волгогр. – волгоградское
волж. – волжское
волог. – вологодское
ворон. – воронежское
вост. – восточное: зафиксированное на территориях, находящихся к востоку от Москвы
вост.-закам. – восточно-закамское: записанное в русских говорах на территории Восточного Закамья
вост.-сиб. – восточносибирское: записанное на территории Восточной Сибири
вят. – вятское: записанное на территории Вятской губернии – административной единицы Российской империи, СССР (ныне на этих территориях располагаются части Кировской области, Удмуртии)
горьк. – горьковское: записанное на территории Горьковской (ныне Нижегородской) области
диал. – диалектное
дон. – донское: записанное по реке Дону
др.-инд. – древнеиндийское
др.-прусск. – древнепрусское
др.-рус. – древнерусское
др.-чеш. – древнечешское
енис. – енисейское: записанное в Енисейской губернии (административно-территориальная единица в составе Российской империи и РСФСР в 1822—1925 гг.)
жарг. – жаргонное
женск. – женский род
забайкал. – забайкальское
зап. – западное: зафиксированное на территориях, находящихся к западу от Москвы
заурал. – [записанное на территории] Зауралья

знач. – значение
и.-е. – индоевропейское
иван. – ивановское
иван.-вознес. – иваново-вознесенское
иркут. – иркутское
каз.-некрас. – [из речи] казаков-некрасовцев
казан. – казанское
калин. – калининское (записанное на территории г. Калинина, существовавшего в 1931—1990 годах; впоследствии – Тверь)
калуж. – калужское
камч. – камчатское
карел. – карельское: записанное в русских говорах на территории Республики Карелии
кемер. – кемеровское
киргиз. – киргизское: зафиксированное в русских говорах на территории Киргизской ССР (ныне Кыргызской Республики)
киров. – кировское
колым. – колымское: записанное в Колымском округе Якутской области
коми-перм. – коми-пермяцкое
костр. – костромское
краснодар. – краснодарское
краснояр. – красноярское
кубан. – кубанское
куйбыш. – куйбышевское
курган. – курганское
курск. – курское
лат. – латинское
ленингр. – ленинградское
литер. – литературное
литов. – литовское
макед. – македонское
множ. – множественное
моск. – московское
мурман. – мурманское
н.-луж. – нижнелужицкий
неодобр. – неодобрительное
нижегор. – нижегородское
новг. – новгородское
новосиб. – новосибирское
о.-с. – общеславянское
общенар. – общенародное
олон. – олонецкое: записанное на территории Олонецкой губернии – административной единицы Российской Империи с центром в г. Петрозаводске
омск. – омское

онеж. – онежское
оренб. – оренбургское
орл. – орловское
особ. – особенно
пенз. – пензенское
перен. – переносное
перм. – пермское
петерб. – петербургское
печор. – печорское: записанное по реке Печоре
польск. – польское
помор. – записанное в Поморье
праслав. – праславянское
пренебр. – пренебрежительное
прикам. – прикамское
прионеж. – прионежское
простореч. – просторечное
пск. – псковское
разг. – разговорное
рост. – ростовское
рус. – русское
рус. (бурят.) – зафиксированное в русских говорах на территории Республики Бурятии
рус. (карел.) – записанное в русских говорах на территории Республики Карелии
рус. (латв.) – зафиксированное в русских говорах, бытующих на территории Латвийской ССР (ныне Латвийской Республики)
рус. (литов.) – зафиксированное в русских говорах, бытующих на территории Литовской ССР (ныне Литовской Республики)
рус. (эст.) – зафиксированное в русских говорах, бытующих на территории Эстонской ССР (ныне Эстонской Республики)
ряз. – рязанское
с.-хорв. – сербохорватское
самар. – самарское
сарат. – саратовское
свердл. – свердловское
сев.-двин. – северодвинское: записанное по реке Северной Двине
север. – северное: зафиксированное на территориях, находящихся к северу от Москвы
сиб. – сибирское
симб. – симбирское: записанное на территории Симбирской губернии – существовавшей в 1796–1928 гг. административной единицы Российской империи и РСФСР
слав. – славянское
слвц. – словацкое
словен. – словенское
словин. – словинское
смол. – смоленское

собир. – собирательное
сов. – совершенный вид глагола
ср.-обск. – среднеобское: записанное по среднему течению реки Оби
ср.-урал. – средне-уральское: записанное на Среднем Урале
ст.-польск. – старопольское
ст.-слав. – старославянское
ставроп. – ставропольское
сталингр. – сталинградское
сыктывк. – сыктывкарское
тамб. – тамбовское
твер. – тверское
терск. – терское: записанное на территории Терской области – административной единицы Российской империи
тобол. – тобольское
том. – томское
тул. – тульское
тюмен. – тюменское
тюрк. – тюркский язык
угол. – уголовное
уд.? – ударение [неизвестно, так как не указано в источнике]
укр. – украинское
урал. – уральское
устар. – устаревшее
усть-вым. – усть-вымское: зафиксированное в русских говорах, бытующих на территории Усть-Вымского сельского поселения Республики Коми
фольк. – фольклорное
хакас. – хакасское: зафиксированное в русских говорах, бытующих на территории Республики Хакасии
цслав. – церковнославянское
челяб. – челябинское
чеш. – чешское
читин. – читинское
шир. распр. – широко распространенное
шутл. – шутливое
экспр. – экспрессивное
юж.-урал. – южноуральское
южн. – южное: зафиксированное на территориях, находящихся к югу от Москвы
яросл. – ярославское

I. Литература

1. *Абрамов В. П.* Семантические поля русского языка / В. П. Абрамов. Москва; Краснодар: Акад. пед. и соц. наук РФ, Кубан. гос. ун-т, 2003. 338 с.

2. *Абрамова Е. Н.* К вопросу о лексико-семантических объединениях слов в современном языкознании / Е. Н. Абрамова // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2011. № 1. С. 75–77.

3. *Агапкина Т. А.* Вещь, образ, символ: колокола и колокольный звон в традиционной культуре славян / Т. А. Агапкина // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / отв. ред. С. М. Толстая. Москва: Индрик, 1999[а]. С. 210–282.

4. *Агапкина Т. А.* Звуковой образ времени и ритуала (на материале весенней обрядности славян) / Т. А. Агапкина // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / отв. ред. С. М. Толстая. Москва: Индрик, 1999[б]. С. 17–50.

5. *Агапкина Т. А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря : весенне-летний цикл / Т. А. Агапкина; [отв. ред. С. М. Толстая]. Москва: Индрик, 2002. 814 с.

6. *Агапкина Т. А.* Слава в восточнославянском фольклоре / Т. А. Агапкина // Категория оценки и система ценностей в языке и культуре / отв. ред. С. М. Толстая. Москва: Индрик, 2015. С. 109–166.

7. *Адоньева С. Б.* Причитание: ритуальный текст и посвятительная процедура / С. Б. Адоньева // Русский фольклор : материалы и исследования. Санкт-Петербург: Наука, 2004 Т. XXXII. С. 130–145.

8. *Аламшоев М. М.* Шугнанская животноводческая лексика в этнолингвистическом и сравнительно-историческом освещении: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.22 / М. М. Аламшоев. Санкт-Петербург, 2002. 279 с.

9. *Александров В. А.* Обычное право крепостной деревни России XVIII – начало XIX в. / В. А. Александров ; ред. В. К. Гарданов ; Ин-т этнографии АН СССР. Москва: Наука, 1984. 254 с.

10. *Александрова А. Е.* Структурно-семантические особенности лексем с малопродуктивными архаичными именными приставками па-, пра-, су- в русском языке : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.01 / А. Е. Александрова. Тверь, 2003. 22 с.

11. *Алексеева В. Г.* Ценностные ориентации как фактор жизнедеятельности и развития личности // Психологический журнал. 1984. Т. 5. № 5. С. 63–70.

12. *Алексеева М. М.* «Технологическая» метафора в русских народных говорах: дипломная работа / М. М. Алексеева. Екатеринбург: УрГУ, 2008. 130 с.

13. *Алексеевский М. Д.* Застолье в обрядах и обрядовом фольклоре Русского Севера XIX–XX вв. (на материале похоронно-поминальных обрядов и причитаний) : автореферат диссертации… кандидата филологических наук : 10.01.09 / М. Д. Алексеевский. Москва, 2005. 28 с.

14. *Алексеевский М. Д.* Мотив оживления покойника в севернорусских поминальных причитаниях : текст и обрядовый контекст / М. Д. Алексеевский // Антропологический форум. 2007. № 6. С. 227–262.

15. *Алефиренко Н. Ф.* Спорные проблемы семантики / Н. Ф. Алефиренко. Москва : Гнозис, 2005. 325 с.

16. *Алимова Б. М.* Брак и свадебные обычаи в прошлом и настоящем / Б. М. Алимова. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1989. 119 с.

17. *Анисимов А. П.* О правовых обычаях / А. П. Анисимов // Законы России : опыт, анализ, практика. 2009. № 11. С. 105–110.

18. *Анисимов С.* Ценности реальные и мнимые / С. Анисимов. Москва: Мысль, 1970. 183 с.

19. *Антонякова Д.* Фразеологические единицы русского языка, связанные с обычаями и обрядами : диссертация... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Д. Антонякова ; Рост. гос. ун-т. Ростов-на-Дону, 1995. 144 с.

20. *Антропов Н. П.* Белорусская этнокультура и южнославянский контекст: результативность сравнения / Н. П. Антропов // Етнолингвистичка проучавања српског и других словенских језика: у част академика Светлане Толстој. Београд: САНУ, Одељење језика и књижевности, 2008. С. 37–49.

21. *Антропов Н. П.* Белорусская этнолингвистика сегодня: реализация идей / Н. П. Антропов, Т. В. Володина // Etnolingwistyka. 2006. № 18. S. 47–66.

22. *Апресян В. Ю.* Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке: автореферат диссертации... доктора филологических наук: 10.02.19 / Д. Апресян. Москва, 2015. 42 с.

23. *Апресян Р. Г.* Идея морали и базовые нормативно-этические программы / Р. Г. Апресян. Москва: ИФРАН, 1995. 353 с.

24. *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография: Т. II. / Ю. Д. Апресян. Москва: Языки русской культуры, 1995. 766 с.

25. *Апресян Ю. Д.* Исследования по семантике и лексикографии : Т. I : Парадигматика / Ю. Д. Апресян. Москва: Языки славянских культур, 2009. 568 с.

26. *Апресян Ю. Д.* Коннотации как часть прагматики слова (лексикографический аспект) / Ю. Д. Апресян // Русский язык. Проблема грамматической семантики и оценочные факторы в языке. Москва: Наука, 1992. С. 45–64.

27. *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. Москва: Наука, 1974. 368 с.

28. *Апресян Ю. Д.* Осуждать, порицать / Ю. Д. Апресян, И. В. Галактионова // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка: 2-е изд-е, испр. и доп. Москва: Языки славянской культуры, 2003. С. 729–733.

29. *Апресян Ю. Д.* Проблема фактивности : *знать* и его синонимы / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. 1995. № 4. С. 43–63.

30. *Апресян Ю. Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола / Ю. Д. Апресян. Москва: Наука, 1967. 255 с.

31. *Апухтина Н. Г.* Традиционная обрядовая культура в контексте культурологических исследований: обзор подходов / Н. Г. Апухтина, Н. А. Сафонова // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. Т. 31. № 3. С. 57–63.

32. *Артеменко Е. Б.* Язык русского фольклора и традиционная народная культура / Е. Б. Артеменко // Славянская традиционная культура и современный мир. Москва: ГРЦРФ, 2003. Вып. 5. С. 7–21.

33. *Артемова Н. В.* Полевая организация глагольной лексики в современном русском языке / Н. В. Артемова. Москва: Прометей, 2002. 160 с.

34. *Артемьева А. А.* К вопросу о ритуале : этимология и понятие термина / А. А. Артемьева // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 7. С. 74–77.

35. *Арутюнов С. А.* Обычай, ритуал, традиция / С. А. Арутюнов // Советская этнография. 1981. № 2. С. 97–99.

36. *Арутюнян Э. А.* Микросреда и трансформация общественных ценностей в ценностную ориентацию личности / Э. А. Арутюнян // Образ жизни и ценностные ориентации личности. Ереван: АН Армян. ССР, 1979. С. 49–61.

37. *Асанбеков М. К.* Традиции и обычаи в динамике образа жизни сельского населения Киргизии : автореферат диссертации… кандидата социологических наук : 22.00.04 / М. К. Асанбеков. Москва, 1993. 23 с.

38. *Асташова А. Н.* Свадебная обрядность крестьянства Воронежской губернии в пореформенный период (социально-психологический аспект) / А. Н. Асташова // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 35. С. 16–23.

39. *Атрошенко О. В.* Русская народная хрононимия : системно-функциональный и лексикографический аспекты : автореферат диссертации… кандидата филологических наук : 10.02.01 / О. В. Атрошенко. Екатеринбург, 2012. 713 с.

40. *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу: в 3 томах / А. Н. Афанасьев. Москва: Индрик, 1994. (Репринт. изд.).

41. *Афанасьева-Медведева Г. В*. Характер репрезентации традиционной вербальной культуры в «Словаре говоров русских старожилов Байкальской Сибири» / Г. В. Афанасьева-Медведева // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 10. С. 293–299.

42. *Бабаев К. Ф.* Идеи добрососедства и гостеприимства в народных изречениях дагестанских азербайджанцев / К. Ф. Бабаев // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2009. № 2009-4. С. 32–34.

43. *Бабаева Е. В*. Специфика языкового представления социальных норм / Е. В. Бабаева // Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносознания. Волгоград, 2002. С. 169.

44. *Бабаева Е. Э.* Авторитет, вес, влияние, престиж / Е. Э. Бабаева // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка: 2-е изд-е, испр. и доп. Москва: Языки славянской культуры, 2003. С. 1–4.

45. *Бабаева Е. Э.* Репутация, реноме, имя, слава / Е. Э. Бабаева // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка: 2-е изд-е, испр. и доп. Москва: Языки славянской культуры, 2003. С. 972–976.

46. *Бабашкин В. В*. Концепция «моральной экономики» крестьянства и российская деревня начала XX века / В. В. Бабашкин // Крестьяноведение. Теория. История. Современность : ученые записки. Вып. 6. 2011. С. 135–156.

47. *Бабенко Л. Г.* Взаимодействие лексики и грамматики под парадигматическим углом зрения (вместо введения) / Л. Г. Бабенко // Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм: Памяти Эры Васильевны Кузнецовой. Екатеринбург, 1997. С. 25–26.

48. *Бабич И. Л*. Судебная реформа и обычное право в адыгейской общине / И. Л. Бабич // Этнографическое обозрение. 1999. № 2. С. 17–30.

49. *Байбурин А. К*. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А. К. Байбурин. 2-е изд., испр. Москва: ЯСК, 2005. 218 с.

50. *Байбурин А. К.* Правила нарушения правил / А. К. Байбурин // Етнолингвистичка проучавања српског и других словенских језика: у част

академика Светлане Толстој. Београд: САНУ, Одељење језика и књижевности, 2008. С. 51–57.

51. *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре : структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурин. Санкт-Петербург: Наука, 1993. 240 с.

52. *Байбурин А. К.* У истоков этикета: этнографические очерки / А. К. Байбурин, А. Л. Топорков. Ленинград: Наука, 1990. 166 с.

53. *Байрамова Л. К.* Человек гостеприимный: ценности и модели поведения (на материале русских и татарских паремий) / Л. К. Байрамова, Р. Д. Юнусова // Ученые записки Казанского университета. Серия : Гуманитарные науки. 2008. Т. 150. № 2. С. 90–96.

54. *Баласанян А. Р.* Обычай делового оборота в обязательствах железнодорожного транспорта : автореферат диссертации… кандидата юридических наук / А. Р. Баласанян ; Санкт-Петербургский университет МВД Российской Федерации. Санкт-Петербург, 2007. 22 с.

55. *Балашов Д. М.* Русская свадьба. Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарногский район Вологодской области) / Д. М. Балашов, Ю. И. Марченко, Н. И. Калмыкова ; ред.-сост. А. М. Мехнецов, худ. В. Валериус [и др.]. Москва: Современник, 1985. 390 с.

56. *Балашова Е. Ю.* Номинативная плотность лингвокультурного концепта ВЕРА / FAITH в русском и английском языках / Е. Ю. Балашова // Вестник Иркутского государственного университета. 2010. № 2. С. 92–98.

57. *Балашова Л. В.* Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее / Л. В. Балашова. Москва: Языки славянской культуры, 2014. 496 с.

58. *Балашова Л. В.* Элементы традиционности в современной русской языковой картине мира / Л. В. Балашова // Русский язык : исторические судьбы и современность. Москва: МГУ, 2007. С. 476.

59. *Балаян Э. В.* Организация лексики семантической сферы социальных отношений в современном молодежном жаргоне (на материале глагольной

метафоры) / Э. В. Балаян // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2007. Т. 7. № 2. С. 29–32.

60. *Баматгиреева М. В.* Вербализация понятия «общность/объединение людей» в русской языковой картине мира : автореферат … диссертации кандидата филологических наук / М. В. Баматгиреева; Кубан. гос. ун-т. Ставрополь, 2010. 27 с.

61. *Бандурин А. П.* Социальная регуляция как объект социально-философского исследования / А. П. Бандурин // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2004. № 3. С. 19–22.

62. *Бандурин А. П.* Социальная регуляция: рациональное и иррациональное: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.11 / А. П. Бандурин. Ростов-на-Дону, 2005. 363 с.

63. *Банкова Т. Б.* Кулинарный код сибирских семейных обрядов: объективации в языке / Т. Б. Банкова // Вестник ТГУ. Бюллетень оперативной научной информации «Обрядовое слово как языковой и культурный феномен: статус и региональная специфика». 2006. № 112. С. 20–34.

64. *Барсегян А. И.* О классификации форм культурной традиции / А. И. Барсегян // Советская этнография. 1981. № 2. С. 102–103.

65. *Бартминский Е.* Какие ценности участвуют в формировании языковой картины мира славян? / Е. Бартминьский // Етнолингвистичка проучавања српског и других словенских језика: у част академика Светлане Толстој. Београд: САНУ, Одељење језика и књижевности, 2008. С. 60–70.

66. *Бартминский Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике: пер. с польского / Е. Бартминьский; сост. и отв. ред. С. М. Толстая. Москва: Индрик, 2005. 527 с.

67. *Барышев Н. В.* Национальная специфика лексико-семантических полей «Средства передвижения» в русском и английском языках: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Н. В. Барышев. Воронеж, 1999. 160 с.

68. *Бастриков А. В.* Пополнение лексического состава русского литературного языка XVIII века иноязычными заимствованиями (на примере формирования наименований этических понятий // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Т. 150. № 2. С. 185–196.

69. *Безгин В. Б.* Положение членов крестьянской семьи по правовым обычаям русского села / В. Б. Безгин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 2-2. С. 12– 15.

70. *Белица Т. И.* Выражение оценки в высказываниях с оборотом взять моду что-либо делать / Т. И. Белица, О. М. Исаченко // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. № 2. С. 62–67.

71. *Белкин А. А.* Обычаи и обыкновения в государственном праве / А. А. Белкин // Правоведение. 1998. № 1. С. 35–36.

72. *Белова О. В*. Освоение пространства языка: между «своим» и «чужим» / О. В. Белова // Слова. Концепты. Мифы: к 60-летию Анатолия Фёдоровича Журавлёва / Рос. акад. наук. Ин-т славяноведения ; ред.: Г. К. Венедиктов, М. И. Ермакова, В. С. Ефимова. Москва: Индрик, 2011. С. 38–49.

73. *Белова О. В.* Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян (Этнолингвистическое исследование): диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.03 / О. В. Белова. Москва, 2006. 264 с.

74. *Белова О. В.* Этноконфессиональные стереотипы в славянских народных представлениях / О. В. Белова // Славяноведение. Москва, 1997. № 1. С. 25–32.

75. *Беляева Н. Ф.* Использование народных средств нравственного воспитания в современной практике подготовки духовно нравственной личности / Н. Ф. Беляева // Интеграция образования. 2011. № 4. С. 60–66.

76. *Белякова С. М.* Образ времени в диалектной картине мира: (на материале рус. старожильч. говоров юга Тюмен. обл.) / С. М. Белякова. Тюмень: Издательство Тюмен. гос. университета, 2005. 263 с.

77. *Белякова С. М.* Прошлое и будущее в диалектной картине мира / С. М. Белякова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 2. С. 79–88.

78. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика / Э. Бенвенист; под ред. Ю. С. Степанова. Москва: Прогресс, 1974. 448 с.

79. *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов / Э. Бенвенист; [пер. с франц.] Москва: Прогресс, 1995. 456 с.

80. *Березович Е. Л.* Деривационная семантика *русского* в русских народных говорах / Е. Л. Березович // Русский язык в научном освещении. № 2 (22). 2011а. С. 5–32.

81. *Березович Е .Л.* К этнолингвистической интерпретации семантических полей // Вопросы языкознания. 2004. № 6. С. 3–24.

82. *Березович Е. Л.* Ономасиологический портрет реалии как жанр лингвокультурологического описания / Е. Л. Березович, М. Э. Рут // Известия Уральского гос. ун-та. Гуманитарные науки. № 17 (2001). Вып. 3. С. 33–38.

83. *Березович Е. Л.* Позволь-ка мне словцо выговорить, словцо вымолотить!» (о «производственной» метафоре речевой деятельности в русской языковой традиции) / Е. Л. Березович // Текст славянской культуры: к юбилею Людмилы Александровны Софроновой. Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2011. С. 53–73.

84. *Березович Е. Л.* Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция / Е. Л. Березович. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. 488 с.

85. *Березович Е. Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте / Е. Л. Березович. Екатеринбург, 2000. 532 с.

86. *Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования / Е. Л. Березович. Москва: Индрик, 2007. 600 с.

87. *Березович Е. Л.* Языковой образ дурака: Этнолингвистический аспект / Е. Л. Березович, Т. В. Леонтьева // Язык культуры: Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения акад. Н. И. Толстого. Москва, 2004. С. 368–384.

88. *Березович Е. Л.* Ономасиологический портрет реалии как жанр лингвокультурологического описания / Е. Л. Березович, М. Э. Рут // Известия Уральского гос. ун-та. Гуманитарные науки. № 17 (2001). Вып. 3. С. 33–38.

89. *Березович Е. Л.* Как меняются оценки ценностей (на примере рус. САМОЛЮБИЕ) (= How evaluation of values changes (with reference to rus. САМОЛЮБИЕ) // Etnolingwistyka: Problemy języka i kultury / Red. E. Bartmiński. Lublin: UMCS, 2013. T. 25. S. 181–201.

90. *Беркетова З. В.* Иерархические и параллельные связи мотивационных полей современного немецкого языка / З. В. Беркетова // Вопросы языкознания. 1984. № 4. С. 131–139.

91. *Беркетова З. В.* Непрерывность семантического пространства в лексике современного немецкого языка / З. В. Беркетова. Москва: РУДН, 2010. 221 с.

92. *Бесолова Е. Б.* Язык и обряд : похоронно-поминальная обрядность осетин в аспекте ее текстуально-вербального выражения / Е. Б. Бесолова. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. 406 с.

93. *Бирих А. К.* Русская фразеология : историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова ; под ред. В. М. Мокиенко ; СПбГУ ; Межкаф. словарный каб. им. Б. А. Ларина. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Астрель: АСТ : Люкс, 2005. 926, [2] с.

94. *Блинова О. И.* Явление мотивации слов (лексикологический аспект): учебное пособие для студентов филологических университетов / О. И. Блинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 191 с.

95. *Боас Ф.* Ум первобытного человека / Ф. Боас. Пер. с англ. А. М. Водена. Москва – Ленинград: Государственное издательство, 1926. 154 с.

96. *Бобнева М. И.* Социальные нормы и регуляция поведения / М. И. Бобнева. Москва: Наука, 1978. 311 с.

97. *Бобровников В. О.* Обычай как юридическая фикция : «традиционный ислам» в религиозном законодательстве постсоветского Дагестана

/ В. О. Бобровников // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2007. № 1. С. 101–110.

98. *Бобунов А. М.* Наименования осадков в текстах английских и русских фольклорных песен: сопоставительный анализ / А. М. Бобунов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. Т. 1. № 2. С. 151–158.

99. *Бобунова М. А.* Фольклорная лексикография: становление, теоретические основания, практические результаты и перспективы : диссертация... доктора филологических наук : 10.02.01 / М. А. Бобунова. Курск, 2004. 443 с.

100. *Богатырев П. Г.* Язык фольклора / П. Г. Богатырев // Вопросы русского языкознания. 1973. № 5. С. 106–116.

101. *Богуславская О. Ю.* Опытный, искушенный, бывалый, тертый / О. Ю. Богуславская // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка: 2-е изд-е, испр. и доп. Москва: Языки славянской культуры, 2003. С. 714–718.

102. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкин. Москва: Добросвет, 2000. 387 с.

103. *Болхоева А. Б.* Национальная специфика гостеприимства в русской и англоязычной культурах / А. Б. Болхоева // Русский язык вчера, сегодня, завтра: (Материалы российской конференции, посвященной 40-летию кафедры русского языка Воронежского государственного университета и 75-летию со дня рождения И. П. Распопова). Воронеж: ВГУ, 2000. С. 44–45.

104. *Болхоева А. Б.* Национальная специфика концепта «гостеприимство» в русской и англоязычной культурах / А. Б. Болхоева // Культура общения и ее формирования. Воронеж: Полиграф, 2001. Вып. 8. С. 69–71.

105. *Болхоева А. Б.* Репрезентация концепта «гостеприимство» в русском и английском языках / А. Б. Болхоева // Язык и национальное сознание. Вып. 2. Воронеж: Истоки, 1999. С. 55–62.

106. *Бондарко А. В.* Опыт лингвистической интерпретации соотношения системы и среды / А. В. Бондарко // Вопросы языкознания. 1985. № 1. С. 13–23.

107. *Бондарко А. В.* Функциональная грамматика / А. В. Бондарко. Ленинград: Наука, 1984. 133 с.

108. *Бондырева С. К.* Традиции : стабильность и преемственность в жизни общества: учеб. пособие для ВУЗов / С. К. Бондырева. Москва: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2004. 280 с.

109. *Борисова О. Г.* Словарь кубанских говоров: проект: Материалы к словарю / О. Г. Борисова. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2005. 177 с.

110. *Борщева О. В.* Концептуальное поле «Труд» сквозь призму идиоматики (на материале русского и английского языков) : диссертация… кандидата филологических наук : 10.02.19 / Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского / О. В. Борщева. Саратов, 2012. 303 с.

111. *Бочарникова М. М.* Англоязычные заимствования в дискурсе российских телевизионных программ о моде (на материале наименований одежды) / М. М. Бочарникова // Ярославский педагогический вестник. 2012. Т. 1. № 2. С. 188–191.

112. *Бочина Т. Г.* Запретительно-побудительная пословица / Т. Г. Бочина // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2005. Т. 147. № 2. С. 23–34.

113. *Брысина Е. В.* Трудовая деятельность человека и ее отражение в донской диалектной фразеологии / Е. В. Брысина // Сельская Россия: прошлое и настоящее: Доклады и сообщения 8-й рос. науч.-практ. конф. Вып. 2. М., 2001. С. 200–202.

114. *Букринская И. А.* Обычай коллективной помощи в русской деревне / И. А. Букринская, О. Е. Кармакова // Русский язык : газ. издат. дома «Первое сентября». 2005. № 2. С. 12–18.

115. *Булыгина Т. В.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Москва: Языки русской культуры, 1997. 574.

116. *Буслаев Ф. И.* О литературе: Исследования; статьи / Ф. И. Буслаев. Москва: Худож. лит., 1990. 512 с.

117. *Быстрова Л. В.* К вопросу о принципах и методах выделения лексико-семантических групп слов / Л. В. Быстрова, Н. Д. Капатрук, В. В. Левицкий // Филологические науки. 1980. № 6. С. 75–78.

118. *Букринская И. А*. Лексическое своеобразие русских северо-западных говоров (на материале Диалектологического атласа русского языка) / И.А. Букринская, О.Е. Кармакова // Аванесовский сборник: к 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Р.И. Аванесова / РАН, Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова; редкол. Л.Э. Калнынь [и др.]. Москва: Наука, 2002. С. 104–111.

119. *Букринская И. А*. Метаязыковое сознание и его отражение в диалектном тексте / И. А. Букринская, О. Е. Кармакова // Слова. Концепты. Мифы: к 60-летию Анатолия Фёдоровича Журавлёва / Рос. акад. наук. Ин-т славяноведения ; ред.: Г. К. Венедиктов, М. И. Ермакова, В. С. Ефимова. Москва: Индрик, 2011. С. 38–49.

120. *Букринская И. А*. Обычай коллективной помощи в русской деревне (региональный компонент): [что означает диалектное слово ПОМОЧЬ?] / И. А. Букринская, О. Е. Кармакова // Русский язык. Приложение к газете «Первое сентября». 2005. Янв. (№ 2). С. 12–18.

121. *Бунчук Т. Н*. Концептуальный анализ текстов традиционной культуры : тексты Vita herbae / rei и кумулятивные сказки : актуальные слова-концепты : диссертация… кандидата филологических наук: 10.02.01 / Т. Н. Бунчук. Санкт-Петербург, 2003. 225 с.

122. *Бунчук Т. Н.* Словарь русского говора села Лойма как источник этнокультурных сведений / Т. Н. Бунчук // Научный диалог. 2012. № 3. Филология. С. 63–90.

123. *Бунчук Т. Н*. Языковой портрет говора села Лойма Прилузского района Республики Коми / Т. Н. Бунчук // Научный диалог. 2014. № 4 (28): Филология. С. 6–29.

124. *Бутакова Н. А*. Обычаи и обыкновения в коммерческой деятельности / Н. А Бутакова // Научные труды Северо-Западного института управления. 2011. Т. 2. № 1. С. 140–149.

125. *Бутенко А. П*. Общественный прогресс и его критерии / А. П. Бутенко. Москва: Знание, 1980. 64 с.

126. *Былины*. Исторические песни. Баллады : лит.-худ. издание / сост. В. Ковпик, А. Калугина. Москва : Эксмо, 2008. 662 с.

127. *Вакуленко Л. В*. Погребальные обычаи населения Прикарпатья в позднеримский период (по археологическим данным) / Л. В. Вакуленко // Археологические вести. 2011. № 17. С. 136–143.

128. *Валеев Д. Ж*. Обычное право и начальные этапы его генезиса / Д. Ж. Валеев // Правоведение. 1974. № 6. С. 10–18.

129. *Валеева Д. Р.* Устойчивые сочетания, репрезентирующие концепт «Дом» в русском языке / Д. Р. Валеева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 1. С. 96–99.

130. *Валенцова М. М.* Терминология календарной обрядности чехов и словаков: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.03 / М. М. Валенцова. Москва, 1996. 279 с.

131. *Вановская Л. А.* Семантика русской одежды (На материале тамбовских говоров): диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Л. А. Вановская. Тамбов, 2003. 212 с.

132. *Варбот Ж. Ж.* Лехитские этимологии / Ж. Ж. Варбот // Общеславянский лексический атлас. Материалы и исследования. 1979. Москва: Наука, 1981. С. 317–328.

133. *Варбот Ж. Ж.* Настропалить / Ж. Ж. Варбот // Русская речь. № 5. 1996. С. 106–108.

134. *Варбот Ж. Ж.* О происхождении слова *пентюх* / Ж. Ж. Варбот // Словарь. Грамматика. Текст: сборник статей / отв. ред. Ю. Н. Караулов,

М. В. Ляпон; РАН. ОЛиЯ. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1996. С. 58–61.

135. *Варбот Ж. Ж.* Этимологические гнезда и лексико-семантические поля / Ж. Ж. Варбот // Русский язык : исторические судьбы и современность : III Междунар. конгр. исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 20–23 марта 2007 г.) : труды и материалы / сост. М. Л. Ремнева, А. А. Поликарпов. Москва: МАКС Пресс, 2007. С. 45–46.

136. *Варбот Ж. Ж.* Этимология / Ж. Ж. Варбот // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 643–647.

137. *Вардзелашвили Ж. А.* К вопросу о толковании термина «номинация» в лингвистических исследованиях / Ж. А. Вардзелашвили // Славистика в Грузии. Вып. 1. Тбилиси: ТГУ, 2000. С. 62–68.

138. *Васильев А. А.* Учение славянофилов об обычае как источнике права / А. А. Васильев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Право. 2009. № 40 (173). С. 6–10.

139. *Васильев А. Д.* Вербализация концепта «вера» в текстах средств массовой информации / А. Д. Васильев // Личность, творчество и современность : сборник научных трудов : выпуск 4. Красноярск : [б. и.], 2001. С. 220–227.

140. *Васильев А. Д.* Эволюции социокультурных норм этноса и динамика лексики / А. Д. Васильев // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики: Тез. докл. и сообщ. науч. конф., 12 – 14 мая 1995 г., Екатеринбург, Россия. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1995. С. 20.

141. *Васильев В. П.* Денотативный класс как категориальный фрагмент языковой картины мира / В. П. Васильев, Е. В. Васильева // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 1. С. 155–160.

142. *Васильев В. П.* Денотативный класс с опорным словом *град* как средство представления культурной информации / В. П. Васильев // Вестник

Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. № 2. С. 29–33.

143. *Васильев И.* Обозрение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской губерний / И. Васильев. Казань: Типолитография Императ. ун-та, 1906. 88 с.

144. *Васильев Л. М.* Теория семантических полей / Л. М. Васильев // Вопросы языкознания. 1971. № 5. С. 105–113.

145. *Васильева Т. А.* Проблемы соотношения судебного прецедента как источника права с обычаем / Т. А. Васильева // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия : Юридические науки. 2011. № 2. С. 19–21.

146. *Ватолина Ю. В.* Гостеприимство как антропологический феномен : автореферат диссертации … доктора философских наук: 09.00.13 / Ю. В. Ватолина. Санкт-Петербург, 2014. 45 с.

147. *Ваулина Е. Ю.* Картина мира в языковой метафоре / Е. Ю. Ваулина, Г. Н. Скляревская // Scando-Slavica. Copenhagen, 1995. Т. 41. С. 200–213.

148. *Вдовина Т. В.* Мода, образ, дискурс: механизм воздействия моды на человека / Т. В. Вдовина // Общественные науки. 2011. № 6. С. 92–95.

149. *Вежбицка А.* Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицка. Пер. с англ. А. Д. Шмелёва. Москва: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.

150. *Вежбицка А.* Русские культурные скрипты и их отражение в языке / А. Вежбицка // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2 (4). С. 6–34.

151. *Вежбицка А.* Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицка. Пер. с англ. А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыгиной. Москва: Языки русской культуры, 1999. I–XII, 780 с.

152. *Велим Е. С.* Заимствованная лексика как составляющая молодежного сленга в современных молодежных печатных СМИ / Е. С. Велим // Вестник Тверского государственного университета. Серия : Филология. 2013. № 6. С. 115–119.

153. *Вепрева И. Т.* О языковой рефлексии на словесное обновление современной эпохи / И. Т. Вепрева // Русский язык сегодня : активные языковые процессы конца XX века : сборник статей / под ред. Л. П. Крысина. Москва: [б. и.], 2003. С. 402–421.

154. *Вепрева И. Т.* Тревожная лексика текущего времени : неофициальные этнонимы в функции актуальных слов / И. Т. Вепрева, Н. А. Купина // Политическая лингвистика. 2014. № 3. С. 43–50.

155. *Вепрева И. Т.* Социально-психологическое безразличие: игровые формы речевой репрезентации / И. Т. Вепрева, Н. А. Купина // Лингвистика креатива-2 / под общей редакцией профессора Т. А. Гридиной. Екатеринбург, 2012. С. 165–175.

156. *Вернадский В. И.* Философские мысли натуралиста / В. И. Вернадский. Москва: Наука, 1988. 519 с.

157. *Верхотурова К. С.* Огонь в зеркале русского языка : диссертация… кандидата филологических наук : 10.02.01 / К. С. Верхотурова. Екатеринбург, 2009. 213 с.

158. *Веснина Г. Ю.* Эволюция лексических средств выражения понятия «норма» в русском языке / Г. Ю. Веснина // Традиции и инновации в филологии XXI века: взгляд молодых ученых : материалы Всероссийской молодежной конференции / отв. ред. Т. А. Демешкина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 87–89.

159. *Винантова И. В.* Структурно-синтаксические закономерности выражения речевого акта «приглашение (в гости)» в русском языке / И. В. Винантова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2010. № 3. С. 41–44.

160. *Виноградов В. В.* История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / В. В. Виноградов; Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН; отв. ред. академик РАН Н. Ю. Шведова. Москва: РАН Ин-т рус.яз. им. В.В.Виноградова, 1999. 1138 с.

161. *Виноградова Л. Н.* Звуковой портрет нечистой силы / Л. Н. Виноградова // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян: сб. ст. / Отв. ред. С. М. Толстая. Москва: Индрик, 1999. С. 179–199.

162. *Виноградова Л. Н.* Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян : генезис и типология колядования / Л. Н. Виноградова ; ред. Н. И. Толстой. Москва : Наука, 1982. 255 с.

163. *Винтина С. Г.* Семейно-праздничная обрядность русского населения мордовского края на рубеже XIX – XX вв. / С. Г. Винтина // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. Т. 13. № 1. С. 202–217.

164. *Владыкина Т. Г.* Удмуртский фольклор: Проблемы жанровой эволюции и систематики / Т. Г. Владыкина. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. 356 с.

165. *Власкина Н. А.* Концепт Судьба в языковой и мифопоэтической картине мира донских казаков: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Н. А. Власкина. Ростов-на-Дону, 2010. 327 с.

166. *Воевудская О. М.* Лексико-грамматическое поле концепта / О. М. Воевудская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сборник / Воронеж. межрегион. ин-т обществ. наук и др.; науч. ред. И. А. Стернин. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. С. 111–113.

167. *Володина Т. В.* Мотив волос в народной медицине белорусов : (на общеславянском фоне) / Т. В. Володина // Первый Всероссийский конгресс фольклористов : сборник докладов : [по материалам Всероссийской научной конференции «Российская фольклористика: классическое наследие и XXI век» / авт. проекта и отв. ред. А. С. Каргин]. – Москва : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2005– . Т. 4. 2007. С .6–12.

168. *Воркачев С. Г.* Концепт счастья: понятийный и образный компоненты / С. Г. Воркачев // Изв. АН. Сер. лит. и яз. 2001. Т. 60. № 6. С. 47–58.

169. *Воробьев В. В.* Культурологическая парадигма русского языка: Теория описания языка и культуры во взаимодействии / В. В. Воробьев; Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. Москва: ИРЯП, 1994. 76 с.

170. *Воронцова Ю. Б.* Коллективные *прозвища* в русских говорах : диссертация… кандидата филологических наук : 10.02.01 / Ю. Б. Воронцова. Екатеринбург, 2002. 294 с.

171. *Ворошилова С. В.* Наследование женщин по закону и по обычаю в России в XIX веке / С. В. Ворошилова // Правовая культура. 2009. № 2. С. 35–45.

172. *Гаврилов Б.* Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний / Б. Гаврилов. Казань: Православ. миссион. о-во, 1880. 190 с.

173. *Гайсина Р. М.* Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке / Р. М. Гайсина. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 1981. 194 с.

174. *Гак В. Г.* Этимолого-семантические поля в лексике / В. Г. Гак // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова) / отв. ред. д-р филол. н. М. В. Ляпон. Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 1995. С. 107–117.

175. *Гак В. Г.* Языковые преобразования / В. Г. Гак. Москва: Языки русской культуры, 1998. 768 с.

176. *Галактионова И. В.* Уважать / И. В. Галактионова // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка: 2-е изд-е, испр. и доп. Москва: Языки славянской культуры, 2003. С. 1178–1182.

177. *Галимова О. В.* Этнокультурная специфика зоонимической лексики, характеризующей человека (На материале русского и немецкого языков): диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / О. В. Галимова. Уфа, 2004. 309 с.

178. *Галинова Н. В.* Этимолого-словообразовательные гнезда праславянских корней со значениями ‘гнуть’, ‘вертеть’, ‘вить’ в говорах Русского

Севера: автореферат диссертации ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Н. В. Галинова. Екатеринбург, 2000. 19 с.

179. *Гамзатова А. Ш.* О принудительных «гостеваниях» в Дагестане XIX – начала XX вв. / А. Ш. Гамзатова // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 17–20.

180. *Гамкрелидзе Т. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы : Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры : в двух частях / Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. Тбилиси : Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. Часть 1. 1330 с.

181. *Гапонова Ж. К.* Лексика мологских (ярославских) говоров XIX–XX вв.: историко-лексикологический и этнолингвистический аспекты: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Ж. К. Гапонова. Ярославль, 2008. 242 с.

182. *Гарипова Г. Р.* Концепт «Гостеприимство» в русском и английском языках (на материале фразеологизмов): автореферат диссертации... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Г. Р. Гарипова. Уфа, 2010. 23 с.

183. *Гимбатова М. Б.* Коммуникативные формы поведения ногайцев в обычае взаимопомощи «шаъвшеке» / М. Б. Гимбатова // Изучение культурного наследия народов России – актуальная задача : материалы Всероссийской научно-теоретической конференции. Махачкала: Эпоха, 2007. С. 146–150.

184. *Гиндин Л. А.* Обряд погребения Аттилы (IORD.XLIX, 256–258) и «тризна» Ольги по Игорю / Л. А. Гиндин // Советское славяноведение. 1990. № 1. С. 65–67.

185. *Глебкин В. В.* Ритуал в советской культуре / В. В. Глебкин. Москва: Янус-К, 1998. 168 с.

186. *Голев Н. Д.* Динамический аспект лексической мотивации / Н. Д. Голев. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. 252 с.

187. *Головкин Р. Б.* Обычай в механизме обеспечения правомерного поведения личности / Р. Б. Головкин // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 1. С. 110–114.

188. *Гольдберг В. Б.* Эволюция структурной парадигматической модели лексико-семантической системы языка / В. Б. Гольдберг // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2002. № 3. С. 85–93.

189. *Гольдберг В. Б.* Структурные связи в лексико-семантическом поле языка / В. Б. Гольдберг. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2000. 232 с.

190. *Гольдин В. Е.* Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения / В. Е. Гольдин // Аванесовский сборник : к 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова. Москва: Наука, 2002. С. 58–63.

191. *Горбунова М. А.* Общественное мнение, массовое сознание и массовые действия как социологические категории. тенденции «массовизации» и «демассовизации» / М. А. Горбунова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2005. № 2. С. 85–91.

192. *Городецкий Б. Ю.* К проблеме семантической типологии / Б. Ю. Городецкий. Москва: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1969. 562 с.

193. *Гребенщикова Н. С.* История русского приветствия (на восточнославянском фоне): монография / Н. С. Гребенщикова. Гродно: ГрГУ, 2004. 306 с.

194. *Гревцова Т. Е.* Названия обрядового хлеба как мотивирующая основа терминов восточнославянской свадьбы (ареальный аспект) / Т. Е. Гревцова // Научный диалог. 2012. № 4. История. Социология. Культурология. Этнография. С. 110–123.

195. *Григорьева А. Б.* Свадьба Среднего Притоболья (поэзия и обряд) : диссертация... кандидата филологических наук : 10.01.09 / А. Б. Григорьева ; Челябинский государственный университет. Челябинск, 2009. 226 с.

196. *Григорьева Е. А.* Лексико-семантическая группа с архисемой ‘злой дух’ в лингвокультурном освещении / Е. А. Григорьева // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 2. С. 111–114.

197. *Гридина Т. А.* Стратегии прозвищной идентификации в диалектной речи / Т. А. Гридина // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 8–12 сент. 2009 г. / [редкол.: Е. Л. Березович (отв. ред.) и др.]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 67–70.

198. *Гридина Т. А.* Этносоциокультурный контекст ономастической игры / Т. А. Гридина // Политическая лингвистика. 2011. № 1. С. 219–223.

199. *Грицкевич Ю. Н.* Концепт «МОДА» в диалектном дискурсе / Ю. Н. Грицкевич, В. Г. Новиков // Вестник Псковского государственного педагогического университета. – Серия «Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки». Выпуск 15. 2011. С. 77–80.

200. *Грицкевич Ю. Н.* Номинативное поле концепта «Государство» в диалектном дискурсе / Ю. Н. Грицкевич // Вестник Псковского государственного педагогического университета. – Серия «Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки». Выпуск 15. 2011. С. 73–76.

201. *Громыко М. М.* Мир русской деревни / М. М. Громыко. Москва: Молодая гвардия, 1991. 270 с.

202. *Грузнова Е. Б.* Похоронные обычаи на Руси в конце XV–XVI вв. / Е. Б. Грузнова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2005. № 3. С. 153–170.

203. *Грязнов Д. Г.* Соотношение категорий обычного права и правового обычая в юридической науке : автореферат диссертации… кандидата юридических наук : 12.00.01 / Д. Г. Грязнов. Москва, 2001. 21 с.

204. *Гудков Д. Б.* Телесный код русской культуры: материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. Москва: Гнозис, 2007. 288 с.

205. *Гулыга Е. В.* Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс. Москва: Просвщение, 1969. 183 с.

206. *Гура А. В.* Брак и свадьба в славянской народной культуре : семантика и символика / А. В. Гура ; [Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения]. Москва: Индрик, 2012. 935 с.

207. *Гура А. В.* Из севернорусской свадебной терминологии. (Хлеб и пряники – словарь) / А. В. Гура // Славянское и балканское языкознание. Карпатско-восточнославянские параллели. Структура балканского текста / отв. ред. Т. М. Судник, Т. В. Цивьян. Москва: Наука, 1977. С. 131–180.

208. *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. Москва: Индрик, 1997. 910 с.

209. *Гуревич А. Я.* Избранные труды / А. Я. Гуревич. Т. 2: Средневековый мир. Москва; Санкт-Петербург: Университетская книга, 1999. 560 с.

210. *Гурьев А. Н.* Обрядные песни / А. Н. Гурьев // Олонецкие губернские ведомости 1879. № 36. С. 425.

211. *Дабаева Г. А.* Традиция как форма нравственной регуляции общества // Вестник Дагестанского государственного университета. 2010. № 5. С. 81–84.

212. *Данилко Е. С.* Традиции общинной взаимопомощи в старообрядческой среде:по материалам Урало-Поволжья / Е. С. Данилко // Ежегодник финно-угорских исследований. 2014. № 2. С. 33–39.

213. *Дарчиева М. В.* Вербальный код обрядового текста / М. В. Дарчиева // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 111. С. 177–181.

214. *Дашин А. В.* Место и роль обычая в системе социального регулирования архаических обществ / А. В. Дашин // Общество и право. 2012. № 2. С. 15–19.

215. *Дашин А. В.* Обычное право как структурно-функциональный элемент национальной правовой системы (историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ) : диссертация… доктора юридических наук : 12.00.01 / А. В. Дашин. Санкт-Петербург, 2006. 431 с.

216. *Девкин В. Д.* О неродившихся немецких и русских словарях / В. Д. Девкин // Вопросы языкознания. 2001. № 1. С. 85–97.

217. *Дегтярев В. И.* О происхождении слова *люд* / В. И. Дегтярев // Этимология. 1979. Москва: Наука, 1981. С. 85–92.

218. *Дей Т. В.* Уголовно-правовые и криминологические аспекты обычая кровной мести на территории Российской Федерации / Т. В. Дей // Российский криминологический взгляд. 2011. № 1. С. 412–417.

219. *Демичев И. В.* Обычай, ритуал и проблема устойчивости социальной системы / И. В. Демичев // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. № 3. С. 963–965.

220. *Денисов П. Н.* Лексика русского языка и принципы ее описания / П. Н. Денисов. Москва: Русский язык, 1980. 160 с.

221. *Дзюбан В. В.* Традиции, культура и промыслы казачества России : методологические и научно-практические аспекты исследования / В. В. Дзюбан // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2011. Т. 17. № 3. С. 99–104.

222. *Добрин К. Ю.* Феномен социальной нормы / К. Ю. Добрин // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2011. Т. 3. № 1. С. 248–254.

223. *Добровольская В. Е.* Запреты и предписания, связанные с исполнением похоронно-поминальных причитаний, в традиционной культуре Центральной России (материалы Владимирской и Ярославской областей) / В. Е. Добровольская // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 12. Социальные и эстетические нормативы традиционной культуры: сборник научных статей / сост. М. Д. Алексеевский, В. Е.Добровольская. Москва: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2009. С. 319–333.

224. *Добровольская В. Е.* Нормативы, связанные с поведением женщины за столом, в крестьянской культуре Русского Севера и Центральной России / В. Е. Добровольская // Коды повседневности в славянской культуре: Еда и одежда / отв. ред. Н. В. Злыднева. Санкт-Петербург: Алетейя, 2011. С. 106–116.

225. *Добровольская В. Е.* Традиционные нормативы, связанные с народным календарем / В. Е.Добровольская // Традиционная культура. 2008. № 3. С. 65–80.

226. *Добровольская Е. В.* Концептуализация семьи в русской языковой картине мира: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01. / В. Е. Добровольская. Новосибирск, 2005. 203 с.

227. *Доброниченко Е. В.* Функционально-семантические границы ритуального пространства : к вопросу об определении понятий / Е. В. Доброниченко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 6 (81). С. 7–12.

228. *Долгих Н. Г.* Теория семантического поля на современном этапе развития семасиологии / Н. Г. Долгих // Филологические науки. 1973. № 1. С. 89–96.

229. *Дормидонтова О. А.* Семантическое поле как принцип организации лексических и фразеологических единиц гастрономической тематики (на материале русского и французского языков) / О. А. Дормидонтова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 89. № 9. С. 130–133.

230. *Дробницкий О. Г.* Моральная философия : избранные труды / О. Г. Дробницкий. Москва: Гардарики, 2002. 523 с.

231. *Дронова Л. П.* Картины русского мира: аксиология в языке и тексте: монография / Л. П. Дронова, Л. И. Ермоленкина, Д. А. Катунин; отв. ред. З. И. Резанова. Томск: Томский гос. университет, 2005. 354 с.

232. *Дронова Л. П.* Откуда пришло должное? (К проблеме языкового отражения евроазиатского культурного диалога) / Л. П. Дронова // Вестник Томского государственного университета. 2006. № 291. С. 157–164.

233. *Дронова Л. П.* Становление и эволюция модально-оценочной лексики русского языка: этнолингвистический аспект / Л. П. Дронова; Том. гос. ун-т. Томск: Издательство Томского университета, 2006. 254 с.

234. *Дронова Н. П.* Обычаи немецкого карнавала в вербальной репрезентации / Н. П. Дронова. Saarbrücken: LAP, 2013. 153 с.

235. *Дронова Н. П.* Фреймовый подход к моделированию обычая / Н. П. Дронова // Когнитивные исследования языка. 2013. № 14. С. 315–321.

236. *Дубинина А. А.* Календарные обходы дворов на фольклорно-этнографическом материале Тверской области / А. А. Дубинина // Вестник славянских культур. 2010. Т. 2. № 16. С. 30–37.

237. *Дуров И. М.* Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / И. М. Дуров ; отв. ред. И. И. Муллонен. Петрозаводск: ИЯЛИ КНЦ РАН, 2011. 453 с.

238. *Дьяконова А. А.* К вопросу о соотношении обычаев и обыкновений международной торговли / А. А. Дьяконова // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2009. № 10. С. 100–112.

239. *Евзлин М.* Космогония и ритуал / М. Евзлин ; предисловие В. Н. Топорова. Москва: Радикс, 1993. 337 с.

240. *Егорова О. В.* Крещение детей у чувашей : обычаи, обряды, традиции / О. В. Егорова // Вестник Чувашского университета. 2009. № 4. С. 39–44.

241. *Едалина А. А.* Особенности лексико-семантического поля «Отношение человека к собственности» / А. А. Едалина // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2010. Т. 72. № 1. С. 93–101.

242. *Еремина В. И.* Ритуал и фольклор / В. И. Еремина. Л.: Наука. 1991. 208 с.

243. *Еремина М. А.* Лексико-семантическое поле «Отношение человека к труду» в русских народных говорах: этнолингвистический аспект : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / М. А. Еремина. Екатеринбург, 2003. 253 с.

244. *Ермакова О. П.* Концепты *совесть* и *стыд* по данным языка / О. П. Ермакова // Русский язык в контексте культуры: сборник статей. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. С. 54–59.

245. *Ерофеева Е. В.* Норма: социопсихологический и статистический аспекты / Е. В. Ерофеева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. № 4. С. 60–65.

246. *Ерофеева Е. В.* Структура семантического поля «Человек» в сознании носителей русского языка / Е. В. Ерофеева, Е. А. Пепеляева // Вестник Пермского университета. Серия: Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 1. С. 7–19.

247. *Ефанова Л. Г.* Категория нормы как объект лингвистического исследования / Л. Г. Ефанова // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010а. № 6. С. 21–24.

248. *Ефанова Л. Г.* Коммуникативная дистанция как норма речевого взаимодействия (на примере использования некоторых русских местоимений) / Л. Г. Ефанова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011а. № 2. С. 5–11.

249. *Ефанова Л. Г.* Норма в языковой картине мира русского человека: монография / Л. Г. Ефанова; Томский политехнический университет. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2013. 492 с.

250. *Ефанова Л. Г.* Норма как функционально-оценочная категория и способы ее представления в языке: Ч. 1. Структура нормативной оценки / Л. Г. Ефанова // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2008. № 2. С. 41–44.

251. *Ефанова Л. Г.* Норма как функционально-оценочная категория и способы ее представления в языке. Ч. 2. Основные функции нормы / Л. Г. Ефанова // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009а. № 4. С. 101–106.

252. *Ефанова Л. Г.* Норма милосердия в русской языковой картине мира / Л. Г. Ефанова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010б. № 4. С. 15–23.

253. *Ефанова Л. Г.* Оценка безопасности с точки зрения нормы в русской языковой картине мира / Л. Г. Ефанова // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. № 2. С. 5–10.

254. *Ефанова Л. Г.* Оценка терпения с позиций нормы и идеала / Л. Г. Ефанова // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 5. С. 53–59.

255. *Ефанова Л. Г.* Семантика меры и нормы в значениях производных единиц / Л. Г. Ефанова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2009б. Т. 4. С. 5–19.

256. *Ефанова Л. Г.* Семантика нормы в русских глаголах ментальной деятельности / Л. Г. Ефанова // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011б. № 3. С. 5–9.

257. *Ефанова Л. Г.* Семантическая категория нормы в аспекте структурных составляющих нормативной оценки : монография / Л. Г. Ефанова. Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2012. 220 с.

258. *Ефанова Л. Г.* Функционально-семантическое поле нормы в русском языке: монография / Л. Г. Ефанова. Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2012. 220 с.

259. *Ефименко П. С.* Обычаи и верования крестьян архангельской губернии: монография // П. С. Ефименко, А. С. Архипова ; научный редактор А. С. Архипова ; Российский государственный гуманитарный университет, Центр типологии и семиотики фольклора. Москва: Объединенное гуманитарное издательство, 2009. 557 с.

260. *Жаринова О. М.* Зоонимическая лексика карельского языка: Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук: 10.02.22 / О. М. Жаринова. Петрозаводск, 2006. 24 с.

261. *Жданова Л. А.* «Культурное слово» *милосердие* / Л. А. Жданова, О. Г. Ревзина // Логический анализ языка. Культурные концепты: сборник статей. Москва: Наука, 1991. С. 56–61.

262. *Жильцов С. В.* Правовой обычай кровной мести как источник смертной казни древнерусского права / С. В. Жильцов // Право и образование. 2012. № 4. С. 120–123.

263. *Журавлев А. Ф.* Диалектный словарь и культурные реконструкции / А. Ф. Журавлев // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов, Любляна, 2003 г.: докл. рос. делегации. Москва: Индрик, 2003. С. 177–189.

264. *Журавлев А. Ф.* Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики / А. Ф. Журавлев // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры: сборник статей. Москва: Индрик, 1999. С. 7–32.

265. *Журавлев А. Ф.* Славянская этнолингвистика в работах Н. И. Толстого (Предисловие редактора) / А. Ф. Журавлев // Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. Москва: Индрик, 1995. С. 8–12.

266. *Журавлев А. Ф.* Vir doctus, vir docens. К семидесятилетию академика Н. И. Толстого / А. Ф. Журавлев // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 107–112.

267. *Журавлев В. К.* Славянская компаративистика. Итоги и перспективы / В. К. Журавлев // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. 39. Вып. 3. Москва: Наука, 1980. С. 242–251.

268. *Журавлева Н. Г.* Модное слово и модный стиль нашего времени: динамика русского языка / Н. Г. Журавлева // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 11. С. 135–141.

269. *Журавлева Н. Г.* Феномен «модного» слова : динамический аспект / Н. Г. Журавлева // Образование. Наука. Инновации : южное измерение. 2010. № 11. С. 83–89.

270. *Забродкина Е. А.* Семантическое поле «Дом» в русских народных говорах: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Е. А. Забродкина. Киров, 2008. 449 с.

271. *Залевская А. А.* Проблемы организации внутреннего лексикона человека: учебное пособие/ А. А. Залевская. Калинин: Калинин. ун-т, 1977. 83 с.

272. *Зализняк А. А. Гости* как мероприятие в русском языке и картине мира / А. А. Зализняк // Россика. Русистика. Россиеведение : Книга 1 : Язык. История. Культура / отв. ред. Е. И. Пивовар. Москва: РГГУ, 2010. С. 100–114.

273. *Зализняк А. А.* Многозначность в языке и способы ее представления / А. А. Зализняк. Москва: Языки славянских культур, 2006. 672 с.

274. *Занегина Н. Н.* Концепт «семья» в русском литературном языке и принипы его описания: автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Н. Н. Занегина. Москва, 2011. 27 с.

275. *Занозина Л. О.* Терминологическая микросистема «обрядовые яства» в единой терминосистеме календарной обрядности Курского региона / Л. О. Занозина // Исследования по лингвофольклористике. Курск: Изд-во Курск. пед. ун-та, 1994. Вып. 1. С. 47–52.

276. *Захарова Т. В.* Отражение социальной значимости гостеприимства в русских паремиях / Т. В. Захарова, О. А. Турбина // Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия: лингвистика. 2008. № 16. С. 46–53.

277. *Захарова Т. В.* Семантика угощения в русских и французских паремиях о гостеприимстве / Т. В. Захарова // Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия: лингвистика. 2010. № 1. С. 75–78.

278. *Здравомыслов А. Г.* Потребности. Интересы. Ценности / А. Г. Здравомыслов. Москва: Политиздат, 1986. 223 с.

279. *Зеленин Д. К.* Избранные труды : статьи по духовной культуре : 1901–1913 / Д. К. Зеленин; [вступ. ст. Н. И. Толстого, с. 9–25; коммент. Т. А. Агапкиной и др.]. Москва: Индрик, 1994. 397 с.

280. *Зинцова Ю. Н.* Лексико-семантическое поле «жидкость» в современном немецком языке: автореферат диссертации ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Ю. Н. Зинцова. Нижний Новгород, 2009. 22 с.

281. *Золотых Л. Г.* Семиотика культуры и формирование фразеологической семантики / Л. Г. Золотых // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2006. № 3. С. 15–20.

282. *Зорин Н. В.* Русский свадебный ритуал / Н. В. Зорин; РАН, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Москва: Наука, 2001. 248 с.

283. *Зумбулидзе Р. З.* Обычное право как источник (форма) гражданского права : автореферат диссертации… кандидата юридических наук: 12.00.03 / Р. З. Зумбулидзе; Волгоградская академия МВД РФ. Волгоград, 2003. 25 с.

284. *Зыкин И. С.* Обычаи и обыкновения в международной торговле : диссертация… кандидата юридических наук: 12.00.03 / И. С. Зыкин. Москва, 1979. 193 с.

285. *Иванов Вяч. Вс.* Происхождение семантического поля славянских слов, обозначающих дар и обмен / Вяч. Вс. Иванов // Славянское и балканское языкознание: Проблемы интерференции и языковых контактов. Москва: Наука, 1975. С. 50–78.

286. *Иванова А. А.* «Петровская кила по зорям ходила...» / А. А. Иванова // Живая старина. 2013. № 3 (79). С. 7–10.

287. *Иванова Н. П.* Свадебная традиция удмуртов бассейна реки Вала: автореферат диссертации... кандидата искусствоведения / Н. П. Иванова. Москва, 2004. 24 с.

288. *Иванцова Е. В.* О речевом этикете диалектоносителя / Е. В. Иванцова; Том. гос. ун-т. Томск: [б. и.], 1994. 24 с.

289. *Иванцова Е. В.* Отношения структурной мотивации слов в среднеобских говорах / Е. В. Иванцова // Русские старожильческие говоры Сибири. Томск, 1990. С. 18–25.

290. *Ивашенко О. В.* Когнитивные классификаторы в семантическом поле абстрактных лексем: На материале лексико-семантического поля ментальных состояний в русском и английском языках: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / О. В. Ивашенко. Воронеж, 2002. 242 с.

291. *Ивашенко О. В.* Концепт «вера» в современном русском языке / О. В. Ивашенко // Актуальные проблемы языкознания и методики обучения иностранным языкам. Воронеж [б. и.], 2000. С. 186–187.

292. *Ивлева Л. М.* Ряженье в русской традиционной культуре / Л. М. Ивлева ; Рос. ин-т истории искусств. Санкт-Петербург: [б. и.], 1994. 236 с.

293. *Игнатович Т. Ю.* Доминанты русской языковой картины мира в региональной реализации / Т. Ю. Игнатович // Гуманитарный вектор. 2009. № 4. С. 76–80.

294. *Извекова Т. Ф.* Некоторые особенности речевой характеристики персонажей в произведениях Ф. М. Достоевского / Т. Ф. Извекова // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 4-2. С. 54–56.

295. *Измаилов Г. М.* О традиционном обычае посвящения коня умершему у народов Дагестана / Г. М. Измаилов // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2011. № 3. С. 17–20.

296. *Исследования* в области балто-славянской духовной культуры: погребальный обряд. Москва: Наука, 1990. 254 с.

297. *Кабакова Г. И.* Концепт чести в ритуале гостеприимства / Г. И. Кабакова // Etnolingwistyka. Lublin, 2013. Т. 25. С. 18–28.

298. *Кабакова Г. И.* «Пусть выть уляжется, а лень привяжется» / Г. И. Кабакова // Етнолингвистичка проучавања српског и других словенских језика: у част академика Светлане Толстој. Београд: САНУ, Одељење језика и књижевности, 2008. С. 178–186.

299. *Кабакова Г. И.* Русские традиции гостеприимства и застолья: монография / Г. И. Кабакова ; рецензенты : д.ф.н. С. М. Толстая, д.ф.н. О. В. Белова. Москва: Форум, 2015. 464 с. (Сер. Человек в культуре).

300. *Казакова Е. Д.* Диалог поколений в метаязыковой рефлексии диалектоносителей / Е. Д. Казакова // Диалог поколений в славянской и еврейской культурной традиции: сборник статей / отв. ред. О. В. Белова. Москва: Сэфер, 2010. С. 163–173.

301. *Казнина Е. Б.* Концепт «вера» в диалогическом христианском дискурсе : диссертация... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. Б. Казнина. Москва, 2004. 249 с.

302. *Календарные* обычаи и обряды в странах зарубежной Европы XIX – начала XX вв. : Зимние праздники : научное издание. Москва: Наука, 1971. 347 с.

303. *Калинина Л. В.* Номинативное поле моральной оценки в русском диалектном языке (лингвокультурологический аспект): автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Л. В. Калинина. Харьков, 2012. 23 с.

304. *Калинина М. В*. Лексико-семантическое поле «Одежда» в донском казачьем диалекте: этнолингвистический и лингвокультурологический аспекты: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / М. В. Калинина. Волгоград, 2008. 268 с.

305. *Калиткина Г. В.* Диалектная концептуализация традиции / Г. В. Калиткина // Картины русского мира: метафорические образы традиционной культуры / З. И. Резанова и др. Москва: ЛЕНАНД, 2014. С. 15–63.

306. *Калмыкова Е. В*. Обряд колядования как текст - структура, семантика, лексика, классификация колядок и овсеней : на тамбовском материале : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. В. Калмыкова. Тамбов, 2003. 206 с.

307. *Калькова О. К.* Концепт «Бог» в русской языковой картине мира (основные компоненты) / О. К. Калькова // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2009. Т. 1. С. 89–91.

308. *Капелюшник Е. В.* Кулинарные образы, характеризующие мир человека / Е. В. Капелюшник // Молодой ученый. 2011. № 2. Т. 1. С. 207–214.

309. *Капелюшник Е. В.* Репрезентация кулинарного кода культуры в семантике образных средств языка (на примере образного лексико-фразеологического микрополя «ЗЕРНО/КРУПА/КАША») / Е. В. Капелюшник // Молодой ученый. 2009. № 2. С. 143– 146.

310. *Капица Ф. С.* Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы : справ. / Ф. С. Капица. 3 изд. Москва: Флинта: Наука, 2001. 215 с.

311. *Карасева Т. В*. Названия пищи в воронежских говорах : этнолингвистический аспект : диссертация… кандидата филологических наук : 10.02.01 / Т. В. Карасева. Воронеж, 2004. 250 с.

312. *Карасик В. И.* Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. / ВГПУ, ПМПУ. Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. С. 3–16.

313. *Караулов Ю. Н.* Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. Москва: Наука, 1976. 355 с.

314. *Караулов Ю. Н.* Структура лексико-семантического поля / Ю. Н. Караулов // Филологические науки. 1972. № 1. С. 57–68.

315. *Карпов Ю. Ю.* Женское пространство в культуре народов Кавказа / Ю. Ю. Карпов ; РАН, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). Санкт-Петербург: Петербург. Востоковедение, 2001. 413 с.

316. *Карцов А. С.* Проблема юридического обычая в контексте консервативного правопонимания / А. С. Карцов // Lex Russica = Русский закон. 2008. Т. LXVII. № 3. С. 455–465.

317. *Касимов Р. Н.* Обычаи взаимопомощи в календарной обрядности чепецких татар / Р. Н. Касимов // Ежегодник финно-угорских исследований. 2014. № 2. С. 45–51.

318. *Категория* родства в языке и культуре / отв. ред. С. М. Толстая. Москва: Индрик, 2009. 312 с.

319. *Качинская И. Б.* Дедки-прадедки (отношение к предкам в архангельских говорах) / И. Б. Качинская // Диалог поколений в славянской и еврейской культурной традиции: сборник статей / отв. ред. О. В. Белова. Москва: Сэфер, 2010. С. 151–162.

320. *Ким А. А.* Селькупская культовая лексика как этнолингвистический источник: проблема реконструкции картины мира: диссертация ... доктора филологических наук / А. А. Ким. Томск, 1999. 356 с.

321. *Ким И. Е.* Три способа моделирования социальных реалий в современном русском языке / И. Е. Ким // Сибирский филологический журнал. 2011. № 1. С. 192–199.

322. *Киреева Д. М.* Реализация концепта «лицо» через метафору и метонимию // Филология и человек. 2010. № 2. С. 113–120.

323. *Киреева Ю. Н.* Традиции, обычаи и обряды ставропольских крестьян в начале XX века : истоки, состояние и значение : автореферат диссертации…

кандидата исторических наук: 07.00.02 / Ю. Н. Киреева; Пятигорский государственный технологический университет. Пятигорск, 2007. 26 с.

324. *Киреевский И. В*. Духовные основы русской жизни / И. В. Киреевский. Москва: Институт русской цивилизации, 2007. 448 с.

325. *Климас И. С.* Фольклорная лексикология: своеобразие объекта, состав единиц, специфика лексикологических категорий: диссертация... доктора филологических наук: 10.02.01 / И. С. Климас; Орлов. гос. ун-т. Орел, 2005. 408 с.

326. *Кобелева И. А.* Мастер и мастерица : диалектные фразеологизмы обозначающие человека / И. А. Кобелева // Русская речь. 2007. № 3. С. 98–103.

327. *Кобелева И. А.* Русская диалектная фразеография: грамматический аспект / И. А. Кобелева. Санкт-Петербург: Наука, 2007. 200 с.

328. *Кобозева И. М.* Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. Москва: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.

329. *Кобозева И. М.* Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов / И. М. Кобозева // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 1995. № 3. С. 102–117.

330. *Ковалевская Л. А*. Внутренняя форма идиом как носитель культурной коннотации / Л. А. Ковалевская // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2009. № 4. С. 238–245.

331. *Ковенева С. Б.* Функционально-семантическая характеристика глаголов социальных отношений в современном художественном тексте (на материале трилогиии Е. А. Кулькина «Прощеный век») / С. Б. Ковенева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2008. № 1. С. 175–178.

332. *Ковшова М. Л.* Семантика и прагматика фразеологизмов: лингвокультурологический аспект : диссертация.... доктора филологических наук / М. Л. Ковшова. Москва, 2009. 654 с.

333. *Коды* повседневности в славянской культуре: Еда и одежда / отв. ред. Н. В. Злыднева. Санкт-Петербург: Алетейя, 2011. 560 с.

334. *Козлова В. Н.* Обычай делового оборота и деловое обыкновение : проблемы соотношения / В. Н. Козлова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 12-2. С. 96– 98.

335. *Колесов В. В.* Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции / В. В. Колесов // Язык и этнический менталитет: сборник научных трудов / Петрозавод. гос. ун-т; редкол.: Колесов В. В. и др. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1995. С. 13–24.

336. *Колесов В. В.* Мир человека в слове Древней Руси / В. В. Колесов; Ленингр. гос. ун-т. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1986. 312 с.

337. *Колесов В. В.* Отражение русского менталитета в слове / В. В. Колесов // Человек в зеркале наук: сборник статей / под ред. проф. Н. Д. Бороноева. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1991. С. 106–125.

338. *Колкова Н. А.* Концепт «смерть» в пословичных текстах / Н. А. Колкова // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 11. С. 8–15.

339. *Колкова Н. А.* Русские обрядовые концепты во фразеологическом представлении: диссертация... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Н. А. Колкова. Оренбург, 2011. 294 с.

340. *Колосова В. Б.* Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект / В. Б. Колосова. Москва: Индрик, 2009. 352 с.

341. *Конаков М. М.* Гостеприимство и куначество в этносоциальной традиции балкарцев и карачаевцев : диссертация… кандидата исторических наук : 07.00.07 / М. М. Конаков. Нальчик, 2005. 184 с.

342. *Коновалова А. С.* Обычное право в российской правовой жизни: диссертация… кандидата юридических наук : 12.00.01 / А. С. Коновалова. Москва, 2005. 173 с.

343. *Коновалова Н. И.* Народная фитонимия как фрагмент языковой картины мира : монография / Н. И. Коновалова; М-во образования Рос. Федерации, Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Дома учителя, 2001. 148 с.

344. *Коновалова Н. И.* Сакральный текст как лингвокультурный феномен / Н. И. Коновалова ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. агентство по образованию, Урал. гос. пед. ун-т. [2-е изд., испр. и доп.]. Екатеринбург: УГПУ, 2007. 298 с.

345. *Коновалова Н. И.* Явление этимологической рефлексии в диалектной речи / Н. И. Коновалова // Этимологические исследования: сборник научных трудов. Вып. 8. / под ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 180–186.

346. *Корнишина Г. А.* Традиционные обычаи и обряды мордвы : исторические корни, структура, форма бытования / Г. А. Корнишина. Саранск : МГПИ им. М. Е. Евсевьева, 2000. 150 с.

347. *Костомаров В. Г.* Языковой вкус эпохи : из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров ; изд. третье, испр. и доп. Санкт-Петербург: Златоуст, 1999. 320 с.

348. *Костромичева М. В.* Словарь свадебной лексики Орловщины / М. В. Костромичева. Орел: ОГУ, 1998. 218 с.

349. *Кочетыгова Н. И.* Правовой обычай как источник права России (на примере этнического правового обычая): диссертация… кандидата юридических наук: 12.00.01 / Н. И. Кочетыгова. Москва, 2007. 226 с.

350. *Кравченко А. В.* О традициях, языкознании и когнитивном подходе / А. В. Кравченко // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: сборник в честь Е. С. Кубряковой. Москва: Языки славянских культур, 2009. С. 51–66.

351. *Красильникова Н. А.* Общественное мнение как предмет когнитивно-дискурсивных исследований в сфере политической лингвистики / Н. А. Красильникова // Политическая лингвистика. 2011. № 2. С. 133–140.

352. *Краснов С. Ю.* Обычно-правовое регулирование имущественных отношений у донских казаков во второй половине XIX века (историко-правовой аспект): диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.01 / С. Ю. Краснов. Волгоград, 2003. 202 с.

353. *Красных В. В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность?: Человек. Сознание. Коммуникация / В. В. Красных; МГУ им. М. В. Ломоносова. Москва: Диалог-МГУ, 1998. 352 с.

354. *Краснянская Т. И.* К интерпретации концепта «деловая репутация» участниками судебного процесса // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 320–324.

355. *Краткий* словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. Москва: МГУ, 1996. 245 с.

356. *Крашенинникова Ю. А.* Русские свадебные приговоры в свете народной терминологии / Ю. А. Крашенинникова // Традиционная культура. 2011. № 3. С. 70–80.

357. *Крашенинникова Ю. А.* Похороны «по-репному» (о некоторых фактах похоронно-поминальной обрядности северных русских) / Ю. А. Крашенинникова // Антропологический форум. 2009. № 10. С. 299–310.

358. *Кривощапова Ю. А.* Русская энтомологическая лексика в этнолингвистическом освещении : диссертация… кандидата филологических наук : 10.02.01 / Ю. А. Кривощапова. Екатеринбург, 2007. 252 с.

359. *Кругликова Л. Е* Лексико-фразеологическая парадигма «человек, положительно относящийся к труду» в русских народных говорах / Л. Е. Кругликова // Лексический атлас русских народных говоров (Мат-лы и исследования). Санкт-Петербург, 1992. С. 83–92.

360. *Кругликова Л. Е.* Семантическое множество «человек, уклоняющийся от труда» в литературном языке и диалектах / Л. Е. Кругликова // Русские говоры Коми АССР и сопредельных областей: Межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар, 1990. С. 69–79.

361. *Крылова О. Н.* Наименования верхней женской одежды в севернорусских говорах :Ономасиологический и семасиологический аспекты:

диссертация… кандидата филологических наук : 10.02.01 / О. Н. Крылова. Санкт-Петербург, 2002. 235 с.

362. *Крысин Л. П.* Русское слово, свое и чужое : исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л. П. Крысин. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.

363. *Крысин Л. П.* Социальный компонент в семантике языковых единиц / Л. П. Крысин // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. Москва: [б. и.], 1988. С. 124–143.

364. *Кубрякова Е. С.* Возвращаясь к определению знака: Памяти Р. Якобсона / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. Москва, 1993. № 4. С. 20–27.

365. *Кубрякова Е. С.* Когнитивные аспекты в исследовании семантики слова / Е. С. Кубрякова // Семантика языковых единиц: доклады VI Международной конференции: в 2 томах / отв. ред. Е. И. Диброва. Москва: СпортАкадемПресс, 1998. Т. I. С. 47–51.

366. *Кудрявцева Л. А.* Моделирование динамики словарного состава языка / Л. А. Кудрявцева. Киев: Киевский ун-т им. Т. Шевченко, 1993. 280 с.

367. *Кудряшова Е. В.* Роль предпосылочных знаний субъекта в коммуникативном процессе философского сообщества / Е. В. Кудряшова // Вестник Оренбургского государственного университета. 2009. № 7. С. 172–177.

368. *Кузнецов А. М.* Этносемантический компонент лексикографической дефиниции: Врут ли словари? / А. М. Кузнецов // Этническое и языковое самосознание: материалы конференции (Москва, 13–15 декабря 1995 г.) / [редкол.: В. П. Нерознак (отв. ред.) и др.]. Москва: ФИАН-фонд, 1995. С. 84–87.

369. *Кузьмина Т. В.* Сакральное значение лексемы веник в славянской языковой картине мира / Т. В. Кузьмина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2010. № 4. С. 77–82.

370. *Купина Н. А.* Современное просторечие: взгляд изнутри / Н. А. Купина, И. В. Шалина // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1. С. 23–62

371. *Купина Н. А.* Советизмы: к определению понятия / Н. А. Купина // Политическая лингвистика. 2009. № 28. С. 35–40.

372. *Куренкова Т. Н.* Лексико-семантическое поле и другие поля в современной лингвистике / Т. Н. Куренкова // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М. Ф. Решетнева. 2006. № 4. С. 173–178.

373. *Куркина Л. В.* Заметки по этимологии диалектных слов (на материале «Словаря русских говоров Среднего Урала») / Л. В. Куркина // Этимологические исследования: Материалы I – II науч. совещаний по русской диалектной этимологии, Екатеринбург, 10–12 октября 1991 г.; 17–19 апреля 1996 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. Вып. 6. С. 27–30.

374. *Кусова М. Л.* Представление социума и социальных проблем в лексической картине мира / М. Л. Кусова // VERBUM: язык, текст, словарь: сборник научных трудов: посвящается юбилею Л. Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2006. С. 89–96.

375. *Кусова М. Л.* Социальный аспект характеристики человека через призму отрицательных фразеологических единиц / М. Л. Кусова // Язык. Система. Личность. Екатеринбург, 2000. С. 84–87.

376. *Кучко В. С.* «Зрительная» и «слуховая» метафора обмана в русской языковой традиции / В. С. Кучко // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2015. № 1 (136). С. 187–196.

377. *Кушкова А. Н.* Посрамление за воровство в системе обычно-правового судопроизводства российских крестьян второй половины XIX – начала XX вв. / А. Н. Кушкова // Антропологический форум. 2006. № 5. С. 242–258.

378. *Лаврентьева Л. С.* Культура русского народа : обычаи, обряды, занятия, фольклор / Л. С. Лаврентьева, Ю. И. Смирнов. Санкт-Петербург: Паритет, 2004. 446 с.

379. *Лаврентьева Л. С.* Соль в обрядах и верованиях восточных славян / Л. С. Лаврентьева // Сборник Музея антропологии и этнографии. Санкт-Петербург : [б. и.], 1992. Т. 45. С. 44—55.

380. *Лакофф Дж.* Когнитивная семантика / Дж. Лакофф // Язык и интеллект: сборник статей: пер. с англ. и нем. / под ред. В. В. Петрова. Москва: Прогресс, 1996. С. 143–185.

381. *Лакофф Дж.* Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон; пер. с англ.; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

382. *Лаптева И.* Обычай сильнее закона / И. Лаптева // Азия и Африка сегодня. 2007. № 3. С. 70–74.

383. *Лаптева Л. А.*Исследование обычного права народов Российской империи в XIX в. / Л. А. Лаптева // Государство и право. 1997. № 8 С. 101–109.

384. *Лапшина О. Г.* Социальная составляющая языкового образа человека (на материале предметных фразеологизмов): автореферат диссертации … кандидата филологических наук / О. Г. Лапшина. Тюмень, 2008. 24 с.

385. *Ларина Е. И.* «Кража – это вечный наш обычай»: умыкание невесты у российских казахов / Е. И. Ларина, О. Б. Наумова // Этнографическое обозрение. 2010. № 5. С. 3–20.

386. *Ларина Т. В.* Языковые механизмы манипулирования общественным мнением в английских и русских информационных текстах / Т. В. Ларина, В. И. Озюменко, Е. Б. Пономаренко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2011. № 2. С. 28–37.

387. *Лебедев С. Я.* Традиции, обычаи и преступность : теория, методология, опыт криминологического анализа / С. Я. Лебедев. Москва: Межрегион. центр коммерч. безопасности, 1995. 166 с.

388. *Левонтина И. Б.* Гостеприимный, хлебосольный, радушный / И. Б. Левонтина // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка: 2-е изд-е, испр. и доп. Москва: Языки славянской культуры, 2003. С. 234–236.

389. *Левонтина И. Б.* Гостеприимство, хлебосольство, радушие / И. Б. Левонтина // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка: 2-е изд-е, испр. и доп. Москва: Языки славянской культуры, 2003. С. 236–237.

390. *Ледовская О. В.* Роль традиций в современной культуре: диссертация… кандидата философских наук : 09.00.13 / О. В. Ледовская. Ставрополь, 2006. 151 с.

391. *Леонтьева Т. В.* Интеллект человека в зеркале «растительных» метафор / Т. В. Леонтьева // Вопросы языкознания. № 5. 2006. С. 57–77.

392. *Леонтьева Т. В.* Интеллект человека в русской языковой картине мира: монография / Т. В. Леонтьева; под ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2008. 280 с.

393. *Леонтьева Т. Г.* Брак и брачное поведение старообрядцев в XIX в. (на примере г. Ржева Тверской губернии) / Т. Г. Леонтьева, Д. Д. Примако // Вестник Тверского государственного университета. Серия : История. 2007. № 4. С. 21–28.

394. *Лескинен М. В.* Концепт «национальный характер / нрав народа» в языке российской науки второй половины XIX века / М. В. Лескинен // Диалоги со временем. 2012. № 39. С. 148–169.

395. *Липина В. В.* Региональный диалектный идеографический словарь: принципы построения и семантическая структура; на материале бытовой лексики говоров Среднего Урала: диссертация… кандидата филологических наук: 10.02.01 / В. В. Липина. Екатеринбург, 2000. 384 с.

396. *Лисина Е. А.* Феномен ритуала в жизни общества (социально-философский анализ): автореферат диссертации… кандидата философских наук: 09.00.11 / Е. А. Лисина. Оренбург, 2008. 21 с.

397. *Лисицын Н. В.* Обычаи российского права : диссертация… кандидата юридических наук: 12.00.01 / Н. В. Лисицын; Российская академия правосудия. Москва, 2010. 214 с.

398. *Литвинова Т. А.* Лексемы, характеризующие человека по отношению к труду, в воронежских говорах / Т. А. Литвинова // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 10. С. 73–76.

399. *Лобанова Т. В.* Основные подходы к изучению проблемы традиции / Т. В. Лобанова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2008. № 1 (9). С. 70–76.

400. *Логинов К. К.* Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья : обряды, обычаи и конфликты / К. К. Логинов. Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. 424 с.

401. *Лопатин Г. И.* Песни, обычаи и верования деревни Бартоломеевка / Г. И. Лопатин // Живая старина. 2006. № 3. С. 45–48.

402. *Лотман Ю. М.* О семиотике понятий «стыд» и «страх» в механизме культуры / Ю. М. Лотман // Тезисы докладов IV лет. шк. по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1970. — С. 98–101.

403. *Лугуев С. А.* Об обычаях и обрядах народов Дагестана, связанных с традиционными занятиями населения / С. А. Лугуев // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2009. № 19. С. 131–145.

404. *Лукашкова О. Ю.* Концепт ДРУГ в русском языке / О. Ю. Лукашкова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: науч. изд. / под ред. И. А. Стернина. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. С. 136–139.

405. *Лукьянова Н. А.* Лексико-семантическая группа «человек ленивый» в диалектной системе : опыт семантического анализа / Н. А. Лукьянова // Русская лексика в историческом и синхронном освещении: сборник статей. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985. С. 58–79.

406. *Лутовинова И. С.* Слово о пище русской: художественная литература / И. С. Лутовинова. 2-е изд., перераб. Санкт-Петербург: Авалон: Азбука-классика, 2005. 288 с.

407. *Лысякова М. В.* Лексико-семантические парадигмы: лингвистический статус, критерии разграничения / М. В. Лысякова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2005. № 7. С. 5–12.

408. *Львов А. С.* Лексика Повести временных лет / А. С. Львов ; АН СССР, Институт русского языка. Москва: Наука, 1975. 368 с.

409. *Любецкий С. М.* Старина Москвы и русского народа в историческом отношении с бытовою жизнью русских : с описанием рус. нар. быта в прошедшем и начале нынешнего столетий, нравов, обычаев, преданий, гульбищ / С. М. Любецкий. Москва: Евролинц–Монолит, 2004. 400 с.

410. *Любимов Н. С.* Концепт угощать / потчевать как неотъемлемая составляющая гостевой культуры / Н. С. Любимов // Традиции и инновации в филологии XXI века : взгляд молодых ученых : материалы Всероссийской молодежной конференции / отв. ред. Т. А. Демешкина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 348–350.

411. *Мадюкова С. А.* Обряды жизненного цикла : о социально-философском содержании концепта / С.А. Мадюкова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2008. Т. 6. № 3. С. 115–120.

412. *Макеева И. И.* Языковые концепты в истории русского языка / И. И. Макеева // Язык о языке: сборник статей / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. Москва: Языки русской культуры, 2000. С. 63–155.

413. *Макеева Н. С.* Концепт и его «ближайшие семантические соседи»: к проблеме соотношения новых и традиционных лингвистических понятий / Н. С. Макеева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2009. № 1–2. С. 108–113.

414. *Макина А. И.* Формы помощи и взаимопомощи в традиционном хакасском обществе : автореферат диссертации… кандидата исторических наук : 07.00.07 / А. И. Макина ; Томский государственный университет. Томск, 2007. 23 с.

415. *Маковский М. М.* Удивительный мир слов и значений : иллюзии и парадоксы в лексике и семантике : учебное пособие / М. М. Маковский. Москва: Высшая школа, 1989. 200 с.

416. *Макридина М. А.* Коннотативный спектр лексики семантического поля «Праздность» в русском языке / М. А. Макридина // Язык. Система. Личность: сб. ст. Екатеринбург: Урал. пед. ун-т, 2000. С. 99–107.

417. *Макушина А. А.* Функционирование глаголов социальных отношений в древнерусском деловом тексте / А. А. Макушина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4–2. С. 615–617.

418. *Малиновский Б.* Научная теория культуры / Б. Малиновский ; пер. с англ. И. В. Утехина; вступ. ст. А. Байбурина. Москва: ОГИ, 2000. 208 с.

419. *Малкандуев А. М.* Нравственные аспекты и системный характер традиций этнической культуры / А. М. Малкандуев. Нальчик: Полиграфсервис, 2004. 164 с.

420. *Малова О. В.* Правовой обычай как источник права основных правовых систем современности : монография / О. В. Малова ; [рец. : А. В. Чебунин, А. Н. Бабенко]; Федер. агентство по образованию, Иркут. гос. ун-т. Иркутск: Иркут. ун-т, 2006. 182 с.

421. *Мальцев Г. В.* Очерки теории обычая и обычного права / Г. В. Мальцев // Обычное право в России : проблемы теории, истории и практики. Ростов-на-Дону: СКАГС, 1999. С. 7–94.

422. *Маркарян Э. С.* Узловые проблемы теории культурной традиции / Э. С. Маркарян // Советская этнография. 1981. № 2. С. 78–96.

423. *Маркевич Ю. В.* Концепт «Совесть» в русской лингвокультуре (на материале паремиологии) / Ю. В. Маркевич // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. № 2. С. 27–30.

424. *Маркелова Е. В.* Когнитивно-семантическая структура имен деятельности (на материале русских пословиц о труде и лени): диссертация… кандидата филологических наук: 10.02.01 / Е. В. Маркелова. Новосибирск, 2004. 237 с.

425. *Марьясова Н. В.* Изменчивая прихоть в житейском быту : мода как механизм социальной регуляции / Н. В. Марьясова // Библиотечное дело. 2011. № 24. С. 27–29.

426. *Масленникова Р.* Выбор пары – сватовство : пословицы и поговорки в орловском свадебном обряде / Р. Масленникова // И про Вашу честь пословица есть / сост. Р. Масленникова. Орел: [б. и.], 2004. С. 60–63.

427. *Маслова В. А.* Когнитивная лингвистика: учебное пособие / В. А. Маслова. Москва: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.

428. *Маслова В. А.* Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. 3-е изд-е, перераб. и доп. Минск.: ТетраСистемс, 2008. 272 с.

429. *Маслова Г. С.* Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. / Г. С. Маслова. Москва: Наука, 1984. 216 с.

430. *Матвеева Т. В.*Параметрическая семантика и экспрессивность слова / Т. В. Матвеева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. № 9. С. 92–98.

431. *Материалы* по погребальному обряду удмуртов : сборник научных трудов / отв. ред. М. Г. Иванова, Н. И. Шутова; Удм. ин-т истории, яз. и лит. Ижевск: УИИЯЛ, 1991. 183 с.

432. *Матлин М. Г.* Структура и семантика обряда послесвадебного цикла – посещения молодой / молодыми водного источника / М. Г. Матлин // Научный диалог. 2013. № 6. С. 88–110.

433. *Махрачева Т. В.* Лексика и структура погребально-поминального обрядового текста в говорах Тамбовской области : диссертация … кандидата филологических наук: 10.02.01 / Т. В. Махрачева. Тамбов, 1997. 222 с.

434. *Медведев В. Г.* Превращение кровной мести из правового обычая в преступление / В. Г. Медведев // Вопросы правоведения. 2013. № 2. С. 374–387.

435. *Меркулова В. А.* Мелкие заметки по истории и этимологии слов / В. А. Меркулова // Этимология 1971. Москва: Наука, 1973. С. 183–185.

436. *Миклашевская Н. И.* Правовая природа обычая делового оборота / Н. И. Миклашевская // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2001. № 2. С. 343–358.

437. *Минниахметова Т. Г.* Традиционные обряды закамских удмуртов: Структура. Семантика. Фольклор / Т. Г. Минниахметова. Тарту: Tartu University Press, 2003. 258 с.

438. *Миронова И. Н.* Правовой обычай как источник современного российского публичного права: диссертация… кандидата юридических наук : 12.00.01 / И. Н. Миронова; Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. Москва, 2009. 198 с.

439. *Митрофанова О. И.* Понятие концепта и его эволюции на примере концепта вера / О. И. Митрофанова // II Международные Бодуэновские чтения :

Казанская лингвистическая школа : традиции и современность (Казань, 11–13 декабря 2003 г.) : труды и материалы : в двух томах / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. Т. 1. С. 163–165.

440. *Мифологические* рассказы и легенды Русского Севера / сост. и автор комментариев О. А. Черепанова. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. 212 с.

441. *Михайленко С. Б.* Социально-философское прочтение обычая «потлача» (на основе работ Ги Дебора) / С. Б. Михайленко // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2013. № 2. С. 69–73.

442. *Михайлова О. А*. Ограничения в лексической семантике : семасиол. и лингвокультурол. аспекты / О.А. Михайлова; Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. Екатеринбург: Урал. университет, 1998. 239 с.

443. *Михайлова О. А*. Ограничительные компоненты в словаре В. И. Даля / О. А. Михайлова // В. И. Даль в парадигме идей современной науки : язык – словесность – лексикография - фразеография : материалы III Всероссийской научной конференции, Иваново, 5–6 апреля 2005 года. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2006. С. 68–78.

444. *Михеев М. Ю.* Отражение слова «душа» в наивной мифологии русского языка (опыт размытого описания образной коннотативной семантики) / М. Ю. Михеев // Фразеология в контексте культуры: сборник статей. / под ред. В. Н. Телия. Москва: Языки русской культуры, 1999. С. 145–159.

445. *Михеева Л. Н.* Время в русской языковой картине мира: лингвокультурологический аспект / диссертация ... доктора филол. наук: 10.02.01 / Л. Н. Михеева. Москва, 2004. 311 с.

446. *Мищенко О. В*. Лексика лесных локусов в говорах Русского Севера: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / О. В. Мищенко. Екатеринбург, 2000. 274 с.

447. *Младенова Д.* Етнолингвистично изследване на българските названия за калинка-малинка (Coccinella septempunctata) в балканска и славянска перспектива / Д. Младенова // Етнографски проблеми на народната култура. София, 1994. Т. 3. С. 195–285.

448. *Мокиенко В. М.* Образы русской речи : ист.-этимол. и этнолингвист. очерки фразеологии / В. М. Мокиенко; ЛГУ им. А. А. Жданова. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1986. 278 с.

449. *Мокшина Ю. Н.* Брак и семья в обычном праве мордвы / Ю. Н. Мокшина. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2005. 256 с.

450. *Молотова Т. Л.* Обычаи взаимопомощи в традиционных женских домашних промыслах марийцев / Т. Л. Молотова // Ежегодник финно-угорских исследований. 2014. № 2. С. 69–73.

451. *Морева А. В.* О признаковой структуре концепта «Честь» в средневековой картине мира / А. В. Морева, Е. А. Громова // Язык и культура. 2008. № 2. С. 25–32.

452. *Морковкин В. В.* Антропоцентрический versus. Лингвоцентрический подход к лексикографированию / В. В. Морковкин // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре: сборник статей. Москва: Наука, 1988. С. 131–136.

453. *Морозов А. В.* Деривационная системность лексики современного русского языка в межъязыковом аспекте / А. В. Морозов. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2005. 170 с.

454. *Морозов И. А.* Круг игры : праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.) / И. А. Морозов, И. С. Слепцова. Москва: Индрик, 2004. 920 с.

455. *Морозова Е. Б.* Агрессия в бытовой коммуникации: ситуация «гость – хозяин» / Е. Б. Морозова // Агрессия в языке и речи: сборник научных статей / сост. и отв. ред. И. А. Шаронов. Москва: РГГУ, 2004. С. 67–80.

456. *Мурзин Л. Н.* Основы дериватологии / Л. Н. Мурзин. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1984. 56 с.

457. *Мурзин Л. Н.* О лингвокультурологии, ее содержании и методах / Л. Н. Мурзин // Русская разговорная речь как явление городской культуры: сборник статей. Екатеринбург: Арго, 1996. С. 7–13.

458. *Мусаева М. К.* Хваршины XIX – начало XX в. : историко-этнографическое исследование / М. К. Мусаева; отв. ред. доктор исторических наук М. А. Агларов. Махачкала: Республиканская газетно-журнальная типография Министерства национальной политики, делам религии и внешних связей, 1995. 234 с.

459. *Мустайоки А.* Какое оно, модное слово : к вопросу о параметрах языковой моды / А. Мустайоки, И. Т. Вепрева // Русский язык за рубежом. 2006. № 2. С. 45–62.

460. *Мухина И. К.* Русское гостеприимство в когнитивном аспекте: структура концептосферы / И. К. Мухина // VERBUM: язык, текст, словарь: сборник научных трудов: посвящается юбилею Л. Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2006. С. 198–216.

461. *Мюллер, С.* Извращение гостеприимства, или фигура паразита в «Пиршестве у графини Фритуй» В. Гомбровича и «Женихе-призраке» Э.-Т.-А. Гофмана / С. Мюллер // Традиционные и современные модели гостеприимства : материалы российско-французской конференции, 7–8 октября 2002 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ин-т высш. гуманитар. исслед., Ун-т им. Б. Паскаля, Центр изучения новых и новейших лит. Москва: Изд-во РГГУ, 2004. С. 227–242.

462. *Набирухина А. В.* Структура лексико-семантического поля pleasure в современном английском языке / А. В. Набирухина // Вестник Ленинградского государственного университета, 1990. Вып. 1 (№ 2). С. 69–73.

463. *Нагибина Е. В.* Концепт «слава» в русском языке: Лингвокультурологический аспект: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Е. В. Нагибина. Новосибирск, 2002. 163 с.

464. *Наумкина В. В.* Обычное право кочевых народов Восточной Сибири в правовой системе Российского государства XIX – начала XX вв. : диссертация…

доктора юридических наук / В. В. Наумкина ; Московский университет МВД Российской Федерации. Москва, 2010. 347 с.

465. *Наумов В. Г.* Явление мотивации слов в системе диалекта (лексикологический аспект): автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / В. Г. Наумов. Томск, 1985. 17 с.

466. *Небжеговска-Бартминьская С.* Взяли мы сокола, а принесли ангела: О крестильных обрядах и поверьях в Люблинской области / С. Небжеговска-Бартминьская // Етнолингвистичка проучавања српског и других словенских језика: у част академика Светлане Толстој. Београд: САНУ, Одељење језика и књижевности, 2008. С. 295–309.

467. *Небуа-Момбе, Ж.* Русское гостеприимство во французском популярном романе конца XIX в. / Ж. Небуа-Момбе // Традиционные и современные модели гостеприимства : материалы российско-французской конференции, 7–8 октября 2002 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т, Ин-т высш. гуманитар. исслед., Ун-т им. Б. Паскаля, Центр изучения новых и новейших лит. Москва: Изд-во РГГУ, 2004. С. 243–259.

468. *Невмержицкая Е. В.* Этнопедагогический потенциал религиозных праздников и обрядов / Е. В. Невмержицкая // Этносоциум и межнациональная культура. 2010. Т. 30. № 6. С. 149–155.

469. *Невская Л. Г.* Концепт *гость* в контексте переходных обрядов / Л. Г. Невская // Из работ московского семиотического круга. Москва : Языки русской культуры, 1997. С. 442–452.

470. *Некрасов М. А.* Правовой обычай в современном российском праве : диссертация… кандидата юридических наук: 12.00.01 / М. А Некрасов; Академия управления МВД Российской Федерации. Рязань, 2010. 199 с.

471. *Нечипуренко В. Н.* Ритуал (опыт социально-философского анализа) / В. Н. Нечипуренко. Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. ун-та, 2002. 279 с.

472. *Никитина С. Е.* Культурно-языковая картина мира в тезаурусном описании (на материале фольклорных и научных текстов): автореферат

диссертации ... доктора филологических наук: 10.02.19 / С. Е. Никитина. Москва, 1999. 54 с.

473. *Никитина С. Е.* О жизни *человека* и *людей* в устной народной поэзии / С. Е. Никитина // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. ст. (в честь чл.-корр. РАН Н. Д. Арутюновой) / Ю. Д. Апресян и др. Москва: Языки славянской культуры, 2004. С. 620–631.

474. *Никитина С. Е.* О многозначности, диффузии значений и синонимии в тезаурусе языка фольклора / С. Е. Никитина // Облик слова : сборник статей памяти Д. Н. Шмелева / РАН. Ин-т рус. языка. Москва: Русские словари, 1997. С. 360–373.

475. *Никитина С. Е.* Человек и социум в народных конфессиональных текстах (лексикографический аспект): монография / С. Е. Никитина. Москва: Ин-т языкознания РАН, 2009. 354 с.

476. *Никишин В. В.* Судебный прецедент и обычай как источники экологического права стран англо-саксонской и романо-германской правовых семей / В. В. Никишин // Российский судья. 2011. № 2. С. 22–24.

477. *Николаев И. В.* Речевая мода в дискурсе российской власти (на материалах посланий президента Федеральному собранию РФ 2000–2010 гг.) / И. В. Николаев // Вестник Пермского университета. Серия : Политология. 2011. № 2. С. 5–20.

478. *Никулина Т. Е.* Мировосприятие русского народа и его отражение в лексике по теме «Воспитание и образование» / Т. Е. Никулина // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008 / Ин-т лингв. исслед. Санкт-Петербург: Наука, 2008. С. 250–255.

479. *Новиков В.* Словарь модных слов : языковая картина современности / В. Новиков. Москва: АСТ- ПРЕСС, 2011. 256 с. (Словари для интеллектуальных гурманов).

480. *Новиков Ф. Н.* Кумулятивная функция цветообозначения как элемента культурного кода / Ф. Н. Новиков // Вестник Центра международного образования

Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2011. № 2. С. 67–72.

481. *Новикова Е. А.* Структура и интерпретация поля локальности в современном русском языке / Е. А. Новикова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2008. № 6. С. 16–20.

482. *Норман Б. Ю.* Теория языка : вводный курс : учебнео пособие / Б. Ю. Норман. Москва: Флинта: Наука, 2004. 296 с.

483. *Носенко Е. А.* Семантическое поле эмоционального отношения в испанском и русском языках: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / Е. А. Носенко. Москва, 2005. 235 с.

484. *Обвинцева Н. В.* Лексико-семантическое поле отношения в русском и английском языках: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / Н. В. Обвинцева. Челябинск, 2010. 193 с.

485. *Огневая Е. И.* О соотношении понятий «мода» и «языковая мода» / Е. И. Огневая // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : сборник статей участников IV Международной научной конференции, 25 – 26 апреля 2008 года, Челябинск : в трех томах / ответственный редактор Л. А. Нефёдова. Челябинск: РЕКПОЛ, 2008. Том 2. С. 257–261.

486. *Ольшанский И. Г.* Лексика, фразеология, текст: лингвокультурологические компоненты / И. Г. Ольшанский // Язык и культура: сборник обзоров. Москва: ИНИОН, 1999. Вып. 2. С. 10–26.

487. *Опарина Е. О.* Исследование метафоры в последней трети XX века / Е. О. Опарина // Лингвистические исследования в конце XX века: сборник обзоров. Москва: ИНИОН РАН, 2000. С. 186–204.

488. *Опарина Е. О.* Лингвокультурология: методологические основания и базовые понятия / Е. О. Опарина // Язык и культура: сборник обзоров. Москва: ИНИОН, 1999. Вып. 2. С. 27–48.

489. *Осипова Е. П.* Наименования одежды в рязанских говорах (этнолингвистический и лингвогеографический аспекты) : автореферат диссертации… канддата филологических наук / Е. П. Осипова. Москва, 1999. 26 с.

490. *Осипова М. А.* К этимологии рус. *мормыш, мормышка* / М. А. Осипова // Этимология. 1986–1987: сборник статей / Ин-т рус. яз. АН СССР. Отв. ред. О. Н. Трубачев. Москва: Наука, 1989. С. 164–171.

491. *Осипян Б. А*. Процессы взаимодействия обычая и права / Б. А. Осипян // Современное право. 2006. № 4. С. 51–57.

492. *Оссовецкий И. А*. Об изучении языка русского фольклора / И. А. Оссовецкий // Вопросы языкознания. 1952. № 3. С. 93–112.

493. *Павлов В. М.* Полевые структуры в строе языка / В. М. Павлов. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета экономики и финансов, 1996. 116 с.

494. *Падучева Е. В.* К структуре семантического поля «Восприятие» (на материале глаголов восприятия в русском языке) / Е. В. Падучева // Вопросы языкознания. 2001. № 4. С. 23–33.

495. *Падучева Е. В.* Пространство в обличии времени и наоборот (к типологии метонимических переносов) / Е. В. Падучева // Логический анализ языка. Языки пространств: сборник статей / отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. Москва: Языки русской культуры, 2000. С. 239–254.

496. *Палашевская И. В*. Закон / И. В. Палашевская // Антология концептов : в двух томах / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Том 1. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 92–110.

497. *Панкеев И. А*. Обычаи и традиции русского народа / И. А. Панкеев. Москва: Олма-пресс, 1999. 542 с.

498. *Панкина М. Ф.* Формирование семантических структур в лексической системе языка / М. Ф. Панкина. Воронеж: Изд-во воронеж. гос. ун-та, 2002. 182 с.

499. *Панова М. В*. Наименование одежды в русских говорах Воронежской области: этнолингвистический и ареальный аспекты: диссертация кандидата филологических наук: 10.02.01 / М. В. Панова. Воронеж, 2002. 296 с.

500. *Пантелеев И. В.* К проблеме лингвокультурологического описания предметной лексики русских народных говоров (на примере диалектных названий бытовых емкостей) / И. В. Пантелеев // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2007. № 8. С. 129–141.

501. *Пелевина Н. Ф.* Теория значения и опыт построения семантического поля: автореферат диссертация ... кандидата филологических наук/ Н. Ф. Пелевина. Москва, 1972. 16 с.

502. *Пелипенко М. В.* Социальная семантика в структуре диалектного слова (на материале тамбовских говоров) : автореферат диссертации… кандидата филологических наук: 10.02.01 / М. В. Пелипенко. Тамбов, 2009. 27 с.

503. *Першиц А. И.* Проблемы нормативной этнографии / А. И. Першиц // Исследования по общей этнографии. Москва: Наука, 1979. С. 210–240.

504. *Петлева И. П.* Архаические префиксы в русских говорах / И. П. Петлева // Этимологические исследования: Материалы I – II научных совещаний по русской диалектной этимологии, Екатеринбург, 10–12 октября 1991 г.; 17–19 апреля 1996 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. Вып. 6. С. 31–38.

505. *Петлева И. П.* Еще раз к вопросу о русских диалектных словах с вставным элементом *-то-* (//*-та-*//*-ту-*) / И. П. Петлева // Этимологические исследования: сборник научных трудов. Вып. 8 / под ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 32–37.

506. *Петров И. Г.* Одежда как символический заместитель человека в чувашских обычаях и обрядах / И. Г. Петров // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 15. С. 14–23.

507. *Петрова А. А.* Асимметрия в системной организации лексико-семантического поля /А. А. Петрова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2007. № 519, т. 1. С. 36–44.

508. *Печников А. П.* К вопросу о сущности правового обычая в российском гражданском праве (история и современность) / А. П. Печников // Бизнес в законе. 2011. № 2. С. 56–57.

509. *Пилипенко М. В*. Социальная семантика в структуре диалектного слова (на материале тамбовских говоров): автореферат… кандидата филологических наук: 10.02.01 / М. В. Пилипенко. Тамбов, 2009. 27 с.

510. *Плахов В. Д.* Традиции и общество : опыт философско-социологического исследования / В. Д. Плахов. Москва: Мысль, 1982. 220 с.

511. *Плеханов А. А*. Обычное право как социокультурный фактор общественного развития : диссертация… кандидата философских наук : 09.00.11 / А. А. Плеханов. Саранск, 2006. 170 с.

512. *Плотникова А. М.* Многозначность русского глагола: когнитивное моделирование (на материале глаголов социальных действий и отношений) / А. М. Плотникова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. 226 с.

513. *Плотникова А. М.* Наименования социальных групп и коллективов в идеографических словарях русского языка / А. М. Плотникова // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3. С. 22–24.

514. *Плотникова А. М.* Этические нормы и их отражение в словарях русского языка / А. М. Плотникова // Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2010. Т. 3. С. 25–28.

515. *Плоцкая О. А*. Проблемы дефиниции и определения правовой сущности обычая / О. А. Плоцкая // Вопросы правоведения. 2013. № 1. С. 113–127.

516. *Повесть* временных лет [Электронный ресурс] / подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук. Режим доступа: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4869.

517. *Подюков И. А*. Карагайская сторона : нар. традиция в обрядности, фольклоре и яз.: [посвящ. 80-летию Карагайс. р-на] / И. А. Подюков. Кудымкар: Коми-Пермяц. кн. издательство, 2004. 318 с.

518. *Подюков И. А*. Масленица в Прикамье (конец XIX – первая половина XX века): монография / И. А. Подюков, А. В. Черных. Пермь: ПОНИЦАА, 2004. 60 с.

519. *Подюков И. А.* Русская диалектная лексика в речи лупьинских коми-пермяков / И. А. Подюков // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. № 3 (19). С. 14–21.

520. *Поздеев В. А.* Приговоры дружки в структуре севернорусского свадебного обряда / В. А. Поздеев // Жанровая специфика фольклора : межвуз. сб. науч. тр. Москва: [б. и.], 1984. С. 60–74.

521. *Поляков П. А.* К вопросу об обычае делового оборота как источнике гражданского права России / П. А. Поляков, В. В. Ковязин, И. В. Соколова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 3. С. 178–184.

522. *Поляков П. А.* Роль обычаев делового оборота в совершенствовании правового регулирования имущественных отношений в Российской Федерации : автореферат диссертации… кандидата юридических наук / П. А. Поляков ; Санкт-Петербургский университет МВД Российской Федерации. Санкт-Петербург, 2007. 23 с.

523. *Попова А. Р.* Репрезентация человека как субъекта трудовой деятельности в диалектных фразеологических единицах с компонентом рука и его производными / Е. А. Попова // фольклорно-диалектологический альманах. 2007. № 5. С. 78–85.

524. *Попова Е. А.* Диалектная терминология свадебной обрядности (на материале воронежских говоров) / Е. А. Попова // Филologos. 2012. № 14. С. 85–91.

525. *Попова Е. В.* Семейные обычаи и обряды бесермян (начало XX – 90-е годы XX века) : автореферат диссертации… кандидата исторических наук : 07.00.07 / Е. В. Попова. Москва, 1998. 26 с.

526. *Попова И. В.* Лексико-семантические и стилистические особенности языка индустрии моды (на материале журналов о моде): диссертация… кандидата филологических наук : 10.02.19 / И. В. Попова. Москва, 2007. 156 с.

527. *Поповичева И. В.* Социально-оценочный компонент в семантической структуре диалектных слов (на примере лексической группы «ребенок») / И. В. Поповичева // Филология и литературоведение. 2013. № 10 (25). С. 8.

528. *Постовалова В. И.* Картина мира в жизнедеятельности человека / В. И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира: сборник статей. Москва: Наука, 1988. С. 9–47.

529. *Потебня А. А.* Слово и миф: Из истории отечественной философской мысли / А. А. Потебня. Сост. А. Л. Топоркова. Москва: Правда, 1989. 624 с.

530. *Почепцов О. Г.* Языковая ментальность: Способ представления / О. Г. Почепцов // Вопр. языкознания. 1990. № 6. С. 110–122.

531. *Праведников С. П.* Зеленый в русском песенном фольклоре / С. П. Праведников // Традиционная культура. 2010. Т. 38. С. 68–76.

532. *Приходько Г. В.* Репрезентация концептосферы дружба в толковых словарях XX–XXI веков / Г. В. Приходько // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. № 2. С. 21–28.

533. *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп ; научная редакция, текстологический комментарий И. В. Пешкова. Москва: Лабиринт, 2000. 336 с.

534. *Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники / В. Я. Пропп. Санкт-Петербург: Азбука: Терра, 1995. 176 с.

535. *Прохачев А. В.* Обычай в системе форм права : вопросы теории : диссертация… кандидата юридических наук: 12.00.01 /А. В. Прохачев. Ростов-на-Дону, 2002. 152 с.

536. *Пьянкова К. В.* Лексика, обозначающая категориальные признаки пищи, в русской языковой традиции : этнолингвистический аспект: диссертация… кандидата филологических наук: 10.02.01 / К. В. Пьянкова. Екатеринбург, 2008а. 251 с.

537. *Пьянкова К. В.* О каше-разгонихе и киселе-выгонщике / К. В. Пьянкова // Живая старина. 2008б. № 2. С. 23–25.

538. *Пьянкова К. В.* «Хлеб-соль» в славянской языковой и культурной традиции / К. В. Пьянкова // Сборник материалов междунар. науч. симпозиума «Славянские языки и культуры в современном мире». Москва, филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 24–26 марта 2009 г. С. 285–286.

539. *Радченко О. А.* Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен / О. А. Радченко, Н. А. Закуткина // Вопросы языкознания. 2004. № 6. С. 25–48.

540. *Рамазанова З. Б.* Обряды и обычаи производственного цикла у народов Дагестана (XIX–XX вв.) / З. Б. Рамазанова // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2012. № 4. С. 71–79.

541. *Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. Москва: Русские словари, 2000. 416 с.

542. *Ревзина О. Г.* О понятии коннотации / О. Г. Ревзина // Языковая система и её развитие во времени и пространстве: сборник научных статей к 80-летию профессора Клавдии Васильевны Горшковой. Москва: Изд-во МГУ, 2001. С. 436–446.

543. *Резанова З. И.* Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты. Ч. 1 / З. И. Резанова, Н. А. Мишанкина, Д. А. Катунин. Воронеж: РИЦ ЕФ ВГУ, 2003. 210 с.

544. *Резанова З. И.* Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя / З. И. Резанова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 219 с.

545. *Резанова З. И.* Человек в ценностной картине мира (на материале сибирских диалектных лексических систем / З. И. Резанова // Культура Отечества: прошлое, настоящее, будущее: сб. тез. докл. IV Духов.-ист. чтений. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. С. 69–74.

546. *Рейли М. В*. Истоки жизни : русские обряды и традиции / М. В. Рейли. Санкт-Петербург : Невский проспект, 2002. 253 с.

547. *Решетова Е. Н.* Семантика и функции колоратива *желтый* в текстах русских и немецких народных сказок / Е. Н. Решетова // Филологos. 2012. № 13 (2). С. 80–84.

548. *Рогачев В. И.* Свадьба мордвы Поволжья : обряд и фольклор : историко-этнографические, региональные, языковые аспекты : диссертация… доктора филологических наук : 10.01.09 / В. И. Рогачев. Казань, 2004. 396 с.

549. *Рогов В. А.* Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права : (очерки IX – середины XVII вв.) / В. А. Рогов, В. В. Рогов ; Федер. агентство по образованию, Моск. гос. индустр. ун-т. Москва: МГИУ, 2006. 268 с.

550. *Родина И. В.* Родственно-семейные отношения насилия и зависимости в обычаях и нормах России : исторический аспект / И. В. Родина // Общество и право. 2006. № 3. С. 17–25.

551. *Родионова И. В.* Характерологические номинации антропонимического происхождения в русских народных говорах / И. В. Родионова // Русский язык в научном освещении. 2005. № 10 (2). С. 159–189.

552. *Рождественский Ю. В.* Общая филология / Ю. В. Рождественский. Москва: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. 326 с.

553. *Ромм М. В.* Адаптация личности в социуме: Теоретико-методологический аспект / М. В. Ромм. Новосибирск: Наука. Сиб. издательская фирма РАН, 2002. 275 с.

554. *Рубцов И. Н.* Семантические поля как способ реализации языковых картин мира / И. Н. Рубцов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 60. С. 231–236.

555. *Рудакова А. В.* Объективация концепта «быт» в лексико-фразеологической системе русского языка : диссертация … кандидата филологических наук: 10.02.01 / А. В. Рудакова. Воронеж, 2003. 213 с.

556. *Руднев Д. В.* Изменения в семантической структуре слова общество в русском языке XVIII века / Д. В. Руднев // Acta Linguistica Petropolitana : труды Института лингвистических исследований. 2009. Т. V. № 3. С. 194–204.

557. *Русавська В. А.* Ритуали прийому гостя в українській гостинності / В. А. Русавська // Вісник національної академії керівних кадрів культури і мистецтв. 2014. № 1. С. 62–68.

558. *Русинова И. И.* Представления о «киле» в зеркале пермской диалектной лексики и фразеологии / И. И. Русинова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. № 2. С. 43–51.

559. *Русинова И. И.* Процессуальная магическая лексика в говорах Пермского края / И. И. Русинова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. № 4. С. 25–32.

560. *Русский* народ : его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / сост. М. Забылин. Репринт. воспроизв. изд. 1880 г. Москва: Книга принтшоп, 1990. 607 с.

561. *Рут М. Э.* Образная номинация в русском языке / М. Э. Рут. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1992. 148 с.

562. *Рут М. Э.* Образная номинация в русской ономастике / М. Э. Рут. Москва: Изд-во ЛКИ, 2008. 192 с.

563. *Рыбакова Е. В.* Тризна : этимология и семантика термина / Е. В. Рыбакова // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета : электронный научный журнал. 2005. № 2. С. 57–62.

564. *Рычкова Т. А.* Словосочетания, называющие повседневные ритуальные действия / Т. А. Рычкова // Дискуссия. 2011а. № 8. С. 155–156.

565. *Рычкова Т. А.* Текстовое употребление словосочетаний, обозначающих русские традиции и обычаи / Т. А. Рычкова // Дискуссия. 2011б. № 8. С. 157–159.

566. *Рябцева Н. К.* Помехи, преграды и препятствия в физическом, социальном и ментальном пространстве / Н. К. Рябцева // Логический анализ языка. Языки динамического мира: сборник статей / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Шатуновский. Дубна: Институт языкознания РАН, 1999. С. 119–137.

567. *Рязанова-Даури В. С.* Нравы и обычаи в повседневной культуре хантов и манси : диссертация… кандидата культурологи : 24.00.01 / В. С. Рязанова-Даури ; Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств. Санкт-Петербург, 2011. 158 с.

568. *Саввинов А. И.* Традиционная одежда в обрядах и представлениях долган / А. И. Саввинов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2011. № 140. С. 7–20.

569. *Савенкова Л. Б.* Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л. Б. Савенкова. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2002. 240 с.

570. *Савченко В. А.* Концепт «борода» в русских и немецких паремиях / В. А. Савченко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 44–49.

571. *Садиков Р. Р.* Обряды и обычаи, связанные с рождением ребенка у закамских удмуртов (конец XIX – начало XX в.) / Р. Р. Садиков // Известия Уфимского научного центра РАН. 2011. № 2. С. 69–75.

572. *Сандомирская И.* Идиома и культура: в поисках общего основания / И. Сандомирская // Etnolingwistyka (problemy języka i kultury). Lublin, 1996. С. 9–22.

573. *Санников А. В.* Самооценка человека в русской языковой картине мира: диссертация ... кандидата филологических наук / А. В. Санников. Москва, 2006. 170 с.

574. *Сарингулян К. С.* Культура и регуляция деятельности: автореферат диссертации… кандидата философских наук / К. С. Сарингулян. Ереван: Ин-т философии и права Армянской ССР, 1984. 19 с.

575. *Сатарова Е. В.* Гламур и мода / Е. В. Сатарова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2010. № 2. С. 116–122.

576. *Сафронова Е. И.* Обычай как форма права : автореферат диссертации… кандидата юридических наук : 12.00.01 / Е. И. Сафронова // Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. Санкт-Петербург, 2007. 21 с.

577. *Свалова Е. Н.* Устойчивые словесные формулы в свадебной обрядности Прикамья / Е. Н. Свалова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. № 4. С. 29–37.

578. *Свищева И. К.* Генезис отечественной парадигмы социальной помощи нуждающимся: социокультурный анализ / И. К. Свищева // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. Т. 25. № 16. С. 290–299.

579. *Седакова И. А.* Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст / И. А. Седакова. Москва: Индрик, 2007. 430 с.

580. *Седакова И. А*. Приглашение: слово, формула, ритуал (на материале славянских традиций) / И. А. Седакова // Славяноведение. 2008. № 6. С. 9–13.

581. *Седакова О. А*. Обрядовая терминология и структура обрядового текста (погребальный обряд восточных и южных славян): диссертация … кандидата филологических наук: 10.02.03 / О. А. Седакова. Москва, 1983. 189 с.

582. *Седакова О. А*. Поэтика обряда: погребальная обрядность восточных и южных славян / О. А. Седакова. Москва: Индрик, 2004. 320 с.

583. *Селищев А. М.* Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком (1917–1926) / А. М. Селищев. 2-е изд., стер. Москва: Едиториал УРСС, 2003. 248 с.

584. *Семененко Н. Н.* Роль когнитивной метафоры в организации внутренней формы паремий / Н. Н. Семененко// Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2010. № 3. С. 109–114.

585. *Семенов И. Н*. Традиции кремлевского дипломатического протокола (посольского обычая) XV–XVII веков и их современное значение : автореферат диссертации… кандидата исторических наук : И. Н. Семенов ; Дипломатическая академия МИД Российской Федерации. Москва, 2007. 28 с.

586. *Семенов Ю. И*. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община / Ю. И. Семенов // Становление классов и государств. Москва: Наука, 1976. С. 25–37.

587. *Семенова А. В.* Идеографическая классификация кашубской фразеологии и языковая картина мира кашубов: диссертация … кандидата филологических наук: 10.02.03 / А. В. Семенова. Москва, 2006. 439 с.

588. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологи / Э. Сепир. под ред. проф. А. Е. Кибрика. Москва: Прогресс, 1993. 656 с.

589. *Сергеева А. В.* Русские : стереотипы поведения, традиции, ментальность / А. В. Сергеева. Москва: Флинта : Наука, 2004. 323 с.

590. *Сивков А. Л.* Альтернативные источники парламентских процедур (практика, обычай, прецедент, толкование регламента) / А. Л. Сивков // Государство и право. 2004. № 11. С. 82–84.

591. *Симашко Т. В.* Денотативный класс как основа описания фрагмента мира / Т. В. Симашко; Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Северодв. гуманитар. ин-т. Архангельск: Изд-во Помор. гос. ун-та, 1998. 337 с.

592. *Синица Н. А.* Языковой образ священнослужителя в русской и польской традициях (рус. *поп*, польск. *ksiądz*) / Н. А. Синица // Славянский альманах. 2013. С. 410–424.

593. *Синицына И. Е.* Обычай и обычное право в современной Африке. История изучения. Кодексы обычного права / И. Е. Синицына ; отв. ред. : А. Б. Давидсон, В. А. Туманов. Москва: Наука, 1978. 285 с.

594. *Сичинава Н. Г.* Слово «закон» в древности и сегодня [Электронный ресурс] / Н. Г. Сичинава // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: сборник материалов конференции: ЮФУ, Ассоциация лингвистов-экспертов юга России, ноябрь, 2013. Ростов-на-Дону, 2013. Режим доступа : http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw3/sichinava_ng.html.

595. *Скляревская Г. Н.* Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская. Москва: Наука, 1993. 152 с.

596. *Скотт Дж.* Моральная экономика крестьянства как этика выживания / Дж. Скотт // Великий незнакомец : крестьяне и фермеры в современном мире : хрестоматия : пер. с англ. / сост. Т. Шанин. Москва: Прогресс, 1992. С. 202–210.

597. *Скуратова И. Н.* Право и обычаи в регулировании деятельности волостных судов Российской империи: автореферат диссертации… кандидата юридических наук: 12.00.01 / И. Н. Скуратова; Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний. Владимир, 2007. 21 с.

598. *Смирнова М. Г.* Правовой обычай в системе источников российского права // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 1. С. 34–54.

599. *Смирнова Т. Б.* Обычаи ряжения в календарных праздниках немцев Сибири / Т. Б. Смирнова // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 03. С. 128–134.

600. *Соколов А. И.* Социально-регулятивная миссия обычаев и традиций / А. И. Соколов // Вестник Чувашского университета. 2008а. № 1. С. 112–121.

601. *Соколов А. И.* Традиции и обычаи как регулятивный и социокультурный феномен общества : диссертация… кандидата философских наук: 09.00.11 / А. И. Соколов; Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова. Чебоксары, 2008б. 167 с.

602. *Соколова В. К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов, XIX – начала XX в. / В. К. Соколова; АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Москва: Наука, 1979. 287 с.

603. *Соловьева Е. З.* Роль традиционной культуры в вопросах духовно-нравственного воспитания молодого поколения / Е. З. Соловьева // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1. С. 212–216.

604. *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин; общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов: пер. с англ. Москва: Политиздат, 1992. 543 с.

605. *Сподина В. И.* Многоженство как форма брачных обычаев коренных народов севера: этнические категории нравственности // В. И. Сподина // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 12. С. 5–9.

606. *Станисловайтис Р. И.* Обычаи и традиции в механизме социального действия права: диссертация… доктора юридических наук: 12.00.01 / Р. И. Станисловайтис. Вильнюс, 1989. 364 с.

607. *Степанов Ю. С.* Константы : словарь русской культуры : опыт исследования / Ю. С. Степанов. Москва: Языки русской культуры, 1997. 824 с.

608. *Степанов Ю. С.* Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Изд. 3-е, испр. и доп. Москва: Академ. проект, 2004. 991 с.

609. *Степанов Ю. С.* Концепты : тонкая пленка цивилизации / Ю. С. Степанов. Москва: Языки славянских культур, 2007. 248 с.

610. *Стернин И. А.* Концепты и лакуны / И. А. Стернин, Г. В. Быкова // Языковое сознание: формирование и функционирование: сборник статей / отв. ред. Н. В. Уфимцева. Москва: Институт языкознания РАН, 1998. С. 55–67.

611. *Стернин И. А.* Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 170 с.

612. *Сукаленко Н. И.* Образно-стереотипная языковая картина мира как отражение эмпирического обыденного сознания: автореферат диссертации … доктора филологических наук / Н. И. Сукаленко. Киев, 1991. 40 с.

613. *Сулиман Э. Э. Э.* Русское концептуальное поле ВЕРА: на фоне арабо-мусульманской лингвокультуры : автореферат диссертации... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Эльтайеб Эльзейн Эльтайеб Сулиман; [Место защиты : Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина]. Москва, 2013. 24 с.

614. *Суменкова М. В.* Алкогольные обычаи и привычки древних русичей / М. В Суменкова // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2010. № 2. С. 89–91.

615. *Супряга С. В.* Анализ доминантной лексики частотных словарей лирических песен старообрядцев Забайкалья, Алтая и Восточного Полесья / С. В. Супряга // Традиционная культура. 2013. № 3 (51). С. 51–60.

616. *Сурикова О. Д.* К изучению семантического своеобразия отсоматической лексики с приставкой *без-* в русской языковой традиции / О. Д. Сурикова // Научный диалог. 2012. № 12: Филология. С. 30–62.

617. *Сурикова О. Д.* О функциях лексических единиц в русском заговорном тексте (на примере конструкций с предлогом и с приставкой без) / О. Д. Сурикова // Традиционная культура. 2014. № 3. С. 157–164.

618. *Суслович С. В.* Репрезентация концепта труд в современных афоризмах о труде / С. В. Суслович // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 4. С. 79–82.

619. *Суфиев У. М. У.* Традиции и инновации в свадебных обычаях и обрядах таджиков долины р. Сох: автореферат диссертации… кандидата исторических наук: 07.00.07 / У. М. У. Суфиев. Ленинград, 1991. 16 с.

620. *Суханов И. В.* Обычаи, традиции и преемственность поколений / И. В. Суханов. Москва: Издательство политической литературы, 1976. 216 с.

621. *Суханов И. В.* Обычаи, традиции и преемственность поколений. Чита: Изд-во ЧГПИ им. Н. Г. Чернышевского, 1996. 61 с.

622. *Талапова Т. А.* Концепт «вера / неверие» в русской языковой картине мира: автореферат диссертации… кандидата филологических наук: 10.02.01 / Т. А. Талапова; [Хакас. гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова]. Абакан, 2009. 22 с.

623. *Таратынова Н. Ю.* К парадигматике диалектных свадебных наименований / Н. Ю. Таратынова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. № 6. С. 234–236.

624. *Тартинская И. В.* Обычай и обыкновение в праве / И. В. Тартинская // Право и экономика. 2007. № 1. С. 101–102.

625. *Татаринова Н. В.* О понятии «имидж» и его отличии от сходных с ним понятий «образ», «репутация», «стереотип» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2009. № 2. С. 252–255.

626. *Телия В. Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры: сборник статей / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания, Проблем. группа «Общ. фразеология»; отв. ред. В. Н. Телия. Москва: Языки рус. культуры: Кошелев, 1999. С. 13–24.

627. *Телия В. Н.* Русская фразеология : семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. Москва: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

628. *Телия В. Н.* Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц / В. Н. Телия // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности: сборник статей. Москва: Наука, 1991. С. 5–66.

629. *Теория* метафоры: сборник: пер. с англ., фр., нем., исп., пол. яз. / общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. Москва: Прогресс, 1990. 512 с.

630. *Терина С. В.* Древнерусский концепт честь и его языковая репрезентация в летописи «Повесть временных лет»: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / С. В. Терина. Тольятти, 2007. 195 с.

631. *Тернопол Т. В.* Славянская демонология: кто в доме хозяин, или an englishman's home is his castle / Т. В. Тернопол // Вопросы психолингвистики. 2006. № 3. С. 137–143.

632. *Тимошевская Т. А.* Национально-культурные особенности функционирования концепта «Вера»: на материале русского и английского языков: диссертация... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Т. А. Тимошевская [Место защиты : Ставроп. гос. ун-т]. Краснодар, 2012. 154 с.

633. *Тирских М. Г.* Соотношение традиции с обычаем и правом: компаративистские аспекты / М. Г. Тирских, Л. Ю. Черняк // Сибирский юридический вестник. 2013. № 2. С. 100–107.

634. *Тирских М. Г.* Стереотипизация социального поведения: правовые и иные социальные регуляторы общественных отношений / М. Г. Тирских, Л. Ю. Черняк // Академический юридический журнал. 2009. № 37. С. 4–11.

635. *Титарчук А. А.* Обычай и право (вопросы взаимосвязи и взаимодействия) : автореферат диссертации… кандидата юридических наук: 12.00.01 / А. А. Титарчук. Харьков, 1995. 15 с.

636. *Тиунов О. И.* Влияние международных договоров и международно-правовых обычаев на национальное законодательство / О. И. Тиунов // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2009. № 11. С. 269–286.

637. *Тихомирова А. В.* Лапоть в русской диалектной фразеологии / А. В. Тихомирова // Живая старина. 2011. № 2. С. 53–56.

638. *Тихомирова А. В.* Ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика наименований одежды в русской языковой традиции: диссертация… кандидата филологических наук : 10.02.01 / А. В. Тихомирова. Екатеринбург, 2013. 350 с.

639. *Токарев Г. В.* Теоретические проблемы вербализации концепта «Труд» в русском языке : диссертация… доктора филологических наук / Г. В. Токарев ; Волгоградский государственный педагогический университет. Волгоград, 2003. 472 с.

640. *Токарев С. А.* Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы : конец XIX – начало XX в.: летне-осенние праздники. Москва: Наука, 1978. 294 с.

641. *Толкачева С. В.* Гендерная специфика обычаев одаривания в русских свадебных обрядах Удмуртии / С. В. Толкачева // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. № 4. С. 99–112.

642. *Толстая С. М.* Бренное тело, или Из чего сотворен человек / С. М. Толстая // Јужнословенски филолог. Књ. LVII/3–4. Посвећено Павлу Ивићу. Београд: [б. и.], 2000. С. 1191–1199.

643. *Толстая С. М.* Грех в свете славянской мифологии / С. М. Толстая // Грех в свете славянской мифологии / С. М. Толстая // Концепт греха в славянской и еврейской культурной традиции : сборник статей. Москва: Пробел, 2000а. С. 9–43.

644. *Толстая С. М.* К понятию культурных кодов / С. М. Толстая // Сборник статей к 60-летию Альберта Кашфуловича Байбурина. Studia Ethnologica АБ 60. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. С. 23–31.

645. *Толстая С. М.* Мотивационные семантические модели и картина мира / С. М. Толстая // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1 (3). С. 112–127.

646. *Толстая С. М.* Опасность знания (из народной гносеологии) / С. М. Толстая // Слово в тексте и словаре. Сборник к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна. Москва: Языки русской культуры, 2000б. С. 236–242.

647. *Толстая С. М.* Пространство слова : лексическая семантика в общеславянской перспективе / С. М. Толстая. Москва: Индрик, 2008. 528 с.

648. *Толстая С. М.* Семантические категории языка культуры : очерки по славянской этнолингвистике / С. М. Толстая. Москва: URSS, 2010. 368 с.

649. *Толстая С. М.* Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры / С. М. Толстая // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. Москва: Наука, 1989. С. 215–229.

650. *Толстая С. М.* Этнолингвистика: современное состояние и перспективы [Электронный ресурс] / С. М. Толстая. Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/Tolstaja.html.

651. *Толстой Н. И.* О словаре «Славянские древности» / Н. И. Толстой, С. М. Толстая // *Славянские* древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти томах / под ред. Н. И. Толстого. Москва: Международные отношения, 1995–2009. Т. 1–4. Т. I. Москва: Международные отношения, 1995а. С. 5–14.

652. *Толстой Н. И.* Очерки славянского язычества (Традиционная духовная культура славян / Современные исследования) / Н. И. Толстой. Москва: Индрик, 2003. 624 с.

653. *Толстой Н. И.* Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды / Н. И. Толстой. Москва: Слово, 1969. 279 с.

654. *Толстой Н. И.* Язык и народная культура : очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. Москва: Индрик, 1995б. 513 с.

655. *Толчина Н. Ю.* Репрезентация концепта «дружба» в разговорной речи (на материале русского и испанского языков) / Н. Ю. Толчина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 2. С. 160–163.

656. *Топоров В. Н.* К семантике троичности (слав. trizna и др.) / В. Н. Топоров // Этимология. 1977. Москва: [б. и.], 1979. С. 3–21.

657. *Топоров В. Н.* Праславянская культура в зеркале собственных имен: (элемент *mir) / В. Н. Топоров // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: XI Междунар. съезд славистов, Братислава, сентябрь 1993 г. : доклады российской делегации. Москва: Наука, 1993. С. 3–118.

658. *Традиционные* и современные модели гостеприимства: материалы российско-французской конференции, Москва, РГГУ, 7–8 октября 2002 г. / Рос. гос. гуманит. ун-т, Ин-т высш. гуманитар. исслед., Ун-т им. Б. Паскаля, Центр изучения новых и новейших лит. Москва: Изд-во РГГУ, 2004. 262 с.

659. *Традиционное* русское застолье : сборник статей. Москва: Государственный республиканский центр русског фольклора, 2008. 352 с.

660. *Трапаидзе К. З.* Понятие преступных традиций и обычаев / К. З. Трапаидзе // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 4. С. 201–215.

661. *Триль Ю. Н.* Особенности развития теории обрядности в работах российских авторов / Ю. Н. Триль // Новые технологии. 2007. № 4. С. 7–12.

662. *Триль Ю. Н.* Ритуал в традиционной культуре / Ю. Н. Триль // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена: аспирантские тетради. Санкт-Петербург, 2008. № 27 (61). С. 263–268.

663. *Триль Ю. Н.* Социокультурные функции обряда (на материалах народов Северного Кавказа): автореферат диссертации... кандидата социологических наук / Ю. Н. Триль. Майкоп, 2009. 19 с.

664. *Трофимов Я. В.* Законодательное определение обычая не позволяет считать его источником гражданского права России (к постановке проблемы) / Я. В. Трофимов, С. Ю. Краснов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5 : Юриспруденция. 2012. № 2. С. 148–153.

665. *Трубачев О. Н.* В поисках единства : взгляд филолога на проблему истоков Руси / О. Н. Трубачев ; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 3-е изд., доп. Москва: Наука, 2005. 286 с.

666. *Трубачев О. Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / О. Н. Трубачев. Москва: Изд. АН СССР, 1959. 220 с.

667. *Трубачев О. Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / О. Н. Трубачев ; предисл. Г. А. Богатовой-Трубачевой. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: КомКнига, 2006. 240 с. (Лингвистическое наследие XX века.)

668. *Трубачев О. Н.* Труды по этимологии : Слово. История. Культура: в 4-х томах / О. Н. Трубачев. Москва : Языки славянской культуры, 2004–2009. Т. 1. 2004. 800 с. Т. 2. 2005. 664 с. Т. 3. 2008. 800 с. Т. 4. 2009. 696 с.

669. *Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования / О. Н. Трубачев; [отв. ред. Н. И. Толстой]. Изд-е 2-е, доп. Москва: Наука, 2002. 489 с.

670. *Турбина О. А.* Отражение социальной значимости гостеприимства в русских паремиях / О. А. Турбина, Т. В. Захарова // Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия: лингвистика. 2008. № 16. С. 46–53.

671. *Турилова М. В.* Генетическая и мотивационная характеристика лексико-семантического поля «безумие» в русском языке: диссертация … кандидата филологических наук: 10.02.01 / М. В. Турилова. Москва, 2010. 309 с.

672. *Убийко В. И.* Концепт «вера» в концептосфере русского языка / В. И. Убийко // Актуальные проблемы современного языкознания : материалы научно-практической конференции, посвященной 25-летию кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания Башгосуниверситета. Уфа: [б. и.], 1998. С. 189–192.

673. *Угрюмова М. М.* Нормативный образ ребенка в диалектном лексиконе / М. М. Угрюмова // Традиции и инновации в филологии XXI века: взгляд молодых ученых : материалы Всероссийской молодежной конференции / отв. ред. Т. А. Демешкина. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 537–541.

674. *Узенёва Е. С.* Болгарская свадьба: этнолингвистическое исследование / Е. С. Узенева. Москва: Индрик, 2010. 280 с.

675. *Урбанович Г. И.* Генетическая характеристика лексико-семантического поля «Судьба, счастье, удача» в русском языке: диссертация … кандидата филологических наук: 10.02.01 / Г. И. Урбанович. Москва, 2007. 223 с.

676. *Урбанович Г. И.* Мотивационные модели и диахронический аспект изучения русской языковой картины мира (лексико-семантическое поле «Судьба, счастье, удача») / Г. И. Урбанович // Русский язык в научном освещении. 2005. № 10 (2). С. 190–205.

677. *Урысон Е. В.* Языковая картина мира VS. обиходные представления (модель восприятия в русском языке) / Е. В. Урысон // Вопросы языкознания. 1998. № 2. С. 3–21.

678. *Усачева В. В.* Магия слова и действия в народной культуре славян / В. В. Усачева. Москва: Институт славяноведения РАН, 2008. 368 с.

679. *Успенский В. А.* О вещных коннотациях абстрактных существительных / В. А. Успенский // Семиотика и информатика. Вып. 11 / ред. А. И. Михайлов. Москва: ВИНИТИ, 1979. С. 142–148.

680. *Уссейну Талл.* Семантика и употребление единиц семантического поля *гость*: автореферат диссертации... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Талл Уссейну. Воронеж, 2011. 19 с.

681. *Уфимцева А. А.* Слово в лексико-семантической системе языка / А. А. Уфимцева. Москва: Наука, 1968. 271 с.

682. *Уфимцева А. А.* Теории «семантического поля» и возможности их применения при изучении словарного состава языка / А. А. Уфимцева // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. Москва: Наука, 1961. С. 30–63.

683. *Уфимцева Н. В.* Образы обыденного сознания современных русских / Н. В. Уфимцева // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира: материалы междунар. конф., Москва, 22–25 октября 1996 г. / отв. ред. В. М. Солнцев, В. Ю. Михальченко. Москва: Наука, 1996. С. 402–406.

684. *Уфимцева Н. В.* Русские глазами русских / Н. В. Уфимцева // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность: сборник статей. Москва: Институт русского языка РАН, 1995. С. 242–250.

685. *Уфимцева Н. В.* Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских / Н. В. Уфимцева // Языковое сознание: формирование и функционирование: сборник статей / отв. ред. Н. В. Уфимцева. Москва: Институт языкознания РАН, 1998. С. 135–170.

686. *Фатыхова Ф. Ф.* Традиционные обряды и обычаи башкир, связанные с рождением и смертью : автореферат диссертации… кандидата исторических наук : 07.00.07 / Ф. Ф. Фатыхова. Санкт-Петербург, 1994. 21 с.

687. *Федяева Н. Д.* Норма в кругу семантических категорий русского языка / Н. Д. Федяева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2009. № 2. С. 240–246.

688. *Федяева Н. Д.* Семантика нормы в русском языке: функциональный, категориальный, лингвокультурологический аспекты: автореферат диссертации ... доктора филологических наук: 10.02.01 / Н. Д. Федяева. Барнаул, 2010. 33 с.

689. *Федянович Т. П.* Семейные обычаи и обряды финно-угорских народов Урало-Поволжья (конец XIX века – 1980-е годы) / Т. П. Федянович ; РАН, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Москва: [б. и.], 1997. 183 с.

690. *Феоктистова А. Б.* Когнитивные аспекты семантики идиом, обозначающих чувства-состояния: автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / А. Б. Феоктистова. Москва: Моск. гос. открытый пед. ун-т, 1996. 17 с.

691. *Феоктистова Л. А.* Номинативное воплощение абстрактной идеи : на материале русской лексики со значением ‘пропасть, исчезнуть’ : диссертация… кандидата филологических наук: 10.02.01 / Л. А. Феоктистова. Екатеринбург, 2003. 178 с.

692. *Филатова В. Ф.* Обряд и обрядовая лексика в этнолингвосемиотическом аспекте : на материале говоров вост. части

Воронежской обл. : автореферат диссертации... кандидата филологических наук : 10.02.01 / В. Ф. Филатова. Воронеж, 1995. 22 с.

693. *Филин Ф. П.* О лексико-семантических группах слов / Ф. П. Филин // Езиковедски изследвания в чест на академик Стефан Младенов. София: Бълг. акад. на науките, 1957. С. 523–538.

694. *Филиппенко Е. А.* Образы мужчины и женщины в пословично-поговорочном фонде разных языков / Е. А. Филиппенко // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2005. № 11. С. 61–66.

695. *Филлмор Ч.* Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике: сборник статей. Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. Москва: Прогресс, 1988. С. 52–67.

696. *Финько О. С.* Лексика свадебного обряда Кубани : диссертация… кандидата филологических наук: 10.02.01 / О. С. Финько. Славянск-на-Кубани, 2011. 248 с.

697. *Флиер А. Я.* Культура как эволюция программ социальной активности : инстинкт – обычай – рациональное поведение / А. Я. Флиер // Вопросы социальной теории. 2012. Т. 6. С. 273–284.

698. *Фролова О. Е.* Пословица и ее отношение к действительности / О. Е. Фролова // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2005. № 4. С. 125–132.

699. *Фролова О. Е.* Пословицы и поговорки о щегольстве в словаре В. И. Даля / О. Е. Фролова // Традиционная культура: научный альманах. 2013. Вып. 4(52). С. 89–96.

700. *Фрумкина Р. М.* Концепт, категория, прототип / Р. М. Фрумкина // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика: сборник обзоров / отв. ред. Ф.М. Березин. Москва: ИНИОН РАН, 1992. С. 28–44.

701. *Хапчаев И. А.* Понятие «традиция» и воздействие русских обычаев на нравы горцев Северного Кавказа / И. А. Хапчаев // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2012. № 3. С. 289–295.

702. *Харитончик З. А.* Способы концептуальной организации знаний в лексике языка / З. А. Харитончик // Язык и структуры представления знаний: сборник статей. Москва: ИНИОН РАН, 1992. С. 98–123.

703. *Хасбулатова З. И.* Вайнахский этикет : Традиционные нормы поведения и формы общения у вайнахов в XIX – начале XX века / З. И Хасбулатова // Культура Чечни: история и современные проблемы / [отв. ред. Х. В. Туркаев]. Москва: Наука, 2006. С. 202–218.

704. *Хелемендик А. В.* Генетическая характеристика лексико-семантического поля ‘ругать(-ся)’ в русском языке: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / А. В. Хелемендик. Москва, 2007. 206 с.

705. *Хиясова С. Г.* Духовно-нравственное воспитание на основах традиционной морали народов Дагестана / С. Г. Хиясова // Вопросы дагестанской культурологии и религиоведения : сборник научных статей / ДГПУ, Кафедра культурологии [ред.-сост. Н. Ф. Мусаева, отв. ред. Д. Н. Ахмедов]. Махачкала: ДГПУ, 2006. С. 283–291.

706. *Хлеб* в народной культуре : этногр. очерки / ред. С. А. Арутюнов, Т. А. Воронина ; РАН, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Москва: Наука, 2004. 413 с.

707. *Холтобина А. С.* Диалектизмы в былинных текстах Т. Г. Рябинина / А. С. Холтобина // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. № 3-1 (27). С. 166–174.

708. *Хомяков А. С.* Всемирная задача России / А. С. Хомяков; [авт. предисловия В. Зеньковский]. Москва: Институт русской цивилизации, 2008. 780 с.

709. *Хохлина М. Л.* Фразеологическая репрезентация представлений о «своем» и «чужом» средствами мифологического культурного кода / М. Л. Хохлина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2011. № 1. С. 86–91.

710. *Хроленко А. Т.* Лингвофольклористика : листая годы и страницы / А. Т. Хроленко. Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2008. 231 с.

711. *Хроленко А. Т.* Семантика фольклорного слова: монография / А. Т. Хроленко. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1992. 139 с.

712. *Хунагова А. Р.* Вербализация и текстовая репрезентация концепта «мода» (на материале русского, английского и адыгейского языков): автореферат диссертации… кандидата филологических наук: 10.02.19 / А. Р. Хунагова. Майкоп, 2013а. 21 с.

713. *Хунагова А. Р.* Функционально-семантические особенности концепта «мода» в русском и английском языках / А. Р. Хунагова // Вестник адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2013б. № 1 (114). С. 180–184.

714. *Цапенко С. А.* Особенности концептуализации суточного круга времени в русской языковой картине мира : автореферат диссертации... кандидата филологических наук : 10.02.01. – Архангельск, 2005. – 27 с.

715. *Царегородская Е. В.* Правовой обычай: сущность и механизм действия: автореферат диссертации… кандидата юридических наук: 12.00.01 / Е. В. Царегородская ; Северо-Западная академия государственной службы. Санкт-Петербург, 2004. 24 с.

716. *Чепис Е. В.* Вопросы соотношения торгового обычая и закона / Е. В. Чепис // Вестник Курганского государственного университета. Серия : Гуманитарные науки. 2008. № 14. С. 124–126.

717. *Чернейко Л. О.* Лингвофилософский анализ абстрактного имени / Л. О. Чернейко. Москва: Издательство МГУ, 1997. 320 с.

718. *Черных А. В.* Хрононимы в русских говорах Пермского края / А. В. Черных // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 6. С. 7–12.

719. *Черных А. В.* Обычаи, связанные с домашним скотом, в календарной обрядности русских Прикамья / А. В. Черных // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. Т. 31. № 3. С. 135–144.

720. *Черняк Л. Ю.* Правила дипломатического протокола как разновидность международного обычая / Л. Ю. Черняк // Сибирский юридический вестник. 2012. № 4. С. 115–121.

721. *Черняк М.* Модная литература в контексте трендов и брендов / М. Черняк // Библиотечное дело. 2011. № 24. С. 2–5.

722. *Чёха О. В.* Новогреческая лексика народной астрономии в сопоставлении с балканославянской: луна и лунное время: этнолингвистический аспект: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / О. В. Чёха. Москва, 2009. 195 с.

723. *Чибисов Д. Г.* Соотношение права и обычая: диссертация… кандидата юридических наук: 12.00.01 / Д. Г. Чибисов; Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний. Владимир, 2008. 176 с.

724. *Чигашева М. А.* Исследование терминологической лексики методом семантического поля / М. А. Чигашева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2004. № 6. С. 80–86.

725. *Чирич И. В.* Лексика застолья в русской языковой картине мира: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / И. В. Чирич. Москва, 2004. 144 с.

726. *Чудинов А. П.* Россия в метафорическом зеркале: метафорическое словоупотребление, обозначающие социальную действительность современной России / А. П. Чудинов // Русская речь. 2001. № 1. С. 34–41.

727. *Чудинов А. П.* Структурный и когнитивный аспекты исследования метафорического моделирования (регулярной многозначности) / А. П. Чудинов // Лингвистика: бюл. Урал. лингв. о-ва / Урал. гос. пед. ун-т; отв. ред. В. И. Томашпольский, А. П. Чудинов. Екатеринбург: Издательство УрГПУ, 2001. С. 38–53.

728. *Чурсина О. В.* Лексикографические источники как один из способов экспликации концептов (на примере концепта «мода» в английском и русском языках) / О. В. Чурсина // Гуманитарные исследования. 2008. № 3. С. 71–77.

729. *Чурсина О. В*. Реализация концепта «мода» на лексическом уровне (на материале английского языка) / О. В. Чурсина // Гуманитарные исследования. 2007. № 3. С. 13–17.

730. *Шабалина Е. В.* Семантико-мотивационное своеобразие русской лексики с числовым компонентом: этнолингвистический аспект: диссертация… кандидата филологических наук: 10.02.01 / Е. В. Шабалина. Екатеринбург, 2011. 179 с.

731. *Шалина И. В*. Живая речь уральского города: устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия / И. В. Шалина (авт.-сост.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. 355 с.

732. *Шалина И. В*. Уральское городское просторечие: культурные сценарии / И. В. Шалина. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. 444 с.

733. *Шаманова М. В.* Групповая специфика концептуализации общения русским языковым сознанием / М. В. Шаманова // Вестник университета. 2009. Т. 1. № 1 (23). С. 85–92.

734. *Шаманова М. В.* Когнитивная интерпретация результатов психолингвистического описания лексемы «общение» в русском языке / М. В. Шаманова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2005. № 2. С. 133–139.

735. *Шаманова М. В.* Коммуникативная категория в языковом сознании (на материале категории «общение»): диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.19 / М. В. Шаманова. Воронеж, 2009. 534 с.

736. *Шаманова М. В.* Построение лексико-фразеологического поля как средство доступа к содержанию когнитивной категории / М. В. Шаманова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 12. С. 209–215

737. *Шарифуллин Б. Я.* Проблемы этимологического изучения русской лексики Сибири / Б. Я. Шарифуллин. Красноярск: КГУ, 1994. 196 с.

738. *Шацкая М. Ф.* Обычай – обыкновение – международное право / М. Ф. Шацкая // Русская речь. 2006. № 4. С. 86–89.

739. *Шацкая Ж. Ю.* Взаимодействие концептов «мода», «стиль» и «fashion», «style» в русской и английской картинах мира / Ж. Ю. Шацкая // Казанская наука. 2011. № 3. С. 103–105.

740. *Шацкая Ж. Ю.* Метафорическое моделирование как способ репрезентации концепта «мода» / Ж. Ю. Шацкая // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2014. № 1 (15). С. 224–229.

741. *Швецова В. М.* Экспериментальное исследование содержания концепта «вера» (на примере словарных дефиниций) / В. М. Швецова // Вопросы современной науки и практики. 2006. № 4(5). С. 117–120.

742. *Шевцов В. В.* Карточная игра в России (конец XVI – начало XX в.): история игры и история общества / В. В. Шевцов; ред. : А. Н. Жеравина, Э. Л. Львова; Федер. агентство по образованию, Том. гос. ун-т. Томск: ТГУ, 2005. 244 с.

743. *Шеина И. М.* Лексико-семантическое поле как универсальный способ организации языкового опыта / И. М. Шеина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2010. № 2. С. 69–72.

744. *Шенделева Е. А.* Полевая организация образной лексики и фразеологии / Е. А. Шенделева // Фразеология в контексте культуры: сборник статей. Москва: Языки русской культуры, 1999. С. 74–79.

745. *Шерина Е. А.* Собственно образное слово как носитель лингвокультурной информации о восприятии человека и социума в русской и английской языковых картинах мира / Е. А. Шерина // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 361. С. 30–34.

746. *Шигурова Т. А.* Этносоциальные функции традиционной женской одежды в обычаях и обрядах мордвы : диссертация… кандидата исторических наук: 07.00.07 / Т. А. Шигурова. Саранск, 2003. 301 с.

747. *Шитова С. Н.* Пояс в обычаях и мифологии башкир / С. Н. Шитова // Этнографическое обозрение. 2006. № 6. С. 154–164.

748. *Шкуропацкая М. Г.* Деривационное измерение лексики: системный аспект / М. Г. Шкуропацкая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. 388 с.

749. *Шмелев А. Д.* «Русская ментальность» в зеркале лексических данных / А. Д. Шмелев // Этническое и языковое самосознание: материалы конф. (Москва, 13–15 дек. 1995 г.) / [редкол.: В. П. Нерознак (отв. ред.) и др.]. Москва: ФИАН-фонд, 1995. С. 168–170.

750. *Шмелев А. Д.* Русская языковая модель мира: материалы к словарю / А. Д. Шмелев. Москва: Языки славянской культуры, 2002а. 224 с.

751. *Шмелев А. Д.* Русский язык и внеязыковая действительность / А. Д. Шмелев. Москва: Языки славянской культуры, 2002б. 496 с.

752. *Шмелев Д. Н.* Проблемы семантического анализа лексики / А. Д. Шмелев. Москва: Наука, 1973. 280 с.

753. *Шрамм А. Н.* Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка) / А. Н. Шрамм. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1979. 134 с.

754. *Штейнгольд А. В.* Отражение древнеславянских верований в русском лексиконе / А. В. Штейнгольд. Тарту: [б. и.], 2006. 195 с.

755. *Штукарева Е. Б.* О соотношении терминов *лексико-семантическое поле – лексико-семантическая группа – тематическая группа* в лингвистической литературе / Е. Б. Штукарева // Вопросы филологических наук. 2009. № 4. С. 90–93.

756. *Щанкина Л. Н.* Семейные обряды мордвы Западной Сибири / Л. Н. Щанкина // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. Т. 13. № 1. С. 112–125.

757. *Щур Г. С.* Теории поля в лингвистике / Г. С. Щур. Москва: Наука, 1974. 254 с.

758. *Эльмурзаева А. Д.* Обычай взаимопомощи в хозяйственной деятельности народов Дагестана : XIX – начало XX века: диссертация… кандидата исторических наук: 07.00.07 / А. Д. Эльмурзаева; Институт истории,

археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук. Махачкала, 2009. 175 с.

759. *Энциклопедия* русских обычаев: энциклопедия / сост. Н. А. Юдина. Москва: Вече, 2001. 512 с.

760. *Этнокультурные* процессы : традиции и современность / ред. В. А. Дмитриев; Гос. музей этнографии народов СССР. Ленинград: [б. и.], 1991. 267 с.

761. *Югай Е. Ф.* Ключевые образы плача: диссертация… кандидата филологических наук: 10.01.09 / Е. Ф. Югай. Москва, 2011. 250 с.

762. *Юнусова, Р. Д.* Фразеологизмы о гостеприимстве в русском и татарском языках / Р. Д. Юнусова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. Т. 1. № 2. С. 47–50.

763. *Юрина Е. А.* Ассоциативно-образные характеристики человека (на материале морфологически мотивированных существительных, прилагательных и глаголов) / Е. А. Юрина // Культура. Отечество: прошлое, настоящее, будущее: сборник тезисов докладов IV Духов.-ист. чтений. Томск : Изд-во научно-технической литературы, 1995. С. 91–100.

764. *Яговдик Е. В.* Трансформации ритуала в культурно-эволюционном процессе (философско-культурологический анализ): диссертация… кандидата философских наук: 09.00.13 / Е. В. Яговдик; Белгород, 2005. 134 с.

765. *Ядов В. А.* О диспозиционной регуляции социального поведения личности / В. А. Ядов // Методологические проблемы социальной психологии. Москва: Наука, 1975. С. 89—105.

766. *Яковлева М. Н.* Обычаи алтайского этноса как регулятор современных социальных процессов в Республике Алтай: автореферат диссертации… кандидата социологических наук / М. Н. Яковлева; Тюменский государственный университет. Тюмень, 2007. 20 с.

767. *Якушкина Е. И.* Оппозиции *прямой – кривой* и *прямой – обратный* и их культурные коннотации / Е. И. Якушкина // Признаковое пространство

культуры: сборник статей / отв. ред. С. М. Толстая. Москва: Индрик, 2002. С. 163–183.

768. *Якушкина Е. И.* Сербохорватская этическая лексика в этнолингвистическом освещении: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.03 / Е. И. Якушкина. Москва, 2003. 175 с.

769. *Якушкина Е. И.* Традиционная философия греха в свете южнославянских диалектных данных (опыт семантической реконструкции) / Е. И. Якушкина // Славянский вестник. Вып. 2. Москва: МАКС Пресс, 2004. С. 432–440.

770. *Янышкова И.* О названиях бесплатной помощи соседям в чешском языке / И. О. Янышкова // Етнолингвистичка проучавања српског и других словенских језика: у част академика Светлане Толстој. Београд: САНУ, Одељење језика и књижевности, 2008. С. 433–439.

771. *Kabakova G.* L’hospitalité, le repas, lemangeur dans la civilization russe / G. Kabakova. Paris: L’Harmattan, 2013. 314 с.

II. Сокращенные названия словарей и источников

772. АОС – *Архангельский* областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. Москва: Изд-во Московского университета; Наука, 1980–2010. Вып. 1–13.

773. АС – *Словарь* говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Пермь, 1984–2011. Вып. 1–6.

774. АТЛ – *Архив* Т. В. Леонтьевой (записи, осуществленные в 2009 г.).

775. Базарго – *Шинкаренко Ю. В.* Базарго : жаргон уральских подростков / Ю. В. Шинкаренко. Москва: ЮНПРЕСС, 1998. 88 с.

776. Баранов – *Баранов О. С.* Идеографический словарь русского языка / О. С. Баранов. – Москва: ЭТС; Polyglossum, 1995. 820 с.

777. Бирюков, 2003 – *Бирюков В. П.* Словарь народного языка на Урале (Из материалов) / В. П. Бирюков. Шадринск: Шадринский Дом печати, 2003. 24 с.

778. БПС – *Большой* психологический словарь / [Н. Н. Авдеева и др.] ; под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. 3-е изд., доп. и перераб. Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак, 2006. 666 с.

779. БРР – *Българско*-руски речник / Алберт Кошелев. София: Наука и изкуство, 2003. 840 с.

780. БРС – *Болгарско*-русский словарь / сост. С. Б. Бернштейн. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1953. 888 с.

781. БСЖ – *Мокиенко В. М.* Большой словарь русского жаргона : 25 000 слов, 7 000 устойчивых сочетаний / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина ; С.-Петерб. гос. ун-т. Межкаф. слов. каб. им. Б. А. Ларина. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 716 с.

782. БТСДК – *Большой* толковый словарь донского казачества / Ростов. гос. ун-т; Ф-т филологии и журналистики; Каф. общ. и сравнительн. языкознания. Москва: Русские словари: Издательство Астрель: Издательство АСТ, 2003. 608 с.

783. БТСРЯ – *Большой* толковый словарь русского языка / Ин-т лингвист. исслед. ; Авт., сост., глав. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : НОРИНТ, 1998. – 1535 с.

784. Великорусские… – *Великорусские* народные песни / изд. проф. А. И. Соболевским.— Санкт-Петербург : [б. и.], 1895–1907. – Т. I–VII.

785. Грандилевский, 1907 – *Грандилевский А.* Родина Михаила Васильевича Ломоносова : областный крестьянский говор / А. Грандилевский. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1907. 304 с.

786. Гринченко – *Словарь* украинского языка: в 4 томах / сост. Б. Д. Гринченко. Київ: Друкарня видавництва АН УРСР , 1958–1959. Репринт с изд.: Київ, 1907–1909. Т. 1–4.

787. Даль – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 томах / В. И. Даль. Москва: Русский язык, 1981–1982. Репринт с изд.: Москва, 1880–1882. Т. I–IV.

788. Дворецкий – *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. Москва : Русский язык, 1976. 1096 с.

789. Деул. сл. – *Словарь* современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И. А. Оссовецкого. Москва: Наука, 1969. 612 с.

790. Дилакторский – *Дилакторский П. А.* Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении / П. А. Дилакторский. Вологда, 1902. (Рукоп. Института русского языка АН СССР).

791. ДО – *Дополнение* к Опыту областного великорусского словаря. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1858. 328 с.

792. Дуров – *Дуров И. М.* Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / И. М. Дуров ; отв. ред. И. И. Муллонен. Петрозаводск: ИЯЛИ КНЦ РАН, 2011. 453 с.

793. Дьяченко – *Полный* церковно-славѧнскій словарь со внесеніемъ въ него важнейшихъ древне-русскихъ словъ и выраженій / сост. протоиерей Г. Дьяченко. Москва: Типография Вильде, 1900. XXXVIII, [2], 1120 с.

794. ЕСУМ – *Етимологичний* словник української мови: у 7 т. / голов. ред. О. С. Мельничук. Київ: Наукова думка, 1982–2006. Т. 1–5.

795. Ефремова – *Ефремова Т. Ф.* Новый толково-словообразовательный словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова. Москва: Дрофа; Русский язык, 2000. 1233 с.

796. Жолковский и др., 1984 – *Жолковский А. К.* Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики / А. К. Жолковский, И. А. Мельчук. Вена: Wiener Slawistischer Almanach, 1984. 993 с.

797. Заб. сл. – *Забытые* слова [Электронный ресурс] // Сайт Южно-Уральской Ассоциации генеалогов-любителей. Режим доступа: http://uralgenealogy.ru/content/view/269/125/.

798. Зимин – *Зимин В. И.* Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений / В. И. Зимин. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. 736 с.

799. Зотов, 2010 – *Зотов Г. В*. Словарь региональной лексики крайнего северо-востока России : около 6000 слов и выражений / Г. В. Зотов ; под ред. А. А. Соколянского. Магадан: Изд-во СВГУ, 2010. 539 с.

800. Иллюстров – *Иллюстров И. И.* Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках: сборник русских пословиц и поговорок / И. И. Иллюстров. Изд-е 3-е, испр. и доп. Москва: Товарищество скоропечатни А. А. Левенсон, 1915. XIII, [2]. 480 с.

801. КА – *Каргопольский* архив этнолингвистической экспедиции РГГУ.

802. Князь…, 1988 – *Князь* Роман и братья Витники // Былины. Москва : Сов. Россия, 1988. (Библиотека русского фольклора) Т. 1. С. 300—309.

803. Козарин…, 2001 – *Козарин* : [былина] № 268 // Былины : в 25 томах / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Санкт-Петербург: Наука; Москва: Классика, 2001—... (Свод рус. фольклора). Т. 2: Былины Печоры: Север Европейской России. 2001. С. 288—290.

804. Коринфский – *Коринфский А. А.* Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа [Электронный ресурс] /

А. А. Коринфский. Изд-е книгопродавца М. В. КЛЮКИНА. Москва: Моховая, домъ Бенкендорфъ, 1901. Смоленск: Русич, 1995. 656 с. Режим доступа: http://booksite.ru/fulltext/kor/inp/hsky/42.htm.

805. Коркин – *Коркин П. В.* По-вятски. Словарь диалектизмов. Слова, употреблявшиеся в речи жителей деревни Редькино и малой её округи [Электронный ресурс] / П. В. Коркин. Режим доступа: http://www.redkino58.narod.ru/content/vyat.html#clovar.

806. Котельников – *Котельников Г. А.* Диалекты вятского народа. Конец XIX и первая половина XX в. [Электронный ресурс] / Г. А. Котельников. Режим доступа: http://www.redkino58.narod.ru/content/vyatdialekt.html.

807. КРС – *Безносикова Л. М.* Коми-русский словарь / Л. М. Безносикова, Е. А. Айбабина, Р. И. Коснырева. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2000. 812 с.

808. Крысин – *Крысин Л. П.* Толковый словарь иноязычных слов : около 25 000 слов и словосочетаний / Л. П. Крысин. Москва: Русский язык, 1998. 847 с.

809. КСГРС – *Картотека* Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина)

810. КСРНГ – *Картотека* словаря русских народных говоров (Институт лингвистических исследований Российской академии наук, Санкт-Петербург).

811. Куликовский – *Куликовский Г. И.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении / Г. И. Куликовский. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1898. 151 с.

812. ЛК ТЭ – *Лексическая* картотека топонимической экспедиции УрФУ (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург)

813. Малеча – *Малеча Н. М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков / Н. М. Малеча. Оренбург: Оренбургское книжное изд-во, 2002–2003. Т. 1–4.

814. Михельсон – *Михельсон М. И.* Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний) / М. И. Михельсон. Второе пересмотр. и значительно пополненное изд. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1896. 598 с.

815. Мосеев – *Мосеев И. И.* Поморьска говоря : Краткий словарь поморского языка / И. И. Мосеев. Архангельск, 2005. 138 с.

816. Народные русские сказки…, 1985 – *Народные* русские сказки А. Н. Афанасьева : в 3 томах. Москва: Наука, 1984—1985. (Лит. памятники).

817. НКРЯ – *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.ruscorpora.ru.

818. Новичкова – *Русский* демонологический словарь / автор-составитель Т. А. Новичкова. Санкт-Петербург: Петербургский писатель, 1995. 640 с.

819. НОС – *Новгородский* областной словарь / Институт лингвистических исследований РАН ; изд. подгот. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников. Санкт-Петербург : Наука, 2010. XXVII, 1435 с.

820. Носович – *Носович И. И.* Словарь белорусского наречия / И. И. Носович. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1870. Т. 1–2.

821. НОСС – *Новый* объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. Вып. 3. Москва: Языки славянской культуры, 2003. 624 с.

822. Опыт – *Опыт* областного великорусского словаря. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1852. 275 с.

823. Опыт СГКО – *Опыт* словаря говоров Калининской области / Т. В. Кириллова и др. Под ред. Г. Г. Мельниченко. Калинин: [б. и.], 1972.

824. ОСВГ – *Областной* словарь вятских говоров / ВятГГУ ; [под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной]. Киров : Коннектика; Изд-во ВятГГУ; Радуга-ПРЕСС, 2004–2012. Т. 1–8.

825. Пащенко – *Пащенко В. А.* Материалы к словарю фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Читинской области: в 5 ч. / В. А. Пащенко. Ч. 1–2; Ч. 3–4; Ч. 5. Чита: Изд-во ЗабГПУ, 1999–2004.

826. Песни, собранные П. В. Киреевским… – *Песни*, собранные П. В. Киреевским: новая серия / изд. О-вом любителей росс. словесности при Имп. Моск. ун-те. Москва, 1911—1929. Вып. I—II. Вып. I. (Песни обрядовые). Москва: Печатня А. И. Снегиревой, 1911. Вып. II, ч. 1. (Песни необрядовые). Москва: Печатня А. И. Снегиревой, 1911. Вып. II, ч. 2. (Песни необрядовые). Москва: Типография Кооператива «Наука и Просвещение», 1929.

827. Пискунов – *Словарь* живаго народнаго, письменнаго и актоваго языка русскихъ южанъ Россійской и Австро-Венгерской Имперіи / составитель Ф. Пискунов. Изд. 2-е, испр. Кіевъ: Типография Е. Я. Федорова, 1882. 310 с.

828. Подвысоцкий – *Подвысоцкий А. И.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / А. И. Подвысоцкий. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1885. 198 с.

829. ПОС – *Псковский* областной словарь с историческими данными. Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1967–2008. Вып. 1–20.

830. Преображенский – *Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка: в 2 томах / А. Г. Преображенский. Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959. Т. 1–2.

831. ПольскРусСл – *Польско-русский* словарь: сод. ок. 45 000 слов / под ред. М. Ф. Розвадовской, Б. Г. Мархлевской. 2-е изд. испр. и доп. Москва: ОГИЗ: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1941. 295 с.

832. ПРС – *Даль В. И.* Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч.: в 2 томах. Изд. 2-е, без перемен. Санкт-Петербург, Москва: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1879. Т. 1–2.

833. РАС – Русский ассоциативный словарь : в 2 томах / Ю. Н. Караулов [и др.]; Рос. акад. наук. Москва: АСТ: Астрель, 2002. Т. 1: От стимула к реакции: около 7000 стимулов. 2002. 783 с.

834. РСС – *Русский* семантический словарь : толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Москва: Азбуковник. Т. 1: Слова указующие (местоимения). Слова именующие: Имена существительные (Все живое. Земля. Космос.) : 39000 слов и фразеологических выражений. 1998. 800 с.

835. Русские сказки…, 1971 – *Русские* сказки в ранних записях и публикациях (XVI—XVIII века) / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. 288 с.

836. Рында…, 2002 – *Рында* : («Во славном во городи во Европийском...») / записано от Марфы Семеновны Крюковой // Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2002. С. 288—292. (Памятники русского фольклора).

837. САНРЯ – *Словарь* ассоциативных норм русского языка / [А. А. Леонтьев, А. П. Клименко, А. Е. Супрун и др.] ; под ред. А. А. Леонтьева ; Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. Москва: Издательство Московского университета, 1977. 190, [2] с.

838. САР – *Словарь* Академии Российской : в шести томах / Рос. акад. наук, Отд-ние ист.-филол. наук, Моск. гуманит. ин-т им. Е. Р. Дашковой. Москва: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 1789–1794. Т. 1–6.

839. САС – *Славянский* ассоциативный словарь : русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов; Моск. гос. лингвист. ун-т, Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. Москва: [б. и.]; Барнаул: Изд-во АГУ, 2004. 791 с.

840. СБГ – *Словарь* брянских говоров. Ленинград, 1976–. Вып. 1–.

841. СВГ – *Словарь* вологодских говоров. Вологда: Изд-во ВГПУ «Русь», 1983–2007. Вып.1–12.

842. СГРС – *Словарь* говоров Русского Севера / под ред А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001–2011. Т. 1–5.

843. СД – *Славянские* древности: этнолингвистический словарь : в 5-ти томах / под ред. Н. И. Толстого. Москва: Международные отношения, 1995–2012. Т. 1–5.

844. СДГВО – *Словарь* донских говоров Волгоградской области: в шести томах / авторы-составители Е. В. Брысина, Р. И. Кудряшова, В. И. Супрун; под ред. проф. Р. И. Кудряшовой. Волгоград: Издательство ВГИПК РО, 2006–2009. Вып. 1–6.

845. СДЯ XI–XIV – *Словарь* древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в X томах / РАН. Ин-т рус. яз. Москва: ИРЯ РАН, 1988–2012. Т. 1–9. Т. V / под ред. Р. И. Аванесова. 2002. 647 с.

846. Седакова – *Седакова О. А.* Церковнославяно-русские паронимы : Материалы к словарю / О. А. Седакова. Москва: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2005. 432 с.

847. Селигер – *Селигер*: Материалы по русской диалектологии: Словарь / под ред. А. С. Герда. Санкт-Петербург: Издательство СПб. ун-та, 2003–2010. Вып. 1–4.

848. Сердюкова – *Сердюкова О. К.* Словарь говора казаков-некрасовцев / О. К. Сердюкова. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 2005. 320 с.

849. Сказание…, 1960 – [*Сказание* о киевских богатырях] // Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1960. (Памятники рус. фольклора). С. 155—157.

850. СлРЯ – *Словарь* русского языка: в 4 томах / под ред. А. П. Евгеньевой. Москва: Русский язык, 1981–1984. Т. I–IV.

851. СМА – *Елистратов В. С.* Словарь московского арго: Материалы 1980–1994 гг. / В. С. Елистратов. Москва: Русские словари, 1994. 700 с.

852. Смирнов – *Полный* словарь иностранных слов, вошедших в русский язык, с общедоступным толкованием их значения и употребления: настольный справочник / сост. В. Смирнов. Москва: Торговый дом Е. Коновалова и К^0, 1908. 800 с.

853. СНГЗБ – *Расторгуев П. А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины: Материалы для истории словарного состава говоров / П. А. Расторгуев; ред. Е. М. Романович. Минск: Наука и техника, 1973. 296 с.

854. Снегирев – *Снегирев И. М.* Русские народные пословицы и притчи / И. М. Снегирев. Изд. подгот. И. А. Костюхин. Москва: Индрик, 1999. 624 с.

855. СОВН – *Словарь* областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. / Ин-т лингв. исслед. РАН; изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. Санкт-Петербург: Наука, 2006. XV. 677 с.

856. СОГ – *Словарь* орловских говоров / под ред. Т. В. Бахваловой. Ярославль, Орел, 1989–2007. Вып. 1–15.

857. Сомов – *Сомов В. П.* Словарь редких и забытых слов / В. П. Сомов. Москва: ВЛАДОС, 1996. 764 с.

858. СОС – *Смоленский* областной словарь / сост. В. Н. Добровольский. Смоленск: Типография П. А. Силина, 1914. 1016 с.

859. СПГ – *Словарь* пермских говоров / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь: Книжный мир, 2000–2002. Вып. 1–2.

860. СПП – *Словарь* псковских пословиц и поговорок / сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. Санкт-Петербург: Норинт, 2001. 176 с.

861. СРГА – *Словарь* русских говоров Алтая: в 4 томах. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 1993–1998. Т. 1–4.

862. СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 выпусках / гл. ред. А. С. Герд. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994–2005. Вып. 1–6.

863. СРГКПО – *Словарь* русских говоров Коми-Пермяцкого округа / авт.-сост.: Н. Ю. Копытов, И. А. Подюков, А. В. Черных; науч. ред. И. А. Подюков. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2006. 272 с.

864. СРГМ – *Словарь* русских говоров на территории Республики Мордовия : в двух частях / Ин-т лингв. исслед. РАН. Санкт-Петербург : Наука, 2013. Ч. I. С. 1–672. Ч. II. С. 673–1560.

865. СРГНП – *Словарь* русских говоров Низовой Печоры: в 2 томах / под ред. Л. А. Ивашко. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2003–2005. Т. 1–2.

866. СРГНО – *Словарь* русских говоров Новосибирской области / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Сибирское отделение, 1979. 605 с.

867. СРГО – *Словарь* русских говоров Одесщины: в 2 томах / Ю. А. Карпенко [и др.]; отв. ред.: Ю. А. Карпенко, С. Уэмура. Одесса: НПФ «Астропринт», 2000–2001. Т. 1–2.

868. СРГС – *Словарь* русских говоров Сибири: в 5 томах / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999–2006. Т. 1–5.

869. СРГСПК – *Словарь* русских говоров Севера Пермского края / Перм. гос. ун-т ; [авт.-сост. И. И. Бакланова и др.]; гл. ред. И. И. Русинова. Пермь: ПГУ. Вып. 1: А–В. 2010. 363 с.

870. СРГСУ – *Словарь* русских говоров Среднего Урала: в 7 томах. Свердловск: Среднеуральское книжное изд-во; Изд-во Урал. ун-та, 1964–1987. Т. 1–7.

871. СРГСУ/Д – *Словарь* русских говоров Среднего Урала: Дополнения / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 1996. 580 с.

872. СРГЮП – *Подюков И. А*. Словарь русских говоров Южного Прикамья : в трех выпусках / И. А. Подюков (науч. ред.), Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, А. В. Черных ; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. Пермь: [б. и.], 2010–2012. Т. 1–3.

873. СРДГ – *Словарь* русских донских говоров: в 3 томах / Ростовский гос. ун-т; авт.-сост. З. В. Валюсинская [и др.]. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1975–1976. Т. 1–3.

874. Срезн. – *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 томах / И. И. Срезневский. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1893–1912. Т. I–III.

875. СРНГ – *Словарь* русских народных говоров: в 44 томах / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. Москва; Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1965–2011. Вып. 1–44.

876. СРНРС XVII–XVIII – *Словарь* русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. / АН СССР, Сибирское отделение Институт истории и археологии, Министерство высшего и среднего спец образования РСФСР, Новосибирский ордена трудового красного знамени гос. ун-т им. Ленинского комсомола; сост. Л. Г. Панин; ред.: В. В. Палагина, К. А. Тимофеев. Новосибирск: Наука: Сибирское отделение, 1991. 181 с.

877. СРФ – *Бирих А. К.* Словарь русской фразеологии: ист.-этимол. справ. / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. Санкт-Петербург: Фолио-Пресс, 1999. 704 с.

878. СРЯ XI–XVII вв. – *Словарь* русского языка XI–XVII вв. Москва: Наука, 1975–2008. Т. 1–28.

879. СРЯ XVIII – *Словарь* русского языка XVIII в. / АН СССР. Ин-т рус. яз. ; гл. ред. : Ю. С. Сорокин. Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991. Вып. 1–6; Санкт-Петербург : Наука. С.-Петерб. отд-ние, 1992–2007. Вып. 7–17.

880. ССГ – *Словарь* смоленских говоров / под ред. А. И. Ивановой. Смоленск : Смолгортипография Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Смолоблисполкома, 1974–2005. Вып. 1–11.

881. ССРЛЯ – *Словарь* современного русского литературного языка: в 17 томах. Москва: Наука; Ленинград: Издательство АН ССР, 1948–1965. Т. 1–17.

882. ССРЯ – *Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка : окодо 11000 синонимических рядов / 11-е изд., пер. и доп. Москва: Русский язык: Дрофа, 2001. 586 с.

883. ССХЧ – *Воробьев Б. Д.* От *абалтуса* до *угланчика*, и кто такой «яд» (Словарь синонимов, характеризующих человека в уральских говорах). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1999. 75 с.

884. Старая погудка…, 2003 – *Старая* погудка на новый лад: русская сказка в изданиях конца XVIII века / Б-ка Рос. акад. наук. Санкт-Петербург: Тропа Троянова, 2003. 399 с.

885. СТГ – *Словарь* тамбовских говоров (духовная и материальная культура) / сост. С. В. Пискунова, Т. В. Махрачева, В. В. Губарева. Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2001. 278 с.

886. Стих Алексия…, 2002 – *Стих* Алексия, человека Божия : («Во славном во Римском во царстве...») // Беломорские старины и духовные стихи : собрание А. В. Маркова / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2002. С. 757—760.

887. СХРС – *Сербско-хорватско-русский* словарь / И. И. Толстой. Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957. 1169 с.

888. СЦсРЯ – *Словарь* церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук: в 4 томах. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1847. Т. 1–4.

889. Токмаков – *Токмаков Н. М.* Словарь Лальского наречия [Электронный ресурс] / Н. М. Токмаков. Режим доступа: http://www.samodelkin.komi.ru/doc/lala.html.

890. ТСГТО – *Тематический* словарь говоров Тверской области / под ред. Т. В. Кирилловой. Тверь: ТвГУ, 2002–2006. Т. 1–5.

891. ТСРГ – *Толковый* словарь русских глаголов : идеографическое описание : английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. Москва: АСТ-Пресс, 1999. 704 с.

892. ТСРЯ/С – *Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов : (82 000 слов и фразеол. выражений) / Н. Ю. Шведова, Л. П. Крысин, Л. В. Куркина; отв. ред. академик Н. Ю. Шведова. Москва: Азбуковник, 2007. 1175 с.

893. Ушаков – *Толковый* словарь русского языка / сост. Г. О. Винокур; под ред. Д. Н. Ушакова: в 4 томах. Москва: Русские словари, 1995. Т. 1: А–Кюрины. 1935. 1562 с. Т. 2: Л–Ояловеть. 1938. 1040 с. Т. 3: П–Ряшка. 1939. 1424 с. Т. 4: С–Ящурный. 1940. 1500 с. (Репринт с издания: Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935–1940).

894. Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 томах / Макс Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Москва: Прогресс, 1986–1987. Т. I–IV.

895. ФСПГ – *Прокошева К. Н.* Фразеологический словарь пермских говоров / К. Н. Прокошева. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002. 431 с.

896. ФСРГНП – *Фразеологический* словарь русских говоров Нижней Печоры: в 2 томах / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед., Коми гос. пед. ин-т ; сост. Н. А. Ставшина. Санкт-Петербург: Наука, 2008. Т. 1–2.

897. ФСРГРК – *Кобелева И. А.* Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2004. 312 с.

898. ФСРГС – *Фразеологический* словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Фёдорова. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1983. 232 с.

899. ФЭБ – *Фундаментальная* электронная библиотека : литература и фольклор [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://feb-web.ru/feb/feb/foundation.htm.

900. Черных – *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13560 слов: в двух томах / П. Я. Черных. 3-е изд., стер. Москва: Русский язык, 1999. Т. 1. 624 с. Т. 2. 560 с.

901. ЧПИ – *Алексеенко М. А.* Человек в производных именах русской народной речи: словарь / М. А. Алексеенко, О. И. Литвинникова. Москва: Элпис, 2007. 520 с.

902. ЧРДФ – *Алексеенко М. А.* Человек в русской диалектной фразеологии: словарь / М. А. Алексеенко, О. И. Литвинникова, Т. П. Белоусова. Москва: ИТИ Технологии, 2004. 238 с.

903. Шахтарин – *Шахтарин Н.* Слова и выражения : записи со слов матери: Арбажский район Кировской области [Электронный ресурс] / Н. Шахтарин. Режим доступа: http://www.redkino58.narod.ru/content/vyat.html#clovar.

904. ЭИС – *Вострикова О. В.* Традиционная культура Урала : этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области : в пяти выпусках / О. В. Вострикова. Екатеринбург : Свердловский областной Дом фольклора; Уральское литературное агентство, 2000. Вып. 1: Народный календарь. 148 с. Вып. 2: Народная свадьба. 206 с. Вып. 3: Народная эстетика. Семья и родство. Обряды и обычаи. 200 с. Вып. 4: Досуг (свободное от работы время, посиделки, гулянья, игры). 161 с. В. В. Липина. Опыт этноидеографического словаря русских говоров Свердловской области. Екатеринбург, 2004–. Вып. VI/1–.

905. ЭСРЯ – *Этимологический* словарь русского языка. Т. I. Вып. 4. Г / Под ред. Н. М. Шанского. М.: МГУ, 1972. 215 с.

906. ЭССЯ – *Этимологический* словарь славянских языков: праслав. лексич. фонд / отв. ред. акад. О. Н. Трубачев. Москва: Наука, 1974–2009. Вып. 1–35.

907. ЯОС – *Ярославский* областной словарь. Ярославль, 1981–1991. Вып. 1–10.

908. *Grand* dictionnaire universel du XIXe siècle : français, historique, géographique, mythologique, bibliographique, etc. : in 15 volumes / par M. Pierre Larousse. Paris: Administration du grand Dictionnaire universel, 1874. V. XI: MEMO-O. 1647 c.